

Правительство Республики Бурятия
Сибирское отделение Российской академии наук
Институт археологии и этнографии СО РАН
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Байкальский институт природопользования СО РАН
Институт систем энергетики им. Л. А. Мелентьева СО РАН
Институт земной коры СО РАН
Международный научный центр СО РАН по проблемам трансграничных взаимодействий
в Северной и Северо-Восточной Азии
Институт истории и этнологии Монгольской академии наук
Институт международных отношений Монгольской академии наук
Министерство культуры Республики Бурятия
Муниципальное образование «Кяхтинский район» Республики Бурятия
Кяхтинский краеведческий музей им. академика В. А. Обручева

РОССИЯ И МОНГОЛИЯ В XX–XXI ВВ.:
К 100-ЛЕТИЮ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И
УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Новосибирск
Сибирское отделение Российской академии наук
2021

УДК 94
ББК 63
Р76

Научные редакторы
академик РАН *В. Н. Пармон*, академик РАН *Б. В. Базаров*

Редакционная коллегия
д.и.н. *А. М. Плеханова*, д.и.н. *Л. В. Курас*, д.ф.н. *Е. В. Сундуева*, к.и.н. *А. Д. Гомбожапов*,
к.ф.н. *Г. Н. Чимитдоржиева*, к.и.н. *А. С. Бреславский*, к.и.н. *А. Н. Соболева*

Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. / науч. ред. В.Н. Пармон, Б.В. Базаров, ред. коллегия А.М. Плеханова [и др.]; Правительство Республики Бурятия [и др.]. – Новосибирск: СО РАН, 2021. – 233 с.

ISBN 978-5-6046078-8-6

Сборник содержит тексты докладов международной научной конференции «Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений» (9–10 сентября 2021 г., г. Улан-Удэ, г. Кяхта). Материалы издания посвящены итогам и историческому значению монгольской революции 1921 г., российско-монгольским отношениям в XX–XXI вв., сотрудничеству стран в сфере науки, образования, экономики, культуры и экологии. Издание адресовано специалистам, занимающимся исследованиями в области монголоведения, международных отношений, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-6046078-8-6

© Правительство Республики Бурятия, 2021
© СО РАН, 2021
© ИМБТ СО РАН, 2021

РАЗДЕЛ 1
МОНГОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1921 г.: ИТОГИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

DOI: 10.53954/9785604607886_3

Н. Хишигт
Институт истории и этнологии Монгольской академии наук
Улан-Батор, Монголия
n.khishigt09@gmail.com

**МОНГОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1921 Г. И
УЧАСТИЕ В НЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОНГОЛЬСКОГО МИРА¹**

Статья посвящена одному из важнейших вопросов истории монгольской революции 1921 г. – участию в ней представителей монгольского мира. Ими были бурятские деятели и калмыцкие военные инструкторы, которые неся в себе идеи объединения монгольских народов в единое государство, включались в монгольские события с середины 1920 г. по конец 1921 г., что было связано, с одной стороны, с задачами монгольской революции, а с другой, – с политикой и деятельностью Советской России и Коминтерна. Статья персонифицирована, имена ряда участников Монгольской революции из числа бурят и калмыков впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Монгольская революция 1921 г., общенациональные идеи, буряты, калмыки, Советская Россия, монголо-тибетский отдел Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП (б).

N. Khishigt
Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences,
Ulaanbaatar, Mongolia

**THE MONGOLIAN REVOLUTION OF 1921: PARTICIPATION OF REPRESENTATIVES OF
THE MONGOLIAN WORLD**

The article is devoted to one of the most important issues in the history of the Mongolian revolution of 1921, namely, the participation of representatives of the Mongolian world in it. They were Buryat leaders and Kalmyk military instructors who, carrying the ideas of uniting the Mongolian peoples into a single state, were included in the Mongol events from mid-1920 and the end of 1921. It was due to the tasks of the Mongolian revolution on the one hand, and on the other the other is the policy and activities of Soviet Russia and the Comintern. The author considers personalities and for the first time introduces into scientific circulation the names of the participants in the Mongolian revolution from among the Buryats and Kalmyks.

Keywords: Mongolian revolution 1921, national ideas, Buryats, Kalmyks, Soviet Russia, Mongolian-Tibetan department of Section of the Eastern Peoples of the Siberian Bureau of the Central Committee of the RCP (b).

Национально-демократическая революция 1921 г. является главным событием истории Монголии XX столетия, так как она состоялась в тот критический момент, когда нависла опасность существованию монголов как отдельной, самостоятельной нации. Ее победа ознаменовала собой восстановление национальной независимости и открытие новой эпохи продвижения страны по пути социального прогресса. Одна из специфических черт этой революции состоит в том, что в ней участвовали и другие представители монгольского мира – буряты и калмыки, которых с монголами связывали этнические корни, общность традиций и культуры.

Первыми в дело борьбы монгольских патриотов, вставших на путь национального освобождения от китайских оккупационных войск, включались ургинские буряты. В архивном документе, содержащем имена 52 человек, причастных к делу восстановления автономной власти,

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ – Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) в рамках научно-исследовательского проекта № 19-59-44004 и Шугх–2019/10 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)».

под номерами 47-49 и 52 значатся четыре бурята: переводчик Худжирбуланской военной школы Д. Юмтаров, переводчик МИД Балсанов, переводчик Банка Аюуш (Балыков) и переводчик Генерального Консульства России Хандаков (Кондаков) [МУУТА. X. 1. Д. 1. Хн. 1. X. 3]. В соответствии с исследованиями монгольского историка С. Ичиннорова, разделившего 52 человека на четыре категории, В. Я. Кондаков и Б. С. Балсанов входили в категорию «доверенных лиц» партии (всего 19 человек), а Юмтаров и Балыков были отнесены ко второй группе, куда исследователь включил 10 человек, которые поддерживали борьбу за национальное освобождение и, находясь вне партии, готовы были с ней сотрудничать [Ичинноров 2003: 113-114]. В этой связи можно сделать предположение, что именно вышеупомянутые четыре человека положили начало сотрудничеству бурят с монгольскими патриотами в период монгольской революции. По имеющимся материалам обнаруживается, что В. Я. Кондаков активно сотрудничал с подпольной группой С. Данзана, а Балсанов и Вачиров входили в «Консульскую группу» Д. Бодоо. Ургинские буряты являлись связующим звеном между монголами и членами Революционного комитета русских граждан в Урге. Именно они в качестве переводчиков принимали непосредственное участие в организации известных нам встреч монгольских патриотов с советскими работниками, которые побывали в Урге в течение марта, апреля и июня 1920 г. [ШУА. ТУЗХ. ССБМТ. X. 5. Д. 1. Хн.161. X. 4-5]. Они также присутствовали на совещаниях нелегальных кружков [ШУА. ТУЗХ. ССБМТ. X. 2. Д. 90. Хн. 63. Баримт 4] и выполняли различные задания.

В дальнейшем сложились благоприятные условия, в которых подъем национального движения монголов по времени совпал с активизацией восточного направления внешнеполитической деятельности Советского государства и Коминтерна. Свидетельством тому может служить документ «Автономная Монголия и Революционная Россия», принятый Восточным отделом ИККИ в декабре 1919 г. В нем, ставился принципиальный вопрос сохранения автономии Монголии, и подчеркивалось, что «монголы в случае завоевания политической независимости, могут объединяться со своими соплеменниками в единое Монгольское государство в форме демократической республики» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 1. Л. 25-26]. Таким образом, Советское руководство и Коминтерн в целях достижения своих стратегических задач по осуществлению мировой революции в Азии и в первую очередь в Китае поддерживали национальное движение монголов. При этом советское и коминтерновское руководство испытывало объективные трудности в отношениях с монголами, для преодоления которых они опирались на родственные им народы. При этом в основу угла ставилась не партийная принадлежность бурят и калмыков, а их деловые качества. По этому поводу С. К. Роцин отметил, что «... речь шла о людях, которые могли бы работать рука об руку, “как свои” трудиться в Монголии вместе с местными работниками. В этом плане особенно полезными и незаменимыми оказались бурятские работники» [Роцин 1999: 38]. Для этого имелась достаточно прочная основа, так как на благо Внешней Монголии служили многие представители бурятской интеллигенции, роль которых значительно возросла после «ухода» царской России из Монголии [Лузянин 2003: 82] и монголы в какой-то степени рассматривали бурят как представителей России. Большинство из них пользовалось уважением монголов. Поэтому, несмотря на сдержанное и ревнивое отношение халхаской элиты к панмонгольским идеям, сложилась благоприятная почва для участия бурят в монгольских событиях 1920-1921 гг. В основе этого участия имелось два неоспоримых фактора:

- 1) наличие общемонгольских корней;
- 2) идея объединения монгольских народов в единое государство.

Была и еще одна причина, которая вытекала из положения бурят в создавшейся новой ситуации в России: неопределенность будущего государственного устройства бурятского народа в рамках Российского государства, раздираемого классово-борьбой и гражданской войной. Все это заставило бурятских национальных демократов искать собственные пути обретения национальной государственности, одним из которых был путь, направленный на объединение монгольских народов [Цэцэгма 2006: 146]. Поэтому со времени российских потрясений Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино выступали с идеей экономического, культурного и политического объединения монгольских народов, реализацию которой они связывали с развертыванием национально-освободительного движения монгольского народа, которое, по их мнению, при благоприятной обстановке могло дать такую возможность.

С приездом делегации монгольских патриотов, известных в истории в качестве «Первой семерки», в ДВР и в Советскую Россию резко повысилась необходимость в бурработниках. К работе с монголами были привлечены известные руководители и участники бурятского национального

движения Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино, Цэдэн-Иш Дашипылев, Цэрэнэй Балмасу, Сандаг Жамболон и другие, которые в дальнейшем стали работниками монголо-тибетского отдела Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б). Причем отдел почти полностью состоял из бурят [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 16. Л.1], численность которых увеличивалась по мере необходимости решения практических задач, о чем красноречиво говорит Смета расходов отдела на 1921 г. [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 111. Л. 3об.,10].

За более, чем 4 месяца пребывания монгольских делегатов в ДВР и Советской России, бурятские функционеры по линии уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека, Председателя правительства ДВР Б. З. Шумяцкого, а затем зампреда Сибмиссии Ф. Гапона, принимали активное участие в делах монгольских делегатов, включились в практические дела предстоящей революции: одни, сопровождая монголов от Троицкосавска, Верхнеудинска в Иркутск, откуда через Омск в Москву, обеспечивали их безопасность в пути следования, работали переводчиками; другие занимались организационной работой в приграничных районах; третьи – решением вопроса о получении помощи у Советской России. Вместе с монгольскими революционерами особо важную деятельность в окрестностях Троицкосавска и в приграничном районе развернули Ц. Балмасу и Ц. Жамцарано. Результатом их совместных усилий стало совещание¹ представителей Монгольской народной партии, народного ополчения и близлежащих монгольских хошунов и караулов, которое состоялось 1-3 марта 1921 г. в Троицкосавске. На совещании присутствовал уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенок, представитель Коминтерна Бегзеев и бурработники Цэдэн-Иши, Балмасо, Сандог и Бадмажап [Монголын хувьсгалчдын 1996: 64], были приняты два важных документа: Программа партии и Введение к ней.

В Программе, в тесной связи с главной задачей «завоевать независимость страны и передать государственную власть в руки большинства общества», говорилось, что «...партия в конечном итоге ставит своей целью объединение в дальнейшем всех монгольских племен в одно государственное целое» [Монголын хувьсгалчдын 1996: 141]. Таким образом, можно заметить, что программа МНП была проникнута идеей осуществления полной независимости не только Внешней но и всей этнической Монголии.

Другими активными участниками Монгольской революции были калмыки. Следует заметить, что буряты и калмыки включились в процесс монгольских событий как бы поэтапно, сообразно с задачами монгольской революции. Так, если буряты включились в монгольские события с самого образования нелегальных групп в Урге и приняли активное участие в подготовке монгольской революции, то калмыки включились в Монгольскую революцию 1921 г. в период, когда на повестку дня была поставлена задача освобождения страны от беловардейских банд.

Выбор калмыцких бойцов и командиров, помимо родственных связей между народами, языковой и культурной общности, был обусловлен тем, что калмыки имели значительные военные навыки и опыт участия в боевых действиях (быстрота передвижения, маневренность и внезапность нападений калмыцкой конницы), и, как отмечает К. В. Орлова, они оставались в фокусе внимания российских властей.

Архивные источники свидетельствуют, что калмыцкие военные специалисты были командированы в Монголию по линии НКВД РСФСР для выполнения спецзадания Советского правительства. В Национальном архиве Республики Калмыкия имеются три именных списка, из которых видно, что калмыцкие военные группы были сформированы Калмыцким Облвоенкоматом за период с января по сентябрь 1921 г. и отправлены в распоряжение Заволжского ВО с дальнейшим следованием в место назначения. Их путь был долгим. Как писал член 1-й группы Цэрэндорж Номинханов, «...в Москве они оформляли документы, получали снаряжение и оружие, ... ими, именованными группой командиров особого назначения в численности 18 чел., руководил Х. Б. Кануков, организатор калмыцких военных частей Красной армии, ... затем в феврале месяце приехали в Омск, где находясь в распоряжении Помглавкома Сибири, проходили длительную подготовку для работы в новой обстановке, ознакомились с политической и социально-экономической жизнью народов Монголии и Китая, слушали лекции И. М. Майского, ... после были отправлены в распоряжение 5-й армии, в Иркутск, где монголо-тибетский отдел Дальневосточного

---

¹ Решением III съезда партии настоящее совещание в 1924 г. было названо I съездом МНП.

секретариата Коминтерна, снабдив каждого удостоверениями: военспеца Коминтерна и сотрудника монголо-тибетского отдела, отправил их в Монголию» [МУУТА. X. 1. Д. 1. Хн. 33. X. 5–7].

Калмыцкие военные прибыли в Монголию двумя партиями: первая группа во главе с Х. Б. Кануковым в начале июня 1921 г. [НА РК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Л. 200–201], вторая группа командиров и красноармейцев (50 человек) во главе с М. Лиджиевым и третья группа (42 человека) под командованием М. Шапшукова были объединены в единый Отдельный калмыцкий эскадрон [Орлова 2020: 551]. Общая их численность по спискам составляла 114 человек.

Можно говорить о том, что первая партия калмыцких бойцов и командиров приняла непосредственное участие в военных операциях периода Монгольской революции 1921 года. Эта группа, вступив в Монголию 4 июня 1921 г., находилась в Алтанбулаке и, распределившись по частям монгольских войск, готовилась к походу на Ургу. Калмыцкие военные первыми из состава сводного экспедиционного корпуса, вступили в Ургу 6 июля [Магсаржав 1994: 216; МАХН-ын түүхэнд 2004: 105]. После занятия Урги совместными монгольско-советскими силами калмыцкие командиры были назначены на разные должности городской комендатуры, что, видимо, было связано с возложенным на них спецзаданием Советского правительства. Первым военным комендантом столицы Монголии стал Х. Б. Кануков, его помощником Буур (Борис) Учурович Юнзуков, начальником ургинской тюрьмы Ц.-М. Очиров [НА РК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Л. 12]. Работа коменданта заключалась в выявлении контрреволюционеров, налаживании быта, а также охране правительственных и государственных учреждений столицы, регистрации граждан и постановке на учет иностранцев, помощи в расквартировании советских и монгольских военнослужащих, прибывавших в Ургу и др. [Орлова 2020: 552]. Прибывшие позже группы калмыцких командиров включились во военное строительство Монголии.

Таким образом, победа революции 1921 г. была достигнута благодаря сплочению всех слоев монгольского общества в борьбе за национальную независимость во главе с МНП при участии представителей монгольских народов Советской России. После победы национально-демократической революции бурятские и калмыцкие представители принимали активное участие в осуществлении демократических преобразований в стране, стремясь тем самым на практике воплотить свои мечты о независимой, свободной Монголии [Базаров 2011: 181]. Вместе с тем настоящее участие бурят и калмыков в событиях Монгольской революции 1921 г. и их помощь в национально-государственном и военном строительстве не следует рассматривать как «экспорт революции». Напротив, это явилось свидетельством общемонгольского движения, в котором Монгольская революция 1921 г. занимает определяющее место.

О том, какое значение имела Монгольская революция 1921 г. для монгольских народов, также могут свидетельствовать воспоминания непосредственных участников монгольских событий 1920–1921 гг. Это наследие является одним из ценнейших источников для воссоздания многих эпизодов дипломатической и военной истории Монгольской революции 1921 г.

В заключении хотелось бы отметить, что дальнейшее исследование поставленной проблемы с привлечением новых документов позволит взглянуть на Монгольскую революцию 1921 г. через призму транснациональной истории монгольских народов в первой четверти XX в., чтобы глубже понять наличие общих закономерностей и взаимосвязей с национально-освободительным движением на Востоке в целом и Октябрьской революцией 1917 г. в России [Курас 2016].

Источники и литература

Монгол улсын Үндэсний Төв архив (МУУТА) [Центральный национальный архив Монголии (ЦНАМ)]. X. 1. Д. 1. Хн. 1. X. 3; X. 1. Д. 1. Хн. 33. X. 5–7.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Л. 12; Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Л. 200–201.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 1. Л. 25–26; Оп. 154. Д. 16. Л. 1; Оп. 154. Д. 111. Л. 3об., 10.

ШУА.ТУЗХ. ССБМТ-ШУА-ийн Түүх, угсаатны зүйн хүрээлэн. Сурвалж судлал, баримт, мэдээллийн төв [ЦДИ ИИЭ МАН – Центр документов и информации Института истории и этнологии МАН]. X. 2. Д. 90. Хн. 63. X. 4–5; X. 5. Д. 1. Хн. 161. Баримт 4.

Базаров Б. В. Бурятские национальные демократы в монгольских революциях первой четверти XX века // Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин үеийн түүхийн судалгаа: олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 178–181-р тал.

- Ичинноров С. Түүхийн үнэний мөрөөр. I дэвтэр (Монголын түүхийн эрт, дундад, шинэ үеийн зарим асуудал). Улаанбаатар: «Урлах эрдэм» хэвлэлийн газар, 2000. 204 тал.
- Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX века / рук. проекта, отв. ред. Б. В. Базаров, науч. ред. М. Н. Балдано. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.
- Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. (Изд. второе, испр. и доп.). М.: Изд-во «Огни», 2003. 318 с.
- Магсаржав Н. Монгол улсын шинэ түүх // ШУА-ийн Түүхийн хүрээлэн. Monumenta Historica. Том VII, Fasc 1. // Монгол бичгээс кирилл үсэгт буул. О. Батсайхан, З. Лонжид. Улаанбаатар: «Сүхбаатар» компани, 1994. 275 тал.
- МАХН-ын түүхэнд холбогдол бүхий зүйлүүд // Хэвл. бэлт. Ц. Гантулга, На. Сүхбаатар, ред. З. Лонжид. Сийрүүлж, нэмсэн хоёрдахь хэвлэл. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2004. 216 тал.
- Монголын хувьсгалчдын түүхт зөвлөгөөн. 1921 оны гуравдугаар сарын 1–3 (Үндсэн баримт бичиг) // Эмхт. боловс. Г. Дашням, З. Лонжид, ред. Ж. Болд. Улаанбаатар, 1996. 156 тал.
- Орлова К. В. Сотрудничество Калмыкии и Монголии в 20-х годах XX в. // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 546–559.
- Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.
- Цэцэгма Ж. Бурятская национальная интеллигенция в становлении монгольского государства в первой трети XX в. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 231 с.

У ИСТОКОВ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 Г.¹

В статье дается краткий анализ событий, предшествовавших Монгольской революции 1921 г.: Синьхайская революция 1911 г., в результате которой Монголия обрела независимость; русско-монгольское Соглашение 1912 г.; русско-китайская Декларация 1913 г.; Тройственное Кяхтинское Соглашение 1915 г. Важная роль в этих событиях принадлежит Уполномоченному Российской империи в Монголии И. Я. Коростовцу. Особое внимание уделено деятельности первого уполномоченного НКВД Советской России в Монголии Отто Ивановича Макстенека, который сыграл определенную роль в подготовке Монгольской революции 1921 г. Автор рассматривает проблему транснациональной истории монгольского мира в первой четверти XX в., в соответствии с которой события Синьхайской революции 1911 г. в Китае, Октябрьской революции 1917 г. в России и Монгольской революции 1921 г. представляют собой звенья одной цепи.

Ключевые слова: И. Я. Коростовец, В. И. Ленин, О. И. Макстенок, «монгольская семерка», барон Унгерн, I съезд МНРП, Монгольская революция.

L. V. Kuras
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SBRAS
Ulan-Ude, Russian Federation

AT THE ORIGINS OF THE MONGOLIAN REVOLUTION OF 1921

The paper contains the brief analysis of events before the Mongolian Revolution of 1921: Xinhai Revolution that led to the Mongolian independence; Russian-Mongolian Agreement (1912), Russian-Chinese Declaration (1913); Treaty of Kyakhta (1915). The authorized representative of the Russian Empire in Mongolia I. Ya. Korostovets played a great role in the events. The special attention is paid to the activities of the first authorized representative of the People's Commissariat for Foreign Affairs of Soviet Russia in Mongolia Otto Ivanovich Makstenek, who was significantly crucial in the preparation of the Mongolian Revolution 1921. The author highlights the problem of transnational history of the Mongolian world in the first quarter of 20th century, according to which the events of Xinhai Revolution in China, the October Revolution 1917 in Russia, and the Mongolian Revolution of 1921 are links in a chain.

Keywords: I. Ya. Korostovets, V. I. Lenin, O. I. Makstenek, «Mongolian seven», baron Ungern, the 1st Congress of the MPRP, Mongolian Revolution.

В 2021 г. мы отмечаем столетие Монгольской революции и российско-монгольских дипломатических отношений. Каковы же истоки этих исторических событий? На наш взгляд, истоками стало все предшествующее десятилетие, начиная с Синьхайской революции 1911 г., в результате которой маньчжурская империя Цин прекратила свое существование. Следует подчеркнуть, что поражение русской революции и успех Синьхайской революции побудили В. И. Ленина подготовить в 1912–1913 гг. серию статей. В них была дана социально-экономическая характеристика китайского общества начала XX в., проанализированы расстановка классовых сил в ходе революции и программы политических партий, подчеркнута роль народных масс в борьбе за освобождение Китая от династии Цин. Это было тем более важно, что китайская революция стала объектом внимания российской общественности не как информационный повод, а как повод к дискуссии о революции и реформах, судьбах империи, внешней политики России. Иными словами, мы имеем объективную оценку прагматика, который смог уйти от сложившегося в начале XX в. европоцентризма и дать конкретную оценку политической ситуации, когда Восток определял будущее мироустройство.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ – Министерства образования, культуры и науки (Монголия), № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) (номер госрегистрации АААА-А20-120021490062-5).

Падение империи Цин способствовала тому, что Внешняя Монголия провозгласила свою независимость, и это стало началом новой эпохи в истории монголов. 29 декабря 1911 г. на престол императора Монголии был возведен VIII Богдо Жавзандамба-хутухта. А 30 декабря 1911 г. российский монголовед В. Л. Котвич в письме русскому купцу в Монголии Бурдукову писал: «Вы, конечно хорошо знаете, что Халха провозгласила себя независимым государством под управлением Богдо-гэгэна. Удастся ли им отстоять свою независимость, сказать пока трудно, скорее – не удастся в полной мере. Если Россия немного поможет, может быть, кое-какие права себе выговорят, но, вероятно, от пекинского правительства, все-таки хотя бы номинально, халхасы будут зависеть, беды от этого большой не будет, если действительно китайцы во внутренние дела вмешиваться не будут» [Бурдуков 1969: 265].

Фактически позиция Российской империи относительно Монголии определялась секретными договорами между Россией и Японией от 1907, 1910 и 1912 гг. о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке. Так, русско-японский договор от 30 июля 1907 г. отражал новые отношения между державами на Дальнем Востоке и состоял из официальной и секретной части, где были разделены сферы влияния в Маньчжурии, Корее и Монголии. В пункте 3 этого договора подчеркивался особый интерес Российской империи во Внешней Монголии. Это позволило России в марте 1912 г. направить ноту правительству Китая следующего содержания: «В случае отправления войск Китаем из Хэйлунцзяна и ввода их в Монголию Россия не останется безучастной» [Международные отношения 1933: 227]. При подписании Соглашения о дружбе 21 октября 1912 г. с Монголией, русско-китайской Декларации 23 октября 1913 г. и, наконец, Тройственного Кяхтинского Соглашения 1915 г. Правительство России неукоснительно придерживалось этой позиции. Следует особо выделить Соглашение России о дружбе с Монголией. Благодаря таланту, пониманию политического момента и дипломатическому такту российского дипломата И. Я. Коростовца Соглашение сделало Монголию субъектом международного права и в неизменном виде стало сегментом Кяхтинского Соглашения 1915 г., в соответствии с которым:

- 1) Монголия стало государством, имеющим собственного правителя и собственное правительство;
- 2) Монголия получила право формировать собственные войска;
- 3) Монголия начала существовать по принципу суверенного государства;
- 4) из Монголии были выведены китайские войска и эксплуататоры. Она получила право не допускать на свою территорию китайские войска и китайских переселенцев [Батсайхан 2021].

3 сентября 2014 г. в Улан-Баторе, в рамках рабочего визита Президента России В. В. Путина в Монголию был открыт памятник И. Я. Коростовцу, сыгравшему определяющую роль в обеспечении независимости Монголии.

Следует подчеркнуть, что русско-монгольское Соглашение и русско-китайская Декларация – это образец подготовки и осуществления дипломатической миссии, и потому в 1914 г. этот документ был опубликован в специальном сборнике дипломатических документов по монгольскому вопросу. Причем, кроме собственно Соглашения и протокола, в сборник вошли дипломатическая переписка, предшествовавшая заключению русско-монгольского Соглашения, дипломатическая переписка, предшествовавшая подписанию русско-китайской Декларации по монгольскому вопросу, сама русско-китайская Декларация и ноты по монгольскому вопросу, а также извещение монгольского Правительства о подписании русско-китайского Соглашения по монгольскому вопросу [Сборник дипломатических документов 1914]. То есть, это была публикация, которая, предвосхитила идею В. И. Ленина, выступавшего против тайной дипломатии и тайных договоров [Ленин Т. 34: 232] и требовавшего скорейшего опубликования тайных договоров царского и Временного правительств.

Наступил победный октябрь 1917 г. Новая власть начало подготовку и публикацию тайных договоров, заключенных царской Россией и другими империалистическими державами, что в советской историографии классифицировалось как яркая страница советской внешней политики и дипломатии. При этом указывалось на международный резонанс от публикации договоров, и подчеркивалась роль В. И. Ленина в формировании принципов советской внешней политики [Ирошников, Чубарьян 1970]. Трудящиеся массы европейских стран с воодушевлением встретили советскую инициативу, в связи с чем у В. И. Ленина и большевистской партии возникла твердая убежденность в том, что не сегодня, так завтра рабочий класс всего мира последует примеру молодого Советского государства, и ленинский лозунг «Соединенные Штаты Европы» станет реальностью. Однако существование Венгерской, Баварской, Бременской и Тарнобжегской советских

республик в Европе оказалось недолгим, а начавшаяся Гражданская война и иностранная военная интервенция в России перечеркнули планы осуществления мировой революции. Пекин и Урга не признали новое правительство, а руководство Китайской республики посчитало возможным дезавуировать условия Кяхтинского Соглашения, и летом 1918 г. ввело в столицу Внешней Монголии китайский батальон. Положение усугубил панмонгольский съезд, состоявшийся в Чите в конце февраля 1919 г. по инициативе атамана Семенова. Делегаты съезда, представлявшие бурят Забайкалья и монголов Барги и Внутренней Монголии, провозгласили создание независимого панмонгольского государства во главе с влиятельным ламой из Внутренней Монголии Нэйсе-гэгэном [Курас 2011]. Внешняя Монголия отказалась принять участие в политической авантюре, и «Даурское правительство» пригрозило отправкой во Внешнюю Монголию военной экспедиции. В этой связи в правительственных кругах Пекина обсуждался вопрос о вводе китайских войск во Внешнюю Монголию. В начале июля в Ургу прибыло первое подразделение китайских солдат. А 18 июля 1919 г. президент Китайской республики Сюй Шичан издал указ об учреждении должности комиссара-строителя северо-западной границы, который уже 20 июля создал «Бюро по заведованию делами пограничной обороны», предложив сформировать несколько новых дивизий для охраны Северо-западной границы Китая. Мотивы этой меры – слабость Омского правительства, угроза Внешней Монголии со стороны атамана Семенова и опасность «занесения в Китай большевистской заразы».

К середине 1919 г. был арестован Богдо-гэгэн, монгольская автономия упразднена, а Внешняя Монголия вновь становится китайской провинцией, в которой установлен жестокий оккупационный режим. Это привело к политическому кризису монгольского общества и возникновению реальной угрозы на границе Советской России. В этих условиях политические круги Монголии раскололись на три части:

- 1) прокитайская группа, направившая депутацию в Пекин с просьбой смягчить оккупационный режим;
- 2) прозападная группа, пытавшаяся заигрывать с Японией и САСШ, которые не проявляли интереса к «монгольским делам»;
- 3) пророссийская группа, представленная двумя подпольными, антикитайскими кружками в Урге: «Консульский холм» (Д. Бодоо, Х. Чойбалсан) и «Восточное хурэ» (С. Данзан, Д. Догсом, Д. Сухэ-Батор). Это были новые общественные силы Монголии, которые изначально сделали ставку на Советскую Россию. Именно в этот период имели место национально-освободительное движение монгольского народа и поворот политического вектора Коминтерна на восток [Монголия в документах 2012].

В марте 1920 г. в Ургу из Китая прибыл ответственный сотрудник Сиббюро ЦК РКП(б) Н. Г. Буртман. В Урге он взаимодействует с местной русской колонией и особенно с революционерами, налаживает контакты с членами монгольских подпольных кружков, которым разъясняет политику большевистской партии, ее идеи и принципы [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020].

Другое важное событие в общественно-политической жизни Монголии произошло в мае 1920 г., когда в Урге появился сотрудник Сибирского бюро ЦК партии С. С. Борисов, который через некоторое время становится заведующим монголо-тибетским отделом секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) [Роцин 1999]. После этого к монгольским революционерам приходит осознание необходимости более тесных контактов с Советской Россией, которая воспринималась в среде монгольских революционеров как надежный союзник, готовый оказать реальную помощь в обретении независимости страны. Тем самым решение о направлении делегации в Россию для переговоров приняло конкретные очертания. Для реализации поставленной цели 25 июня 1920 г. на Учредительном собрании МНП было принято решение отправить в Советскую Россию делегацию, сначала С. Данзана и Х. Чойбалсана, за ними – Д. Бодоо и Д. Чагдаржава, а чуть позднее – Д. Сухэ-Батора, Д. Догсома и Д. Лосола.

В июне 1920 г. начал свою деятельность уполномоченный НКВД Советской России в Монголии Отто Иванович Макстенек, член партии большевиков с 1904 г., который не был пропущен китайскими властями в Ургу и вынужден был остановиться на границе, в Троицкосавске. Этот период из жизни советского дипломата получил высокую оценку в отечественной историографии [Курас, Цыбенков 2020]. Фактически в течение года в его руках были сосредоточены все нити информационной, финансовой, идеологической, партийной и военно-боевой составляющих национально-освободительной борьбы монгольского народа и осуществления Монгольской революции 1921 г. Именно он стоял у истоков современных дипломатических отношений России и

Монголии (о его работе в указанный период можно узнать из доклада «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О.И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», заверенная копия которого хранится в Центральном архиве внешних сношений Монголии [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020]. Во многом его активной деятельности способствовал тот факт, что вся подготовка Монгольской революции 1921 г. осуществлялась в границах Дальневосточной республики (ДВР), которая просуществовала всего 2,5 года, но оставила заметный след в революционной истории России XX в., в истории международных отношений и особенно в истории Монгольской революции 1921 г. Эту особенность международного положения Советской России и Дальневосточной республики О. И. Макстенека озвучил при первой встрече с монгольской делегацией представителей монгольского народа и МНП, которая в своем обращении изложила просьбу «начать переговоры с правительством Советской России для оказания помощи Монголии в ее борьбе за освобождение». В ответ О. И. Макстенека выразил уверенность, что монгольский народ обретет независимость. При этом он извинился за то, что не может принять делегацию официально как представителей монгольского народа ввиду нелегальности положения МНП. Уполномоченный подчеркнул, что международное положение РСФСР таково, что она не может напрямую контактировать с представителями нелегальной монгольской партии, поскольку эти действия могут вызвать нежелательную реакцию со стороны Китая, США и Японии. И в этой связи ДВР приобретала статус не только «буфера», но и «конспиративной квартиры», а Троицкосавск становился форпостом будущей монгольской революции [Курас, Цыбенков 2021]. При этом самому О. И. Макстенеку отводилась особая роль: «С 4 июля по 10 августа 1920 г. Троицкосавск был местом приема трех групп монгольских делегатов, где они отработывали все организационные вопросы с Уполномоченным НКВД РСФСР О. И. Макстенеком, а затем с его помощью направлялись в Верхнеудинск для встречи с руководством ДВР. Дальневосточная республика становилась участницей большой политической игры» [Курас, Цыбенков 2021: 202]. Кроме того, первый съезд Монгольской народной партии, проходивший 1–3 марта 1921 г. в Троицкосавске и определивший задачи предстоящей революции, состоялся на квартире О. И. Макстенека. Именно тогда, не без участия Отто Ивановича, была выработана политическая платформа, направленная на ликвидацию империалистического гнета, завоевание национальной независимости, установление народной власти, демократизацию общественной жизни страны [Сорок лет 1961]. Вскоре МНП вошла в Коминтерн в качестве сочувствующей партии.

Следует указать и на субъективный фактор: личную смелость советского дипломата, который действовал на свой страх и риск, во многом вопреки «генеральной линии» партии. Так, руководство Советской России и РКП(б) в рассматриваемый период старалось не вмешиваться во внутривнутриполитическую борьбу Монголии. И тому были причины: во-первых, по мнению большевиков, революционный процесс в Китае вмещал в себя и аналогичные процессы в Монголии как части Китая; во-вторых, мировое сообщество имело свою сложившуюся дипломатическую практику, нарушать которую РСФСР была не вправе и потому на официальном уровне проводила осторожную политику.

Тем не менее, сначала О. И. Макстенека, а затем правительство ДВР предприняли меры, направленные на урегулирование российско-монгольских взаимоотношений, которые дали положительный результат. И пребывание монгольских делегатов в Троицкосавске, Верхнеудинске, Иркутске, Омске, а затем в Москве, где состоялась встреча с руководством Советской России во главе с В. И. Лениным, являются ярким свидетельством правильности позиции уполномоченного Советской России в Монголии. И хотя проблема «автономизации» Монголии большевиками по-прежнему отвергалась, но образ монгольской коммунистической монархии начал представляться Москве более привлекательным, нежели абстрактные конструкции грядущих сражений пролетариата Китая.

2 ноября 1920 г. Азиатская конная дивизия под командованием барона Р. Ф. Унгерна, теснимая частями Красной армии, перешла границу Монголии на одном из ее восточных участков. К началу февраля 1921 г. основные силы барона, насчитывавшие до трех тысяч бойцов (две тысячи русских и тысяча монголов), подошли к Урге. Огромное значение для победы Азиатской дивизии имел психологический фактор – похищение, отобранными для этой акции 60 тибетцами, Богдо-гэгэна, появление которого в стане Унгерна было встречено всеобщим ликованием. 4 февраля после ожесточенных боев Азиатская дивизия освободила Ургу, которая оказалась в руках объединенных сил Унгерна и монголов. Барон вернул Богдо-гэгэну ханский трон, с помощью которого барон

стремился реализовать проект создания Срединного государства: объединение автономной Монголии, Тибета и Уйгурского автономного региона в могущественную федерацию [Барон Унгерн в документах 2004: 116]. В результате последующих сражений, проведенных в течение марта 1921 г., 15-тысячная китайская армия, еще совсем недавно наводившая ужас на Монголию, перестала существовать. На короткий период барон Унгерн превращается в национального героя монголов, а его идея Срединного государства кажется близкой к воплощению. Однако содержание модели государства было аморфно, не имело ясных территориальных границ, отношения между территориальными объединениями были размыты и больше напоминали конфедерацию племен, нежели институализированное государство. Но самое главное – сама модель мира фактически реанимировала империю Цин, что было абсолютно не приемлемо для монголов [Курас 2011: 170]. В то же время современная российская историография отмечает полководческий талант барона. Так, Е. А. Белов подчеркивает, что именно барон Унгерн смог одержать победу над численно превосходящими республиканскими силами Китая во Внешней Монголии и тем самым оказал неоценимую помощь большевикам. Автор считает, что косвенно исторической заслугой барона следует считать то, что «Халха более чем на 70 лет оторвалась от Китая и оказалась в сфере геополитического домината России» [Белов 2003]. Когда мятежный барон приблизился к Урге, руководство китайских оккупационных войск обратилось за помощью к властям РСФСР и ДВР. Советское правительство приняло решение удовлетворить эту просьбу. 6 ноября 1920 г. командование 5-й Армии в Иркутске получило приказ о подготовке военной экспедиции против Р. Ф. Унгерна, что предусматривало переход монгольской границы. 10 и 27 ноября Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев, но ответа не последовало. Без согласия Пекина, а также учитывая угрозу вмешательства Японии, советское руководство в 1920 г. не решилось на ввод войск в Монголию. 2 ноября 1920 г. монгольские революционеры обратились в Секцию восточных народов, а через нее к руководству Сибревкома с просьбой ввести свои войска в Монголию. В первых числах ноября, а затем 6 ноября председатель Сибревкома И. Н. Смирнов посылает телеграмму В. И. Ленину, справедливо полагая, что «вмешательство в монгольские дела на стороне Китая вызовет в настоящих условиях столкновение с Японией» [Дальневосточная политика 1996: 152, 153–154]. Более того, по мнению Е. А. Белова, «Монголы, скорее всего, возмутились бы поддержкой советскими войсками китайских войск, которых они не желали видеть на своей земле. Большинство их присоединилось бы к войску Унгерна... А главное, Россия потеряла бы авторитет у монголов, а может быть, на какое-то время превратилась бы в их врага» [Белов 2003: 91].

17 ноября 1920 г. в Иркутске состоялось историческое совещание советских и монгольских революционеров, где было принято решение о подготовке вооруженной борьбы против китайских войск и Р. Ф. Унгерна в Монголии. Перед революционерами ставились следующие задачи:

- провести разведку мест дислокации китайских войск и белогвардейских отрядов;
- осуществлять пропаганду среди монгольского населения о необходимости борьбы с иноземными захватчиками;
- проводить работу по укреплению национально-освободительного движения, создать народно-революционную армию.

Тем временем, после освобождения Урги была восстановлена Монгольская автономия, но реальная власть в стране фактически отошла к барону Р. Ф. Унгерну [Курас, Цыбенков 2021: 204]. К нему сразу же устремились разрозненные белогвардейские части, отошедшие на территорию Монголии. В это же время на севере страны сконцентрировались китайские войска. Возникла ситуация, которая всерьез обеспокоила как советское руководство, так и монгольских революционеров.

На передний план встали задачи борьбы с китайскими милитаристами и Унгерном. На территории ДВР был образован штаб партизанских отрядов – Народной армии, под руководством главкома Д. Сухэ-Батора, а 13 марта было сформировано Временное народное правительство во главе с Д. Чагдаржавом, которого вскоре сменил Д. Бодоо. Таким образом, в марте 1921 г. в Монголии возникло двоевластие:

- 1) народное правительство на севере, имевшее советскую поддержку;
- 2) правительство Богдо-хана в Урге, гарантом которого выступал барон Унгерн.

Тогда же Унгерн начинает понимать, что со своей политикой репрессий, грабежей и расстрелов становится в тягость Монголии. В этот период он получает письмо от атамана Семенова с

предложением принять участие в широкомасштабной операции белых, при поддержке Японии, против красных вдоль всей китайской границы с выходом на берег Байкала и захватом Верхнеудинска. 21 мая Азиатская дивизия, усиленная монгольскими отрядами, двинулась на север. Вторжение его войск на советскую территорию коренным образом изменило всю ситуацию в Монголии и вокруг нее. Советская Россия получила карт-бланш – реальный повод для ввода своих войск на территорию Монголии, что было необходимо как с военной точки зрения, так и с политической. С военной потому, что следовало разгромить барона Унгерна, представлявшего серьезную опасность для Советского государства. А с политической потому, что требовалось оказать реальную помощь монгольским революционерам в деле овладения ситуацией в стране.

Вопрос о вводе советских войск на территорию Монголии стоял и раньше. Но он не мог быть решен положительно ввиду позиции Китая и известных колебаний самого советского руководства [Рощин 1999: 21]. Теперь же ситуация изменилась. Барон Унгерн вступил в борьбу не с китайскими, а с советскими войсками. При этом возникла реальная опасность для поражения монгольских революционных сил. Временное народное правительство Монголии еще 16 марта, а затем 10 апреля 1921 г. обратилось к правительству РСФСР с просьбой об оказании военной помощи для борьбы с белогвардейцами. Тем самым, у Советской России появилась, пусть и не безупречная, правовая основа для ввода войск, хотя только сформированное Временное правительство еще никем не было признано.

16 июня 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение оказать военную помощь монгольскому народу с целью ликвидации Унгерна на территории Монголии с соблюдением прав, порядков и обычаев страны, а 20 июня принимается еще одно решение – ассигновать 200 тыс. рублей серебром для МНРП. Тем самым событиям в Монголии было придано заметное ускорение: из небольшой группы революционеров, поддержанных РКП(б), Красной Армией и Коминтерном в качестве сегмента общекитайского революционного движения, за несколько месяцев выросли Монгольская народно-революционная партия и Временное народное правительство, к которым реально могла перейти вся власть в стране. И хотя партия, вопреки желаниям Коминтерна, не ставила своей задачей слияние с китайским революционным движением, «не поддержать ее было равноценно измене идеалам революции» [Железняков 2009: 204].

Источники и литература

- Барон Унгерн в документах и материалах, 2004 / сост. С. Л. Кузьмин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. 661 с.
- Батсайхан О. Монголо-русский договор 1912 г. как начало дипломатических отношений двух стран // Россия – Монголия: 100 лет вместе: материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений. Иркутск, 20 мая 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 18–33.
- Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг. Биография. Идеология. Военные походы 1920–1921 гг. / отв. ред. С. Г. Лузянин. М.: Аграф, 2003. 240 с.
- Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии: Воспоминания. Письма / предисл. И. Я. Златкина, коммент. Е. М. Даревской. М.: Наука, 1969. 419 с.
- Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета // сост. М. П. Малышева, В. С. Познанский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 370 с.
- Курас Л. В. Геополитические амбиции атамана Семенова: попытка создания федеративного «Велико-монгольского государства» // Гуманитарный вектор. 2011. № 4(28). С. 255–262.
- Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. 252 с.
- Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194–208.
- Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенек: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 32. С. 83–90.
- Ленин В. И. Задачи революции // Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 229–238.

Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг.: Серия 3: 1914–1917. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931–1938. [Т. 2: 14 марта – 13 мая 1914 г.] / подгот. к печ. А. С. Ерусалимский при участии Б. Г. Вебера. 1933. 559 с.

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934), 2012. Ч. I (1919–1929). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.

Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. 328 с.

Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 авг. 1912 г. – 2 ноября 1913 г.). СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. 91 с.

Сорок лет Монгольской народно-революционной партии (1921–1961). М.: Госполитиздат, 1961. 24 с.

Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенек: у истоков монгольской революции 1921 года // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317.

Л. В. Курас
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
kuraslv@yandex.ru

Б. Д. Цыбенков
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
bazar75@mail.ru

**КЯХТА НА ЗАРЕ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 ГОДА
(О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО НКВД РСФСР В МОНГОЛИИ
О. И. МАКСТЕНЕКА)¹**

В течение 10 месяцев 1920–1921 гг. Уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенок находился в Кяхте, где осуществлял организационную, дипломатическую, политическую, экономическую и оперативную деятельность по организации, обеспечению и отправке монгольских революционеров для переговоров с руководством Советской России с целью подготовки и организации будущей Монгольской революции. Вся деятельность советского дипломата получила отражение в документе «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенок за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», в котором дается всеобъемлющий анализ политического и экономического положения на Дальнем Востоке, наряду с проблемами советизации рассматривается место Монголии в Центральной Азии, военный потенциал Китая, а также дается оценка опасности, которую представлял барон Унгерн для будущей монгольской государственности.

Ключевые слова: Монгольская революция, О. И. Макстенок, Кяхта, Урга, НКВД РСФСР, Коминтерн.

L. V. Kuras
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

B. D. Tsybenov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

**KYAKHTA AND THE BEGINNING OF THE MONGOLIAN REVOLUTION OF 1921
(ACTIVITIES OF THE AUTHORIZED REPRESENTATIVE OF THE NKVD RSFSR IN
MONGOLIA O. I. MAKSTENEK)**

The authorized representative of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia, O. I. Makstenek, did a great deal of work in preparing the Mongolian revolution of 1921. He participated in the Soviet-Mongolian negotiations of 1920-1921, and met Mongolian delegates who arrived at the border Kyakhta from Outer Mongolia. The article is devoted to the study of the activities of the Plenipotentiary Representative of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek from June 1920 to March 1921. The research materials are documents from the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of Mongolia called "Results of the Activities of the Commissioner of the People's Commissar in Mongolia O. I. Makstenek from June 1, 1920 to March 1921". The work received previously unknown, valuable information about the versatile vigorous activity of OI Makstenek. The authors found out the details and peculiarities of the meetings between Masktenek and members of the

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФИ – Министерства образования, культуры и науки (Монголия) № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) (номер госрегистрации АААА-А20-120021490062-5).

MPRP in Kyakhta in 1920; the question of the occupation of Maymachen, considered in February 1921, the names of Soviet, Mongolian and Chinese leaders, White Guard commanders.

Keywords: Mongol revolution, O. I. Makstenek, Kyakhta, Urga, NKID of the RSFSR, the Comintern.

В годы революции и гражданской войны Кяхта повторила судьбу всех сибирских городов: в апреле 1917 г. в городе был образован Совет рабочих и солдатских депутатов; в июне состоялся казачий съезд Забайкальского казачьего войска, принявший решение «энергично бороться с богохульцами»; в ноябре в городе была установлена Советская власть; в начале сентября 1918 г. Кяхта была занята чехословаками. Но было и трагическое отличие: с 28 декабря 1919 г. по 8 января 1920 г. в городе было расстреляно и зарублено шашками 1600 политзаключенных и пленных красногвардейцев и красноармейцев, свезенных в «эшелонах смерти» в «Красные казармы» в апреле 1919 г. из колчаковских тюрем Урала и Западной Сибири [Цыбенков, Курас 2018: 48]. В октябре 1919 г. китайцы заняли столицу Монголии Ургу, оккупировав позднее всю Монголию. В начале 1920 г. на короткий срок китайцы несколько раз занимали Кяхту.

В июне 1920 г. в Троицкосавск прибыл уполномоченный НКВД Советской России в Монголии Отто Иванович Макстенеков [ГА РФ: 5], однако он не был пропущен китайскими оккупационными властями в Ургу и с 1 июня 1920 г. по июнь 1921 г. находился в состоянии ожидания. Вот как это описывает сам дипломат в отчете, находящемся на хранении в Архиве МИД Монголии: «Время моего приезда к границе Монголии в Троицкосавске совпало с полным засильем японцев в Пекинском Правительстве и нет ничего удивительного, если так категорически отказали мне в пропуске в Монголию для защиты интересов России, там китайские правители, под руководством японцев выполняли те поручения Антанты, сводящиеся к осуществлению полной блокады коммунистов. Пришлось таким образом остаться в Троицкосавске и выжидать более благоприятного времени». И далее: «Уже те препятствия, каковыя правительство Пекинское поставило мне в попытке проехать в Ургу, свидетельствуют о том, что оно не только не хотело признавать правительства Совет. России, но даже и не хотело подавать повода и думать, что оно имеет хотя бы отдаленное прикосновение со страной коммунистов. При таких обстоятельствах надежды на изменения отношения Пекина к застрявшему Уполномоченному в Кяхте были весьма плохие» [Архив МИД Монголии: 46, 51]. Тем самым по причине сугубо субъективной Кяхта становится форпостом ДВР на границе с Монголией и центром в российско-монгольском приграничье.

Обустроившись в Троицкосавске, О. И. Макстенеков занялся исполнением своих прямых обязанностей: налаживанием связей с монгольскими революционерами, оказанием им всемерной помощи, включая взаимодействие с директивными органами и представителями власти Советов [Рощин 1999: 27–28]. Советское представительство в Троицкосавске, где работал О. И. Макстенеков, располагалось в доме аптекаря О. Х. Рудзита, который позже был известен как дом № 37 по улице Сталина.

Архивные документы, историческая и мемуарная литература свидетельствуют о том, что уполномоченный НКВД РСФСР О. И. Макстенеков был первым официальным лицом, принимавшим монгольских делегатов именно в Троицкосавске. О его работе с монголами можно узнать из его доклада «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенекова за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», который впервые введен авторами в научный оборот [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020]. В докладе говорилось, что организационная работа О. И. Макстенекова началась со знакомства с отдельными членами Монгольской народной партии, а именно с Данзаном и Чойбалсаном, прибывшими к нему в середине 1920 г. с письмом членов информационного бюро советских граждан в Монголии Я. В. Гембаржевского и М. И. Кучеренко, позднее расстрелянных унгерновцами. Поэтому именно ему монгольская делегация озвучила «Обращение делегации представителей монгольского народа и МНП к уполномоченному НКВД РСФСР в Троицкосавске О. И. Макстенекову» с просьбой начать переговоры с правительством Советской России об оказании помощи Монголии в ее борьбе за освобождение.

Деятельность О. И. Макстенекова в Кяхте была разносторонней и подразделялась им на несколько категорий: 1) информационная; 2) организационная; 3) дипломатическая; 4) политическая; 5) экономическая.

Доклад О. И. Макстенека, подтвержденный опубликованными архивными документами, является ценным архивным документом, проливающим свет на историю Монгольской революции 1921 г. Во введении к докладу О. И. Макстенека констатируется, что ситуация, складывавшаяся в Монголии, могла быть успешно решена только с включением ее в орбиту хозяйственной жизни на Дальнем Востоке. Монголия к тому времени развивалась в русле транснациональной истории. На ее территории находились российские и китайские торговые компании, китайские войска. Шел непрерывный и быстро меняющийся суть и направление поток идей и ресурсов, приведший в итоге к окончательному созреванию монгольского национального движения и к дальнейшей борьбе за обретение независимости страны. В целом, доклад О. И. Макстенека позволяет оценить весь объем и охват его разносторонней деятельности. Очевидно, именно при нем в Кяхте было налажено постоянное телеграфное информирование вышестоящих органов власти ДВР и РСФСР о ситуации в Монголии и в российско-монгольском приграничье. О. И. Макстенеком были также произведены фотосъемки топографических и военных карт. Фактически именно он стал ключевой фигурой в организации встреч трех групп монгольских делегатов от МНП, тайно перебравшихся в ДВР. В его задачи входило снабжение монгольских революционеров документами (пропусками), адресами конспиративных квартир, инструкциями и отправкой в столицу ДВР – г. Верхнеудинск.

С 4 июля по 10 августа 1920 г. Кяхта стала местом приема трех групп монгольских делегатов, где они отработали все организационные вопросы с Уполномоченным НКВД РСФСР О. И. Макстенеком, получили необходимые документы, инструкции и сопровождающих. Тем самым Кяхта становилась центром большой политической игры.

Источники и литература

Архив МИД Монголии. Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 45–57.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-61825. Л. 5.

Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. Кяхта в огне гражданской войны (с 1917 по январь 1920 г.) // Кяхта – национальное достояние России: материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 95-летию Кяхтинского района и 290-летию г. Кяхта. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2018. С. 45–49.

Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенека: у истоков монгольской революции 1921 года // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317.

Л. Б. Жабаяева
*Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
vsgtuhistory@mail.ru*

«МОНГОЛЬСКИЕ ТРУДОВЫЕ МАССЫ ... В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЕ ПОДГОТОВЛЕНЫ К ВОСПРИЯТИЮ РЕВОЛЮЦИОННО-СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ИДЕЙ» (О ПОЕЗДКЕ НОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИЛ МОНГОЛИИ В МОСКВУ В 1920 Г.)

В статье показано прибытие в 1920 г. новых общественных сил Монголии в Россию с целью получения помощи в борьбе за восстановление утраченной в 1919 г. национальной автономии, за освобождение страны. Показана поездка С. Данзана и Д. Чагдаржава в Москву в сопровождении Э.-Д. Ринчино, компетентного лидера бурятского национального движения, у которого глубокий интерес к Монголии сформировался еще во время учебы в Санкт-Петербургском университете (1908–1913 гг.). В 1915–1916 гг. он близко узнал страну, которую видит в будущем как независимое свободное государство. К поездке в Москву им был подготовлен ряд обстоятельных докладов, переданных высшему советскому руководству. Показана значимость информации, представленной в этих документах. Актуальными были новые идеи, созвучные исторической эпохе, имеющие ярко выраженную политическую значимость, что было замечено и учтено и в итоге привело к успеху поездки, оказанию Россией помощи в борьбе за независимость.

Ключевые слова: новые общественные силы Монголии, обращение к России, поездка в Москву, Э.-Д. Ринчино, новые идеи.

L. B. Zhabaeva
*East Siberian State University
of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation*

“THE MONGOLIAN LABOR MASSES ... ARE SIGNIFICANTLY PREPARED FOR THE PERCEPTION OF SYSTEMATIC REVOLUTIONARY IDEAS” (ABOUT THE TRIP OF NEW PUBLIC MONGOLIAN FORCES TO MOSCOW IN 1920)

The article discovers the arrival of new public forces of Mongolia in Russia in 1920 with the aim of receiving assistance in the struggle for the restoration of the national autonomy lost in 1919, for the liberation of the country. The paper shows the trip of S. Danzan and D. Chagdarzhav to Moscow, accompanied by E.-D. Rinchino, a competent leader of the Buryat national movement, who's a deep interest in Mongolia rooted during his study at the St. Petersburg University (1908–1913). In 1915–1916 he closely got to know the country, which he saw as an independent country in the future. E.-D. Rinchino prepared a number of detailed reports for the trip to Moscow, which were handed over to the top Soviet leadership. The significance of the information presented in those documents is analyzed. New ideas were actual to that historical era, had a pronounced political significance. Finally, they were noticed and taken into account and led to the success of the trip, and Russia's assistance in the struggle for independence.

Keywords: new social forces of Mongolia, appeal to Russia, trip to Moscow, E.-D. Rinchino, new ideas.

В начале XX в. монгольский народ обрел независимость. Становление и развитие монгольской государственности – это важнейшие политические процессы, обусловленные объективными и субъективными факторами. В этих событиях активное участие приняли буряты как представители монгольского мира. Наиболее активен был Э.-Д. Ринчино, один из лидеров бурятского национального движения.

Глубокий интерес к Монголии появляется у него еще во время обучения на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1908–1913 гг. С той поры Ринчино буквально не спускает глаз с Монголии, активно выступает в прессе со своими идеями и взглядами на Монголию, которую видит в будущем как независимую свободную державу. В 1915–1916 гг. он близко узнал страну.

В 1919 г. пекинское правительство упразднило автономное управление Внешней Монголии. Летом 1920 г. (июль–август) в Россию нелегально прибыли представители новых общественных сил Монголии, знаменитая монгольская семерка: Д. Бодоо, С. Данзан, Д. Догсом, Д. Лосол, Д. Сухэ-Батор, Д. Чагдаржав, Х. Чойбалсан. Группа должна была установить связи с правительственными органами России, Коминтерном, провести переговоры о получении помощи в борьбе с оккупантами, в восстановлении утраченной автономии.

В августе Э.-Д. Ринчино, лидер бурятского национального движения, свел монгольскую делегацию с Б. З. Шумяцким, влиятельным государственным и партийным деятелем, «который сыграл важную роль и в установлении необходимых контактов, и в проходивших переговорах, и во всех последующих событиях, связанных с российско-монгольскими отношениями в 1920–1921 гг.» [Рощин 1999: 30]. Ринчино сопровождает С. Данзана и Д. Чагдаржава в поездках в Омск, Москву. Прекрасно разбираясь в монгольских проблемах, он подготовил серьезные документы для поездки.

В аналитической записке «Краткое изложение о положении дел во Внешней Монголии» [РГАСПИ. Д. 122. Л. 1–22] Э.-Д. Ринчино обосновывает важность поддержки растущего революционного движения в Монголии. Анализируя реакцию народа на ликвидацию автономии в 1919 г., он пишет, что массы в первые дни в полной растерянности стояли перед китайской военной силой, торгово-ростовщическим капиталом. Затем начался «взрыв негодования» в связи с китайской оккупацией страны, монголы перешли к анализу событий, начались практические действия, завершившиеся образованием политических групп, ставящих «своей целью восстановление автономии страны на новых, демократических началах» [РГАСПИ. Д. 122. Л. 20]. При этом он отмечает политическую активизацию «части националистически настроенных феодалов и высшего духовенства» [РГАСПИ. Д. 122. Л. 20], их изменившиеся взгляды и настроения, жажду независимости.

Подчеркивая, что партийным группам ввиду отсутствия средств и оружия «об организации своей военной силы для борьбы с китайцами нечего было и думать» [РГАСПИ. Д. 122. Л. 21], Ринчино пишет о появлении идеи о «внешней ориентации и получении помощи и содействия извне». С этой целью народно-революционная группа завязывает тесные отношения с русскими революционерами, принимает решение обратиться за помощью и содействием к России и увлекает этой идеей даже феодально-теократические слои [РГАСПИ. Д. 122. Л. 21].

Э.-Д. Ринчино показывает, что монгольские трудовые массы, беспощадно обираемые китайским торгово-ростовщическим капиталом и своими духовными и светскими феодалами, доведенные до граней обнищания, находятся под растущим влиянием мировых событий последних лет, в частности, русской революции. Как писал Ринчино, поэтому монголы «в значительной мере подготовлены к восприятию революционно-систематических идей, что революционизирование монгольских масс должно пойти вперед огромными шагами, если будет поставлена немедленно и надлежащим образом информационно-агитационная работа» [РГАСПИ. Д. 122. Л. 22]. Он особо выделяет значение монгольского национально-освободительного движения, ключевой фактор которого в том, что это «новый боевой плацдарм, революционно-стратегическое значение которого огромно ввиду существующих тесных связей Монголии с Маньчжурией, китайским Туркестаном и Тибетом, а через последний и Индией» [РГАСПИ. Д. 122. Л. 22].

В следующей работе «Об условиях, постановке и задачах революционной работы на Дальнем Востоке» [РГАСПИ. Д. 122. Л. 35–41] он связывает воедино развертывание революционного движения в Азии с разрешением проблем жизни инородцев Сибири, обращает внимание на трудности, с которыми приходится им сталкиваться. Он пишет о том, что надежда на изменение судьбы азиатских народов связана с необходимостью реализации принципов «культурно-национального и экономического раскрепощения народов Азии» [РГАСПИ. Д. 77. Л. 36]. При этом он предлагал советской власти применить у себя дома в отношении инородцев те же правила.

В докладе «Инородческий вопрос и задачи советского строительства в Сибири» [Элбек-Доржи Ринчино 1994: 74–89] Ринчино подробно пишет о скверном положении инородцев, о том, что советская власть «не улучшила, а безмерно ухудшила положение инородческих народностей Сибири» [Элбек-Доржи Ринчино: 78]. Между тем в условиях развития революционного процесса в Азии, пишет Ринчино, революционные элементы инородческой интеллигенции «могут и должны быть использованы в Азии в качестве живой и активной революционной силы, и они в данном отношении сыграют большую роль» [Элбек-Доржи Ринчино 1994: 86]. В Москве в это время

«усиленно интересовались национальными проблемами». Дальше все развивалось стремительно. Были достигнуты конкретные договоренности.

Задачи представителей новых общественных сил Монголии, обратившихся за помощью к России, были успешно решены, имелись значительные результаты. В этом была немалая заслуга Э.-Д. Ринчино, компетентного бурятского демократа, одного из лидеров бурятского национального движения, который своевременно подготовил ряд статей по Монголии. Для истории эти документы важны актуальностью высказываемых идей, политической значимостью поддержки революционных событий в Монголии. Это было замечено и учтено высшим руководством страны и в итоге способствовало принятию решения об образовании бурятской автономии, оказанию помощи Монголии в борьбе за независимость. Тем самым фактически был дан старт практической реализации политики строительства суверенного государства. Монгольская революция 1921 года – одно из самых важных событий Монголии XX в., судьбоносная дата обретения монгольским народом собственной национальной государственности, с обретением своего национального очага стала постепенно налаживаться и обустраиваться жизнь свободолюбивых кочевников.

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 122; 77.

Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

Элбек-Доржи Ринчино. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ: Редакционно-издательский отдел Минпечати Республики Бурятия, 1994. 234 с.

И. Будбаяр
Национальный музей Монголии
Улан-Батор, Монголия
budbayart@gmail.com

К ВОПРОСУ О НЕЗАВИСИМОСТИ МОНГОЛИИ И ПОЗИЦИИ РОССИИ В 1911–1946 ГГ.

В докладе рассмотрен вопрос о позиции царской России и Советского Союза по отношению к независимости Монголии и ее статусу в период с 1911 по 1946 гг. Борьба монголов по воссозданию единого государства не получала поддержку великих держав того времени, так как она стала противоречить их политике на Дальнем Востоке. Только царская Россия ввиду своих геостратегических и геополитических интересов на Дальнем Востоке поддержала относительную независимость Внешней Монголии как «полусуверенное государство». На трехсторонних переговорах Россия – Монголия – Китай был определен политический статус Монголии на уровне трех соседних стран. Советское государство продолжило политику царской России по отношению к Монголии до Соглашения в Ялте. 11 февраля 1945 г. в Ялте встретились лидеры трех великих держав СССР, США и Великобритании И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, что изменило статус Монголии на международной арене. В 1946 г. на основе результатов Всенародного референдума независимость Монголии была признана соседними странами.

Ключевые слова: Монголия, независимость, царская Россия, СССР, позиция.

I. Budbayar
National Museum of Mongolia
Ulaanbaatar, Mongolia

THE ISSUE OF THE INDEPENDENCE OF MONGOLIA AND THE ATTITUDE OF RUSSIA IN 1911–1946

This article discusses some of the positions of Tsarist Russia and the Soviet Union on Mongolia's independence and its status between 1911 and 1946. The efforts of the Mongols to re-establish a unified state did not receive support from the outside world because they contradicted the policies of the great powers in the Far East. In view of its geostrategic and geopolitical interests in the Far East, only Tsarist Russia supported the relative independence of Outer Mongolia as a "semi-sovereign state". The trilateral agreement Russia – Mongolia – China determined the political status of Mongolia at the level of three neighboring countries. The Soviet government continued the previous tsarist policy toward Mongolia until the 1945 Yalta Agreement resolved the Mongolian question. The status of Mongolia has changed on the international arena on February 11, 1945 when the leaders of the three great powers of the USSR, the United States and Great Britain I. Stalin, F. Roosevelt and W. Churchill, met in Yalta. In 1946 Mongolia's independence was recognized by its neighbors based on the results of the referendum on the independence of all peoples.

Keywords: Mongolia, independence, Tsarist Russia, Soviet Union, position.

В официальном заявлении правительства, опубликованном 29 декабря 1911 г., царская Россия разъяснила свою позицию в отношении вопроса о независимости Монголии, которая была провозглашена в Урге [Коростовец 2017: 180]. Хотя здесь правительство России не упомянуло о независимости Монгольского государства, публикация этого заявления выдвинула «Монгольский вопрос» на международную уровень и стала важной вехой. В это время главное внимание царской России на международном уровне было направлено к Ближнему и Среднему Востоку, она готовилась к войне с Германией и старалась иметь прочный тыл на Дальнем Востоке. Поэтому для обеспечения безопасности монголов, следуя этому положению, правители царской России решили увеличить численность военнослужащих, находящихся при российском консульстве в Урге на 200 солдат, снабдив их пулеметами. Наряду с этой мерой через своего посла И. Я. Коростовца в Пекине было предъявлено требование китайской стороне [Коростовец 2017: 177]. Таким образом, царская Россия уклонилась от оказания прямой поддержки в борьбе монголов, так как не хотела конфликтовать с династией Цин по монгольскому вопросу. И в то же время она была явно заинтересована в укреплении своего влияния в Монголии. Следует подчеркнуть, что правительство царской России не поддерживало независимость Внешней Монголии напрямую, на что влияли подписанные договоры

великих держав того времени о распределении сфер влияния, также царская Россия опасалась, что придется взять на себя полную ответственность.

Министр иностранных С. Д. Сазанов на заседании Государственной Думы 13 апреля 1912 г. разъяснил политику России в отношении монгольского вопроса следующим образом: «История Внешней Монголии показывает, что в настоящее время они не в состоянии образовать собственное независимое правительство. У монголов, которые вели кочевой образ жизни сотни лет, нет своей армии и финансового института, также нет и своего политического лидера» [Kindermann 1970: 158]. Это свидетельствует о том, что российские политики, дипломаты и военные мало верили в независимость Монголии. Так, И. Я. Коростовец, в то время относительно реалистично оценивавший интересы России в Монголии, позже написал в своих воспоминаниях: «В целом мы хотели сохранить полное право Китая, совсем не ожидали, что монголы разорвут политические связи с Китаем» [Коростовец 2017: 182], что характерно для политических взглядов русских того времени относительно Монголии.

В 1912 г. в ходе монгольско-русских переговоров российская сторона решительно отвергала попытку монголов создать политически независимую суверенную Монголию и желание включить Баргу и Внутреннюю Монголию в это независимое государство. Об этом И. Я. Коростовец писал: «В России в Забайкалье живут буряты или одна из ветвей монголов. Если монгольские националисты хотят объединить всех монголов, придется воевать не только с Китаем, но и с Россией» [Коростовец 2017: 233]. Согласно этому договору, царское правительство признало, что Монголия отделена от Китая, взяла обязательство на себя в том, что Россия будет помогать сохранить в Монголии традиционный, сравнительно независимый так называемый порядок «самоопределение, самоуправление» или правление монгольской аристократии нойнов, административную структуру, не допущение китайских солдат на территорию Монголии, не признание китайской колонизации в Монголии [Жамсран 2019: 86]. Таким образом полностью была достигнута цель по обеспечению автономии Внешней Монголии, которая отвечала интересам царской России для создания буферной зоны вдоль своей границы от Алтая до Маньчжурии.

На трехсторонних переговорах Россия – Монголия – Китай был определен политический статус Монголии на уровне трех соседних стран [Жамсран 2019: 106]. Используемые здесь термины «сюзеренитет» и «автономия» понимались сторонами по-разному, и интерпретация представителей царской России, имевших общую позицию, является интересной. На заседании 17 сентября 1914 г. российская делегация заявила, что понятие «автономия» использовалось в контексте «права на самоуправление территории», но что «его используют часто в полуавтономном государстве». «Сюзеренитет» объясняется тем, что он не используется каким-либо государством в рамках своей собственной провинции, «но должен использоваться любой великой державой для подчинения небольшого государства, которое принадлежит ей» [Батсайхан 2007: 134]. Это было основано на статусе вассала Халха при династии Цин более 200 лет, и статус Внешней Монголии был определен как «небольшая страна под властью правительства Пекина». Можно считать, что это было результатом внешней политики царской России по удержанию Внешней Монголии под своим контролем при сохранении «золотого баланса» между интересами правительства Урги и правительства Пекина.

Политика северного соседа по отношению к Монголии продолжалась во время последующих российских правительств и характеризуется тем, что на международной арене Монголию не признавали как независимую страну, что эта политика была неоднозначной. После победы буржуазной революции в России в феврале 1917 г. и свержения монархии, Октябрьской революции и образования Советского Союза в ноябре того же года политика России в отношении Монголии была направлена на распространение новой идеологии, связанной с мировой пролетарской революцией и коммунизмом. Ярким примером политики Советского Союза стало Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой от 31 мая 1924 г. В статье 5 Соглашения говорится, что «Советский Союз признает, что Внешняя Монголия является неотъемлемой частью КНР и будет уважать ее суверенитет в этой стране» [Лхамсүрэн 1995: 57].

Еще до русско-японской войны японцы, имевшие определенные интересы во Внутренней Монголии, и особенно военное руководство все больше интересовались материком. 1 марта 1936 г. И. В. Сталин в интервью с американским журналистом Р. Ховардом впервые назвал Монголию «Монгольской Народной Республикой» [Shukow 1955: 363], которую до этого обычно называли «Внешней Монголией». С тех пор Внешнюю Монголию во всех официальных документах

Советского Союза стали именовать МНР, и это не было случайностью. Далее в связи с этой новой ситуацией 12 марта 1936 г. в Улан-Баторе был подписан протокол о взаимопомощи между СССР и МНР [Barkmann 1999: 303]. К середине 1930-х гг. обстановка на границе между Советским Дальним Востоком, Китайской Народной Республикой и Маньчжоу-Го становилась все более напряженной, поэтому Советский Союз и Маньчжоу-Го начали стягивать в этот регион большое количество войск и техники.

Ситуация после Второй мировой войны дала возможность подвести итог двусмысленному положению «монгольского вопроса». До этого времени царская Россия и Советский Союз не могли признать независимость Монголии. С победой во Второй мировой войне международная репутация СССР возросла, в результате чего стала возможно признание независимости Монголии на международном уровне. 11 февраля 1945 г. в Ялте встретились лидеры трех великих держав СССР, США и Великобритании И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, чтобы обсудить вопросы дальневосточного театра военных действий. В результате встречи статус Монголии на международной арене был изменен. В предисловии соглашения было сказано, что «через два или три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну с Японией на следующих условиях». В первом пункте говорится о «сохранении статус-кво Внешней Монголии (МНР)» [Shukow 1955: 487]. После заключения этого соглашения правительственная делегация во главе с премьер-министром Китая Сунь Цзывэннем посетила Москву с официальным визитом и провела переговоры с 30 июня по 14 августа 1945 г. Одним из ключевых вопросов было признание монгольского статус-кво. Во время переговоров китайская сторона первоначально отказывалась обсуждать монгольский вопрос, но Сталин настаивал на решении, поскольку независимость Монголии была связана с безопасностью границ СССР на Дальнем Востоке. Стороны разошлись в понимании статус-кво Монголии. Китайская сторона интерпретировала статус-кво как «автономию Внешней Монголии под китайским суверенитетом», в то время Сталин очень ясно дал понять, что он под этим термином понимает «независимость МНР».

Источники и литература

- Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916). Улаанбаатар, 2007.
- Жамсран Л. Монголын төрийн тусгаар тогтнолын сэргэлт. Улаанбаатар, 2019.
- Коростовец И. Я. Монголчуудын хураангуй түүх. Улаанбаатар, 2017.
- Коростовец И. Я. Монголд өнгөрүүлсэн есөн сар. Улаанбаатар, 2010.
- Лхамсүрэн Б. Монголын гадаад орчин, төрийн тусгаар тогтнол. Улаанбаатар, 1995.
- Barkmann Udo. В. Geschichte der Mongolei oder die Mongolische Frage. Bonn, 1999.
- Kindermann G.-K. Der Ferne Osten, dtv-Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Band 6. München, 1970.
- Shukow J. M. Die internationalen Beziehungen im Fernen Osten 1970–1945. Berlin, 1955.

ТРОИЦКОСАВСК – КЯХТА – МАЙМАЧЕН: ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ВЕСНЫ 1921 Г.

В статье рассматриваются малоизвестные страницы истории штурма Маймачена на русско-монгольской границе в марте 1921 г., революционными войсками Монгольской народной армии во главе с Д. Сухэ-Батором. Исследуются события, связанные с гибелью этого города в последующем пожаре, роль советских инструкторов и командования специальных органов Дальневосточной республики в деле прекращения мародерства и расхищения маймаченских складов с многочисленным имуществом иностранных компаний.

Ключевые слова: Маймачен, Кяхта, Троицкосавск, Монгольская революция 1921 года, Гражданская война в России, Госполитохра́на Дальневосточной республики.

P. V. Kurguzov
Ulan-Ude, Russian Federation

TROITSKOSAVSK – KYAKHTA – MAIMACHEN: HISTORICAL EVENTS OF THE SPRING OF 1921

The article examines the little-known pages of the assault on Maymachen on the Russian-Mongolian border in March 1921 by the revolutionary troops of the Mongolian People's Army led by D. Sukhe-Bator. The author examines the events associated with the death of this city in the subsequent fire, the role of Soviet instructors and command of special activities of the Far Eastern Republic in the matter of stopping looting and plundering of Maymachen's warehouses with numerous property of foreign companies.

Keywords: Maimachen, Kyakhta, Troitskosavsk, Mongolian Revolution of 1921, Civil war in Russia, State Political Guard of the Far Eastern Republic.

История монгольской революции 1921 г. и коренное переустройство Монгольского теократического государства тесным образом связаны с революцией в России и продолжающимися драматическими событиями гражданской войны на территории бывшей Российской империи.

Начавшиеся тесные контакты с монгольским антикитайским повстанческим движением во главе с Сухэ-Батором, Чойбалсаном, Данзаном, Бодоо и другими революционерами вылились в оформление советско-монгольского боевого и политического содружества. Влияние советского фактора в лице представителей дипломатических структур РСФСР и ДВР, а также Восточного отдела Коминтерна, было определяющим в развитии революционных событий на русско-монгольской границе, самыми известными из которых были бои в районе так называемой монгольской Кяхты или Кяхтинского Маймачена.

В октябре 1920 г. Азиатская дивизия барона Р. Унгерна переходит границу Халхи и устремляется к Урге. После нескольких отчаянных штурмов, начиная с 4 ноября 1920 г. и заканчивая последним в начале февраля 1921 г., столица Монголии переходит в руки белогвардейских частей. 26 февраля 1920 г. Унгерн проводит церемонию вступления на престол низложенного китайцами и находящегося некоторое время под домашним арестом главного монгольского хана Богдо-Гэгэна. При этом огромная масса китайских войск и беженцев во главе с главным наместником Китая в Монголии Чэнь И спешно двигается в направлении Кяхтинского Маймачена и спасается от гибели на территории России.

С марта 1921 г. местность Алтан становится главной базой партизанских отрядов Сухэ-Батора. Территориально здесь река Орхон впадает в реку Селенга, место это находится напротив русского поселка Наушки.

Согласно официальной историографии советского периода само сражение началось после предъявления ультиматума Сухэ-Батора о мирной сдаче Маймачена войскам генерала Го Сунлина 15 марта 1921 г. На следующий день, 16 марта, не получив ответа, отряды Сухэ-Батора начали свой выход с главной базы партизан. На рассвете 17 марта войскам отдали приказ: наступление на Монгольскую Кяхту – Маймачен вести с северо-запада, запада и юго-запада. Основная ударная

группа из двух полков во главе с Сухэ-Батором повела наступление с запада и северо-запада, начиная с исходного пункта Ирен-Хашар и источника Тагуске-Булак.

К исходу дня 18 марта 1921 г., в 12 часов ночи, монгольская Кяхта – Маймачен была освобождена и полностью контролировалась войсками красных цириков Сухэ-Батора. На следующий день, 19 марта 1921 г., после обеда в разгромленном Маймачене начались пожары, по мнению некоторых историков, специально устроенных обиженными китайцами. В настоящее время существует и другая версия поджогов, связанная с деятельностью российских мародеров в богатом своими складами и запасами Маймачене.

Со временем, после опубликования новых архивных документов, ранее недоступных исследователям, появились новые загадки и вопросы, связанные с изучением событий мартовского штурма, его подготовки и участия в нем советских инструкторов и военспецов. Так в секретном донесении отделения Госполитохраны ДВР, расположенного в Троицкосавске, сообщались следующие сведения: «18 марта 1920 г., утром красномонголами с боем взят Маймачен. В начале боя мирное население Маймачена бросилось бежать через нашу границу, где было встречено и препровождено в бараки красных казарм, всего перешло около 6 000 (человек). К 5-ти часам вечера китайские войска оставили Маймачен; перед уходом (они) избивали всех русских граждан, не успевших и по разным причинам не желающих своевременно бежать. Избивались мужчины, женщины и дети, причем женщин сперва насиловали, а потом убивали. Китвойска отступили в южном направлении. С пяти часов вечера до утра город оставался совершенно пустой, охраняемый с контрольного пункта сотрудниками Госполитохраны. Причем попытки к мародерству были пресечены в корне сразу же, правильным надзором за цепью и рассылкой патрулей. Утром город был занят монгольским отрядом под руководством Советского командования. Вспыхнувший 19 марта в Маймачене пожар, благодаря глупым административным распоряжениям Советкомандования, почти уничтожил весь город; остались целыми лишь отдельные дома. Все старания уничтожить пожар, не привели ни к чему; пока заливали один пожар, он вспыхивал в другом месте. Усилиями партработников под руководством Подотдела Г.П.О. удалось лишь замедлить пожар, благодаря чему успели вывезти из горящего Маймачена почти все ценное имущество». [ГАХК, Л. 6].

По поводу мародерства и пожаров в Маймачене, 20 марта 1921 г. С. Борисов сообщал Б. Шумяцкому в Иркутск: «после занятия Маймачена проявилось страшное мародерство со стороны русских окрестных крестьян ДВР, солдат. Для борьбы с мародерством принимаются энергичные меры со стороны Монгольского правительства и военного командования. Благодаря наличию в Маймачене в быстросгораемых деревянных зданиях спирта, спичек, уже второй день идет пожар, угрожающий уничтожить весь город. Для борьбы с пожаром принимаются самые энергичные меры, все ценности, товары вывозятся» [Першин 1999: 184].

27 марта 1921 г. приходит новое сообщение от О. Макстенека в Иркутск Б. Шумяцкому: «...все учреждения Троицкосавска во время пожара Маймачена занимались невольной безотчетной вывозкой в Троицкосавск всяких ценностей, игнорируя власть монголов. Одна Госполитохрана вывезла несколько сотен возов, теперь часть вывозила обратно в Маймачен, создавая этим в городе разные сплетни... Маймачен сгорел, остался ямынь (резиденция китайского амбана), еще 2-3 дома» [Першин 1999: 185].

Немаловажные сведения содержатся в переговорах и фактически инструктаже Ф. Гапона своего подчиненного О. Макстенека. Еще в период подготовки к захвату Маймачена, 4 марта 1921 г., он указывает, чтобы: «для обеспечения армии ... использовали запасы мануфактуры Маймачена, который можно прибрать к рукам через монголов под тем или иным легальным соусом или революционным порядком» [Першин 1999: 180]. При этом в факте хранения на складах Госполитохраны огромного количества бесхозных товаров, вывезенных из Маймачена, можно убедиться из содержания акта Троицкосавской комиссии Госконтроля ДВР, за № 451 от 28 марта 1921 г. В нем было зафиксировано 42 товарных позиции, в основном это огромный ассортимент мануфактурной ткани, а также чай, крупчатка, обувь, табак, различные виды кож. Поражает объем вывезенного имущества. Например, только первая запись в акте, обозначенная как ткань набивная, хранилась на складе в количестве 17700 аршин, т.е. длиной более 12 км [ГАРБ, Л. 37, 37 об.].

Вот такие новые и очень важные подробности всплывают со страниц архивных документов через многие годы, подтверждая, что события революции и их интерпретационная мифология были всегда неразделимы. При этом, несомненно, мартовские события 1921 г. на русско-монгольской

границе в районе Кяхты сыграли огромную роль в организации нового монгольского государства и установлении долгожданной независимости от многовекового владычества Китая.

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР. 579. Оп. 2. Д. 26.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). ФП. 44. Оп. 1. Д. 283.

Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак / Подготовка текста, вступительный очерк, послесловие и комментарий И. И. Ломакиной. Самара: Изд. дом «Агни», 1999. 280 с.

РАЗДЕЛ 2. РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. МОНГОЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.53954/9785604607886_27

Б. В. Базаров
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
bazarov60@mail.ru

В. Б. Базаров
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
bazarov_science@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ МОНГОЛЬСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (К 100-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)¹

Статья посвящена российско-монгольским отношениям, которые за столетие прошли сложные этапы развития. Если в советский период их идеология и лейтмотивы движения были определены взаимными интересами, то весь постсоциалистический этап характеризовался сложной гаммой перестроечных настроений, попыткой выровнять сложную мозаику геополитических векторов, определить базовые интересы внутренней логики собственного развития. При этом большие хронологические периоды стабильных отношений не раз уточнялись в зависимости от потребностей и переменами в постоянно менявшейся конъюнктуре полного богатыми событиями века.

Ключевые слова: монгольско-российские отношения, внешняя политика, 100 лет дипломатических отношений.

B. V. Bazarov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

V. B. Bazarov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

MAIN STAGES OF MONGOLIAN-RUSSIAN RELATIONS (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF ESTABLISHING DIPLOMATIC RELATIONS)

The article is devoted to Russian-Mongolian relations, which have gone through difficult stages of development over a century. If during the Soviet period their ideology and leitmotifs of the movement were determined by mutual interests, then the entire post-socialist stage was characterized by a complex range of perestroika sentiments, an attempt to align the complex mosaic of geopolitical vectors, to determine the basic interests of the internal logic of their own development. At the same time, large chronological periods of stable relations were more than once specified, depending on the needs and changes in the constantly changing conjuncture of a century full of rich events.

Key words: Mongolian-Russian relations, foreign policy, 100 years of diplomatic relations.

1. Монгольско-российские отношения 1921–1940 гг.

Синьхайская революция стала мощным катализатором в борьбе монгольского народа за обретение своей национальной суверенизации, становление идей национального самоопределения всего материкового Китая. Процессы самоопределения огромных территорий стали в повестку дня.

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 121031000241-1 «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

Это отчаянная борьба, длившаяся десятилетие, завершилась утверждением Монголии в качестве суверенного государства. Только Монголия среди множества движений, всевозможных группировок, столкновения и содружества идей смогла пройти эту трассу препятствий до логического завершения, создав хрупкий островок Свободы в бурном море геополитических страстей. В этот период Российская империя пыталась создать приемлемую конфигурацию собственных схем взаимодействия, вышла на заключение ряда существенных договоров, значительная часть которых несла в себе неустойчивый характер, при этом звучание договоров с каждым разом усиливало позиции внезапно появившегося партнера, а затем и возможного стратегического сателлита в зоне восточной внешней политики. Монгольский мир до Синьхайской революции не нес на себе бремени возможного союзника, даже бурные события войн в Восточной Азии не могли поколебать этот невозмутимый контур. Однако сама логика национальной революции в Китае, лейтмотивом которой стала борьба против господства маньчжурской династии, неосторожно и неизбежно поставила вопрос о национальностях первым пунктом повестки дня. Маньчжурский и монгольский вопрос, определение статуса этих народов и исторического места как «варваров» предельно обострили политическое противостояние.

Зондирование Новой Россией монгольского вопроса началось с первых годов существования Советской власти. Но контекст этого взаимодействия носил не обычный прагматичный характер, а был усилен политической повесткой. События могли принять более открытый и определенный характер только после кардинального решения внутренних вопросов в самой России.

Только к 1921 г. эта определенность появилась. Самое интересное, что именно логика восточноазиатского развития подвигла Россию к энергичному движению, интересы «мировой революции» не были определяющими и носили скорее декларативно-политический характер. Страна восстановила в полной мере свою власть в сибирском пространстве, перешла к режиму временного учредительства на Дальневосточном пространстве, уверенно закрепила колоссальные территории и их экономический актив вокруг московской оси, вышла на крупные соглашения и договоры по всему азиатскому пространству, утвердила за собой знамя привлекательности новых идей общечеловеческого прогресса в глазах миллионов последователей на планете. В самой Монголии созрели условия для не менее энергичных действий к сближению с Россией. И главным мотивом была идея суверенизации любой ценой, ослепляющая романтическая мечта независимости и возрождения потаенной монгольской «чингисовской мечты», к тому же изрядно согретая покоряющей грезой социальности и равноправия. Появление в Монголии китайских генералов от новых правителей, а затем «освободителя» Унгерна только подтолкнули маятник противостояния в сторону Советской России.

После национально-демократической революции 1921 г. статус Внешней Монголии оставался неопределенным. В советском руководстве в тот период не было единого мнения по вопросу о дальнейшей целесообразности поддержки Монгольского правительства и заключения с ним соглашения. Как откровенно писал Б. З. Шумяцкий в письме к Э.-Д. Ринчино от 19 ноября 1921 г., его доводы о заключении договора с Монголией наталкивались на активное противодействие ответственных работников, особенно противились этому в НКВД, где ему заявили о невозможности накануне соглашения с Китаем высказывать с сепаратным соглашением [Монгольский мир... 2017: 60]. Шумяцкий отмечает, что ему пришлось провести колоссальную работу, чтобы побудить государственную машину заняться монгольским делом. Веским аргументом в пользу соглашения было геополитическое значение Монголии для Советской России.

5 ноября 1921 г. в торжественной обстановке в особняке НКВД было подписано Соглашение между Правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией. Обе стороны пошли на компромисс, и по договоренности в итоговый текст соглашения не вошли статьи о международно-правовом статусе Монголии, о ее отношениях с Китаем, Урянхайском крае. Также были подписаны два дополнительных протокола – об отказе Правительства РСФСР от концессий и экономических привилегий царского правительства и о сотрудничестве в области судопроизводства. Вопрос о концессиях был внесен в дополнительный протокол, по которому Россия получила право третьей стороны. В этот же день в Кремле состоялась встреча делегации народной Монголии с В. И. Лениным, на которой присутствовали Г. В. Чичерин и Б. З. Шумяцкий. 24 ноября был подписан третий протокол – о предоставлении Правительством РСФСР Правительству Монголии ссуды в 1 млн руб.

Соглашение от 5 ноября 1921 г. между Советской Россией и Монголией стало первым

международным актом в формировании советско-монгольского политического союза, по которому российско-монгольские отношения строились на правовой основе. Официальное признание Монголии со стороны Советской России соответствовало ее национальным интересам и определяло конкретные политические и военные гарантии сохранения ее государственности, а также достижения подлинной независимости от Китая.

В середине 1923 г. в Урге впервые в истории Монголии было подписано советско-монгольское соглашение о равноправных торгово-экономических отношениях с иностранным государством, в соответствии с которым стали действовать советские торговые организации – Центросоюз, Сибгосторг и др., которые сотрудничали с монгольскими организациями на основе принципа наибольшего благоприятствования [Монгольский мир... 2017: 59].

Реакция Китая на заключение подобных соглашений была резко отрицательной. Нужно отметить, что 1921–1925 гг. характеризуются острым дипломатическим противостоянием между СССР и Китаем по вопросу статуса Монголии. Китайское правительство теперь рассматривало все проблемы советско-китайских отношений через призму монгольского вопроса.

Борьба за независимость и суверенитет Монголии обозначилась как процесс международной тяжбы между Китаем и Советским Союзом. Подписанное 31 мая 1924 г. в Пекине соглашение между Советским Союзом и Китаем определяло Внешнюю Монголию как составную часть Китая. Это событие не могло не вызвать панику в Урге [Монгольский мир... 2017: 59]. Но вскоре пришли сообщения из Москвы с уверениями в дружественных отношениях между Россией и Монголией, что «все остается по-старому».

В этих условиях для нового монгольского государства вопросы обороноспособности страны стояли очень остро, поскольку первоначально монгольская армия, сформированная вблизи Алтан-Булака, состояла всего из 500 добровольцев под командованием Сухэ-Батора [Там же]. Большая работа была проведена по усилению обороноспособности страны. По приглашению Монгольского правительства начальниками Главного штаба Монгольской народной армии длительное время работали советские военные специалисты Лятте (март–апрель 1921 г.), П. И. Литвинцев (апрель–сентябрь 1921 г.), В. А. Хува (сентябрь 1921 – сентябрь 1922 гг.), С. И. Попов (1922–1923 гг.), Д. И. Косич (1923–1924 гг.), В. А. Кангелари (1925–1926 гг.), Я. В. Шеко (1927–1930), которые в той или иной мере добросовестно работали на благо Монголии. За короткий период была проведена большая работа по созданию военной инфраструктуры и логистики. К концу 1924 г. армия Монголии состояла из 4 пограничных полков, 2 дивизионов, нескольких отдельных эскадронов, 1 кавбригады, 1 пулеметного полка, сводного артиллерийского дивизиона, кадровых столичных частей военного училища [Там же].

Сложившаяся оборонная доктрина определила основную опасность в военно-политических установках и направлениях внешнеполитических устремлений Японии, которые однозначно воспринимались как агрессивные и милитаристские. В связи с этим и был взят курс на дальнейшее военно-экономическое сближение с СССР [Там же]. С подписанием антикоминтерновского пакта 1936 г. эта деятельность приняла еще более интенсивный характер. Угроза широкой агрессии против МНР резко возросла с началом 1939 г. и вылилась в битве на р. Халхин-Гол.

Конфликт на р. Халхин-Голе показал верность СССР в отстаивании независимости Монголии. Победа на Халхин-Голе в очередной раз подтвердила прочность советско-монгольского военно-политического союза и эффективность его стратегии национальной безопасности на Дальнем Востоке. Вместе с тем позиция Монголии и России объективно солидаризовалась с общей борьбой Китая и стран Тихоокеанского региона по обузданию агрессии Японии в Восточной Азии.

2. Монголия во Второй мировой войне

Одним из высших проявлений лучших черт монгольского народа явились его бескорыстная помощь и братская поддержка в годину тяжелейших испытаний Советского Союза в годы Второй мировой войны [Монголия в борьбе... 2019: 14]. Участие Монголии в завершающий период противостояния в крупнейшей Маньчжурской военной операции обеспечило Монголии право быть в достойном ряду стран победителей.

Уже 22 июня 1941 г. состоялось совместное заседание Президиума Малого хурала, Совета Министров МНР и ЦК МРНП, которые безоговорочно поддержали СССР в борьбе против фашизма и неуклонно держали этот курс в течении всего длительного периода военных действий.

30 мая 1947 г. Управление по внешним сношениям Министерства вооруженных сил СССР

подготовило справку о взаимной помощи между СССР и МНР в годы Великой Отечественной войны, где было указано:

а) переведено 6023500 тугриков на приобретение материальной части для танковой бригады «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат»;

б) отправлено в качестве подарков фронту: мяса разного – 622 т, забитых диких коз – 54200 шт., масла животного – 168,5 т, свинины – 20 т, колбасных изделий – 174 т, полушубков меховых – 67635 шт., жилетов меховых – 74440 шт., сапог валеных – 89944 пары, шинелей армейских – 11200 шт., мыла хозяйственного – 129 т и др., общей стоимостью на 55870000 тугриков;

в) передано в качестве подарков фронту от населения МНР около 20 тыс. лошадей, стоимость которых равна 3876560 тугриков.

Общая безвозмездная помощь СССР составляет 65770060 тугриков (86421859 руб.). Кроме того, Правительство МНР в годы Отечественной войны продало Советскому Союзу по государственным ценам 437189 лошадей, общей стоимостью около 88 млн тугриков. Немалое значение имела и моральная помощь. Лучшей формой такой поддержки стали поездки монгольских делегаций на фронт в действующую армию. Одна из делегаций была принята командующим Западного фронта Г. К. Жуковым. В целом на Волховском, Западном, Калининском, Северо-Западном, Центральном фронтах побывали примерно 80 делегаций МНР. Ярким выражением моральной поддержки монгольского народа являлись письма фронтовикам... [Монголия в борьбе... 2019: 30].

Искреннее стремление монгольского народа помочь фронту превратилось во всенародное движение. Уже перед самым завершающим актом Отечественной войны 2 мая 1945 г. маршал Советского Союза Г. К. Жуков направил монгольскому руководству телеграмму, в которой высоко оценил помощь Монголии. Это было своеобразным напоминанием о том, что помощь монгольского народа не будет забыта ни в минуты горя, ни в часы радости.

Возросло число монгольских военнослужащих, посылаемых на учебу в военные академии и военные училища Красной Армии [Монгол улс... 2020: 113]. В 1939 г. в них прошли обучение 148 монгольских курсантов, в 1940–1945 гг. – 361 чел. [Монгольский мир... 2017: 60]. В 1940–1945 гг. в военных училищах МНР было подготовлено 1080 чел., в военных академиях и училищах СССР – 361 чел. В общей сложности прошли обучение 1441 курсанта [Там же]. Число военных, обучавшихся в СССР, составляло 25 % числа всех курсантов. В результате таких мероприятий МНРА было почти полностью обеспечена кадровым составом, особенно командирами среднего звена.

Кроме этого, в конце 1944 г. соединения и группы МНРА были готовы для ведения боевых действий. Монголия выставила на фронт армию численностью в 80 тыс. чел. с учетом народного ополчения. Численность регулярной армии в конце войны достигла 42182 чел., а пограничных войск – 10570. Это позволило Монголии участвовать в военных действиях против Квантунской армии при освобождении Внутренней Монголии, Маньчжурии и Кореи.

20 октября 1945 г. в Монголии прошел плебисцит, на котором монгольский народ высказался за признание своего суверенного статуса. Стоит отметить, что вопрос референдума о судьбе государства ставился именно в рамках понятия «независимость». В протоколе результатов референдума указывалось, что «за государственную независимость Монгольской Народной Республики подано 487409 голосов, или 100 процентов голосов всех граждан, принимавших участие в плебисците. “Против” не подано ни одного голоса» [Учрал 2011: 104].

Немаловажное значение имеет тот факт, что референдум проводился при непосредственном участии Китая, «мнение» которого было гарантом суверенного статуса Монгольского государства. 5 января 1946 г. Китайская Республика признала МНР по результатам голосования, а 14 февраля 1946 г. между двумя государствами были установлены дипломатические отношения. Победа СССР в Великой Отечественной войне, а также устранение военной угрозы со стороны Японии всячески способствовали этому. Неслучайно вопрос о Монголии и ее суверенитете встал уже на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., где СССР согласился вступить в войну против Японии при условии сохранения *status quo* Внешней Монголии. Этот шаг продемонстрировал всему миру, что основным дипломатическим партнером, «помощником» для Монголии выступил Советский Союз.

27 февраля 1946 г. в связи с окончанием десятилетнего срока действия Протокола о взаимопомощи, заключенного между СССР и МНР 12 марта 1936 г., были подписаны Договор о дружбе и взаимопомощи сроком на 10 лет, также соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между странами [Документы... 1974: 136]. В дальнейшем договор был

продолжен на 10 лет.

Борьба Монголии длиной в 35 лет за суверенитет и независимость, начатая еще с 1911 года, завершилась уже в совершенно новых исторических условиях, и это длинный путь, усеянный трудностями геополитики и международных отношений, вместе со сложнейшей историей внутренней борьбы и преобразований закончился утверждением Монголии в современном мире в качестве передовой современной страны, обладающей всеми характеристиками прогрессивного общества.

3. Монгольско-российские отношения во второй половине XX в.

Развитие Монголии в мировой системе социализма значительно расширило горизонт внешнеполитического взаимодействия страны. С одной стороны, монопольное положение СССР в сфере монгольской экономики в огромной степени ограждало МНР от влияния Китая и стран Запада. Вместе с тем при экономической помощи СССР в МНР был создан ряд промышленных предприятий, фактически созданы целые отрасли вполне современной промышленности, обеспечивающие занятость городского населения, производство товаров широкого потребления, был построен горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», дающий до 40 % валового внутреннего продукта Монголии. Кроме того, Советский Союз оказал разностороннее содействие МНР в строительстве угольных разрезов, электростанций, жилых массивов и многих других объектов производственного и социально-бытового назначения. Советская помощь была неоценима в решении Монголией таких проблем, как организация здравоохранения и медицинского обслуживания населения, создание системы народного образования, позволившей стране в сжатые сроки ликвидировать неграмотность, широко познакомиться с достижениями мировой литературы и искусства. Бесспорна положительная роль Советского Союза в организации и развитии монгольской науки. В научных учреждениях СССР готовились научные кадры, в обеих странах длительное время международные коллективы совместно разрабатывали актуальные проблемы экономического строительства в МНР, в том числе в области физики, химии, горного дела, минералогии, геологии, биологии, медицины, географии и истории [История 1983: 562].

Кроме этого, Монголия вошла в состав ряда авторитетных мировых организаций в качестве равноправного партнера. Уже вхождение в состав Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО и др. расширило масштабы международного сотрудничества и оказалось жизненно важным при дальнейших драматических событиях мирового развития.

На протяжении 70 лет СССР и МНР проводили согласованную внешнюю политику. С началом перестройки широкое распространение получила практика регулярных консультаций правительств двух стран по актуальным внешнеполитическим проблемам, консультаций министров внутренних дел, в ходе которых обсуждались вопросы совместной деятельности на международной арене, в первую очередь, на азиатском континенте. Такие встречи носили регулярный характер, вплоть до распада СССР и социалистической системы, и осуществлялись в условиях острого идеологического противостояния двух систем. Это отражалось на системе взаимоотношений между двумя странами, когда Монголия была вынуждена следовать в фарватере внешней политики СССР. В свою очередь, это накладывало отпечаток на международные отношения в Азии, особенно на монгольско-китайские. Следует отметить, что это положение приобрело исключительную актуальность ввиду возрождения прежних державных установок Китая, который стал придерживаться менее сдержанной позиции во второй половине 1960-х гг., воспринимая нарастающий суверенитет Монголии с неоправданным раздражением с позиций прежней имперской державности. Все это не способствовало нормализации обстановки на азиатском континенте.

К сожалению, находясь в фарватере СССР, Монголия копировала советскую внешнеполитическую стратегию, опираясь на интернациональную помощь СССР и других стран социализма. Как следствие, у Монголии была сокращена возможность проведения самостоятельной, независимой внешней политики, так как Советский Союз проводил по отношению к ней политику ограниченного суверенитета, определив за собой приоритетное право в оценке международного положения и стратегии внешней политики.

4. Монгольско-российские отношения в постсоветский период

Мировые преобразования 1990–2000 гг. привели к кардинальному изменению геополитической ситуации на планете. Эти тектонические подвижки мировых систем существенно преобразовали российско-монгольские отношения. Новая Россия ослабила позиции в монгольском

направлении, что во многом объяснялось глубоким системным кризисом всех стран бывшей мировой системы социализма, коренным пересмотром фундаментальных основ собственных государств, резким падением национальных экономик, переоценкой ценностей, в том числе и тех, которые были завоеваны поколениями в ходе длительного исторического творчества. Стремительный подъем Восточной Азии, особенно фундаментальный подъем Китая, вспыхивающие динамики «драконов» и «тигров» азиатско-тихоокеанского региона коренным образом поменяли политическую расстановку сил в Восточной Азии, а затем и во всем современном мире. Жесткая полувоенная риторика уступила место другим стратегиям. Новый язык международных отношений и переговорной практики привел к формированию новой внешней политики России и Монголии. Новая траектория взаимоотношений России и Китая привела к новому уровню отношений с Монголией. Политика согласованных решений, исходивших из равного партнерства и взаимного уважения позволила Монголии не только преодолеть тяжелые последствия системного кризиса, но и самостоятельно определиться на пути собственного дальнейшего подъема, обретения нового уровня собственной национальной идеи. Российско-монгольские отношения от резкого охлаждения и кризиса двигались в направлениях усиления взаимного сотрудничества и взаимной выгоды. Однако спад экономического и научно-технического сотрудничества принял затяжной характер. Кроме того, большое число вопросов, без решения которых не могли развиваться двухсторонние отношения, оставались без ответа.

В период 1990-х – 2000-х гг. состоялась серия важнейших дипломатических актов, которые усилили потенциал взаимодействия двух стран, более четко определили формат взаимоотношений, создали механизмы реализации соглашений.

Среди значимых совместных проектов России и Монголии остались предприятия, вносящих существенный вклад в двухстороннее сотрудничество и развитие монгольской экономики, а также перспективные топливно-энергетические проекты с участием крупных нефтегазовых компаний. Российское участие в хозяйственной жизни Монголии не приобрело другие более высокие значимые характеристики.

В ходе многолетней работы была достигнута договоренность о завершении работы по инвентаризации договорно-правовой базы российско-монгольских отношений. Разрешение ряда важных вопросов, таких как «большой долг» Монголии, безвизовый режим, открыло новые возможности для наращивания всестороннего взаимодействия между двумя странами. Неоспоримый прогресс был достигнут в культурном и научном сотрудничестве.

3 сентября 2019 г. во время официального визита Президента РФ В. В. Путина в Монголию был подписан новый Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Монголией и Российской Федерацией [Монголия и Россия...]. Это выводит партнерство с декларативных позиций на более высокий уровень. Путь стратегического партнерства, который был найден в ходе длительного согласования формул сотрудничества, представляется новым этапом взаимоотношений, основанным на уважении трудного столетнего периода дружбы и взаимной поддержки.

Источники и литература

Документы внешней политики СССР. Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936 г. / под ред. К. Г. Деева. М.: Политиздат, 1974. 413 с.

История Монгольской Народной Республики. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. 664 с.

Монголия в борьбе за независимость (1939–1945 гг.): от Халхин-Гола до линкора «Миссури» / под ред. Б. В. Базарова, Л. В. Кураса. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2019. 155 с.

Монголия и Россия подписали новый договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве // Montsame. Mongolian News Agency от 03.09.2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.montsame.mn/ru/read/199582> (дата обращения: 30.06.2021).

Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв. / под ред. Б. В. Базарова, Д. Шүрхүү и др. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 204 с.

Учрал Н.-О. Международное признание независимого статуса Монголии // Власть. 2011. № 8. С. 102–104.

Монгол улс дэлхийн хоёрдугаар дайнд (1939–1945 гг.) / ред. Б. В. Базаров, Х. Шагдар. Улаанбаатар, 2020. 190 т.

Ц. Батбаяр
Институт истории и этнологии Монгольской академии наук
Улан-Батор, Монголия
mootonhargana@gmail.com

**МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ООН В 1955–1961 ГГ.:
ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПОДХОДОВ
К ЧЛЕНСТВУ МНР В ООН**

В статье исследуются различные аспекты взаимодействия СССР и США по монгольскому вопросу в рамках ООН в эпоху холодной войны. Автор показывает, как использование великими державами международной трибуны в собственных политических целях в условиях «холодной войны» препятствовало урегулированию спорных вопросов и способствовало затягиванию вопроса о приеме Монголии в состав ООН. Как и для других стран, для МНР вступление в ООН было вопросом национального престижа, признания легитимности и международного авторитета. Характер диалога между Москвой и Вашингтоном был решающим фактором при разрешении глобальных и локальных вопросов, и воля малых государств имела незначительный вес в международных делах.

Ключевые слова: ООН, Монголия, США, СССР, холодная война, членство МНР в ООН.

Ts. Batbayar
Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia

**THE MONGOLIAN QUESTION IN THE UN IN 1955–1961:
EVOLUTION OF SOVIET AND AMERICAN APPROACHES TO THE MEMBERSHIP OF
THE MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC IN THE UN**

The article examines various aspects of the interaction between the USSR and the United States on the Mongolian issue within the framework of the UN in the era of the Cold War. The author shows how the use of the international tribune by the great powers for their own political purposes during the Cold War hindered the settlement of controversial issues and contributed to the delay in the admission of Mongolia to the UN. As for other countries, for the Mongolian People's Republic, joining the UN was a matter of national prestige, recognition of legitimacy and international authority. The nature of the dialogue between Moscow and Washington was a decisive factor in resolving global and local issues, and the will of small states had little weight in international affairs.

Keywords: UN, Mongolia, USA, USSR, cold war, membership of the Mongolian People's Republic in the UN.

Монголия пять раз подавала заявку на вступление в ООН с 1946 г. – момента основания организации, вопрос о включении страны Советом Безопасности обсуждался не менее 13 раз. 25 октября 1961 г. члены Совета Безопасности единодушно поддержали и представили Генеральной Ассамблее рекомендации в поддержку о включении страны в состав ООН, после чего 27 октября 1961 г. Монголия стала официальным членом ООН.

После Женевского совещания глав правительств четырех мировых держав 1955 г. усилилась потребность в поиске мер по ослаблению международной напряженности, в расширении состава ООН представителями многих стран мира, в прекращении дискриминации со стороны крупных государств при избрании членов и в восстановлении репутации самой организации. Бандунгская конференция стран Азии и Африки 1955 г. призвала к расширению членского состава ООН и выпустила Рекомендацию с указанием конкретных стран.

13 ноября 1955 г. Госсекретарь США Джон Фостер Даллес встретился с министром иностранных дел СССР В. Молотовым в Женеве, где они подробно обсудили вопрос вхождения МНР в состав ООН. Даллес призывал исключить Монголию из списка 18 стран, рекомендованных к вхождению в ООН. Молотов утверждал, что нельзя исключать членство Монголии и что Индия недавно признала суверенитет страны. Даллес возразил тем, что представители Внешней Монголии не были приглашены на конференцию в Бандунг, и что страна не указана в Рекомендации. Для США

было важным присоединение из 18 стран 13 так называемых «свободных» государств, что отвечало общим интересам Запада.

В середине 1950-х гг. вопрос о приеме новых членов в ООН зашел в тупик, поэтому был признан приемлемым общий принцип – «универсальности», или присоединения стран группами, который поддержал Генеральный секретарь ООН Тругве Ли. В октябре 1953 г. представители Египта, Нидерландов и Перу основали «Комитет добрых услуг» (*Committee of Good Offices*), который разработал рекомендации о применении общего принципа при включении новых членов в состав ООН. 16 ноября 1955 г. 28 государств-членов ООН во главе с Канадой представили Генеральной Ассамблее проект совместного постановления о присоединении группы из 18 стран. Проект постановления об одновременном присоединении 18 стран широко обсуждался в ООН как «второе по значимости событие с момента основания организации в 1945 г.» [Leo Gross 1956: 791–827].

В декабре 1955 г. 52 члена Генеральной Ассамблеи поддержали предложение Канады и других 28 стран одновременно присоединить 18 стран к ООН. Однако при обсуждении на Совете Безопасности данной рекомендации представитель Чан Кайши наложил вето на МНР, представитель Советского Союза отказался дать согласие на прием в ООН Японии и Испании, в результате чего вопрос об одновременном приеме 18 стран остался неразрешенным. На специальном заседании Совета Безопасности 15 декабря представитель Советского Союза внес новое предложение о включении 16 стран из списка, за исключением МНР и Японии, и с согласия подавляющего большинства Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи эти 16 стран стали членами ООН. Когда представитель Советского Союза представил проект Рекомендации о присоединении Монголии и Японии на очередном заседании ООН в следующем году, представители США и Великобритании оказали сопротивление. Представитель США, господин Г. Лоудж (*Mr. Henry Cabot Lodge*) сказал: «Не следует ставить на один уровень Японию и Внешнюю Монголию. В то время как Япония внесла значительный вклад в мировую экономику и культуру, в то время как Монголия – это всего лишь «географическое понятие» [Монголын дипломатын нэвтэрхий толь бичиг 2014: 484–485].

Российский исследователь И. Гайдук пишет, что, начиная с 1953 г., с уходом И. В. Сталина из политики и избранием нового Генерального секретаря ООН Дуга Хаммершельда, конфликт вокруг ООН, в особенности связанный с вопросом приема новых членов, постепенно утихает и устанавливается совершенно новая атмосфера для расширения ООН и восстановления принципов универсальности, закрепленных в Уставе [Гайдук 2012: 215–220].

С 1955 г. Советский Союз выдвигает важные цели своей внешней политики – расширение членства в ООН, особенно, легитимность в ООН Китайской и Монгольской Народных Республик, а также присоединение к организации новых независимых стран Азии и Африки. Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев предложил новые принципиальные идеи, согласно которым страны с разной социальной структурой будут «мирно сосуществовать», а страны Азии, Африки и Латинской Америки, недавно обретшие независимость, станут «новой зоной мира». Согласно этой новой доктрине Советский Союз при приеме новых членов в ООН с 1955 г. полностью поддерживал принцип «универсализма» [Верг 1995: 386–391].

На заседании Совета Безопасности 12 декабря 1956 г. за членство Монголии проголосовали Советский Союз, Югославия, Иран и Перу, проголосовали против Чан Кайши и представитель президента Кубы Ф. Батисты, воздержались Австралия, Бельгия, Великобритания, США и Франция.

С 1961 г. администрация президента Кеннеди в связи с признанием суверенитета МНР в рамках ООН пересматривает свое отношение к Монгольской Народной Республике. На общем заседании Генеральной Ассамблеи ООН 19 апреля 1961 г. заместитель постоянного представителя США, посол Чарльз Йост (*Charles W. Yost*) огласил, что новая администрация США займет новую позицию в отношении «Внешней Монголии» или МНР.

Осенью 1961 г. президент Кеннеди направил Чан Кайши три официальных письма с просьбой не накладывать вето на МНР. Кеннеди ясно изложил свою позицию в письме Чан Кайши от 15 августа 1961 г.

В письме Джон Кеннеди отметил, что «Организация Объединенных Наций является важным полем битвы в международной борьбе между свободным миром и коммунизмом. Наша общая цель – сохранить положение Гоминьдана в ООН и удерживать в стороне Пекин или КНР». Кеннеди подчеркнул, что у Чан Кайши остается лишь выбор – либо покинуть ООН и отказаться от своего положения в Китае, либо поддерживать Внешнюю Монголию и заручиться поддержкой африканских стран, и тем самым сохранить позиции в ООН [Letter... 1961].

В сентябре 1961 г. Совет министров МНР утвердил состав делегации, которая должна была принять участие в обсуждении по вопросу включения Монголии в ООН. В нее вошли первый заместитель министра иностранных дел Д. Цэвэгмид (глава делегации), Б. Жаргалсайхан, Б. Дашцэрэн и О. Дамдиндорж. Согласно их путевым заметкам, 22 октября 1961 г., когда они приземлились в Нью-Йорке, их приветствовал постоянный представитель СССР при ООН В. А. Зорин и его сотрудники. На встрече с Зориным утром 23-го представители СССР сообщили: «Чан Кайши отстранен от участия в голосовании. Ожидается, что девять стран проголосуют за вступление МНР, Америка воздержится, а представители Чан Кайши не принимают участие. Мы собираемся в первую очередь обсудить вопрос по Монголии, а затем перейти к Мавритании». Представители СССР повлияли на постоянного представителя США при ООН Стивенсона (*Ambassador Adlai Stevenson*), чтобы вопрос по Монголии обсудить в первую очередь, и даже убедили его переговорить с президентом Кеннеди [ГХТА: 34–37].

Согласно подробному протоколу 971-го заседания Совета Безопасности ООН от 25 октября 1961 г., ходатайство МНР рассматривалось следующим образом. Заседание возглавил представитель Турции, предложивший сначала провести процедуру рассмотрения и голосования по ходатайству МНР, а затем перейти к рассмотрению ходатайства Исламской Республики Мавритания. Затем, постоянный представитель СССР при ООН В. А. Зорин ознакомил с представленным Советским Союзом проектом постановления о принятии в ООН Монгольской Народной Республики и призвал членов Совета Безопасности его поддержать.

В своем выступлении В. А. Зорин отметил, что «Монголия одна из стран, у которой древняя история, а в настоящее время у нее дипломатические отношения с 21 страной на четырех континентах, чья общая численность составляет более половины населения мира. Монгольская Народная Республика – одна из первых стран, подавших заявку на членство в Организацию Объединенных Наций, и Генеральная Ассамблея неоднократно призывала к ее включению, но по определенным причинам она до сих пор остается «вне стен ООН». В этой связи необходимо напомнить о резолюции Генеральной Ассамблеи № 1602 от 20 апреля с.г. В ней говорится: “Советские представители призывают членов Совета Безопасности правильно решить вопрос о членстве МНР в Организации Объединенных Наций и положить конец несправедливому обращению с этой страной, которая ждет присоединения к ООН с 1946 г.”» [ГХТА: 4–7].

В своем выступлении представитель США Ч. Йост (*Charles W. Yost*) ясно уведомил по поводу заявки МНР: «...задолго до этого господин Стивенсон уже заявил Совету Безопасности, что независимо от своей точки зрения США не будет вмешиваться в процесс включения Внешней Монголии в состав ООН. Причина этого понятна общественности. В прошлом апреле США приняли к сведению вывод Генеральной Ассамблеи о том, что Внешняя Монголия – это страна, которая может быть членом Организации Объединенных Наций. Мы уважаем решение Генеральной Ассамблеи и не будем вмешиваться в обсуждение этого вопроса ни здесь, ни в Генеральной Ассамблее. Поэтому, по постановлению о приеме Внешней Монголии США воздержится от голосования» [ГХТА: 9–10].

25 октября 1961 г. Совет Безопасности ООН провел голосование по вопросу одновременного приема двух стран в ООН – Монголии и Мавритании. Проект постановления, рекомендуящий прием Монгольской Народной Республики, поддержали Советский Союз, Великобритания, Франция, Цейлон, Чили, Объединенные Арабские Эмираты, Эквадор, Либерия и Турция. США воздержались от голосования, а представитель Чан Кайши не принял участия в голосовании, покинув зал.

27 октября 1961 г. в 15:00 состоялась сессия Генеральной Ассамблеи, на которой обсуждались вопросы вступления Монголии и Мавритании. Проект постановления, внесенный представителями 23 стран во главе с СССР, без голосования единогласно был одобрен аплодисментами. Руководитель службы протокола секретариата ООН пригласил представителей Монголии пройти с мест временных наблюдателей на места с официальной надписью «Монголия».

Выводы.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. соотношение сил в ООН между крупными государствами и бывшими колониями, независимыми странами Азии, Африки и Латинской Америки изменилось. С середины 1950-х гг. Советский Союз и его новое руководство в лице Н. С. Хрущева проводили в отношении стран с различными социальными структурами «политику мирного сосуществования» и применили совершенно новый подход в деятельности ООН. На мировой арене появились государства Азии и Африки, недавно обретшие независимость, и решающее влияние оказал тот факт, что МНР смогла заручиться их твердой поддержкой и установить солидарность с ними. В то же время

многолетняя политика Чан Кайши по противодействию МНР становится все более безуспешной, позиции КНР все больше укрепляются, а усилия по изгнанию Чан Кайши и завоеванию законного положения КНР в ООН еще больше усиливаются. В этом контексте США, Великобритания и Франция скорректировали свою политику в отношении Монголии, а Великобритания и Франция поддержали присоединение Монгольской Народной Республики к Организации Объединенных Наций. США открыто заявили, что не будут противостоять присоединению МНР к ООН. Таким образом, представленный Советским Союзом проект постановления был поддержан постоянными и непостоянными членами Совета Безопасности, США воздержались от голосования, а Тайвань, покинув аудиторию, не принял участия в голосовании, вследствие чего Монгольская Народная Республика стала полноправным членом и получила законное место в Организации Объединенных Наций в октябре 1961 г.

Источники и литература

- Монгол Улсын Гадаад харилцааны төв архив (ГХТА). Ф. 61. Д. 01. Хн. 22. БНМАУ-аас НҮБ-д элсэхээр бичсэн өргөдлүүд. 1946–1957. Х. 7.
- ГХТА. Ф. 61. Д. 01. Хн. 28. БНМАУ НҮБ-д элсэн орсон тухай баримт. Х. 167.
- НҮБ ба Монгол Улс. Баримтын эмхэтгэл. Хууль зүйн Үндэсний төв. Улаанбаатар, 2008.
- Letter from President John F. Kennedy to President Chiang Kai-shek, August 15, 1961. JFKNSF-026-005-r0047. Papers of John F. Kennedy. John F. Kennedy Presidential Library and Museum [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://jfklibrary.org> (дата обращения: 01.07.2021).
- Болд Р. Монголын тусгаар тогтнол ба АНУ (1910–1973). Улаанбаатар: “Нэнко” хэвлэл, 2008.
- Дүгэрсүрэн М., Гомбосүрэн Ц. XX зууны Монгол улсын гадаад бодлогын түүхэн тойм. Улаанбаатар, 2004.
- Монголын дипломатын нэвтэрхий толь бичиг. Дэд боть, Улаанбаатар, 2014.
- Гайдук И. В. В лабиринтах “холодной войны”: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М.: ИВИ РАН, 2012. 331 с.
- Верг Н. История Советского государства 1900–1991. Изд. второе, испр. Пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1995. 480 с.
- Leo Gross. Progress towards Universality of Membership in the United Nations // *The American Journal of International Law*. Vol. 50. № 4 (oct., 1956). Pp. 791–827.
- “Үнэн” сонин. 1946–1961 он.

В. А. Родионов
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
vladimir_198025@mail.ru

ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ В МОНГОЛИИ¹

В статье описываются основные направления политики «мягкой силы» России в отношении Монголии. К таковым относятся апелляция к общему героическому прошлому, русский язык и образование.

Ключевые слова: Россия, Монголия, «мягкая сила», история, русский язык, образование.

V. A. Rodionov
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

RUSSIA “SOFT POWER” POLICY IN MONGOLIA

The article describes the main directions of Russia’s “soft power” policy towards Mongolia. There are appeal to the common heroic Past, the Russian language and education.

Keywords: Russia, Mongolia, “soft power”, history, Russian language, education.

«Мягкая сила», понимаемая как «способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности» [Nyе: 38], представляет собой важный инструмент во внешнеполитической деятельности государств мира. Она уже давно перестала быть сугубо академическим термином, прочно войдя в лексикон государственных деятелей. В действующей Концепции внешней политики РФ, принятой в 2016 г., указано, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов “мягкой силы”, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» (Концепция). Политика России на монгольском направлении также предполагает использование широкого круга методов, включая “мягкую силу”».

В начале 1990-х гг. была открыта новая страница в истории отношений России и Монголии. Взаимный отказ двух государств от социалистической идеологии и союзнических отношений привел к коренным изменениям в системе двустороннего сотрудничества. Стремясь укрепить добрососедские отношения с Россией и Китаем и развить партнерские связи с внерегиональными державами, Монголия отказалась от членства в каких-либо военно-политических союзах и сделала ставку на многоопорную внешнюю политику. Конкурентная среда, созданная под влиянием данной политики Улан-Батора, заставляет основных игроков, включая Россию, активно использовать методы «мягкой силы».

По общему мнению, имидж, или образ страны можно считать центральной частью «мягкой силы». Согласно данным социологических опросов, ежегодно проводимых известным фондом Монголии «Сант Марал», Россия воспринимается как самый желанный зарубежный партнер Монголии, а отношения с россиянами видятся монголам как наиболее комфортные.

Пытаясь понять причины положительного образа России, необходимо обратиться, прежде всего, к истории отношений между странами в эпоху социализма, когда СССР и советские граждане воспринимались в Монголии как самый надежный союзник и друг монгольского народа, образно обозначались в качестве «старшего брата», т.е. морального авторитета. И хотя с тех пор роль России в отношениях с Монголией кардинально изменилась, для многих монголов (особенно старшего и среднего поколения) наша страна по-прежнему ассоциируется с самыми позитивными страницами своей истории.

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-514-44001 «Мягкая сила в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ».

Таблица 1

Какая страна является лучшим партнером для Монголии? (%) (Sant Mara)

Годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	53,3	59,0	61,1	66,6	69,8	70,0	67,8
Китай	1,2	1,3	1,6	0,6	0,8	2,4	5,8
Южная Корея	1,9	0,7	1,6	0,9	2,4	4,0	3,9
США	7,6	6,5	6,8	6,5	6,3	5,6	4,6
Япония	4,8	7,0	6,3	7,3	5,9	7,3	6,1
ЕС и Великобритания	2,8	2,3	4,0	1,6	1,3	4,6	2,3

Таблица 2

С гражданами какой страны монголы лучше общаются и сотрудничают? (%) (Sant Maral)

Годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	25,4	31,3	38,7	32,1	42,5	34,0	32,3
Китай	14,5	10,8	10,7	13,6	9,8	11,3	19,3
Южная Корея	10,7	7,1	13,9	17,8	19,0	30,7	28,5
США	2,7	2,3	1,6	1,9	1,8	3,3	1,9
Япония	4,5	6,2	4,5	6,2	7,3	5,4	4,6
ЕС и Великобритания	1,5	1,2	1,2	0,8	0,8	2,1	0,7

В связи с этим логичными выглядят усилия российских организаций, ведущих свою деятельность в Монголии, по актуализации в общественном сознании монголов таких значимых исторических событий, как совместная победа в боях на реке Халхин-Гол и в освободительной войне 1945 г., большая роль России в становлении независимости Монгольского государства, развитии его экономики, социальной сферы, науки и образования. Достаточно вспомнить серию торжественных мероприятий, проведенных в 2019 г. в честь 80-летия победы на Халхин-Голе, кульминацией которых стал визит в Монголию президента России В. В. Путина. Вместе с тем, как отмечает В. И. Терентьев, многие подобные мероприятия плохо рекламируются, проводятся, в первую очередь, для официальных лиц и тех монголов, которые тем или иным образом связаны с Россией. В то время как рядовые граждане Монголии мало представлены на таких мероприятиях [Терентьев 2018: 46]. В результате эффект оказывается незначительным.

В социалистический период важнейшим ресурсом советского влияния в Монголии был русский язык. С 1950-х гг. во всех общеобразовательных школах Монголии с 5 класса русский язык стал обязательным предметом. К началу 1990-х гг. 67,5 % монголов читали и понимали по-русски, 45 % – писали, 44,8 % – понимали, 33,7 % – говорили [Фалилеева: 14]. Практически вся управленческая и интеллектуальная элита социалистической Монголии свободно владела русским языком, а сам язык носил неофициальный статус второго государственного.

Сокращение экономических, научно-образовательных, культурных связей между Россией и Монголией в 1990-е гг. на фоне расширения контактов со странами Запада и Востока снизило ценность и практическую значимость русского языка в глазах монгольского общества. С 2002 г. обязательным для изучения в монгольских школах стал английский. Русский язык в свою очередь вошел в число факультативных предметов наряду с другими иностранными языками. Однако, несмотря на в целом негативную тенденцию сокращения пространства русского языка в Монголии, определенный интерес к нему остался в силу сохраняющихся торгово-экономических связей, активизировавшегося в последние годы научного и образовательного сотрудничества. Среди прочих факторов сохранения интереса к русскому языку в Монголии можно выделить:

- 1) сохраняющееся значительное количество людей, владеющих в различной степени русским языком;
- 2) увеличившиеся за последнее время в связи отменой визового режима повседневные контакты между русскими и монголами;
- 3) наличие общего для обоих языков алфавита – кириллицы.

Несмотря на формальное возвращение русского языка в школьную систему Монголии в последние годы, условия для его преподавания, по мнению экспертов, не отвечают методическим требованиям. Учебники содержат фактические, грамматические и стилистические ошибки, ощущается острая нехватка учителей русского языка, большая часть из которых относится к старшему поколению [Терентьев 2017: 58]. Престижные школы Улан-Батора, осуществляющие обучение на русском языке, являются платными, что не всегда по карману средней монгольской семье. В результате малоимущие слои населения, в том числе из сельской местности, лишены возможности получить качественное образование на русском языке.

Ресурсом, тесно связанным с распространением русского языка и российской культуры, является высшее образование. Как и в случае с русским языком, престиж российского высшего образования, несмотря на некоторое снижение в начале постсоциалистического периода, сохранился на довольно высоком уровне. Во-первых, в Монголии по-прежнему функционирует созданная в социалистическую эпоху инфраструктура, технологически основывающаяся на советских / российских стандартах – Улан-Баторская железная дорога, горно-обоганительный комбинат Эрдэнэт, система ТЭЦ. Обслуживание и периодическое обновление данных технологически сложных объектов требует соответствующих специалистов, подготовка которых возможна только в России. Во-вторых, наработанные за годы социализма академические и образовательные связи, в том числе через систему совместных научно-исследовательских экспедиций, также не могли полностью исчезнуть. Потребность в продолжении научных исследований объективно создала условия для воспроизводства новых кадров за счет направления монгольской молодежи в российские вузы. В-третьих, российское образование с точки зрения соотношения «стоимость обучения – качество образования», по мнению исследователей, в наибольшей степени соответствует уровню доходов средней монгольской семьи и удовлетворяет образовательные потребности монгольской молодежи [Фалилеева: 12]. Наконец, не последнюю роль играет фактор влияния старшего поколения монголов на умонастроения своих молодых соотечественников. Показательны в этом смысле слова генерального секретаря Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы С. Эрдэнэмаама: «У нас в стране все еще есть огромное количество людей, получивших образование в России, в бывшем Советском Союзе, в странах СНГ. Они-то знают, что такое российское образование, что такое русский язык, что такое русский человек, что есть русский характер и т.д. Они, их дети и внуки просто не могут не тяготеть к этому великому языку» [Мунхцэцэг].

В последние годы российская сторона постепенно увеличивает количество мест в вузах страны для обучения граждан Монголии за бюджетный счет, что влечет за собой общее увеличение монгольских студентов в России, способствует популяризации отечественного высшего образования, а, следовательно, и улучшает образ нашей страны среди молодых монголов.

Таблица 3

**Динамики численности квот для монгольских студентов в российских вузах
(Образование в России)**

Учебные годы	Количество мест
2000–2001	150
2004–2005	200
2009–2010	230
2010–2011	270
2011–2012	300
2014–2015	383
2017–2018	450
2018–2019	500
2020–2021	550

Каналом наращивания российского влияния в Монголии могли бы стать СМИ, способные транслировать на монгольскую аудиторию привлекательные образы России и задавать выгодную российской стороне повестку. В условиях ограниченного пространства русского языка в Монголии наличие российских монголоязычных каналов информации стало бы существенным подспорьем в деле продвижения социокультурного влияния России. К сожалению, на данный момент в Монголии нет ни одного представительства российских СМИ, способных предоставлять альтернативную западным масс-медиа информацию о России и мире. В результате такие важные для отношений между странами события, как безвозмездная передача российской стороной военной техники и совместные военные учения, предоставление крупной партии вакцин для монгольского скота, оказание гуманитарной помощи в случаях стихийных бедствий остаются вне поля зрения широкого круга общественности Монголии, либо подаются монгольскими СМИ сухо и буднично.

Помимо указанных выше проблем и ограничений российской политики «мягкой силы» в Монголии необходимо указать на следующее. Деятельность таких институтов, как Посольство РФ в Монголии, Российский центр науки и культуры, фонд «Русский мир» при всей их важности и результативности имеет свои ограничения в плане продвижения российских интересов в социокультурной сфере. Все эти структуры являются государственными организациями и напрямую ассоциируются с политикой Российского государства. Это, в свою очередь, нередко порождает недоверие среди граждан Монголии, опасющихся попадания страны под иностранное влияние. Кроме того, по этой же причине российские институты «мягкой силы» становятся удобными мишенями для критики со стороны различных НПО (правозащитных, религиозных, экологических и пр.), ориентированных на Запад, Японию или Южную Корею. В связи с этим важнейшей задачей в рамках стратегии «мягкой силы» в Монголии является увеличение участия российских НПО, способных продвигать интересы России без формальной привязки к государственным структурам.

Источники и литература

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 01.08.2021).

Мунхцэцэг Б. Русский язык в Монголии угасает при отсутствии политических усилий [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2173654.html> (дата обращения: 01.08.2021).

Образование в России для иностранцев [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://studyinrussia.ru/> (дата обращения: 01.08.2021).

Терентьев В. И. Россия и россияне глазами современных монголов // Азия и Африка сегодня. 2018. № 10. С. 45–50.

Терентьев В. И. Русский язык в Монголии сегодня // Азия и Африка сегодня. 2017. № 9. С. 56–60.

Фалилеева Н. В., Филин С. А., Дугаржав Л., Ерофеева И. А. Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования // Приоритеты России. 2013. № 12. С. 10–22.

Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 192 p.

Sant Maral Foundation. *Politbarometer* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.santmaral.org/publications> (дата обращения: 01.08.2021).

Ц. Цэрэндорж
Институт истории и этнологии Монгольской академии наук
Улан-Батор, Монголия

МОНГОЛЬСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СМИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ (1921–1941)

В статье рассматриваются монгольско-российские отношения с точки зрения третьих стран на основе статей, опубликованных в корейских периодических изданиях. В первой половине XX в. политические новости Монголии представляются более всего в широко издаваемой корейской газете Top A Ilbo (동아일보, 東亞日報) или East Asian Daily News. Газета опубликовала сотни статей о монгольско-советских отношениях в 1920–1940-е гг. Также источниками послужили Naver News Library [<https://newslibrary.naver.com>] – крупнейший новостной веб-сайт Республики Корея, и газеты, изданные в 1920–1999 гг.: «Новости столицы и регионов» (경향신문), «Daily Economy» (매일경제) и «One Nation» (한겨레).

Ключевые слова: Монголия, СССР, Корея, монгольско-советские отношения, монгольско-российские отношения, СМИ, газета.

Ц. Цэрэндорж
Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, угсаатны зүйн хүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс

МОНГОЛ-ОРОСЫН ХАРИЛЦАА СОЛОНГОСЫН ХЭВЛЭЛ МЭДЭЭЛЛИЙН ХЭРЭГСЭЛД ТУССАН НЬ (1921-1941)

Оршил

XX зууны Монгол-Оросын харилцааг гуравдагч орны байр сууринаас хэрхэн ойлгон үнэлж байсан бэ гэдэг асуудал бол судалгааны шинэхэн бөгөөд сонирхолтой сэдэв юм. Бид энэ удаа Солонгосын тогтмол хэвлэлд нийтлэгдсэн Монгол–Оросын харилцаанд холбогдох мэдээ, нийтлэлийг тоймлон судлах зорилт тавив. Тэгэхдээ XX зууны эхэн хагаст Монголын улс төртэй холбоотой мэдээ баримт хамгийн их нийтлэгдсэн солонгос сонин болох “Тон А Илбо (동아일보, 東亞日報)” буюу “Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сонины мэдээнд тулгуурлав. Тус сонин нь 1920–1940 он хүртэл хэвлэгдэж байгаад 1945 он хүртэл 5 жилийн хугацаанд түр завсарласан ба түүнээс хойш одоог хүртэл тогтмол хэвлэгдэж буй Солонгосын хамгийн том өдөр тутмын сонины нэг ажээ [Ариунзаяа 2019: 45].

Бид энэхүү илтгэлийг бичихийн тулд БНСУ-ын хамгийн том мэдээллийн цахим хуудас болох “Naver”-ээс эрхлэн гаргадаг “Naver News Library” [<https://newslibrary.naver.com>] хэмээх сонины мэдээллийн цахим сангаас хайлт хийж үзсэн бөгөөд тус сан дахь “Нийслэл ба орон нутгийн сонин” (경향신문), “Өдөр тутмын эдийн засаг” (매일경제), “Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” (동아일보), “Нэг үндэстэн” (한겨레) гэсэн 4 сонины 1920-1999 онд нийтлэгдсэн бүх мэдээний дотроос 1920–1940-өөд онд хамгийн олон мэдээ нийтлэгдсэн “Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сониныг сонгон авав. Тус сонинд 1920–1940 оны хооронд Монгол–Зөвлөлтийн харилцаанд хамаарах зуугаар тоологдох мэдээ нийтлэгдсэн бөгөөд тэдгээрийг энэхүү судалгаандаа хамруулав.

***

1921 оны Ардын хувьсгалаас хойшхи Монгол-Оросын харилцааны талаарх мэдээ нийтлэлийг улс төр, эдийн засаг гэх мэтээр ангилан танилцуулж болох хэдий ч тэгж ангилан танилцуулбаас тухайн цаг үеийн ерөнхий дүр зургийг ойлгоход бэрхшээлтэй болох тул он цагийн дарааллаар тоймлон өгүүлсүгэй.

Юуны өмнө, 1921 онд бүрэлдэн тогтсон Монгол-Зөвлөлтийн харилцааны урьдач нөхцөл болсон Оросын цагаантны тухай мэдээнээс эхлэн тайлбарлах нь зүйтэй гэж үзлээ. Тусгаар тогтнолоо сэргээх гэсэн монголчуудын үйл ажиллагаа, үүнийхээ төлөө Оросын цэрэг-улс төрийн бүлгүүдтэй холбоо тогтоохыг оролдсон хийгээд цагаантны цэргийн үйл ажиллагааг харуулсан мэдээнүүд 1920 оноос эхлэн гарч байна. Тухайлбал, “Монголын шинэ ван тэргүүтнүүд шинээр тусгаар тогтнохоор генерал Семёновтой хэлэлцээр хийсэн (1920.09.15), “өөртөө засах эрхээ тунхагласан Гадаад Монгол Семёнов (세미노프) болон түүний харьяат Унгерн (우랭겔)–ий цэрэг Монголд орж ирэн Манж-

Монголын эзэнт гүрнийг (滿蒙大帝國, 만몽대제국) байгуулна” гэж байгаа (1921.02.21), Орос (цагаантан), Монголын хамтарсан цэргийн хүч Маймаачинг довтлох зорилготойгоор давшилж байгаа (1921.02.23), Хутагт (Богд хаан – Ц. Ц.) Алтайн чиглэлд ч үйл ажиллагаа явуулж хэт даврагсдын (цагаантны – Ц. Ц.) толгойлогч Анненков, мөн Бакич-д цэргийн хоол хүнс, хувцас хэрэгслээр хангаж туслахаа мэдэгдсэн (1921.03.10) гэх мэт мэдээ анх гарч байна.

Харин Ардын журамт цэрэг Хиагт хотыг чөлөөлсөн үйл явдлын талаар, “Гадаад Монголын зөрчил туйлдаа хүрэх” гэсэн гарчигтайгаар “Хиагт 18-ны өдөр Унгерний цэргүүдэд эзлэгдэж генерал Чэнь И Чита хавь руу зугтсан гэсэн мэдээ байна” (1921.03.24) хэмээн бичсэнээс үзвэл Унгерний цагаантнууд 3-р сарын 18-нд Хиагтаас гамин цэргийг хөөн гаргасан гэж буруу ойлгосон ажээ. Түүнээс хойшхи Унгерний цэрэг, улс төрийн үйл ажиллагааны талаар хэд хэдэн мэдээ гарч байна.

Харин 1921 оны 6-р сараас эхлэн Зөвлөлт Орос улс, АДБНУ-ын цэргийн үйл ажиллагааны талаар мэдээ гарч эхэлж байна. Тухайлбал, 1921.06.23-ны дугаарт “Монгол дахь Оросын цэргийн довтолгооны бодлого” хэмээх гарчигтайгаар “Читагийн засгийн газар 20.000 цэрэг Монголд оруулж Хүрэнээс Орос улсын самуун бүлэг (露國凶徒, 노국흉도)-ийг хөөн гаргаж цаашдаа Гадаад Монголыг хуучин байдалд нь оруулах үед ямар ч болзолгүйгээр Хятадад буцааж хавсаргана гэсэн мэдэгдлийг Хятадад илгээсэн” тухай мэдээ нийтлэгджээ. Харин 1921.08.10-ны дугаарт “Читагийн цэргүүд Монголд нэхэн мөшгиж байна” гэсэн гарчгийн доор “Читагийн засгийн газрын цэргүүд Унгерний цэргүүдтэй хийж буй дайн үргэлжилсээр Монголын газар нутагт орж ирсэн гэсэн мэдээ баттай бөгөөд Унгернийг Читагийн засгийн газрын цэргүүд нэхэн мөшгиж байгаа ба түүний цэргүүд Ховд орчмын нутагт ухраад байна” хэмээн мэдээлж байжээ. Үүнээс цааш Зөвлөлтийн улаан цэргийн үйл ажиллагаа, Зөвлөлт–Монголын харилцааны талаар “Улаан цэрэг Монголд тонуул хийж байна” (1921.08.15), “Ажилчин тариачны [Зөвлөлт улс] Монголыг дэмжиж байна” (1921.10.13), “Алс Дорнодын улс Монголыг эзэмших нь” гарчгийн доор “Унгернийг шахан зайлуулсан Алс Дорнодын Бүгд Найрамдах Улс Монгол дахь байр сууриа сахин хамгаалах санаатайгаар үгсэн хуйвалдаж, Алс Дорнодын Бүгд Найрамдах Улс нь Хүрээ, Манжуурын хоорондох замд санаархах байдалтай байгаа ба ингэснээр Америкийн худалдаачид энэ газарт үйл ажиллагаа явуулахад таатай болж ирж байна” (1921.10.16) гэх зэргээр тус тус мэдээлж байжээ.

Бусад монгол угсаатны талаар өгүүлсэн нэгэн сонирхолтой баримт дурдахад, 1921.11.01-ний дугаарт “Монгол үндэстний өөртөө засах эрх” гарчгийн доор “Саявтар Буриад–Монгол улсын ардын хурал (브리아드蒙古國民會議)-аас бид төв засгийн газарт итгэх болно, ... бид өөртөө засах эрхээ Алс Дорнодын Бүгд Найрамдах улсын хувьсгалт хөдөлгөөнтэй нэгдэж байж л олж чадах болно гэж мэдэгдлээ” гэсэн мэдээ гарсан байна.

1921 оны эцсээр байгуулагдсан Монгол–Зөвлөлт Оросын гэрээ тухайн үед солонгосчуудын анхаарлыг татсаар байсан нь дараах мэдээнээс харагдаж байна. Тухайлбал, 1921.11.29-ний дугаарт “Орос–Монголын найрамдлын гэрээ байгуулагдаж, харилцан тусгаар тогтнолоо хүлээн зөвшөөрөв”, “Орос Монголын хэлэлцээр” гарчигтайгаар “Ажилчин тариачны засгийн газар, Монголын хооронд гэрээ хэлэлцээр хийгдэж Монгол тусгаар тогтнолын цэргээ эргүүлэн татаж, халдлагаа зогсоох гэсэн нөхцөл тавин шийдвэрлэхээр болжээ. Мөн гадаад худалдааны гэрээ хийхээр зөвшилцөж байгаа гэнэ” (1922.02.08), “Орос Монголын хоорондох албан ёсны гэрээ” (1922.03.14) гэх мэт мэдээ нийтлэгджээ. Сүүлчийн мэдээнд дурдсанаар гэрээний агуулга нь дараах байдалтай байжээ:

1-рт: Хүрээний засгийн газар болон Москвагийн засгийн газар хоорондын хамтын ажиллагааг өргөжүүлэн, хамгаалах;

2-рт: Хүрээний засгийн газар жил бүр 20 сүрлэн торх буудайг Москвагийн засгийн газарт нийлүүлэх;

3-рт: Москвагийн засгийн газар лаазалсан бүтээгдэхүүн, хоол хүнс, хонины ноос, бусад бөс даавуу болон аж үйлдвэрийн бүтээгдэхүүнээр түүний хөлсийг төлөх;

4-рт: Москвагийн засгийн газраас Хүрээнд оруулж буй импортын барааны татварыг багасгах;

5-рт: Гадаад Монголд тавигдах төмөр зам, авто зам, уул уурхайн олборлолттой холбоотойгоор хоёр улсын засгийн газар хамтран ажиллах;

6-рт: Гадаад Монголын гол мөрөнд загасны аж ахуйг ч мөн хоёр улсын засгийн газар хамтран ажиллах.

Улмаар 1922.03.26-ны дугаарт “Орос, Монголын байгуулсан гэрээний тухай” гэсэн гарчигтайгаар “Өнгөрсөн жилийн 11-р сард Москвад ажилчин тариачны төлөөлөгч мөн Монголын

ардын засгийн газрын төлөөлөгч нар гэрээ хийж Орос–Монголын холбоотны гэрээ байгуулсан ба хоёр тал тус тусын засгийн газрыг хууль ёсны засгийн газар гэж хүлээн зөвшөөрөх, бүрэн эрхт дипломат төлөөлөгч ба консулыг харилцан солилцох гэрээ байгуулжээ” гэж мэдээлсэн бөгөөд 1922.04.30-ны дугаарт “Монгол тусгаар тогтнолоо тунхаглав. Ажилчин тариачны болон холбоотны батлан хамгаалах гэрээ байгуулав” гэсэн гарчигтай товч мэдээ нийтлэгджээ.

Харин 1922.06.23-ны дугаарт нийтлэгдсэн “Орос Монголын худалдааны гэрээ” гэсэн гарчигтай мэдээнд “Сүүлийн үед Ажилчин тариачны засгийн газар нь Хятад улсын засгийн газар дотоод зөрчлөөсөө шалтгаалан Монголын нутгийг үл хайхарч байгаа завшааныг ашиглан Читагийн засгийн газрын гишүүн Амгаев (아마구에프)-ыг Хүрээнд томилж Орос-Монголын худалдааны гэрээг тус тус харилцан зөвшөөрөх талаар хэлэлцэн бодит үр дүнд хүрч байгаа ажээ” хэмээн мэдээлж байжээ.

Дээрхээс үзвэл, 1921 онд байгуулагдсан Монгол–Оросын гэрээ, хэлэлцээрүүд нь олон улсын сонирхлыг ихэд татаж байсан нь тодорхой байна.

Түүнээс гадна, анхаарал татаж байсан чухал сэдэв бол Монгол дахь Зөвлөлтийн цэргийн үйл ажиллагаа, Зөвлөлтийн цэргийг Монголоос гаргах асуудал байжээ. Тухайлбал, “Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сонины 1922.08.31-ний дугаарт “Гадаад Монголоос цэргээ татахаар зөвшилцөж байна” хэмээх гарчгийн доор “Ажилчин тариачны засгийн газрын төлөөлөгч Хятадтай ойртон нөхөрлөхийг урьдач нөхцөл болгож, Гадаад Монголоос цэргээ татах хэлэлцээр хийх тухай дараах болзлыг тавив” гээд 3 болзлыг бичжээ. Мөн 1923.01.02-ны дугаарт “Тариачны Орос улсын Монголын талаарх санаархал” хэмээх гарчигтайгаар Монголыг дэлгэрэнгүй номхтогч сайд Наянт [ван] Гадаад Монголд болон саяхан Манжийн хойд нутагт нэвтэрсэн улаан цэргийн талаар мэдээлээд, Гадаад Монгол дахь Орос цэргийн үймээн самуун .. нь Ажилчин тариачны засгийн газрын бодлого нь Хуучин (Хаант) Орос улсын домгийн шинжтэй бодлогоос өчүүхэн төдий ч ялгаа алга байна” хэмээн мэдэгдсэн тухай; 1923.01.09-ний дугаарт “Монголын нөхцөл байдал сэргэх талаар” хэмээх гарчгийн доор “Дэлгэрэнгүй тохинуулах сайд Наянтын мэдээнээс үзвэл Орос, Монголын шинээр хийсэн хэлэлцээрээр онцгой пүүс байгуулах гэрээ байгуулж ажилчин тариачны Орос улс 10.000 гаруй цэрэг нэмж Жалан өртөө(?) (札蘭站, 찰란참)-г довтолж, ван ноёд, худалдаачдад халдан Хүрээ, Улиастай, Тагна [Урианхайн] нутагт ард иргэдийг нүүлгэн эцэст нь булаан эзэлснээ зарласан гэсэн байна” гэх зэргээр мэдээлж байжээ.

Мөн 1923 оны дугааруудад Орос, Монгол улс 10 зүйл бүхий шинэ гэрээ байгуулсан, Монголоос цэргээ татах тухай Оросын тавьсан болзол, Оросын 8000 цэрэг Монголд байрлаж буй тухай; Монголын засгийн газар Оростой дотносох бодлого барьж буй, Монгол улс Оросын засгийн газрыг хүлээн зөвшөөрсөн тухай;

Хүрээнд болсон Бүх Монголын ардын их хурал 93 хүний бүрэлдэхүүнтэй хуралдсан ба Ажилчин тариачны холбоот улстай нууц гэрээ хэлэлцээрээ бэхжүүлэхээр шийдвэрлэсэн тухай; Улаан цэргүүд дур зоргоор авирласан тухай; Гадаад Монголын Оросын талыг баримтлагч нам нь Орос улс Хутагттай нууц гэрээ байгуулснаас хойш дур зоргоор авирласан үйлдэл их гарах болсон учир эрс эсэргүүцэх цэргийг хөдөлгөсөн тул хоёр талын цэргүүд ширүүн тулалдаж байгаа тухай гэх зэрэг мэдээ нийтлэгджээ.

1924 оноос эхлэн Монгол-Зөвлөлтийн харилцаатай холбоотой мэдээ бага зэрэг ихэссэн байна. Эл үед Зөвлөлт-Хятадын гэрээ байгуулагдсантай холбоотойгоор Монголын гадаад нөхцөл байдал түгшүүртэй болж ирсэн билээ.

Үүнтэй холбогдуулан Зөвлөлт Монголоос цэргээ татах тухай; ЗХУ Монголд төмөр зам барих гэрээ хэлэлцээр болон үүнтэй холбоотой Хятадын талын байр суурь гэх мэт мэдээлэл голчлон гарч байна. Тухайлбал, Монгол коммунист засаглалтай болж, Буриадын засгийн газрыг Верхнеудинскээс Хүрээ рүү шилжүүлэхээр болсон агаад эдүгээ бэлтгэл ажил эхлээд байгаа ба нүүлгэн шилжүүлэх ажлыг Сэлэнгэ мөрний мөс хайлснаас хойш хийж эхлэх тухай; Бээжин дэх Оросын элчин төлөөлөгч Карахан саяхан Бээжинд Тусгаар тогтносон БНМАУ-ыг зарлан тунхагласныг Хятадын засгийн газарт хүлээн зөвшөөрүүлэхээр оролдож буй; Орос-Монголын хооронд гэрээ байгуулагдсан; Карахан Монголын асуудлаар буулт хийсэн; Зөвлөлт улс Монголоос цэргээ татах тухай хэлэлцээрийн төсөл, Монголын язгууртнууд Орос цэргийн харгислал дарамтын улмаас Бээжингээс цэргийн тусламж хүссэн; оросууд Монголд байр сууриа улам бэхжүүлж, Монголд Оросын цаасан мөнгийг гүйлгээнд оруулах, Монголын сургуульд Оросын боловсролын хуулийг голлон хэрэгжүүлэх, орос хэлийг монголчуудын дунд түгээн дэлгэрүүлэхээр төлөвлөж буй; 12 зүйл бүхий Орос-Монголын нууц гэрээ байгуулагдсан; Хүрээний улаан цэргийн удирддаг Оросын талын сургуульд элсэн орсон монголчууд

6000 гаруй болоод байсан ба сургуулиасаа гарагчид хурдацтай нэмэгдэх хандлагатай байгаа гэх мэт мэдээ, өгүүлэл нийтлэгджээ.

Харин 1925 оны дугааруудад Орос улс нь Монголын төлөөлөгчдийг Орос улсад суухыг зөвшөөрсөн хийгээд Оросын офицер Монголын цэрэгт алба хаасан явдал нь Орос, Хятадын гэрээ хэлэлцээрийг зөрчсөн гэж үзэн Хятадын Гадаад явдлын яамнаас Оросын элчин сайд Караханд эсэргүүцэл илэрхийлэхээр шийдвэрлэсэн; “Монгол улс бол Хятад улсын нэг хэсэг мөн гэсэн Чичериний мэдэгдэл”; Москвад болсон эрдэм шинжилгээний хурлын үеэр Монголыг төлөөлөн оролцсон хүн хуримын ховор үнэт эдлэлийг авч ирсэн бөгөөд Монголын вангуудын эртний газрын зураг, монгол хэлээрх “Юань улсын судар” 15 дэвтэр, Монголын олон ван гүнгүүдийн угийн бичиг, монгол зураачийн өвөрмөц сонин бүтээлүүдийг дэлгэн харуулсан тухай гэх мэт цөөн тооны мэдээ гарчээ.

Харин 1926 онд “Ажилчин тариачны [засгийн газар] бүх Монголд нарийн төмөр зам тавихаар төлөвлөж байна” гэсэн гарчигтайгаар Ажилчин тариачны засгийн газар (ЗХУ-ын засгийн газар – Ц. Ц.) бүх Монголын зам тээврийн эрхийг гартаа атгахаар юуны өмнө Хүрээ (Улаанбаатар – Ц. Ц.)-нээс Кяхта /Хиагт/ хүртэл болон бусад төмөр зам, мөн цэргийн зориулалттай нарийн төмөр зам барьж Сибирийн төмөр замтай холбох төлөвлөгөөтэйгээр Хүрээний засгийн газартай хэлэлцээр хийж эхлээд буй; Улаан Орос Монголд хэвтээ болон босоо чиглэлийн төмөр зам тавих эрхийг олж авсан бөгөөд үүнд эдийн засгаас илүүтэйгээр улс төрийн ач холбогдол ихээр агуулагдаж байгаа; Орос улс Монгол улстай цэргийн гэрээ хэлэлцээр байгуулсан; Орос улс, Гадаад Монголтой нууц гэрээ байгуулж тус улсын агаарын тээврийн эрхийг авсан, түүнийг нь Хятадын засгийн газар эсэргүүцсэн; цэргийн хэрэгсэл, сургагч офицер илгээхийг Монгол улс Орос улсын засгийн газраас хүссэн; Орос–Монголын хооронд нууц гэрээ байгуулагдсан гэж Япон улс сурталчилж байгааг Зөвлөлтийн Гадаад хэргийн ардын комиссариатаас үгүйсгэсэн; Монгол бүрмөсөн Ажилчин тариачны үзэл баримтлалтай болсон гэх мэт мэдээ гарчээ.

“Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сонины 1927 оны дугааруудад Хүрээнд Ажилчин тариачны [Орос улсын] консул томилогдсон; Монголын засгийн газар Улаан Оростой харилцан батлан хамгаалах (харилцан туслалцах) нууц гэрээ байгуулсан; Монголын цэргийн эрхийг Улаан Орос бүрэн атгасан; Хүрээний засгийн газарт зөвлөхөөр ажиллаж буй Бородин эдүгээ Монголын улаан цэргийн шинэчлэлтэд хамаг хүчээ хандуулж буй; Монгол дахь Оросын цэргийн хүчний тухай мэдээ, өөрөөр хэлбэл цэрэг армитай холбоотой мэдээ зонхилон нийтлэгджээ. Сүүлийн мэдээ буюу “Монголын цэргийн эрхийг Ажилчин тариачны Орос улс атгах болов” гэсэн гарчигтай мэдээг тодорхой танилцуулбал дараах байдалтай байна.

Хятадын талын авсан мэдээнээс үзэхэд Гадаад Монголын цэргийн хүч нь:

Нэгэн зүйл. Морин цэрэг 36.000

Нэгэн зүйл. Их бууны цэрэг 17 суман, их буу 108

Нэгэн зүйл. Явган цэрэг 10.000

Нэгэн зүйл. Нисэх хүчин 2 суман, эдүгээ байгаа нисэх онгоц 4

гэх мэт бөгөөд сургагч офицерүүд бүгд орос хүмүүс. Зэр зэвсэг болон дарь сум, бусад цэргийн хэрэгслийг бүгдийг Оросоос хангаж байна. Үүнээс гадна Орос-Монголын гэрээ хэлэлцээрийн дагуу Орос улс явган цэргийн 1 дивиз, морин цэргийн 2 корпусыг Орос-Монголын хил дээр байрлуулсан ажээ. Мөн Монголын цэргийн эрх оросуудын гарт бүрэн орж, Монголын улаантнууд 5620 хүн байна гэжээ (1927.09. 28)

Дээрх мэдээнд гарч буй баримтын талаар “Монгол цэргийн түүхийн товчоон (1911 оноос 1990-ээд он)” бүтээлд ...1925 оны 5 дугаар сарын 25-нд Ю–13 маркийн тээврийн нисэх онгоц, сар орчмын дараа хөнгөн бөмбөгдөгч Р–1 маркийн нисэх онгоц хүлээн авч МАХЦ-ийн зэвсэглэлд оруулав. Мөн онд монгол нисгэгчдийг сургах зорилгоор ЗХУ-аас 2 ширхэг У-1 онгоц авчээ ...[Монгол цэргийн түүхийн товчоон (1911 оноос 1990-ээд он). 1996: 220], ... эхний үед Зөвлөлтийн улаан армиас сургагч урин ирүүлж Жанжин штабын даргын болон бусад албан тушаалд ажиллуулж байсан [Монгол цэргийн түүхийн товчоон (1911 оноос 1990-ээд он). 1996: 216] гэж бичжээ. Үүнээс үзэхэд тухайн үед байсан 4 онгоцны талаар болон сургагч офицерүүдын талаар ч мөн үнэн бодитой мэдээлж байжээ. Харин тухайн үеийн цэргийн тооны талаар тодорхой тэмдэглэгдсэн зүйлийг бид олж чадаагүй болно.

Тус сонины 1928 оны дугааруудад Монголд Оросын засаглал байр сууриа олж бэхжин, Орос улс Монголын засгийн газрын бүтцийг өөрчилж, шинэ засгийн газрыг байгуулсан; Бородин Хүрээнд идэвхтэй үйл ажиллагаа явуулж байгаа, Орос улс Байгалын Даурия-гаас гар бөмбөг бусад зэвсгийг

нэг сарын дотор Собайз(?) (Санбэйс)-д хүргэхээр тээвэрлэсэн; Орос улс Монгол улсын талаар явуулж буй бодлогын талаар гэх зэрэг харьцангуй цөөн тооны мэдээ нийтлэл нийтлэгджээ.

Харин 1930 онд “Гадаад Монголын бүх тогтолцоо бүхэлдээ ажилчин тариачны маягтай болов” гэсэн гарчигтайгаар Монголын улс төр, эдийн засаг, мөнгө санхүү, боловсрол, цэрэг арми гээд цөм Зөвлөлтийн нэг хэсэг буюу холбоотны чиг үүрэгтэй байгаа, ЗХУ-тай хийсэн гэрээгээр Монгол цэрэг арми, мөнгө санхүү, хууль эрх зүй, боловсролын талаар их бага хэмжээгээр эрх чөлөөг олж авсан тухай нэг томоохон мэдээ гарчээ.

1931 оны дугааруудад Оростой хийх Монголын худалдаа эцэстээ зогсонги байдалд орохоос өөр аргагүй болсон; Монголын Улаан Оросын талыг баримтлагч хүчин улам бэхэжсэн; Манж, Монгол, Шиньжян гэсэн 3 чиглэлд Улаан Оросын томоохон цэргийн байгууламж байгуулагдаж, Улаан Оросуудын бэлтгэсэн Монголын цэргүүд дэлхийн хэмжээний хүчирхэг цэрэг гэж нэрлэгдэж байгаа тухай цөөн мэдээ гарч байна.

1932 оны дугаарт “Монголын Улаан цэргийн командлагч гэнэт тусгаар тогтнолоо тунхаглав” гэсэн гарчгийн доор Монголын улаан цэргийн командлагч Сүйн? (쑤인) гэгч бослого дэгдээсэн бөгөөд Өргөөгөөс зугтсан улаантнууд Москвагийн засгийн газарт энэ тухай цахилгаан явуулсанд Москвагийн засгийн газар маш ихээр цочирдон хүлэн авсан гэсэн ганцхан мэдээ гарч байгаа нь 1932 онд гарсан бослогыг хэлж байгаа бололтой.

Харин 1933 оны дугааруудад “Орос-Монголын хил орчимд оршин суудаг казакууд тусгаар тогтнолоо зарлан тунхаглав” гэсэн гарчигтай мэдээ, ЗХУ бүх Монголыг улааны үзэлтэй болгохоор төлөвлөж, саявтар Монголын шарын шашны сүсэгтэн залуучуудыг бүгдийг нь талдаа татаж, шарын шашныг таягдан хаяж коммунист намын гишүүн болгож байгаа; Хүрээнд иргэний нисэх онгоцны буудлыг шинэчлэн байгуулах бааз суурь буй учир хэдэн 10 онгоцыг байнгын бэлэн байдалд байлгаж, төрөл бүрийн дагалдах хэрэгслийг бэлтгэж байгаа; Санбэйс (Баянтүмэн – Ц. Ц.)-д 2 дивизиэс бүрдсэн Монгол, Зөвлөлтийн цэргийг байрлуулж тус чиглэлийн нэгэн томоохон төв болгохыг зорьж байгаа; ЗХУ өөрийн зүүн хил болон Монголд цэргийн төмөр зам тавихаар төлөвлөж, Борзя-гаас Санбэйс гол (Баянтүмэнг хэлж буй бололтой – Ц. Ц.) орох төмөр замын ажлыг эхлүүлсэн гэх зэрэг мэдээ гарч байна.

1934 оноос эхлэн Монгол-Зөвлөлтийн харилцаатай холбоотой мэдээ, нийтлэл нэлээд өсч иржээ. Энэ нь 1931 онд Японы арми Манжуурт халдан довтолж эзлэн аваад, 1932 онд Манж-го хэмээх тоглоомын улсыг байгуулж улмаар Монголыг цэрэг, стратегийн үүднээс ихэд сонирхох болсонтой холбоотой буй за. Тухайн үед Японы колони байсан Солонгосын хэвлэл мэдээллийн хэрэгсэлд энэ нь нөлөөлсөн нь мэдээж юм.

Тийм ч учраас, “Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сонины 1934 оны дугааруудад өнгөрсөн жилийн (1933 он – Ц. Ц.) 11 сарын 18-нд Зөвлөлт цэргийн засаглалыг эсэргүүцсэн Улаан цэрэг ажилчид монголчуудыг өдөөн турхиран 32 мянган хүн бослого гаргасан агаад Маймаачинд байсан Зөвлөлтийн цэргийн ангийн 3 мянган цэрэг, 5 нисэх онгоцны тусламжтайгаар тэднийг довтлон бутцохьсон тухай; Зөвлөлтийн Батлан хамгаалахын ардын комиссариатаас Харбинд шинжилгээний анги илгээхээр төлөвлөж буй агаад Хүрээнээс Сунгари мөрөн хүртэл газрыг судлах тухай; Зөвлөлтийн Улаан цэргийн командлал доор Монголын арми цэргийн бэлтгэл хийж, 40 мянган морьт цэргийг байрлуулсан тухай; энэ жилдээ багтаан Монголын нийслэл Хүрээнээс 8 зүгт төмөр зам тавихаар төлөвлөж байгаа тухай; Монголд ЗХУ-ыг эсэргүүцэх хөдөлгөөн ширүүсч ЗХУ үүнийг дарахаар улаан цэрэг илгээсэн бөгөөд ЗХУ-ын өмнөд нутгуудаас улаан цэргийг хэдэн өдөр дараалан Сибирь рүү тээвэрлэн Хиагт (개프다) болон Верхнеудинск(?) (울프우진스크)-д байрлуулсан, Монголын цэрэг армийн зэр зэвсгийг хураах замаар дарамт шахалт үзүүлж байгаа тухай; ЗХУ-ын тусламжаар Монголын арми зэвсэг техникээ сайжруулж байгаа тухай; Зөвлөлтийн цэргийнхний мэдэлд Монголын цэргийн бэлтгэлийг хангаж дууссан тухай; Зөвлөлтийн цэргийн харгислалд дургүйцсэн монголчууд морь мал хүчээр худалдан авах явдлыг эсэргүүцэн морь мал дайчлан авахаар ирсэн цэргээс 10-ыг нь хороож бослого гаргасан тухай; Зөвлөлтийн засаг захиргааны зүгээс Монголд үзүүлж буй дарамт шахалтын улмаас Монголын ард иргэд Манж-го улсын нутаг руу дүрвэн зайлах явдал ихсэж байгаа тухай; ЗХУ Монголын хил дээр их цэргийг хуримтлуулж томоохон хэмжээний хамгаалалтын байгууламжийг байгуулахын хамтаар Монголын залуучуудын эвлэлийг хөдөлгөж Өвөр Монголыг улаан болгохыг оролдож байгаа тухай; Монголын тусгаар тогтнолын 10 жилийн ойн ёслолд Зөвлөлтийн төлөөлөгч К. илтгэл тавьсан тухай; энэ оны хавраас эхлэн Хүрээ хавьцаа Зөвлөлтийн цэрэг зэвсэг хэрэглэлээ базааж, зэвсгийн үйлдвэр байгуулах, цэргийн нисэх буудлыг

өргөтгөх ажлыг хийж байгаа тухай; цэрэг хүчээр дайчлахыг эсэргүүцэх явдал Монголд газар авч буй агаад Зөвлөлтийн цэргийн засаг захиргаа тэдгээр монголчуудыг хамгийн харгис аргаар дарангуйлж байгаа тул монголчууд нутгаа орхин алс буйд газар луу дүрвэн зугтааж буй тухай мэдээ тус тус гарч байгаа нь өмнөх оныхоос нэлээд нэмэгдсэн байна.

1934 оны мэдээ нийтлэлд Монголын дотоодод үймээн самуунтай, Зөвлөлтийн нөлөө улам ихэсч, цэргийн хүчээ бэхжүүлж байгаа тухай мэдээлэл зонхилж байгаа нь нэг талаар 1932 онд гарсан зэвсэгт бослогын дуулиан тасраагүй, нөгөө талаас япончууд Монголын дорнод хилд тулж ирсэнтэй холбоотойгоор Монгол, Зөвлөлтийн тал хил хязгаараа батлан хамгаалах бэлтгэл хийж байсан бодит үнэнийг тусгасан гэлтэй байна.

1935 оноос эхлэн Халхын сүмийн хэрэг явдал, Монгол–Манж-го улсын хил тогтоох Манжуурын хэлэлцээртэй холбоотойгоор Монголтой холбоотой мэдээ нийтлэл эрс ихэсч байна. Тухайлбал, Зөвлөлтийн засгийн газар Монголд цэргийн байгууламжаа бэхжүүлсэн тухай; Зөвлөлт, Монголын хооронд цэргийн нууц хэлэлцээр байгуулагдсан агаад түүний заалтуудын тухай; ЗХУ Умардын төмөр замын төлбөрийн тэн хагасаар нь Монголд төмөр замын том сүлжээ бий болгохоор төлөвлөж байгаа тухай хэд хэдэн мэдээ гарч байна. Мөн Манж-го–Монголын хэлэлцээрийг саатуулахаар Зөвлөлтийн талаас нэлээд ширүүн үйл ажиллагаа явуулж байгаа тухай; Зөвлөлт–Монголын хооронд цэргийн холбоотны гэрээ байгуулагдаж магадгүй байгаа тухай болон ЗХУ–Монголын хооронд байгуулагдсан цэргийн холбоотны гэрээний тодорхой агуулгыг тусгасан болон тус гэрээний талаарх олон тооны мэдээ нийтлэл гарчээ.

Түүнчлэн Монголын хэвтээ тэнхлэгийн их төмөр замыг ЗХУ байгуулахаар төлөвлөж байгаа тухай; Зөвлөлтийн засгийн газар Манж-го–Монголын хил орчмын нутгуудын нөхцөл байдалд ихэд анхаарч байгаа бөгөөд үүнтэй холбоотойгоор Зөвлөлт–Монголын харилцаа холбоотны харилцаа болж хувирсан тухай; Монголыг тойрон Япон–Манж-го–Зөвлөлт зөрчилдөж буй агаад ерөнхий сайд Гэндэн, Цэргийн явдлын яамны сайд тэргүүтэй төлөөлөгчид 12-р сарын 11-нд Москвад хүрч Зөвлөлтийн засгийн газрын удирдлагуудтай чухал хэлэлцээр хийж байгаа тухай; Сибирийн төмөр замыг олон салаа болгох ажлын хүрээнд Монголд төмөр зам тавихаар төлөвлөж буй тухай; Монголын тал ЗХУ-тай нууц хэлэлцээр хийж буй тухай; ЗХУ болон Монголын хооронд цэргийн нууц гэрээ байгуулагдсан байж магадгүй гэх мэт мэдээ нийтлэл гарчээ.

“Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сонин дахь Монгол–Зөвлөлтийн харилцаанд холбогдох мэдээ нийтлэлийн тоо 1936 онд оргилдоо хүрчээ. Мөн оны эхний дугааруудад Монгол нь Зөвлөлтийн хүчинд найдаж Япон улсад эсэргүүцэл илэрхийлсэн тухай; Зөвлөлтийн Монголын талаарх бодлого нь Японы хүчинтэй шууд мөргөлдөж байгаа тухай; ЗХУ Монголд 50 сая рублийн зээл олгохоор болсон тухай; Монголд Зөвлөлтөөс зэр зэвсэг бэлэглэсэн тухай; Зөвлөлт, Монгол хоёр улсын засгийн газарт хандан Манж-го-гийн тал эсэргүүцэл илэрхийлсэн тухай; хилийн мөргөлдөөний үеэр Монголын талд Зөвлөлтийн цэргүүд оролцсон тухай; монголчууд Манж-го улсын хилийг зөрчин довтолсны цаад талд Зөвлөлтийнхөн байгаа тухай; Зөвлөлтийн тал Зөвлөлт–Монголын харилцаа бол салгахын аргагүй зүйл хэмээн мэдэгдсэн тухай гэх мэт мэдээ гарчээ.

Мөн оны 3-р сараас Монгол–Зөвлөлтийн харилцаанд холбогдох мэдээний тоо эрс ихэссэн бөгөөд энэ нь Монгол–Зөвлөлтийн хооронд харилцан туслалцах протоколд гарын үсэг зурсантай холбоотой ажээ. 1936 оны 3 дугаар сарын 12-нд байгуулагдсан Монгол–Зөвлөлтийн харилцан туслалцах протокол байгуулагдсан нь 1935 онд Монгол–Манж-го-гийн хил дээр зэвсэгт тулгаралт нэлээд гарах болсон, мөн Зөвлөлт–Японы харилцаа хурцадсантай шууд холбоотой юм. 1935 оны 10-12-р сард болсон Манжуурын бага хурал дээр Манж-го-гийн төлөөлөгч БНМАУ-ыг бие даасан улс гэж үзэхгүй, хэрвээ Манж-го-гийн шаардлагыг хүлээж авахгүй бол Квантуны арми хүч хэрэглэн Улаанбаатар хүртэл цэрэглэн хөдөлнө гэх зэргээр сүрдүүлж байсан нь Сталин тэргүүтэй Зөвлөлтийн удирдлагыг ийм протокол байгуулахад хүргэсэн ажээ.

Үүнтэй холбоотойгоор, “Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сонины 1936 оны 3-4-р сарын дугааруудад энэхүү харилцан туслалцах гэрээ (протокол)-ний тухай тусгайлан өгүүлсэн болоод ташрамд дурдсан 20 гаруй мэдээ, нийтлэл гарсан байна. Түүнээс гадна ЗХУ Монголыг цэргийн зорилгоор ашиглаж Монголыг эрхэндээ оруулав үзэж буй тухай; Зөвлөлт нь Монголыг үнэндээ залгиж байгаа; Зөвлөлтийн хөрөнгөөр Монголд 2 чиглэлийн төмөр зам тавих ажил өрнөж буй; зөвлөлтүүд Монголд идэвхтэй нэвтэрсэн тухай гэх зэрэг агуулга бүхий цөөн тооны мэдээ нийтлэгджээ.

Энэ нь Монгол–Зөвлөлтийн харилцан туслалцах протокол нь олон улсын анхаарлын төвд орсон, тун чухал асуудал байсныг илтгэн харуулж байна.

Цаашлаад 1936 оны 5-р сарын мэдээнд Зөвлөлтийнхөн Монголыг бүрэн “улаан” болгосон тухай нийтлэл, ЗХУ Монголд 10 сая рублийн зээл олгохоор болсон тухай; Зөвлөлтийн нисгэгчид Монголд шил шилээ даран ирсээр байгаа тухай; Монголын төрийн эрх Зөвлөлтийнхний гарт байгаа агаад нийслэл хот нь цэргийн бэлтгэл хийж, дайны байдалтай байгаа тухай мэдээ, нийтлэл тус тус гарчээ.

1936 оны 6-р сарын дугааруудад Зөвлөлт нь Монголыг бүрэн “улаан” болгосон тухай; Зөвлөлтийн тал Монголын хил дээр буй цэргийн баазаа бэхжүүлж Манж-го улсын 3 талаас нь сүрдүүлэх гэж буй тухай; Монгол, Шиньжянд Зөвлөлтийн онцгой эрх ашиг оршдог тухай; Зөвлөлт–Монголын гэрээний тухай, Зөвлөлт–Монголын харилцаа 1921 оноос эхэлсэн, нэлээд удаан хугацааны түүхтэй харилцаа болох тухай гэх мэт цөөвтөр мэдээ гарч байна.

“Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сонины 1936 оны 7-р сарын дугааруудад Зөвлөлт–Монголын хэлэлцээрийн тухай дурдсан, Зөвлөлт–Монголын хэлэлцээр, Монголын Бүгд Найрамдах улс байгуулагдсаны 15 жилийн ойн баярт Зөвлөлтийн Ардын комиссаруудын зөвлөлийн дарга Молотов, Дээд Зөвлөлийн Тэргүүлэгчдийн дарга *Калинин нараас баярын цахилгаан ирүүлсэн тухай*; Монгол нь Зөвлөлттэй цэргийн нууц хэлэлцээр байгуулснаар тус газар нь Дорно дахиныг “улаан” болгох түшиц газрын байр суурь эзэлсэн тухай; Зөвлөлтийн Улаан армийн жанжин штаб Монголыг өөрийн улсын стратегийн түшиц газар болгохоор хичээж, үйл ажиллагаа явуулж буй агаад Монголын улаан цэрэг нь Зөвлөлтийн командлагчид захирагддаг, нисгэгчдийн 90 хувь нь ЗХУ-ын агаарын цэргийн нисгэгчид, харин автомашины жолооч нарын 50 хувь нь Зөвлөлтийн иргэд байдаг, мөн Монгол дахь Зөвлөлтийн цэргийн ангиудын талаар нэлээд нарийн мэдээлэл нийтлэгджээ.

Цаашлаад Зөвлөлт–Монголын харилцаа улам гүнзгийрч, 1934 онд гуравдагч этгээд халдан довтолсон тохиолдолд харилцан туслалцаа үзүүлэх талаар тохиролцсон аман хэлэлцээр байгуулагдсан агаад энэ оны 3-р сард албан ёсоор гэрээ бичгээ харилцан солилцсон тухай; Зөвлөлтийн талаас Монголд үзүүлэх тусламж улам нэмэгдэж байгаа тухай мэдээ нийтлэгджээ.

Харин 8-р сарын дугааруудад Монгол, Манж-го хоёр улсын хамтарсан 3 дугаар бага хурал дахин хуралдахаар болсон агаад хоёр улсын хооронд дипломат харилцаа тогтвол Манж-го болон ЗХУ-ын харилцааны уур амьсгал ч сайжирч, Манж-го–Зөвлөлтийн хилийн асуудлыг шийдвэрлэх явдалд ч гэсэн ихэд холбогдоно хэмээн түүний үр дүнд ихээхэн найдлага тавьж байгаа тухай; ЗХУ-ын маршал Блюхер Монголд айлчилсан тухай мэдээ нийтлэгджээ.

Дээрх бүхнээс, 1936 оны 8-р сар хүртэл Монгол–Зөвлөлтийн харилцан туслалцах протокол нь олон улсын анхаарлын төвд байсаар байсан нь харагдаж байна.

1937 он болж ирэхэд Монгол–Зөвлөлтийн харилцаанд холбогдох мэдээ багасч иржээ. Энэ оны дугааруудад Зөвлөлтийн 72 онгоц саяхан Монголоор дайрч Хятадын Шэньси мужид хүрсэн тухай; маршал Блюхер Монголоос Хабаровскт хүрсэн тухай; Хятадын тал Зөвлөлттэй байгуулсан нууц хэлээцээрээр Монгол дахь Зөвлөлтийн улс төр, эдийн засгийн чөлөөтэй үйл ажиллагаа ба түүнийг “улаан” болгох явдлыг хүлээн зөвшөөрсөн тухай; Хүрээнд Зөвлөлт–Хятадын томоохон албан тушаалтнууд нууцаар уулзсан тухай; Зөвлөлт нь нэг талаас Гадаад Монголыг Хятадын газар нутаг хэмээн хүлээн зөвшөөрсөн боловч нөгөө талаас Хятадын зөвшөөрөлгүйгээр Гадаад Монголтой харилцаж байгаа тухай “Дотоод, Гадаад Монголын улс төрийн шинэ нөхцөл байдал” хэмээх нийтлэл, Зөвлөлтийн засгийн газар үнэн хэрэгтээ Монгол, Шиньжяныг залгиж буй тухай дурдсан нийтлэл, Сибирийн төмөр замын ачаа тээвэрлэлтийг үр ашигтай болгох яаралтай тушаал нь Монголд болох дайнд бэлтгэх зорилготой тухай гэх мэт цөөн тооны мэдээ нийтлэгджээ.

1938 оны дугааруудад Монголын хилийн бүс нутагт хүн оршин суудаггүй бүс нутгийг байгуулсан, Зөвлөлтийн улаан цэрэг өнгөрсөн жилийн зун агаарын цэргийн анги нэгтгэлийг олон тоогоор Монголд шилжүүлэн байршуулж Монголын цэргийн сургалтыг хариуцаж байгаа тухай; Зөвлөлтөөс Монголын Алтанбулагт нэвтрэх цэргийн зориулалттай зам байгуулж буй тухай; Гоминьданы засгийн газрын тусгай элч Сунь Кэ-гийн ЗХУ-д хийсэн айлчлалын үеэр Зөвлөлтийн засгийн газар Монголыг буцааж өгөхөөс татгалзсан тухай; Дотоод, Гадаад Монголын хилийн шугам дээр ЗХУ-ын механикжуулсан цэргийн анги бөөгнөрсөн, энэ мэдээг Монголын тал ч гэсэн хүлээн зөвшөөрсөн тухай; Монголд Зөвлөлтийн эсрэг хөдөлгөөн гарч ерөнхий сайд нь хүртэл хэлмэгдэж, цэргийн дээд албан тушаалуудыг Зөвлөлтийн цэргийнхэн эзэлсэн тухай мэдээ, Монголын хэлмэгдэгсдийн тоо 10.000-ыг давж, ЗХУ-ыг эсэргүүцэх уур амьсгал улам газар авч буй тухай мэдээ тус тус нийтлэгджээ.

1939 оны эхний хагасын дугааруудад, Зөвлөлтийн зэвсэг Хятадад Монгол, Туркестанаас импортлогдож байгаа нь хамгийн их хувийг эзэлдэг тухай; Хиагт–Хүрээний хоорондох төмөр замын

ажил өнгөрсөн жилийн сүүлчээр дууссан тухай; Монгол улсын 22-р бага хурлыг зохион байгуулж “өөр бусад хөрш зэргэлдээ орнууд манай хоёр улсад аюул занал болон өөр бусад зүйл ямар нэг зүйл учруулахаар бол ЗХУ, Монгол хоёр улс нэн даруй тэр тухай хариу арга хэмжээ авах болно. Япон улс хэрэв Монгол болон ЗХУ-ын тусгаар тогтнолд халдахаар болбол хоёр улс бүх хүч чадлаараа эсэргүүцнэ” гэсэн тогтоол гаргасан тухай; Зөвлөлтийн 15 мянга илүү иргэн Монголд оршин сууж буй тухай; ЗХУ хил орчмын нутгийн батлан хамгаалах зохион байгуулалтаа бэхжүүлж байгаа агаад тус ажлын хүрээнд Буриад Монголын БНУ-д ч бас залуу хасаг цэргийн анги зохион байгуулагдаж, байнгын цэрэг болох бэлтгэл сургуулилалт хийж буй тухай дурдсан мэдээ, Монголын цэргийн удирдах офицерууд нь бүгд Зөвлөлтийн иргэд болох тухай; Зөвлөлт–Монголын харилцан туслалцах гэрээ ёсоор Монголын хил нь Зөвлөлтийн хилээс өөрцгүй болсон тул үүнийг хамгаалахгүй бол үл болно хэмээн Зөвлөлтийн тал мэдэгдсэн тухай; Зөвлөлт нь Монголтой байгуулсан харилцан туслалцах гэрээр ёсоор Монголыг Японоос хамгаалах хөдөлшгүй бат санаатай байгаа тухай мэдээ нийтлэгджээ.

Үүнтэй зэрэгцэн Халх голын дайн хийгээд түүний дараах Монгол–Манж-го-гийн хил тогтоох хэлэлцээрийн тухай олон арван мэдээ, нийтлэл 1940 оныг дуустал “Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сонинд нийтлэгдсэн бөгөөд энэ нь тусгайлан судлах сэдэв учир энэхүү илтгэлд хамруулаагүй болохыг тэмдэглэе.

Нөгөөтээгүүр, тус сонин японы колоничлогчдын дарамт шахалтын улмаас 1940 онд хаагдаж, Дэлхийн хоёрдугаар дайн дуусах хүртэл гараагүй юм.

Дүгнэлт

Тус илтгэлд бид Солонгосын тогтмол хэвлэлийн томоохон төлөөлөл болох “Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сонины 1920–1940 оны дугаарт нийтлэгдсэн Монгол–Оросын (Зөвлөлтийн) харилцаанд холбогдох мэдээ, нийтлэлийг судлан тогтоож, тэдгээрийн тоймыг гаргахыг оролдов.

Бидний судалгаандаа хамруулсан мэдээ, нийтлэлүүд нь тооны хувьд зуугаар тоологдох агаад агуулгын хувьд, улс төр, цэрэг, дипломатын холбогдолтой мэдээ дийлэнх хувийг эзэлж, Монгол дахь Орос (Зөвлөлт)-ын нөлөө, эдийн засаг, дэд бүтцийн тухай мэдээ түүний дараа орох хэдий ч харьцангуй цөөн байна.

“Зүүн Азийн өдрийн мэдээ” сонины Монгол–Оросын харилцаанд холбогдох мэдээ баримтын онцлог, давуу тал нь гадаад харилцаа, улс төр, цэрэг арми гэх мэт олон талын мэдээ, нийтлэлийг он дарааллын дагуу нийтэлж байсан явдал агаад тэдгээрийн дотор өөр эх сурвалжид гардаггүй, Монголын түүхийг тодруулахад зохих ач холбогдолтой мэдээ цөөнгүй байгаад оршино. Харин сул тал нь гэвэл, зарим оноосон нэр алдаатай, ойлгомжгүй бичигдсэн, мөн зарим мэдээ нь тоо баримтыг хэтрүүлж дэгсдүүлэн мэдээлсэн, хувь хүнээс сонссон мэдээллийг ямарваа шалгуургүйгээр тэр чигт нь нийтэлсэн гэх зэрэг болно. Гэвч ихэнх мэдээ, нийтлэлд эх сурвалжаа дурдсан байгаа нь олзуурхууштай байна.

Солонгосчууд Японы колонийн дарлалд орж, Монгол, Солонгос хоёр улсын хооронд албан ёсны харилцаа тасраад байсан ХХ зууны 20–40-өөд оны үед ч сонин хэвлэлдээ Монголын талаарх хэдэн зуун мэдээ, нийтлэлийг нийтлэн гаргаж байжээ. Энэ нь тухайн үеийн Зүүн хойд Азийн бүс нутагт Монголын эзлэх байр суурь, стратегийн ач холбогдлыг бэлхнээ харуулж буй агаад нөгөө талаар Монгол–Оросын (Зөвлөлтийн) харилцааг судалгааны шинэ өнцгөөс харах боломжийг бүрдүүлж байгаа юм.

Цаашид Солонгосын сонин сэтгүүлд нийтлэгдсэн Монголтой холбоотой мэдээ мэдээллийг нарийвчлан судлан, орчуулж эрдэм шинжилгээний эргэлтэд оруулж, судалгаандаа идэвхтэй ашиглах нь ХХ зууны Монголын түүх, Монгол–Оросын харилцааны түүхийн судалгааны бааз суурийг өргөтгөхөд ач холбогдолтой хэмээн үзэж байна. Тэгэхдээ тэдгээрийн шууд эх сурвалж болох тухайн үед нийтлэгдэж байсан Хятад, Японы сонин хэвлэлүүдтэй харгуулан үзвээс олон асуудал тодорхой болох нь дамжиггүй юм.

Ном зүй

Ариунзаяа Л. Солонгосын сонин хэвлэл дэх Монголтой холбоотой мэдээ баримтууд (1895–1945). МУИС, ШУС, ХУС, магистрын зэрэг горилсон бүтээл, 2019.

Батбаяр Ц. Монгол ба Их гүрнүүд ХХ зууны эхний хагаст (Хиагтаас Ялта хүртэл: Сталин, Чан Кайши, Монголын тусгаар тогтнол). Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг ХХК, 2006.

Батсайхан О. Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946). Улаанбаатар: Адмон ХХК, 2007.

Баттөр Ж. XX зууны Монгол-Солонгосын харилцаа. Тэргүүн дэвтэр (1910–1930). Улаанбаатар: Согоо нуур, 2000.

Монгол, Солонгосын түүхч, археологчидын холбоо. Монгол-Солонгосын харилцаа. I, Түүх ба баримт (1945–1990) / ред. Ц. Цэрэндорж. Улаанбаатар: Адмон ХХК, 2015.

Монгол улсын түүх. Тавдугаар боть. Монгол Улсын ШУА-ийн Түүхийн хүрээлэн. Улаанбаатар: Адмон принт, 2004.

Монгол цэргийн түүхийн товчоон (1911 оноос 1990-ээд он). Дэд дэвтэр. Улаанбаатар: Монгол Улсын Батлан Хамгаалах Яамны эрдэм шинжилгээний хүрээлэн, 1996.

<http://www.history.go.kr/> -국사편찬위원회

<https://search.i815.or.kr/main.do> -한국독립운동정보시스템

<http://www.koreanhistory.or.kr> -한국역사정보통합시스템

<https://newslibrary.naver.com/search> -네이버뉴스라이브러리

Л. Л. Абаева
 Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
 Улан-Удэ, Российская Федерация
 luba-abaeva@mail.ru

**«АЗИАТСКАЯ БУДДИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЗА МИР» В ИСТОРИИ
 ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА
 РОССИИ (БУРЯТИИ) И МОНГОЛИИ¹**

«Азиатская буддийская конференция за мир» (АБКМ) – международная неправительственная организация буддистов стран Азии, основанная по инициативе лидера Центрального Духовного управления буддистов СССР Хамбо ламы Ж.Гомбоева и Хамбо ламы Монголии С. Гомбожава при непосредственном участии Кушока Бакулы ринпоче (Индия) в 1970 г., в некоторой степени в противовес международной организации «Всемирного Братства Буддистов» (ВББ), до определенного времени игнорировавшего буддистов «коммунистического» режима. Позднее АБКМ превратилась во влиятельную организацию, объединяя буддистов Азии в их стремлении к миру и спокойствию на Земле, распространяя учение Будды, выступая за мир и безопасность в Азии и во всем мире, за полное запрещение ядерного оружия и оружия массового уничтожения, поддерживая требования азиатских народов на право свободного и независимого развития. Сначала АБКМ объединяла 15 национальных центров из 12 стран Азии, включая многих влиятельных буддийских лидеров, общественных и даже политических деятелей.

Ключевые слова: Азиатская буддийская конференция за мир, история, деятельность, дипломатические взаимоотношения, значение АБКМ.

L. L. Abaeva
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
 Ulan-Ude, Russian Federation

**«ASIAN BUDDHIST CONFERENCE FOR PEACE» IN THE HISTORY OF DIPLOMATIC
 RELATIONS BETWEEN THE BUDDHIST CLERGY OF RUSSIA (BURYATIA) AND
 MONGOLIA**

Asian Buddhist Conference for Peace (ABCP) is an international non-governmental organization of Buddhists in Asia, founded at the initiative of Hambo Lama J. Gomboev (Buryatia) and Hambo Lama S. Gombojav (Mongolia) with the Most ven. Kushhok Bakula Rinpoche in 1970, to some extent as opposed to the International organization "World Brotherhood of Buddhists" (WBB), which until a certain time, ignored the Buddhists of the "communist" regime. However, ABCP soon became a fairly influential organization, uniting Asian Buddhists in their quest for peace and tranquility on Earth, spreading the teachings of the Buddha, advocating for peace and security in Asia and around the world, for the complete prohibition of nuclear weapons and weapons of mass destruction, supporting the demands of Asian peoples for the right to free and independent development. At the beginning of its history, ABCP brought together 15 national centers from 12 Asian countries, including influential Buddhist leaders, public and even political figures.

Keywords: Asian Buddhist Conference for Peace, history, activities, diplomatic relations, meaning of ABCP

В современный период процесс адаптации буддийской теории и практики к ментальности и повседневному образу жизни кочевника практически завершён. Потенциальные возможности монгольского общества воспринимать и адаптировать буддийские традиции, модернизируя собственные традиционные этнические религиозные нормы, обряды и ритуалы, трансформируя их, выдвинув пантеон буддийских божеств как приоритетные, достаточно высоки. Существование теократического государства на территории Монголии под главенством Богдо-Гэгэна, предварило идею о том, что буддизм в настоящее время считается

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII-XXI вв.; Китай – II-XXI вв.; Тибет – VII-XXI вв.; Монголия – XVI-XXI вв.)», № 121031000261-9.

национальной религией монгольских народов, которая затрагивает все их политические, экономические и социальные сферы.

В 60-е гг. XX в. агрессивные действия США в Индокитае достигли апогея. В это время инициативная группа буддистов в лице лидера Центрального Духовного управления буддистов СССР Хамбо ламы Ж. Гомбоева и Хамбо ламы Монголии С. Гомбожава при участии Кушока Бакулы ринпоче (Индия) обратилась к группе буддистов стран Азии, посетивших Центр буддистов Монголии в Улан-Баторе для обсуждения сложившегося положения с целью прекращения разрушений и страданий братьев и сестер в контексте учения Будды. Была создана подготовительная комиссия ко всеобщей конференции буддистов стран Азии (Оргкомитет). 11-13 июня 1970 г. конференция буддистов Азии была проведена в Улан-Баторе (Монголия), где приняли участие представители 10 буддийских стран Азии, огласившие решение об учреждении международной неправительственной организации по защите и поддержке на международной арене всех адептов буддизма. Сначала организация именовалась Азиатским буддийским комитетом в поддержку мира. На Третьей конференции в Нью-Дели (Индия) в 1974 г. организация приобрела свое современное название – Азиатская Буддийская Конференция за Мир [Dhammaduta 2019: 9].

Со дня основания АБКМ была признана правительствами СССР и Монголии, и поскольку Бурятия являлась центром буддизма в СССР, то ее буддийские лидеры возглавили ее деятельность со стороны России. При этом и Монголия, и Бурятия исторически и генетически принадлежат к монгольскому миру, поэтому их традиционное мировоззрение, традиционная система миропонимания и мироощущения, определение своего места в своем микромире, а также в макромире были инкорпорированы в систему классических идей и практик, давно «пришедшего» буддизма [Самбу 1074: 29]. Хотя традиционное мировоззрение монгольских народов (Хамаг Монгол) в течение веков уже имело свои уникальные представления, картина мира монгольской метаэтнической общности – это целостная и упорядоченная система, способная органично адаптировать в свои культурные и религиозные смыслы буддийские идеи и практики, в контекст которых органично входят и толерантные, а значит и дипломатические концепты взаимоотношений.

Полевой эмпирический и архивный источниковедческий материалы, собранные нами во время полевых исследований во Внутренней Монголии КНР, Монголии, Республике Бурятия свидетельствуют о том, что многовековая религиозная культура монгольской метаэтнической общности базируется на конкретном жизненном материале, в повседневной эволюции ее человеческого опыта и ее бытия на конкретной жизненной территории повседневного пространства. А религиозная культура монгольских этносов, как и все этнокультурные структуры, включает в себя и естественно-научное определение множества миров и культур, их онтологическую множественность в бытийном смысле, не отрицающая логические возможные миры и культуры, а также предполагая некий мистический смысл возможной произвольности миров, а значит и культур [Абаева 2018: 183–231].

Деятельность АБКМ вследствие взаимоотношений со светскими правительственными организациями, учреждениями и органами контролировалась, но ее активное и достаточно самостоятельное участие в международных мероприятиях по сохранению мира на планете под эгидой буддийского Учения до сих пор неоспоримо. Дипломатические возможности, перспективы и реалии буддийских идей и практик буддистов, основавших и позже вошедших в состав АБКМ, способствовали их признанию в ООН как аккредитованной неправительственной организации с экономическим и социальным статусом консульства (Accredited Non-Governmental Organization with Economic and Social Council- ECOSOC). ECOSOC в структуре ООН является одной из центральных платформ для обсуждений, дебатов и инновационных проектов [Dhammaduta 2019: 10].

Цели и задачи АБКМ представлены в статье I их Устава (в оригинале – Конституции):

- объединение всех буддистов Азии в поддержку мира и спокойствия, контроль и координация деятельности движения за мир;
- продвижение Учения Будды в контексте борьбы за мир;
- содействие всевозможными мирными способами Учения Будды в активизации движения за мир;
- поддержка желаний людей к свободе;
- постоянные, неустанные усилия по сохранению мира на Азиатском континенте;
- всеобщее разоружение;
- вложение средств для нуждающихся;
- поддержка прав на свободу и осуждение расизма;

- координация с другими неправительственными организациями в контексте деятельности ООН [Там же].

Организационная структура АБКМ представлена Генеральной конференцией, проводимой один раз в пять лет (при возможности созыва экстраординарной); Исполнительной комиссией, действующей в перерывах между конференциями; национальными центрами; Действующими комитетами (их 3 – в Нью-Дели (Индия), Токио (Япония) и Коломбо (Шри Ланка), в обязанности которых входит анализ ситуации на местах и возможности их регулирования; Центральный офис в Улан-Баторе (Монголия). Издательская деятельность связана с выпуском ежеквартально журнала «Buddhists for Peace» и ежемесячно «Information Bulletin» [Dhammaduta 2019: 12–17; 18–63]. За период своей деятельности АБКМ провела 11 генеральных конференций. Их лейтмотив – мир и спокойствие на планете, анонсирование актуальных задач и их возможных разрешений, принятие коммюнике и деклараций по представленной проблеме соответственно классической триаде Будда – Дхарма – Сангха. Наиболее активно действующие национальные центры АБКМ находятся в настоящее время в Монголии, бывшем СССР, современной России (Бурятия), а также в Индии, Японии, Вьетнаме, Кампучии, Лаосе, Непале, Бангладеш, Таиланде, Шри-Ланке, Бутане, Корее, Центральной Администрации Тибета в Индии и т.д. Автор статьи выступала с докладом на двух генеральных конференциях: АБКМ-VIII в Улан-Баторе в 1990 г. и АКБМ-XXI в Улан-Баторе в 2019 г. В программу последней международной конференции АБКМ входили следующие направления: Наследие и традиции буддизма; Буддийская этика; Буддизм и корректная эволюция; Буддизм и мир; Буддизм и социум (права детей и женщин); Буддизм и окружающая среда; Буддизм и образование.

Необходимо подчеркнуть, что феномен адаптации буддийской культуры как доминирующей религиозной традиции в Монголии, Внутренней Монголии КНР, республиках Российской Федерации Бурятии, Калмыкии, Тыве, не говоря уже о других региональных особенностях буддизма в странах Азии, имеют свои особенности. Он выражается в том, что эта религиозная культура как система уже на ранних этапах включала и несла в себе толерантную совокупность всех знаний о человеке, его поведения в психической и психо-соматической перспективе, психоаналитические характеристики и парапсихологические возможности, которые в дипломатической деятельности АБКМ имели определяющую тенденцию.

Источники и литература

- Абаева Л. Л. Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийский традиций. Улан-Удэ: Изд-во «Бурят-Монгол ном», 2018. 368с.
- Dhammaduta. Journal of the Asian Buddhist Conference for Peace. Ulaanbaatar, Mongolia. June. 2019. 151 p.
- Самбуу Ж. Шашны ба лам нарын асуудалд. Улаанбаатар, 1974. 129 х.

Т. Б. Бадмацыренов
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
batorovitch@mail.ru

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ¹

Доклад посвящен исследованию потенциала исторической памяти в российско-монгольских отношениях. В методологическом плане историческая память как ресурс внешней политики может быть рассмотрена в рамках концепции «мягкой силы». В условиях все более ускоряющейся динамики мирового политического процесса, усиления традиционных дестабилизирующих факторов и появления новых, поляризации и конфликтности международных отношений, все более актуализируется необходимость исследования нетрадиционных аспектов международных отношений, среди которых одним из наиболее перспективных выступает изучение «мягкой силы», включая использование ресурса исторической памяти.

Ключевые слова: Россия, Монголия, историческая память, внешняя политика.

T. B. Badmatsyrenov
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS AND HISTORICAL MEMORY

The report is devoted to the study of the potential of historical memory in Russian-Mongolian relations. Methodologically, historical memory as a foreign policy resource can be considered within the framework of the concept of "soft power". In the context of the forcing dynamics of the global political process, the strengthening of traditional destabilizing factors and the emergence of new, polarization and conflict-based international relations, the need to study non-traditional aspects of international relations is becoming more urgent, among which one of the most promising is the study of "soft power", including the use of the resource historical memory.

Keywords: Russia, Mongolia, historical memory, foreign policy.

В 2019 г. Россия и Монголия отметили 80-летие победы на реке Халхин-Гол, где советские и монгольские войска нанесли поражение японской армии. Юбилейные мероприятия включали большое число российских, монгольских и совместных конференций и выставок. В торжественных мероприятиях 3 сентября 2019 г. в г. Улан-Батор Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подчеркнул историческое значение общей победы в предотвращении японской агрессии с Востока в период Второй мировой войны. Кроме того, В. В. Путин отметил, что «в России бережно хранят память о бесценной помощи Монголии, оказанной нашему народу во время Великой Отечественной войны. Монголия делала все для помощи Советскому Союзу» [Торжества по случаю 80-летия победы на Халхин-Голе]. Президент России поблагодарил Президента Монголии за то, что он принял приглашение посетить празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 9 мая в Москве.

Президент Монголии Халтмаагийн Баттулга, в свою очередь, также отметил особое значение боев на Халхин-Голе в мировой истории. Он подчеркнул, что не должно быть попыток сфальсифицировать истинные причины и значимость этой войны. Он выразил удовлетворение тем, что Российской Федерацией уделяется большое внимание развитию и взаимодействию в оборонной области и военно-техническом сотрудничестве, оказывается безвозмездная техническая помощь и на постоянной основе обучаются монгольские военные специалисты.

По результатам визита Президента России в Монголию был подписан ряд важных двусторонних документов. Среди них особое место занимает «Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве», в котором, как отметил В. В. Путин «отражено

---

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ-Министерства образования, культуры и науки Монголии № 19-514-44001 Монг_г «"Мягкая сила" в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ».

обоюдное стремление к тому, чтобы вывести наше взаимодействие на более высокий уровень и совместно решать масштабные долгосрочные задачи, стоящие перед нашими странами».

Одним из важнейших направлений реализации внешней политики Российской Федерации выступает противодействие «попыткам фальсификации истории и использования ее в целях нагнетания конфронтации и реваншизма в мировой политике, попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны, способствовать деполитизации исторических дискуссий» [Концепция внешней политики 2016]. На этой основе политика исторической памяти становится важной платформой для построения стабильных и плодотворных международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровне.

В методологическом плане историческая память как ресурс внешней политики может быть рассмотрена в рамках концепции «мягкой силы». В качестве особой категории политической науки «мягкая сила» была введена Джозефом Наем-младшим, крупным представителем неолиберального направления в теории международных отношений. Она представляет собой одно из направлений неинституционального подхода, изучающего неформальные общественные институты (идеология, религия, общественное мнение, бизнес-лобби), влияющие на политическое поле страны. Джозеф Най-мл. определил «мягкую силу» как «способность получать желаемое при помощи привлекательности, а не силы или денег» [Nye 1990: 336]. Как источники «мягкой силы» им были выделены культура, политические ценности, внешняя политика [Най 2014: 56, 152-153]. При этом, вокруг предложенной им концепции уже тридцать лет не утихают дискуссии, в которых принимают участие как убежденные ее сторонники, так и последовательные критики [Паршин 2014: 16].

Как отмечает В. А. Франц, в современных исследованиях подчеркиваются «две стороны исторической политики или политики памяти: актуализация прошлого как условие, которое необходимо для оформления и стабилизации политического действия, с одной стороны, и инструментализация истории для политических целей сегодняшнего дня, с другой стороны» [Франц 2020: 59].

С точки зрения использования инструментов исторической памяти в российско-монгольских отношениях возможен широкий набор, центральную позицию в которой, очевидно, занимают победа на Халхин-Голе и помощь Монголии, оказанная СССР в годы Великой Отечественной войны, поскольку для обеих стран эти события имеют ключевое значение в контексте современного развития. Как отмечают авторы доклада Валдайского клуба О. Барабанов, С. Лузянин и Д. Стрельцов, «юбилей Халхин-Гола имеет не только историческое, но и важное политическое значение – прежде всего, в более широком контексте политики исторической памяти и того влияния, которое оказывает история на современные ценности и идеологические установки, связанные с национальной идентичностью» [Барабанов, Лузянин, Стрельцов 2019].

Вместе с тем историческая и культурная близость не исчерпываются только военно-политическим сотрудничеством, но включают довольно значимую для населения России и Монголии «социалистическую ностальгию», которая может, при всей неоднозначности восприятия периода СССР и МНР, способствовать формированию и закреплению позитивного политического образа. В. А. Родионов подчеркивает, что у России есть существенное преимущество перед другими государствами, имеющими свои интересы в Монголии, поскольку, согласно данным социологических опросов, ежегодно проводимых известным фондом Монголии «Сант Марал», Россия воспринимается как самый желанный зарубежный партнер Монголии, а отношения с россиянами видятся монголам как наиболее комфортные [Родионов 2020: 285]. Кроме того, события более отдаленного исторического прошлого, например, периода Великой Монгольской империи или других кочевых политий, выступают основой для развития плодотворного российско-монгольского научного сотрудничества, особенно в Республиках Бурятия, Калмыкия и Тыва. Вместе с тем устоявшиеся стереотипы, подогреваемые масс-медиа, массовой культурой, «альтернативной» и folk-history, существенно осложняют эффективность политики исторической памяти.

По этим причинам перед российским руководством стоит важная задача в дальнейшем эффективно использовать как политический, социально-экономический и историко-культурный потенциал, доставшийся России еще с социалистических времен, так и положительные результаты, достигнутые уже в период постсоциалистический, для дальнейшего развития отношений с Монголией. Тем более, что для самой Монголии активное взаимодействие с Россией в политической, военной, экономической, научно-культурной областях по сути является частью ее стратегии национальной безопасности. Объективно, разнообразные проблемы Монголии (экономические,

энергетические, социальные, политические) не могут быть решены без активного участия России. И речь идет не о возрождении советско-монгольского военно-политического блока, но о сотрудничестве, в рамках которого российская сторона может задавать вектор развития отношений.

Источники и литература

Барабанов О., Лузянин С., Стрельцов Д. Юбилей Халхин-Гола и политика исторической памяти в отношениях России с Монголией и Японией [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/yubiley-khalkhin-gola/> (дата обращения: 01.07.2021).

Ворочков А. П. Институты реализации «мягкой силы» в современной России // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. 2016. № 2(6). С. 53–59.

Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 30.10.2016.

Най Дж.-мл. 2014. Будущее власти. М.: АСТ. 448 с.

Паршин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО. 2014. № 2(35). С. 14–21.

Песцов С. К., Бобыло А. М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2015. № 2(34). С. 108–114.

Родионов В. А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 283–291.

Торжества по случаю 80-летия победы на Халхин-Голе [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/61436> (дата обращения: 01.07.2021).

Франц В. А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3(40). С. 54–73.

Nye J.S., Jr. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. N.Y.: Basic Books, 1990. 336 p.

РАЗДЕЛ 3. СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.53954/9785604607886_56

И. В. Бычков¹, В. В. Парамонов¹, Г. М. Ружников¹, А. А. Михайлов¹, Р. К. Федоров¹,
А. В. Ключевский², В. М. Демьянович², С. Дэмбэрэл³

¹ *Институт динамики систем и теории управления имени В. М. Матросова СО РАН
Иркутск, Российская Федерация*

² *Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Российская Федерация*

³ *Институт астрономии и геофизики АНМ,
Улан-Батор, Монголия
idstu@icc.ru*

ИНФРАСТРУКТУРА И ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ С ФУНКЦИЯМИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ОЦЕНКИ СЕЙСМИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ БОЛЬШИХ ЛИТОСФЕРНЫХ БЛОКОВ ПРИБАЙКАЛЯ И МОНГОЛИИ

Территории Прибайкалья и Монголии относятся к территориям высокой сейсмической активности. Учет и прогнозирование сейсмической активности позволяют минимизировать ее возможные последствия. Для эффективной обработки собранных больших объемов данных мониторинга необходимо привлечение современных информационно-аналитических систем. В таких системах предполагается наличие вполне определенного набора инструментальных средств, обеспечивающих сбор, создание, преобразование, представление и анализ данных. Однако, при реализации данных инструментальных средств разработчики, с одной стороны, используют для программирования средства низкого уровня (различные языки программирования общего назначения и стандартные возможности СУБД), а с другой, создают сильно специализированные системы, тесно связанные с конкретным объектом автоматизации и ориентацией на определенные структуры данных. В работе рассматривается подход к разработке информационно-аналитической систем как элемента инфраструктуры для оценки сейсмической опасности больших литосферных блоков Прибайкалья и Монголии.

Ключевые слова: сейсмическая активность, литосферные блоки, землетрясение, информационная система, инфраструктура

Bychkov I¹, Paramonov V.¹, Ruzhnikov G.¹, Mikhailov A.¹, Fedorov R.¹, Klyuchevskii A.², Dem'yanovich V.², Demberel S.³

¹ *Matrosov Institute for System Dynamics and Control Theory of the SB RAS
Irkutsk, Russian Federation*

² *Institute of Earth's Crust of the SB RAS
Irkutsk, Russian Federation*

³ *Institute of Astronomy and Geophysics of the MAS
Ulaanbaatar, Mongolia*

INFRASTRUCTURE AND TECHNOLOGY FOR CREATION OF INFORMATION AND ANALYTICAL SYSTEMS WITH THE FUNCTIONS OF SPATIAL ANALYSIS OF SEISMIC HAZARD ASSESSMENT OF LARGE LITHOSPHERIC BLOCKS IN THE BAIKAL REGION AND MONGOLIA

The territories of the Baikal region and Mongolia belong to the territories of high seismic activity. Accounting and forecasting of the seismic activity allows you to minimise their possible repercussion. To efficiently process of the collected large amounts of data, it is necessary to use modern information and analytical systems. In such systems, it is assumed that there is a well-defined set of tools for collecting, creating, transforming, presenting and analysing data. However, when implementing these tools, developers, on the one hand, use low-level tools for programming (various general-purpose programming languages and standard DBMS capabilities), and on the other hand, they create highly specialised systems that are closely related to a specific automation object and focus on certain structures data. The paper considers an approach

to the development of the information system as an infrastructural element for assessing the seismic hazard of large lithospheric blocks in the Baikal region and Mongolia.

Keywords: seismic activity, lithospheric blocks, earthquake, information system, infrastructure.

Введение

Территории Прибайкалья и Монголии располагаются на стыке больших литосферных блоков, что обуславливает их высокую сейсмическую активность. При формировании перспектив социально-экономического развития региона важно учитывать оценку сейсмического потенциала, в том числе построение карт энергии сеймотектонического деформирования литосферы. Для получения такой оценки необходимо организовать мониторинг и обработку большого объема пространственно-временных данных о сейсмической активности Прибайкалья и Монголии за значительные временные интервалы. Также для организации совместного использования и интеграции данных, полученных из различных источников, необходимо проведение их предобработки, очистки [Парамонов 2020]. В связи с этим актуальна задача создания инфраструктуры и технологии, поддержки создания информационно-аналитической системы (ИАС) с развитыми пространственными функциями, обладающей набором инструментальных средств, обеспечивающих сбор, создание, преобразование, представление и анализ данных [Ralph 2020].

Традиционно, при реализации таких инструментальных средств разработчики, с одной стороны, используют для программирования средства низкого уровня (различные языки программирования общего назначения и стандартные возможности СУБД) или создают сильно специализированные системы, тесно связанные с конкретным объектом автоматизации и ориентацией на определенные структуры данных. Первое приводит к существенному увеличению затрат на стадии создания, а второе – вызывает большие затраты, возникающие в процессе сопровождения и модернизации ИАС.

Сейсмичность Байкальского и Монгольского регионов

Для высокосейсмичных регионов Прибайкалья и Монголии чрезвычайно актуально детальное изучение современных геодинамических и сейсмических процессов в зонах активных разломов при проведении сейсмического районирования территорий. В современном представлении разломообразование и землетрясения являются разномасштабными свойствами одной динамической системы – разломной зоны сдвига. Между разломной структурой и эпицентральной полем землетрясений установлена связь, используемая в линейно-доменно-фокальной модели сейсмического районирования территорий. Поскольку наиболее сильные землетрясения генерируются литосферными блоками высшего иерархического уровня, то обусловленность их наиболее крупными разломами постулируется. В таком случае основные сейсмически активные разломы территории формируют доминантный образ и определяют карту общего сейсмического районирования.

В настоящее время собраны пространственно-временные данные высокосейсмичных территорий Прибайкалья и Монголии, позволяющие составить цифровые карты активных в кайнозойе основных разломов с определением их количественных параметров, структурно-тектонической позиции, сейсмогеодинамики, сейсмогенерирующей значимости и т.д. [Демьянович 2019]. Поскольку сейсмоактивные разломы Монголии имеют различную протяженность и могут генерировать землетрясения разного энергетического класса и магнитуды, чтобы оценить энергетический потенциал таких разломов и величину возможных землетрясений, в рамках проводимых исследований были обобщены материалы по параметрам разломов и построена карта энергетического потенциала активных в кайнозойе основных разломов Монголии.

Инфраструктура информационно-аналитической системы

Институты Сибирского отделения РАН и Монгольской академии наук имеют многолетний опыт совместных междисциплинарных исследований в области сейсмической активности больших литосферных блоков Прибайкалья и Монголии.

Изучение сейсмической активности является трудоемким процессом, сопряженным с мониторингом, накоплением и обработкой большого объема пространственно-временных данных [Klyuchevskii 2019]. Это служит основой для внедрения современных информационных технологий в исследования задач напряженно-деформированного состояния литосферы и определение размеров потенциального сейсмического очага. Для ввода, хранения, эффективной обработки данных сейсмической активности необходимо формирование соответствующей инфраструктуры,

обеспечивающей формирование аналитической информации в удобном и наглядном виде. В качестве инфраструктурного компонента предлагается использовать геопортал, созданный и развиваемый в ИДСТУ СО РАН. Геопортал используется как точка входа для поиска и использования сервисов инфраструктуры. В состав геопортала входят сервисы публикации и создания карт, каталог сервисов геообработки, подсистема планирования и выполнения сервисов.

Технологии разработки информационно-аналитических систем пространственного анализа

Геопортал как сервис-ориентированная система является основой формирования инфраструктуры исследований сейсмической активности в Прибайкалье и регионах Монголии. Он позволяет практически неограниченно развивать возможности по обработке данных, взаимодействуя с другими распределенными сервисами, доступными в сети Интернет. Основным требованием, предъявляемым к данным сервисам, является их соответствие стандартам WPS – Web Processing Service [Бычков 2014]. Это дало возможность определить универсальный интерфейс к веб-сервисам обработки пространственных данных. В рамках развиваемой системы реализованы сервисы загрузки и редактирования, очистки и хранения данных, а также сервисы расчета плотности точечных объектов в ячейках регулярной сетки, счета плотности линейных объектов в ячейках регулярной сетки, интерполяции точечных данных на ячейки регулярной сетки методом естественных соседей и пр. Также был реализован подход, обеспечивающий использование в виде сервисов унаследованного программного обеспечения для анализа данных землетрясений, зонирования, прогнозирования сейсмической опасности, реализованного на языке программирования Fortran.

Заключение

Накопленный опыт и тесное российско-монгольское научное сотрудничество позволили создать прототип инфраструктуры и технологию разработки информационно-аналитических систем с функциями пространственного анализа для оценки сейсмической опасности больших литосферных блоков Прибайкалья и Монголии. Данная технология позволяет обобщать большие массивы накопленных сейсмических данных, применять распределенные сервисы для их обработки. Таким образом, создаются основы цифровой платформы оценки сейсмической опасности регионов, что является чрезвычайно важным для их устойчивого развития.

Источники и литература

- Парамонов В. В., Михайлов А. А., Ружников Г. М., Федоров Р. К., Ключевский А. В., Демьянович В. М. Информационно-аналитическая система оценки сейсмического потенциала кайнозойских активных разломов Монголо-Байкальского региона // Вестник Бурятского гос. ун-та. Математика, информатика. 2020. № 4. С. 26–39.
- Демьянович В. М., Ключевский А. В. База данных активных в кайнозое разломов Монголо-Сибирского региона. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. М.: Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (РОСПАТЕНТ). № 2019620422. Дата регистрации: 18.03.2019. Номер и дата поступления заявки: 2019620243 27.02.2019.
- Бычков И. В., Ружников Г. М., Федоров Р. К., Шумилов А. С. Компоненты среды WPS-сервисов обработки геоданных // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Информационные технологии. 2014. Т. 12. № 3. С. 16–24.
- Klyuchevskii A. V., Demberel S., Ruzhnikov G. M., Paramonov V. V., Mikhailov A. A., Fedorov R. K., Dem'yanovich V. M. Service-oriented Information and Analytical System of Estimation of Influence of the Lithosphere Model on Dynamic Parameters of Rocky Soil Oscillations from Earthquakes of Southern Baikal Region / In CEUR Workshop Proceedings (pp. 42–46), 2019.
- Stair, Ralph, and George Reynolds. Principles of information systems. Cengage Learning, 2020.

В. В. Кулешов
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
kuleshov@ieie.nsc.ru

М. А. Ягольницер
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
miron@ieie.nsc.ru

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И МОНГОЛИИ 1980-Х ГГ. В СФЕРЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК: УРОКИ ПРОШЛОГО И ЗАДАЧИ НА БУДУЩЕЕ

Статья знакомит с авторским опытом разработки Комплексной программы научно-технического прогресса Монгольской Народной Республики до 2005 года, осуществленной специалистами Сибирского отделения Академии наук СССР в 1988 г. На примере предложенных проектов в горнорудной отрасли представлены результаты их воплощения в практику экономического развития Монголии. Показаны направления сотрудничества в горнорудной отрасли, продолжающиеся и в настоящее время (соглашение о совместной разработке серебро-полиметаллического месторождения «Асгат» на границе с Республикой Алтай). Помимо данной отрасли большой интерес вызывают совместные транспортные проекты для расширения транзитных коридоров между Россией, Монголией и Китаем. Несмотря на декларативность большинства совместных намерений, возникших в 2000-х гг. между двумя странами, опыт свидетельствует о том, что семена давней дружбы и взаимопомощи еще дадут свои всходы и плоды.

Ключевые слова: Комплексная программа НТП МНР до 2005 года, горнорудная промышленность, проектное взаимодействие России и Монголии в горнорудном секторе, новые совместные транспортные проекты.

V. V. Kuleshov
Institute of Economics and Industrial Engineering of the SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

M. A. Yagol' nitser
Institute of Economics and Industrial Engineering of the SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

SCIENTIFIC COOPERATION BETWEEN THE 1980S USSR AND MONGOLIA IN STRATEGIC DEVELOPMENT: LESSONS FROM THE PAST AND CHALLENGES FOR THE FUTURE

The author's experience of developing the Comprehensive Program of Scientific and Technological Progress of the Mongolian People's Republic until 2005, carried out by specialists of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in 1988, is presented. On the example of the proposed projects in the mining industry, the results of their implementation in the practice of economic development of Mongolia are shown. The authors consider areas of cooperation in the mining industry, which are continuing at the present time (agreement on joint development of the Asgat silver-polymetallic deposit on the border with the Republic of Altai). In addition to the mining industry, there is great interest in joint transport projects to expand transit corridors between Russia, Mongolia and China. Despite the declarative nature of most of the joint intentions that arose between the two countries in the 2000s, experience shows that the seeds of long-standing friendship and mutual assistance will still bear fruit.

Keywords: Comprehensive Program of Scientific and Technological Development of the MPR until 2005, mining industry, project cooperation between Russia and Mongolia in the mining sector, new joint transport projects.

В конце 1980-х гг. экономическое планирование в Монголии включало долгосрочные, пятилетние и годовые планы, которые действовали на нескольких уровнях. Планирование

иницировалось Монгольской народно-революционной партией на пятилетний период. Разрабатывались пятилетние государственные и годовые экономические планы, утверждаемые Великим народным хуралом. Совет министров руководил и осуществлял национальное планирование через Государственный комитет по планированию и экономике и через Министерство финансов. Планирование различных секторов экономики осуществлялось профильными министерствами и государственными комитетами; местные планы составлялись местными правительственными организациями.

Пятилетние планы Монголии согласовывались с планами Советского Союза, начиная с 1961 г., и с многосторонними пятилетними планами Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) с 1976 г. Согласование годового плана с Советским Союзом началось в 1971 г. Монгольские специалисты совместно с советскими плановиками участвовали в разработке таких долгосрочных документов, как Генеральная схема развития и размещения производительных сил Монгольской Народной Республики до 1990 г., подготовленная в конце 1970-х гг.; Долгосрочная программа развития экономического, научного и технического сотрудничества между Монгольской Народной Республикой и СССР на период до 2000 г., подписанная в 1985 г.

Социалистическое развитие превратило Монголию из страны преимущественно аграрной кочевой экономики начала 20 в. в развивающуюся аграрно-индустриальную экономику в конце 1980-х гг. В 1985 г. 18,3 % произведенного национального дохода было получено от сельского хозяйства, 32,4 % от промышленности, 4,9 % от строительства, 11,2 % от транспорта и связи, 31,6 % от внутренней торговли и услуг и 1,6 % от других секторов.

В 1986–1987 гг. в результате научных исследований новосибирских и иркутских ученых были созданы основы методолого-методических подходов планирования национальной экономики Монголии (ИЭ и ОПП СО РАН СССР, Иркутский институт народного хозяйства (ныне Байкальский государственный университет экономики и права)). Учеными названных институтов в свое время разрабатывалась Комплексная программа научно-технического прогресса Монгольской Народной Республики до 2005 г. (КПНТП МНР) применительно к условиям развития производительных сил Монголии, были выработаны рекомендации по пространственному размещению производительных сил Монголии в целом и по отдельным аймакам. Несмотря на то, что эти разработки были ориентированы на плановую административно-командную экономику, они не потеряли своей актуальности и сегодня. Так, например, рекомендованное в разработанной в 80-е гг. Комплексной программой НТП МНР до 2005 г. создание на базе месторождения «Эрдэнэтийн овоо» технологии извлечения металла из бедных руд и повышение глубины и комплексности переработки реализуется в настоящее время созданием предприятия с государственным участием (ПГУ «Предприятие Эрдэнэт»), представляющего индустриально-технологический парк. Предприятие будет производить катодную медь и медный концентрат, серную кислоту и эмульсионные взрывчатые вещества, а также оказывать ремонтно-механические услуги.

Ввод в эксплуатацию индустриально-технологического парка позволит осуществить полное использование запасов месторождения, создаст конкурентоспособное предприятие, которое будет развиваться как кластер на основе передовых технологий, повысит глубину переработки, создаст условия для концентрации многих вспомогательных производственных предприятий в одном месте, обеспечит развитие и расширение города Эрдэнэт, увеличит доходы государственного и местного бюджетов.

Даже в самые трудные 1990-е гг. крупные совместные российско-монгольские предприятия («три кита») – горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», объединение «Монголросцветмет», АО «Улан-Баторская железная дорога», которые во многом формировали бюджет страны, – выдержали тяжелые испытания форсированного перехода к рыночным отношениям и тем самым спасли себя и Монголию от экономического краха.

Получил развитие и предлагаемый в КПНТП МНР до 2005 г. проект освоения медного месторождения «Оюу Толгой» в Гоби. В конце 2012 г. корпорация «Rio Tinto» (Австралия), владеющая 66 % акций совместной компании «Turquoise Hill Resources» («Эрдэнэс Оюу Толгой»), завершила строительство горно-обогатительного предприятия на этом месторождении. В середине 2013 г. первая партия продукции – 576 т. медного концентрата – была экспортирована в Китай, что фактически означало завершение первой очереди строительства. К концу 2013 г. на предприятии было произведено более 250 тыс. т. медного концентрата. Решение нового правительства Монголии о пересмотре некоторых положений инвестиционного соглашения, заключенного в 2009 г., поставило

«Эрдэнэс Оюу Толгой» в сложное положение. Сегодня в рамках управляющего совета компании ведутся переговоры, направленные на поиск выхода из сложившейся ситуации.

Ожидается, что по производительности «Эрдэнэс Оюу Толгой» в 1,5–2 раза превзойдет монгольско-российское предприятие «Эрдэнэт», которое входит в топ-10 подобных предприятий в мире. В 2014 г. компания планирует произвести 692 тыс. т. концентрата. Тем самым Монголия превращается в значимого участника мирового рынка меди.

После 2009 г. российско-монгольские отношения носят во многом декларативный характер. При внешнем благополучии многие ранее достигнутые договоренности и соглашения не выполняются. Доля России в общем внешнеторговом обороте Монголии в 2010–2013 гг. составила в среднем 15–18 %, тогда как доля Китая – около 50 %. В 2012 г. доля России в монгольском импорте составляла 27,4 %, в экспорте – всего 1,8 %, а доля Китая в монгольском экспорте – 92,6 %, импорте – 27,6 % [Монгол Улсын Статистикийн Эмхтгэл 2013].

Среди основных направлений проектного взаимодействия России и Монголии основная роль отводится совместному российско-монгольскому АО «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД). Это отвечает взаимным интересам России и Монголии, стремящихся реализовать свои транзитные потенциалы. Решение этой задачи позволит освоить увеличивающиеся грузопотоки между Европой и Китаем, да и Азией в целом.

Проект уже успешно выполняется: «с 2014 по 2018 гг. транзит контейнерных поездов увеличился с 8 до 857 составов, и тенденция к нарастанию сохраняется. Только за 10 месяцев этого года транзитные перевозки по УБЖД выросли на 16,3 %, провезено 950 контейнерных составов. Предстоит расширение железнодорожной сети Монголии с участием УБЖД и ПАО «РЖД»: уже идет строительство ветки Таван Толгой – Зунбаян, а также планируется прокладка другой ветки Зунбаян – Ханги, что позволит увеличить пропускную способность УБЖД, избежать пробок, прежде всего на китайской стороне» [Из интервью посла РФ...].

Особо следует отметить значение технического перевооружения монгольской горнорудной отрасли на основе российской техники и технологий, в частности, по реализации стратегического партнерства между ООО УК «УЗТМ-КАРТЭКС» и крупнейшим государственным концерном «Эрдэнэс Монгол». Эта договоренность достигнута на основе успешного возобновления поставок на предприятие «Эрдэнэт» тяжелой горнорудной техники, производимой Уральским машиностроительным комплексом.

Согласно программе «Дальнее видение 2050»¹, в следующие 30 лет экономика Монголии претерпит радикальные структурные изменения, в частности, снизится чрезмерная зависимость от горнодобывающей отрасли, и страна перейдет от экономики потребления к экономике производителей и экспортеров.

Источники и литература

Монгол Улсын Статистикийн Эмхтгэл. Улаанбаатар: Монгол Улсын Статистикийн Хороо – 2013. 450 х.

Из интервью посла РФ в Монголии Искандера Азизова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ria.ru/20191203/1561852966.html> (дата обращения: 15.07.2021).

---

¹ «Дальнее видение 2050» – это «монгольская модель развития», основанная на истории Монгольской империи, кочевой цивилизации и уникальных национальных особенностях в сочетании с передовыми концепциями мирового развития.

Д. П. Гладкочуб
Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Российская Федерация
gladkochub@mail.ru

А. Б. Перепелов
Институт геохимии им. А. П. Виноградова СО РАН
Иркутск, Российская Федерация
alper@igc.irk.ru

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИРКУТСКИХ ИНСТИТУТОВ СО РАН И АКАДЕМИИ НАУК МОНГОЛИИ В ОБЛАСТИ НАУК О ЗЕМЛЕ

Приведен обзор истории зарождения и развития научного сотрудничества ученых-геологов и геохимиков из академических институтов города Иркутска с монгольскими коллегами. Показаны основные результаты, полученные в рамках совместных исследований геологии, геохимии, рудогенеза, сейсмичности, опасных геологических процессов, инженерной геологии, гидрогеологии, геоэкологии Монголии. Дана оценка перспектив дальнейшего развития совместных российско-монгольских научных исследований в области наук о Земле.

Ключевые слова: геология, геохимия, науки о Земле.

*D. P. Gladkochub
Institute of Earth's crust of the SB RAS
Irkutsk, Russian Federation*

*A.B. Perepelov
A.P. Vinogradov Institute of geochemistry of the SB RAS
Irkutsk, Russian Federation*

SCIENTIFIC COOPERATION OF IRKUTSK INSTITUTES OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES AND THE MONGOLIAN ACADEMY OF SCIENCES IN STUDY OF THE EARTH

The article provides an overview of the history of the origin and development of scientific cooperation between geologists and geochemists from academic institutes of Irkutsk with Mongolian colleagues. The main results obtained in the framework of joint research of geology, geochemistry, ore genesis, seismicity, hazardous geological processes, engineering geology, hydrogeology, geoecology of Mongolia are shown. The prospects of further development of joint Russian-Mongolian scientific research in the field of Earth sciences are assessed.

Keywords: geology, geochemistry, Earth sciences.

Научное сотрудничество советских геологов и геохимиков из академических институтов Сибири с монгольскими коллегами началось в 50-е гг. прошлого века, после создания в Иркутске в 1949 г. Восточно-Сибирского филиала (ВСФ) АН СССР, одной из структур которого являлся Институт геологии (ныне Институт земной коры СО РАН).

Поистине историческую роль в развитии совместных исследований, проводимых на территории Монголии, сыграло катастрофическое Гоби-Алтайское землетрясение, произошедшее в Центральной Монголии 4 декабря 1957 г. Именно эта природная катастрофа стала триггером для активизации совместных советско-монгольских исследований и развертывания в Монголии сети станций сейсмологических наблюдений. В 1958 г. была создана советско-монгольская Гоби-Алтайская экспедиция.

Начиная с середины 60-х гг. прошлого века, к изучению геологического строения, минералогии, геохимических особенностей и рудной специфики магматических и метаморфических комплексов Монголии подключился Институт геохимии им. А. П. Виноградова АН СССР (СО РАН). Первые масштабные работы этого института были начаты совместно с монгольскими коллегами, в 1967 г. в рамках советско-монгольской комплексной геологической экспедиции.

С самого начала международного сотрудничества сложились традиционные тренды научных работ, выполняемых сотрудниками ИЗК СО РАН и ИГХ СО РАН совместно с монгольскими коллегами. Если исследования ИЗК СО РАН главным образом были ориентированы на изучение сейсмичности, вулканизма, опасных геологических процессов, инженерной геологии и гидрогеологии Монголии, то работы ученых из ИГХ СО РАН были сконцентрированы на изучении минералогических и геохимических особенностей магматических и метаморфических горных пород, их рудной специфики, а также на исследовании вопросов геоэкологии.

Для проведения экспедиционных работ Институтом земной коры СО РАН на территории Монголии были созданы стационары «Могод» (в Центральной Монголии) и «Эмээлт» (вблизи Улан-Батора), а Институтом геохимии СО РАН – база «Ханх» на берегу оз. Хубсугул.

За более чем полувековую историю совместных научных исследований сотрудниками ИЗК СО РАН и ИГХ СО РАН были использованы все доступные возможности для организации и проведения научных геологических наблюдений на территории Монголии: тематические международные экспедиции, десятки грантов РФФИ – Монголия, конкурсные работы по программе научного сотрудничества Сибирского отделения РАН и Монгольской академии наук и др.

Результаты работ иркутских ученых, проводящих исследования в области наук о Земле совместно со своими монгольскими коллегами на территории Монголии, касаются многих аспектов геологии, геохимии, рудогенеза, сейсмичности, гидрогеологии и геоэкологии Монголии. Многие результаты этих работ были опубликованы в сотнях научных статей и многочисленных монографиях и охватывают весь спектр вопросов российско-монгольского сотрудничества.

В частности, в плане фундаментальных проблем глобальной геодинамики были изучены горизонтальные движения земной коры Монголо-Байкальского региона (по данным GPS-геодезии), которые генерируют и контролируют развитие на территории сейсмических и других опасных геологических процессов. В рамках совместных работ были составлены карты сейсмичности Байкальского и Монгольского регионов и пространственного распределения землетрясений. Для г. Улан-Батор и его окрестностей изучена активность основных разломов, опубликованы карты проявления опасных экзогенных процессов и разработаны рекомендации по сейсмоусилению зданий в густонаселенной столице Монголии. Изучен тепловой режим недр Монголии, составлена карта теплового потока Восточной Сибири и Монголии, издана карта минеральных вод Монголии.

Результаты работ геохимической направленности привели к открытию ряда месторождений и рудопроявлений полезных ископаемых, к обнаружению новых минералов и типов пород, а также способствовали составлению серии карт геологического строения Центральной, Западной и Южной Монголии и карт экологической нагрузки г. Улан-Батор, с выделением источников и особенности распространения на территории Монголии стойких органических загрязнителей.

Отдельное внимание в совместных российско-монгольских работах уделялось подготовке кадров высшей квалификации для научной сферы Монголии. По результатам этих работ в диссертационных советах ИЗК СО РАН, ИГХ СО РАН и ИрНИТУ монгольскими коллегами было защищено более десяти кандидатских и докторских диссертаций. За продуктивное научное сотрудничество и развитие российско-монгольских научных связей многие сотрудники иркутских академических институтов геологического профиля были удостоены государственных наград Монголии.

Среди монгольских коллег, которые на протяжении последних десятилетий оказывали огромную поддержку в организации и проведении совместных российско-монгольских исследований на территории Монголии, необходимо отметить таких выдающихся монгольских ученых, как академики Б. Чадраа, О. Төмөртоого, С. Дэмбэрэл, а также О. Гэрэл, Д. Одгэрэл, многих монгольских коллег, которые все эти годы активно развивали научные связи с иркутскими учеными-геологами.

Отдельно следует отметить вклад в развитие научного сотрудничества российских и монгольских ученых первого космонавта Монголии, председателя Общества дружбы «Монголия – Россия», Героя Монгольской Народной Республики и Героя Советского Союза Ж. Гуррагчаа, который самым активным образом способствует укреплению сложившихся научных связей.

В настоящее время совместные исследования продолжают развиваться благодаря тому, что в далекие 50–60-е гг. прошлого века были налажены прочные научные связи советских (российских) и монгольских исследователей Земли, которые выдержали различные испытания и развиваются на новом современном уровне на базе взаимного уважения, доверия и дружбы.

О. Н. Полянская
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
polgrab@mail.ru

МОНГОЛИЯ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ НАЧАЛА XX В.: ВЗГЛЯД УЧЕНЫХ-МОНГОЛОВЕДОВ¹

«Монгольский вопрос» во внешней политике России начала XX в. был одним из ключевых. В жизни монгольских народов, находящихся в составе Цинской империи, в начале XX в. происходили важные события, во многом определившие дальнейший ход их истории. В данной публикации представлены высказывания, мнения, оценки происходящего, предположения о будущем монголов ученых-исследователей истории и культуры Монголии конца XIX – начала XX вв., некоторые из которых были непосредственно участниками военных и революционных событий, принимали самое активное участие в строительстве новой Монголии. А. В. Бурдуков, Ц. Ж. Жамцарано. В. Л. Котвич и Б. Я. Владимирцов проводили интенсивную исследовательскую работу среди монгольских племен. Благодаря происходящим переменам в монгольском обществе В. Котвич впервые смог посетить Монголию. И. М. Майский в 1920 г. возглавил экспедицию по изучению экономики. Монголоеды стали связующим, переходным звеном из «старой» в «новую» Монголию, поэтому их наблюдения, зафиксированные в переписке и в дневниках, являются ценным источником по истории «монгольского вопроса» начала XX в.

Ключевые слова: Монголия, монголоведение, российско-монгольские отношения.

O. N. Polyanskaya
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

MONGOLIA IN RUSSIAN POLITICS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: THE VIEW OF MONGOL SCHOLARS

An important question in Russian foreign policy of at the beginning of the 20th century was “Mongolian question”. Important events took place in the life of Mongolian peoples, they largely determined the further course of their history. This paper presents the statements, opinions, assessments of what was happening, assumptions about the future of the Mongols by scholars of the history and culture of Mongolia in the late 19th and early 20th centuries. Some of them directly participated in military and revolutionary events, took an active part in the construction of a new Mongolia. A. V. Burdukov, Ts. Zh. Zhamtsarano, V. L. Kotvich and B. Ya. Vladimirtsov carried out intensive research work among the Mongol tribes. Thanks to the ongoing changes in Mongolian society, V. Kotvich was able to visit Mongolia for the first time. I. M. Maisky in 1920 led an expedition to study the economy. Mongol scholars have become a connecting link, a transitional link from the “old” to the “new” Mongolia, therefore their observations, recorded in correspondence and in diaries, are a valuable source on the history of the “Mongolian question” of the early 20th century.

Key words: Mongolia, Mongolian studies, Russian-Mongolian relations.

Формирование политики России в отношении Внешней Монголии происходило в ракурсе борьбы различных факторов. Россия была связана с Китаем и Японией рядом соглашений и не могла свободно признать независимость Монголии, однако убеждала монгольскую сторону, что выступит в качестве посредника между Китаем и Монголией, а также согласится оказать Монголии дипломатическую поддержку. В августе 1912 г. в Урге был подписан русско-монгольский договор, по которому царская Россия фактически признала монгольское феодально-теократическое государство. Востоковед Д. Позднеев так писал о политической ситуации того времени: «В сентябре

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

1912 года Внешняя Монголия вследствие падения маньчжурской династии объявила себя независимой под главенством ургинского хутухты и просила помощи России против угроз Китая, который готовил тогда экспедицию в Монголию. Россия приняла на себя роль покровительницы Монголии и командировала военных инструкторов в Ургу для организации монгольской армии, после чего между Петроградом и Пекином возник новый дипломатический конфликт» [Позднеев РНБ: 47]. Затем последовало соглашение, согласно которого Китаем был признан принцип автономной Монголии (1913 г.). Однако вопрос окончательно не был урегулирован, в частности, об этом свидетельствует протест Русского посольства в Пекине против вступления в китайский парламент депутатов от Монголии, «основываясь на том, что присутствие этих депутатов в палате будет нарушением трактата 1913 года, которым Монголия признана автономным государством». Д. Позднеев рассуждал в своих записях по этому поводу: «Очевидно, в силу этих соглашений Россия противодействует тому, чтобы монгольские депутаты заседали в китайском парламенте. Это противодействие находит себе тем больше оправдание, что монгольские депутаты в числе 27 не были избраны Монголией, а назначены властью самого Юань-ши-кая, который в силу объявления независимости этой страны создал в Пекине монгольское избирательное бюро» [Позднеев РНБ: 47]. Переговоры продолжались в целях определения условий этой автономии. Они длились очень долго и окончились только трактатом, подписанном в Кяхте 7 июня 1915 г. Согласно этому трактату, Внешняя Монголия была признана независимым государством под сюзеренитетом Китая. Начались трудности тройственных переговоров. Как отмечал в своих воспоминаниях А. В. Бурдуков: «ни русские, ни китайские представители не хотят в достаточной мере считаться с интересами нового монгольского государства» [Бурдуков 1969: 15]. «Если Россия поддержит, то Монголия, наверное, отстоит свою независимость, но без поддержки России ничего не выйдет», – высказывал свое видение А. В. Бурдуков в письме к Г. Н. Потанину в мае 1912 г. [Бурдуков 1969: 302]. Большую роль в решении вопросов российской-монгольских отношений играли дипломаты, представители России на территории Монголии. «Здесь у нас, – писал А. В. Бурдуков, – в Северо-Западной Монголии, в Улясутайском и Кобдоском округах, популярность России растет благодаря консулу А. Вольтеру и секретарю А. Хионину», много сделавшим «на благо России» [Бурдуков 1969: 302–303]. Разделяет с А. В. Бурдуковым мнение о важности дипломатии и деятельности консулов в Монголии ученый Б. Я. Владимирцов. Он, находясь в командировке в Лондоне, пристально следил за монгольскими делами благодаря переписке, в частности с А. В. Бурдуковым [Владимирцов 2016: 58].

В построении монгольского государства значимую роль сыграла национальная интеллигенция, а начиная с 1911 г. и в последующие годы ближайшими помощниками монголов в этом были представители бурятской интеллигенции. Как вспоминал А. В. Бурдуков, «В лице Жамцарано и Бадмажапова я встретил новых людей, стоявших на уровне современной цивилизации, понимавших интересы монголов» [Бурдуков 1969: 131]; Агван Доржиев – «пропагандист буддизма в Бурятии и Калмыкии, он в то же время стремился сблизить монголо-тибетский мир с Россией» [Бурдуков 1969: 129]. «Жамцарано назначен монгольским правительством начальником русско-монгольской школы, которая уже насчитывает восемь человек. Вот здорово-то! Что же делать, сразу ничего не совершается», – отмечал Б. Я. Владимирцов [Бурдуков 1969: 336]. Ц. Ж. Жамцарано содействовал и первой научной командировке монголооведа В. Л. Котвича в Монголию. Поездка состоялась летом 1912 г. [Полянская 2016: 140–147]. Трудно не согласиться с Б. Я. Владимирцовым, что период в истории Монголии с 1911 г. был стремителен, насыщен переменами, сложностями. «Действительно, когда все так быстро меняется, надо ловить момент», – писал Борис Яковлевич Бурдукову в Монголию из Лондона, планируя свою поездку в монгольские степи на два года, начиная с мая 1913 г. [Владимирцов 2016: 62–63]. «В России ведь абсолютно никто не знает о Монголии, никто ею не интересуется и не понимает, как она важна и нужна для России и для Сибири в особенности», – сетовал Б. Я. Владимирцов в письме к Бурдукову [Владимирцов 2016: 58]. Эти мысли разных ученых-монголоведов звучали в унисон, обращая внимание на проблемы российско-монгольского взаимодействия правительственные круги России. Еще в конце XIX в. монголовед А. М. Позднеев подчеркивал, что нужно изучать современную Монголию, современный Китай, чтобы верно выстраивать траекторию взаимодействия [Полянская 2016: 143–148].

Одним из направлений русско-монгольских отношений было торгово-экономическое, которое оставалось приоритетным и в начале XX в. Исследователи экономического значения торговых пунктов Монголии изучали востребованность товаров, конкуренцию русских и китайских торговцев. В частности, для облегчения ведения торговли, ее анализа Г. Н. Потанин предлагал А. В. Бурдукову

как одному из опытных торговых людей и одновременно исследователя жизни монголов «составить инструкцию для торгующих в Монголии». Одной из проблем являлось несоответствие названий одного и того же хошуна в разных списках. В одном из писем Г. Н. Потанин просил А. В. Бурдукова: «Вот если бы вы справились в канцеляриях, как в канцелярии называется хошун такого-то князя, и приложили к этому сведению указание, в какой части Монголии находится этот хошун и какими урочищами ограничен» [Бурдуков 1969: 306].

А. В. Бурдуков продолжал развивать российско-монгольские торговые отношения и после того, как «период вооруженной борьбы в Монголии [был] закончен». Он ставил задачу укрепления «политико-экономического фронта», «дабы не упустить момента и не дать китайцам вновь внедриться в Монголию». «Политическая сторона за Вами, – писал он И. М. Майскому в декабре 1921 г. – то есть за Наркоминделом, а экономическая – за ЦС [ПО: *Центросоюзом*] или Внешторгом, как угодно назовите» [Майский 2005: 200]. И. М. Майский в свою очередь так писал о Монголии 1920-х: «По совести, Монголия меня отчасти привлекает. Там идет большая интересная работа по созданию новой государственности, и толковый полпред может смело руководить этой работой... Конечно, европейской культуры в Монголии мало, хотя есть автомобили, аэропланы, радио и пр. ... и для активной работы возможностей сколько угодно...» [Майский 2005: 280].

Источники и литература

- Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969. 418 с.
- Владимирцов Б. Я. Письма. Неизданное / Сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина; отв. ред. А. Д. Цендина. М.: Наука – Вост. лит., 2016. 390 с.
- Майский Иван Михайлович. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. / сост. Н. В. Бойко, А. Д. Воскресенский; отв. ред. В. С. Мясников. М.: Наука, 2005. Кн.1: 1900–1934. 2005. 580 с.
- Позднеев Дм. Исторический очерк Монголии // Российская национальная библиотека [РНБ] в СПб. Ф. 590. Ед. хр. 40. Л. 47.
- Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. Рубрика: история образования. 2016. Т. 11. № 6. С. 143–148.
- Полянская О. Н. Сотрудничество В. Л. Котвича и Ц. Ж. Жамцарано в изучении монгольских народов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 25. Вып. 3. С. 140–147.

Т. И. Юсупова
*Санкт-Петербургский филиал
 Института истории естествознания и техники РАН
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 ti-yusupova@mail.ru*

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО (1920–1960-Е ГГ.): КОНТЕКСТЫ, МОТИВАЦИИ, ПЕРСОНАЛИИ

В докладе представлены краткие результаты изучения истории научного сотрудничества России и Монголии в советский период – от первых контактов Российской академии наук с Ученым комитетом до создания Академии наук Монголии. Отмечены причины организации специальной Монгольской комиссии СНК СССР / АН СССР, которая координировала контакты российских ученых с Ученым комитетом (Комитетом наук) Монголии, особенности сотрудничества, его формы и содержание, а также основные персоналии этого исторического сюжета – российские и монгольские ученые, которые участвовали в установлении и развитии сотрудничества. Взаимодействие российских и монгольских ученых проходило с учетом международного права на взаимовыгодных условиях. Показано, что детальное изучение российско-монгольских научных контактов позволяет стереть ряд стереотипов его восприятия, прежде всего, как преимущественно одностороннего вклада в этот процесс российских ученых и убеждение в превалировании его внешнеполитической значимости над содержательной стороной.

Ключевые слова: Академии наук СССР и МНР, научное сотрудничество, история установления, формы и содержание сотрудничества.

T. I. Yusupova
*Institute for the History of Science and Technology,
 St. Petersburg Branch of the RAS
 St. Petersburg, Russian Federation*

RUSSIAN-MONGOLIAN SCIENTIFIC COOPERATION (1920s–1960s): CONTEXTS, MOTIVATIONS, PERSONALITIES

The report presents brief results of studying the history of scientific cooperation between Russia and Mongolia during the Soviet period – from the first contacts of the Russian Academy of Sciences with the Scientific Committee to the establishment of the Mongolian Academy of Sciences. It states the reasons for organizing a special Mongolian commission of the Council of People’s Commissars of the USSR / Academy of Sciences of the USSR, which coordinated the contacts of Russian scientists with the Scientific Committee (Committee of Sciences) of Mongolia, the specificities of cooperation, its form and content, as well as the main personalities of this historical plot – Russian and Mongolian scientists, who participated in the formation and development of cooperation. The cooperation of the Academy of Sciences with Mongolian colleagues took place following international law on mutually beneficial terms. It is shown that a detailed study of Russian-Mongolian scientific contacts allows erasing several stereotypes of their perception – first of all, as a predominantly one-sided contribution to this process by Russian scientists, and the belief in the prevalence of its foreign policy significance over the substantive side.

Keywords: the Academies of Sciences of the USSR and the Mongolian People’s Republic, scientific cooperation, history of its establishment, forms and content of cooperation

Среди направлений международной деятельности Академии наук СССР в 1920–1960-х гг. научное взаимодействие с Монгольским Ученым комитетом (Учкомом, 1921–1930) / Комитетом наук (1930–1961) / Академией наук (с 1961 г.) выделяется по интенсивности и разнообразию дисциплинарного содержания. Формирование российско / советско-монгольского научного сотрудничества проходило под воздействием, с одной стороны, внутренних процессов развития научных направлений, по которым выстраивались контакты, и, с другой стороны, текущими двухсторонними социально-политическими запросами в межгосударственных отношениях СССР и Монголии.

Детальное изучение истории формирования советско-монгольского научного взаимодействия позволяет стереть ряд еще существующих стереотипов его восприятия, таких как преимущественно односторонний вклад в этот процесс советских ученых и убеждение в превалировании его внешнеполитической значимости над содержательной стороной. Отметим его некоторые особенности.

Научное сотрудничество Российской академией наук (с 1925 г. по 1991 г. – АН СССР) с Учкомом было инициировано монгольской стороной осенью 1922 г. Перед новой Монголией, еще вчера феодально-теократической страной, стояли сложнейшие задачи по созданию национальных государственных институтов, в том числе и научных учреждений. Необходимость в последних была в том числе и утилитарная – необходимость изучения природных ресурсов страны в хозяйственно-экономических целях. Справиться с этой проблемой без внешней помощи было практически невозможно. В силу сложившихся исторических условий (прежде всего, неопределенности международного статуса Монголии) такую помощь Учком мог ожидать, в первую очередь, от Советской России.

Академия наук смогла откликнуться на просьбу Учкома и начать масштабное исследование Монголии только через два с половиной года. Непременный секретарь¹ Академии наук С. Ф. Ольденбург в ответ на просьбу Ц. Жамцарано, одного из создателей и руководителей Учкома, в январе 1925 г. инициировал обсуждение в Совнарком СССР организацию изучения Монголии, представив этот проект как взаимовыгодной и для Академии наук, и для Учкома. Учитывая важность Монголии во внешнеполитической деятельности СССР в текущий момент при Совнарком была создана специальная Комиссия, чуть позже получившая название Монгольской комиссии (с 1927 г. она перешла в ведение Академии наук). Ее учреждение стало одним из примеров адаптации деятельности Академии наук к конкретным политико-экономическим условиям в стране, ее позитивного взаимодействия с государственными структурами, когда каждая из сторон смогла использовать сложившуюся ситуацию с выгодой для себя: советское правительство – усилить свое влияние в соседней стране с помощью научного сообщества, Академия наук – получить от государства финансирование для одной из своих исследовательских программ. Используя современную терминологию, можно сказать, что научная помощь стала «мягкой силой» для формирования в Монголии общественного мнения, отвечающего интересам Советской России [Родионов 2020].

Внешнеполитический фактор продолжал и в дальнейшем влиять на деятельность Монгольской комиссии. Диапазон ее задач изменялся от «закрепления нашего [советского] политического влияния» (1925 г.) до необходимости «дать научный фундамент для практических мероприятий правительства Монголии в области хозяйственно-экономического развития» (1930 г. и последующие годы) [Юсупова 2006].

Содержание исследовательских программ также было подвержено внешнему влиянию – государственному администрированию деятельности как Академии наук СССР, так и Комитета наук / Академии наук МНР. Следствием этого процесса стала переориентация исследований академического характера (1920-е гг.) на сугубо прикладные, хозяйственно-экономические задачи (1930–1940-е гг.). При этом в послевоенные годы в совместных проектах Академии наук и Комитета наук / Академии наук МНР наблюдался возврат к академической тематике и закрепление этой тенденции в дальнейшем [Юсупова 2018].

В установлении сотрудничества, формировании их форм и содержания особую роль сыграли: в 1920-х гг. – С. Ф. Ольденбург и Ц. Жамцарано; в 1930-х гг. следует отметить А. Амара, Л. Дэндэва, В. Л. Комарова и И. П. Рачковского; в 1940-х гг. – В. А. Обручева и Б. Б. Польшова. С монгольской стороны большое значение для развития контактов имела деятельность Б. Ширендыба. Следует отметить, что монгольские исследователи играли важную роль в научном взаимодействии, активно участвуя в формировании и реализации его программ. Их вклад возрастал по мере развития и кадрового укрепления Комитета наук.

После окончания Второй мировой войны на тенденции научного сотрудничества повлияли кардинальные изменения правового положения Монголии и акцентов внешней политики СССР, главный вектор которой был направлен на развитие сотрудничества с восточно-европейскими

---

¹ Так называлась одна из руководящих должностей в Академии наук со дня ее основания до 1937 г.; с 1942 г. – Главный ученый секретарь.

странами, ставшими на путь социалистического строительства, и с Китаем. Следствием этих перемен стало упразднение в 1953 г. Монгольской комиссии и сокращение монгольских проектов в международном сотрудничестве Академии наук СССР.

Новые формы и качественно другой уровень российско-монгольские научные связи приобрели после создания в 1961 г. Академии наук Монголии. Одной из самых плодотворных форм научных связей стали совместные научно-исследовательские экспедиции: биологическая, геологическая, палеонтологическая, историко-культурная (археологическая) и геофизическая, успешно проработавшие более 30 лет, из них палеонтологическая и биологическая работают в Монголии до сих пор.

За советский период характер российско-монгольского научного сотрудничества изменялся: от оказания советскими учеными помощи в изучении Монголии при организационной и незначительной материальной и финансовой поддержке Комитета наук (Ученого комитета) в 1920–1930-х гг. к паритетному участию сторон в совместных работах в конце 1940-х гг. и в дальнейшем; от научного взаимодействия в контексте укрепления межгосударственных отношений – к сотрудничеству, определяемому проблемами развития конкретных научных дисциплин.

Сегодняшней реалией в международном научном сотрудничестве монгольских ученых, на наш взгляд, является широкая возможность выбора международного партнера для решения своих исследовательских задач. И российским ученым нередко приходится выдерживать достаточно жесткую конкуренцию, чтобы иметь возможность работать на территории Монголии. Наши условия стали менее привлекательны. В этом аспекте исторический опыт уже столетнего сотрудничества, возможно, будет полезен для выстраивания новых конфигураций научных контактов России и Монголии.

Источники и литература

Родионов В. А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 283–291.

Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. 1925–1953. СПб.: Нестор-История, 2006. 279 с.

Юсупова Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.

М. Н. Балдано
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
histmar@mail.ru

С. В. Кириченко
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
1-a-n-a-@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ МОНГОЛИИ (1940–1960 гг.)

В статье рассмотрен процесс становления системы светского образования Монголии в 1940-1960-х гг., включавшей все ступени школы – начальную, семилетнюю, среднюю и высшую школу, сеть профессионально-технических учебных заведений, учреждений дошкольного воспитания и сеть ликбеза. На основе опубликованных и архивных источников авторы делают акцент на интенсивности этого процесса, впечатляющих достижениях в обеспечении народного хозяйства собственными специалистами, плодотворности сотрудничества Советского Союза и Монгольской Народной Республики. В статье показано формирование тенденций в сфере образования, отражавших реальные изменения в экономических и социальных приоритетах государства.

Ключевые слова: Монголия, Советский Союз, образование, неграмотность, школа, университет.

M.N. Baldano
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

S.V. Kirichenko
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

IMPROVEMENT OF THE EDUCATION SYSTEM OF MONGOLIA (1940–1960)

The article is devoted to the process of formation of the Mongolian secular education system in 1940-1960s including all levels of school: primary, seven-year, secondary and high schools, a network of vocational schools, pre-school institutions and a network of illiteracy eradication. Based on published and archival sources, the authors emphasize the intensity of the process, the impressive achievements in providing the national economy with its own specialists, and the fruitful cooperation between the Soviet Union and the Mongolian People's Republic. The article shows the formation of trends in education that reflected real changes in the economic and social priorities of the state.

Keywords: Mongolia, Soviet Union, education, illiteracy, school, university.

Социалистическое строительство в Монголии потребовало ускорения ликвидации неграмотности среди аратов. 1940-е гг. стали переломными в этом процессе. Осуществление последовательной политики позволило ощутимо повысить уровень грамотности населения: в 1934 г. грамотных в стране было 32,1 тыс. чел., в 1940 г. – уже 77,8 тыс. чел. [БНМАУ-ын 1960: 119]. Широкое распространение получило индивидуально-групповое обучение. Была расширена сеть клубов, красных юрт и уголков, налажено издание учебников.

Конституция МНР 1940 г. закрепила и гарантировала наряду с другими основными правами граждан право на образование и право на свободное применение своих знаний и труда в отраслях государственного, хозяйственного и культурного строительства [МАХН-ын их хурал 1956: 32].

Увеличение количества начальных школ и численности учащихся создавало предпосылки для организации средних и высших учебных заведений. При этом профессиональный и общеобразовательный уровень подготовки учителей не отвечал требованиям, предъявляемым к школе: из 952 учителей в 1940 г. не

было ни одного человека с высшим образованием, половина имела среднее, а у остальных не было даже среднего образования [Современная Монголия 1940: 27]. Существовавшие добровольные школы в 1940 г. были переданы в ведение государства, в декабре 1942 г. во всех сомонах созданы начальные двухгодичные школы при крупных машинно-сенокосных станциях и госхозах. К 1943 г. насчитывалось 13 таких школ с контингентом 510 чел.

В Улан-Баторе был открыт Учительский институт для подготовки учителей семилетних и средних школ, а для обучения сотрудников аппарата управления в 1941 г. была организована Высшая партийная школа (на базе партшколы им. Сухэ-Батора). С 1941 по 1965 гг. в ней было подготовлено более 1500 управленцев.

В 1942 г. для подготовки специалистов высшей квалификации непосредственно в Монголии был создан Монгольский государственный университет (МонГУ). Высококвалифицированные преподавательские кадры из СССР были направлены для оказания помощи в организации университета, постановки учебного процесса, научной работы, преподавании различных учебных курсов. Учебники, пособия, лабораторное оборудование, учебные материалы отправили в Монголию советские вузы – Сельскохозяйственная академия им. Тимирязева, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Первый московский медицинский институт и другие учебные заведения.

В 1942 г. в МонГУ обучалось 87 студентов + 57 человек на подготовительных курсах, в 1957 г. численность студентов достигла 2742 человек [Цэвэгмид 1957]. К началу 1950-х гг. МонГУ подготовил около 400 специалистов с высшим образованием – врачей, ветеринаров, зоотехников, учителей языка, литературы и истории. С 1946 по 1961 гг. свыше 1000 преподавателей для средних школ были подготовлены университетом [Сурган хүмүүжүүлэгч 1961: 20].

Несмотря на трудности, связанные со Второй мировой войной, задачи в области просвещения, намеченные X съездом МНРП, были выполнены в основном к 1947 г. В соответствии с данными Министерства просвещения, к этому времени 42 % взрослого населения были грамотными, граждане от 15 до 45 лет подлежали обязательному обучению грамоте [МУБЯА: 22].

Улан-Баторский педагогический институт был открыт в 1951 г. До 1958 г. институт подготовил 900 учителей средней школы. На базе университета были созданы самостоятельные институты – сельскохозяйственный, экономический, медицинский, а также вечерний учетно-финансовый институт. В 1960 г. в Монголии насчитывалось семь высших учебных заведений. Расширение сети вузов вело к увеличению числа студентов. В 1950 г. в стране насчитывалось 1500 студентов, в 1960 г. – 6900, в 1965 г. – 10700 [МУУТА: 7]. В 1951 г. были открыты педтехникумы в Ара-Хангайском и Восточном аймаках.

Монголия добилась всеобщей грамотности населения к концу 1950-х гг. и стала первым лауреатом премии ЮНЕСКО имени Н. К. Крупской за успехи в ликвидации неграмотности. Следующим шагом стало введение всеобщего семилетнего, а затем и среднего образования. В школах МНР в 1960 г. обучалось 107209 детей и работали 3743 учителя. По сравнению с 1940 г., контингент учащихся и количество учителей выросли в четыре раза, а число общеобразовательных школ увеличилось на 26,6 %. В 1960 г. более чем в два раза возросло количество выпускников средних школ по сравнению с 1957 г., неполных средних школ – на 76 % [Современная Монголия 1961: 19].

Расширение профтехобразования диктовалось ростом промышленности, сельского хозяйства и культуры. В 1951 г. был открыт учебный комбинат при управлении Улан-Баторской железной дороги, а в 1952 г. – железнодорожный техникум, готовивший специалистов железнодорожного транспорта. Созданный в 1958 г. политехникум готовил специалистов по строительству, горному, автомобильному делу, электротехнике, связи, радио и др. Были открыты новые техникумы и училища, изменилась география их размещения. Кроме Улан-Батора учебные заведения были открыты в Кобдо, Чойбалсане, Сайншанде, Цэцэрлэге.

Увеличилась сеть средних технических учебных заведений. В 1960 г. средние учебные заведения промышленности, строительства, транспорта и связи Монголии выпустили 230 специалистов, в 1965 г. – 600, в 1970 г. – 800. Удельный вес выпускников этих заведений в общем количестве выпущенных специалистов средней квалификации в указанные годы составил соответственно 17 %, 28 % и 38 % [Статистический ежегодник 1974: 417].

Численность среднего медицинского персонала возросла в 1947 г. по сравнению с 1940 г. в 1,5 раза, в 1952 г. – в 2,2 раза, в 1960 г. – в 4,9 раза, в 1965 г. – в 6,9 раза [Народное хозяйство 1968: 198]. Развитие сети специальных учебных заведений в стране происходило также за счет создания новых художественных, театральных и других училищ.

Создание учебных заведений профессионального образования и подготовка специалистов прошли два основных этапа. Первый – до 1940 г., он характеризуется формированием сети средних специальных учебных заведений и подготовкой специалистов среднего уровня квалификации. Второй начался с 1940-х гг. и продолжался до 1960-х. Он ознаменован созданием и развитием высших учебных заведений и дальнейшим расширением сети техникумов и училищ.

В связи с началом освоения целинных земель, проведением геолого-поисковых работ, изучением гидроресурсов рек возникла настоятельная потребность в специалистах. По просьбе монгольской стороны правительство СССР командировало в Монголию более 300 советских специалистов и рабочих, в том числе 47 инженеров – специалистов сельского хозяйства и 60 механиков [Советско-монгольские 1966: 266].

Произошли существенные перемены в системе подготовки учителей в педагогических вузах и училищах Монголии, благодаря перестройке школы. Были откорректированы учебные планы и программы учебных заведений, увеличено количество часов для практических и лабораторных занятий, введено преподавание предметов политехнического цикла. Министерство просвещения направило передовых учителей в Советский Союз и другие социалистические страны для обмена опытом. К примеру, большая группа преподавателей физики и математики в 1956 г. посетила советские школы, а в 1957 г. в СССР побывали учителя химии и естествознания.

В 1955 г. ЦК МНРП и Совет Министров МНР приняли постановление «Об организации вечернего образования для рабочей и аратской молодежи» (Ардын боловсрол 1968: 87), предусматривавшее создание вечерних семилетних и средних школ для рабочих и аратов. В 1958–1959 учебном году в Улан-Батаре открылись семь семилетних школ рабочей молодежи (1200 учащихся), в сельской местности – 18 школ (1200 учащихся). В 1960 г. насчитывалось уже 40 вечерних школ, т.е. на 144 % больше, чем в 1957 г., а число учащихся возросло на 221 % [Үнэн 1960].

Были открыты педтехникумы в Чойбалсане и Цэцэрлэге. Благодаря развертыванию сети педагогических учебных заведений, происходил быстрый рост числа учителей. Если в 1932 г. кадры подготовленных педагогов удовлетворяли лишь 6–7 % потребностей в них, то в середине 1960-х гг. 97 % учителей имели законченное среднее или высшее образование [Очерки истории 1971: 117].

Таким образом в Монголии была создана система народного образования, включавшая все ступени школы – начальную, семилетнюю, среднюю и высшую школу, а также сеть профессионально-технических учебных заведений, учреждений дошкольного воспитания и сеть ликбеза.

Источники и литература

- Монгол Улсын Боловсролын Яамны Архив (МУБЯА). Ф. 1. Д. 10. Хн. 22. Х. 2–3.
Монгол Улсын Үндэсний Төв Архив (МУУТА). Ф. 6. Д. 3. Хн. 4. Х. 7.
Народное хозяйство МНР (1966–1973): стат. сб. Улан-Батор, 1974. 262 с.
Очерки истории культуры МНР / отв. ред. Д. Д. Лубсанов. Улан-Удэ: Буряткнигоиздат, 1971. 509 с.
Советско-монгольские отношения: сб. документов. М.: Наука, 1966. 360 с.
Современная Монголия. 1940. № 1–2. С. 24–28.
Современная Монголия. 1961. № 5(42). С. 16–19.
Статистический ежегодник стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи / СЭВ, Секретариат. М.: Финансы и статистика, 1974. 495 с.
Ардын боловсрол, соёл урлаг шинжлэх ухааны талаарх хууль тогтоомжийн системчилсэн эмхтгэл. Улаанбаатар, 1968. 198 х.
БНМАУ-ын 1921–1958 онуудын улс ардын аж ахуй, соёлын хөгжилт. Статистикийн эмхэтгэл. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1960. 196 х.
МАХН-ын их, бага хурал, төв хорооны бугд хурлуудын тогтоол шийдвэр. 1940–1956. Улаанбаатар, 1956. 102 х.
Сурган хүмүүжүүлэгч. 1961. № 3. С. 18–22.
Үнэн. 1960. 12 окт.
Цэвэгмид Д. 15-летие Монгольского государственного университета // Монголын сонин. 1957. 5 окт.

Л. А. Зайцева, Б. Даваажав
*Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
им. В. Р. Филиппова
Улан-Удэ, Российская Федерация
klio1976@mail.ru*

ВКЛАД СССР В РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ МОНГОЛИИ

В статье анализируется вклад Советского Союза в становление и развитие высших учебных заведений Монголии. Авторы выделяют три периода в истории развития вузов Монголии: подготовка монгольских кадров в СССР (1921–1942 гг.); организация Монгольского государственного университета (1942–1958 гг.); создание и развитие других высших учебных заведений Монголии (1958–1991 гг.) Авторы знакомят с деятельностью ученых, преподавателей из Советского Союза, ставшими первыми вузовскими преподавателями Монголии. В 1958 г. был открыт сельскохозяйственный институт, в 1961 г. медицинский институт, в 1969 г. политехнический, в 1979 г. институт иностранных языков. Большинство научно-исследовательских институтов были открыты по результатам научных экспедиций АН СССР. Важное значение в создании вузов имела материально-техническая помощь СССР Монголии.

Ключевые слова: монголрабфак, Монголия, Советский Союз, вуз, ученый, преподаватель, специалист.

L. A. Zaitseva, B. Davaajav
*V. R. Philippov Buryat State Academy of Agriculture
Ulan-Ude, Russian Federation*

CONTRIBUTION OF THE USSR TO THE DEVELOPMENT AND ESTABLISHMENT OF MONGOLIAN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

This article analyzes the contribution of the Soviet Union to the development and formation of higher educational institutions in Mongolia. The authors distinguish three periods in the history of higher educational institutions of Mongolia: the beginning of training of Mongolian specialists in the USSR (1921–1942); organization of the Mongolian State University (1942–1958); creation and development of other higher educational institutions of Mongolia (1958–1991). The authors describe the work of scientists and teachers from the Soviet Union, who became the first teachers of higher education in Mongolia. In 1958 opened Agricultural Institute. The Medical Institute was opened in 1961, the Polytechnic Institute in 1969 and the Institute of Foreign Languages in 1979. Most of the research institutes were opened as a result of scientific expeditions of the USSR Academy of Sciences. The material and technical help of the USSR to Mongolia was of great importance in creating the institutes.

Keywords: Mongolrabfak, Mongolia, Soviet Union, university, scientist, teacher, specialist.

После победы революции 1921 г. Монголия не располагала материальной базой для развития культурного строительства, не имела подготовленных кадров, испытывала недостаток финансовых средств. Трудности становления и развития новой культуры усугублялись острой классовой борьбой.

К 1921 г. Монголия нуждалась в светских специалистах. Советские ученые, специалисты сыграли важную роль в развитии науки, организации высших и средних учебных заведений в Монголии. При помощи СССР Монголия добилась крупных успехов в развитии экономики, культуры.

В октябре 1921 г. по постановлению Народного правительства была организована первая начальная школа Монголии. С 1922 г. стали проводить отбор молодых людей для обучения в СССР. В 1924 г. был образован подготовительный факультет в Иркутском государственном университете для монгольской молодежи. Так, в 1937 г. в Советском Союзе обучалось 314 чел., в 1940 г. – 739, т.е. в 2,3 раза больше [Дугаров 2010: 98]. В институте живых восточных языков существовал монгольский сектор, где в первый год обучалось 54 студента [Цэдэн 1967: 178]. В период 1923–1936 гг. закончили монгольский сектор Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) 229 монголов [Дугаров, Сагаев 2014: 65]. На монгольских курсах при Иркутском госуниверситете с

1926 по 1932 г. прошли обучение более 100 монгольских граждан. В 1938 г. на ветеринарном факультете Бурят-Монгольского зооветинститута организовали монгольское отделение, получившее название особой группы в составе 7 человек [Зайцева, Попов 2001: 91].

В январе 1930 г. был открыт монголрабфак в Бурят-Монгольской АССР. Были построены помещения для учебных занятий, общежитие для студентов и библиотека, только на строительство учебного корпуса в 1931–1936 гг. потратили 823600 руб. [ГАРБ 462: 373]. В числе первых выпускников Улан-Удэнского монголрабфака были Ю. Цэдэнбал, председатель правительства МНР и академик Б. Ширендыб. Монголрабфак внес существенный вклад в подготовку интеллигенции МНР. В течение 10 лет (1930–1940 гг.) прошли обучение на рабфаке 2150 чел., окончили 1912 чел. [ГАРБ 462: 57; Нелюбина 1975: 41; Цыремпилов 2013: 162]. При монголрабфаке временно с 1931 г. работали девятимесячные профкурсы монгольского батрачества, их окончили 36 чел. В 1933–1934 учебном году здесь открылась сельскохозяйственная школа [Нелюбина 1975: 43].

Родоначальником высших учебных заведений Монголии является Монгольский государственный университет, созданный во время Великой Отечественной войны при помощи СССР. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский первый медицинский институт, Сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева отправили в помощь новому вузу учебники, пособия, лабораторное оборудование. 5 октября 1942 г. в Улан-Баторе в клубе им. В. И. Ленина на открытии выступили руководители страны Х. Чойбалсан и Ю. Цэдэнбал.

В Монгольском государственном университете обучалось 93 студента на дневном отделении и 53 – на подготовительном факультете [Жамц 2004: 6]. Первым факультетом был ветеринарный. Первым проректором по учебной и научной работе работал кандидат ветеринарных наук, доцент С. А. Кудряшов. Коллектив преподавателей состоял из 17 человек. Это были – биолог, доцент А. Г. Банников; химик С. И. Хромов; физики Н. И. Иванов, А. Г. Шафигулин; врач-анатом, доцент В. Н. Топольский; зоотехник, доцент С. А. Кудряшов [Жамц 2004: 6]. Были привлечены советские специалисты, работавшие в МНР.

Заместителями ректора по научной и учебной работе МонГУ работали В. С. Кудряшов (1942–1943 гг.), С. И. Хромов (1943–1951 гг.), заместителями и деканами – Н. И. Иванов (1942–1950 гг.), И. З. Козьянко (1949–1951 гг.), И. Ф. Шульженко (1950–1955 гг.). С 1946 по 1958 гг. вуз подготовил 150 зоотехников, 259 ветеринарных врачей [Даваажав 2019: 18].

В 1958 г. на основе факультета зоотехнии, ветеринарии, агрономии Монгольского госуниверситета был организован Монгольский сельскохозяйственный институт. В 1961 г. медицинский факультет был реорганизован в Медицинский институт Монголии. В 1969 г. факультет техники и технологии стал Политехническим институтом Монголии. В 1979 г. в университете был создан факультет русского языка, впоследствии ставший Институтом иностранных языков Монголии. В новых институтах работали приглашенные специалисты из СССР. В Монгольском сельскохозяйственном институте преподавательский состав состоял из советских специалистов – со дня создания до 1990 г. здесь трудились 130 советских специалистов [Даваажав 2019: 19].

Важным событием в научной жизни МНР стало создание Академии наук МНР в 1961 г. В феврале 1946 г. на приеме в Кремле в честь монгольской делегации во главе с маршалом Х. Чойбалсаном И. В. Сталин сказал: «Монголии нужны свои ученые. Без них руководить нельзя. Почти во всех странах есть академии наук. Вам тоже в соответствующее время надо создать свою Академию...» [Ширендыб 2013: 56]. Большинство институтов Монгольской академии наук были созданы на основе научных экспедиции АН СССР.

Советские сельскохозяйственные экспедиции явились кузницей монгольских научных кадров. В рамках деятельности такой сельскохозяйственной экспедиции 1947–1951 гг. был создан Ветеринарный кабинет Комитета наук Монголии, позднее ставший Монгольским институтом ветеринарной медицины. При содействии СССР создается кадровый ветеринарный потенциал Монголии. За период с 1924 по 1954 гг. были приглашены на работу в Монголию 1177 советских ветеринаров [Печников 1949: 25]. Из 225 кандидатов сельскохозяйственных наук Монголии 121 защитился в СССР или России, у 27 защитившихся в Монголии научными руководителями были ученые из СССР [Даваажав 2019: 15].

После победы Народной революции 1921 г. СССР сыграл главную роль в создании и развитии высших учебных заведений Монголии. В 1921–1940-е гг. монгольская молодежь обучалась в учебных заведениях СССР на средства советского правительства. С созданием первого университета Монголия стала готовить кадры на родине. Первыми монгольскими преподавателями были советские

преподаватели. До середины 1980-х гг. преподавание в монгольских вузах велось на русском языке. От Монгольского государственного университета берут начало остальные высшие учебные заведения Монголии. Советский Союз внес значительный вклад в создание Монгольской академии наук. Большинство научно-исследовательских институтов были созданы благодаря итогам советских научных экспедиций.

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фр. – 462. Оп. 1. Д. 18. Л. 373; Оп. 2. Д. 130. Л. 57.

Б. Ширендыб и С. Д. Дылыков в памяти родственников, коллег и друзей (к 100 летию со дня рождения) / отв. ред. В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2013. 193 с.

Даваажав Б. Советско-монгольское сотрудничество в становлении и развитии сельского хозяйства и в подготовке сельскохозяйственных кадров МНР (1924–1991 гг.): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2020. 22 с.

Дугаров В. Д. Подготовка высококвалифицированных кадров монгольской молодежи в СССР в XX в. в советской и российской историографии (опыт и проблемы) // Индустриальная модернизация аграрных регионов России. Сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 94–100.

Дугаров В. Д., Сагаев Н. Ц. Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в 1921 – начале 1990-х гг. в современной отечественной монголоведной историографии. Улан-Удэ: Бэлиг, 2014. 152 с.

Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. 260 с.

Нелюбина А. Г. Из истории советско-монгольских культурных связей // Вопросы краеведения. Вып. VIII. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. С. 40–44.

Печников А. М. Животноводство МНР (мат. гос. ст.). Улаанбаатар: УХГ, 1949. Вып. 1. 272 с.

Цыремпилов Д. В. Из истории создания и деятельности монгольского рабочего факультета (Монголрабфак) в г. Верхнеудинске // Региональные архивы: история и современность: материалы науч.-практ. конф., посв. 90-летию образования архивной службы Республики Бурятия и 135-летию со дня рождения В. П. Гирченко – историка, архивиста, организатора архивного дела в Бурятии. Улан-Удэ, 2013. С. 159–162.

Жамц У. Монгол Улсын Их Сургуулийн зоо-мал эмнэлгийн факультет. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2004. 502 х.

Цэдэн Б. Монгол зөвлөлтийн найрамдал ба МАХН. Улаанбаатар: УХГ, 1967.

В. В. Номогоева
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
nomogoeva67@mail.ru

А. М. Шойдонова
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
shoyd89@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920–1940-Е ГГ.: ОПЫТ БМАССР¹

В данной статье рассмотрен опыт обучения монгольских граждан как одного из элементов дипломатических взаимоотношений между Советской Россией и Монгольской Народной Республикой. Осуществлена попытка проанализировать состояние образовательной системы в Монголии. Выявлены цели и задачи, стоявшие перед монгольским обществом в 1920-е гг., когда монгольское государство прочно встало на путь государственного и национального самоопределения. Определены основные образовательные центры подготовки монгольских кадров в СССР. Особое внимание уделено г. Верхнеудинск как главному учебному форпосту монгольских граждан. Приведена информация о наиболее значимых выпускниках Монголрабфака. На основе проведенного исследования авторами дана оценка адаптации студентов в чуждой социокультурной обстановке.

Ключевые слова: советско-монгольское сотрудничество, образование, международные контакты, социальная адаптация, студенческая мобильность, национальная интеллигенция.

V. V. Nomogoeva
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

A. M. Shoydonova
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

TRAINING OF MONGOL STUDENTS IN SOVIET RUSSIA: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN 1920–1940S

This article examines the experience of teaching Mongolian citizens as one of the elements of diplomatic relations between Soviet Russia and the Mongolian People's Republic. The authors made an attempt to analyze the state of the educational system in Mongolia. The goals and objectives of the Mongolian society in the 1920s, when the Mongolian state firmly embarked on the path of state and national self-determination, are identified. The main educational centers for the training of Mongolian personnel in the USSR have been determined. Special attention is paid to the city of Verkhneudinsk as the main educational outpost of Mongolian citizens. Information about the most significant graduates of the Mongolrabfak is given. On the basis of the conducted research, the authors assessed the adaptation of students in an alien socio-cultural environment.

Keywords: Soviet-Mongolian cooperation, education, international contacts, social adaptation, student mobility, national intellectuals.

Период 1920-1940-х гг. стал для Советского Союза и Монгольской Народной Республики временем установления тесных дипломатических взаимоотношений и взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах жизнедеятельности общества. В этот период перед Монголией встала задача в кратчайшие сроки создать национальную интеллигенцию, которая могла бы развивать

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43092 «Советская модернизация бурятского общества в 1920–30-е годы».

страну и перестроить общество на «новые рельсы». Глобальные перемены требовались во всех областях: политической организации, административном управлении, социально-экономическом устройстве. В молодом монгольском государстве практически не существовало системы светского образования, в то время как реалии XX в. требовали наличия педагогических, медицинских и инженерных кадров. Вследствие многолетней политики китайской администрации в стране развивалось только духовно-религиозное образование. По всей монгольской степи действовали дацаны и монастыри, центры обучения буддийского духовенства.

В 1918 г. мужское население Монголии составляло 237 021 человек, из которых 91 118 человек были представителями буддийского духовенства [Эльм 1928: 24]. Некоторые историки считают, что количество лам превышало 100 000 человек, то есть более 40 % населения [Баврин, Таксубаев 1987: 16–17]. Есть сведения о том, что «ламское сословие» составляло половину мужского населения – более 112 000 человек [Очерки истории культуры... 1971: 58]. В Монголии возникла уникальная ситуация, когда треть или половина работоспособного населения относились к категории населения «попов и монахов». Эти трудоспособные мужчины не были заняты в производящем хозяйстве, не могли использоваться в качестве военной силы.

К 1921 г. МНР крайне нуждалась в светских специалистах: педагогах, врачах, ветеринарах, инженерах, водителях. Самостоятельно решить проблему подготовки национальной интеллигенции страна не могла, нужна была поддержка со стороны главного внешнеполитического партнера – Советской России.

Осенью 1921 г. состоялись советско-монгольские переговоры, которые завершились подписанием исключительно важного документа – Соглашения между правительством РСФСР и Народным правительством МНР об установлении дружественных отношений [Соглашение между правительством...]. Данный нормативно-правовой акт стал первым равноправным договором монгольского правительства, подписанным с иностранным государством. Было принято решение о необходимости укрепления советско-монгольского сотрудничества, перехода на «социалистические рельсы», идеологической, культурной и экономической модернизации и трансформации монгольского общества.

К периоду 1920-1940-х гг. относится первый опыт массового обучения монгольской молодежи в учебных заведениях Советской России. Для обучающихся из Монголии действовали учебные заведения в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске. До 1930-х гг. советским государством полностью оплачивалось обучение монгольских граждан, позже правительство Монголии стало оплачивать половину расходов на обучение своих студентов.

Одним из важнейших образовательных центров профессиональной подготовки монгольской молодежи стал г. Верхнеудинск. Данный факт связан с естественными факторами: непосредственной географической, этнической и языковой близостью к Монголии. Выбор столицы Бурятской АССР связан и с наличием материально-технической базы, городской инфраструктуры, а также компетентного преподавательского состава.

В 1924 г. была создана советская партийная школа в г. Верхнеудинск. Ее слушателями стали общественно-политические активисты по рекомендации партийных и молодежных организаций. В 1925 г. правительству Монголии было направлено письмо, информирующее о предоставлении пяти мест монгольским гражданам в Бурят-Монгольской советско-партийной школе [ГАРБ. ФР. 60. Оп. 1. Д. 121. Л. 5]. Руководство школы в лице директора Т. М. Бурштейн вело оживленную переписку с монгольскими государственными органами, в частности, со знаменитым народным просветителем монгольского народа Э. Батуханом [ГАРБ. ФР. 60. Оп. 1. Д. 121. Л. 9]. Он курировал вопросы отбора студентов в школы, проявлял беспокойство о финансовом состоянии учащихся, об их удобном размещении и образовательном процессе в целом. Подготовка монгольских студентов в Бурят-Монгольской советской партийной школе продолжилась вплоть до начала 1930-х гг. и носила эпизодический характер.

В конце 1929 г. было решено создать Монгольский рабочий факультет, который находился под юрисдикцией Народного комитета Просвещения РСФСР [ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 2]. Его главными задачами были обучение и подготовка монгольских граждан к поступлению в средние специальные, профессиональные и высшие учебные заведения Советского Союза. Первым заведующим был назначен Н. Р. Ринчино [ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 60]. 20 февраля 1930 г. учебное заведение начало свою деятельность [ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 39]. Монголрабфак в административном и финансовом отношении подчинялся указаниям Народного комиссариата

просвещения РСФСР. В организационном порядке он был прикреплен к Иркутскому государственному университету и Коммунистическому университету трудящихся Востока.

За короткий промежуток времени были подготовлены помещения для учебных занятий, общежития для студентов и библиотека. Был построен учебный корпус с 14 аудиториями и хорошо оборудованными кабинетами естествознания, физики, химии и математики. В библиотеке Монголрабфака находилось 34 000 книг на русском, монгольском и другом языках [ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 2]. Студенты полностью обеспечивались всем необходимым: содержание одного монгольского учащегося обходилось в 2,5 раза дороже, чем содержание любого студента центрального вуза.

Монгольский рабочий факультет являлся закрытым учебным заведением и находился на особом контроле. Правила приема были достаточно строгими: принимались представители «трудового аратства», выходцы из богатых семей и бывшие ламы не принимались. Устанавливались возрастные ограничения – от 15 до 25 лет, причем предпочтение отдавалось более молодым монгольским гражданам. Число командированных женщин должно было составлять не менее 15 % [ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 36–36об.]. В плане учебно-образовательной подготовки командируемые должны были обладать знаниями в объеме начальной школы, т.е. должны были уметь читать, писать и производить элементарные математические расчеты. Все поступающие подвергались медицинскому освидетельствованию, при наличии серьезных заболеваний претенденту отказывали в поступлении [ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 30].

Проводились вечера-встречи молодежи разных национальностей – монголов, русских, бурят, тувинцев. Устраивались спортивные соревнования, разучивались стихотворения, песни и танцы. Студентов вывозили на производственные экскурсии на фабрики и заводы, колхозы и коммуны. Так, монгольские студенты знакомились с бытовой жизнью советских граждан, что способствовало их адаптации и восприятию идеалов советского общества.

Можно с уверенностью сказать, что за 10 лет своего существования Монголрабфак выполнил возложенные на него задачи, стал ярким примером и образцом успешного международного сотрудничества. 1912 монгольских граждан прошли обучение в Республике Бурятия и стали ценными кадрами, занятыми в области образования, культуры и здравоохранения. Наиболее известными выпускниками Монголрабфака являются Ю. Цэдэнбал, генеральный секретарь Монгольской народно-революционной партии, Носто, директор Медицинского техникума, Сэнгэ, преподаватель Объединенного военного училища военного Министерства МНР, Д. Майдар, заместитель председателя Совета Министров МНР, Б. Ширендыб, президент Академии наук МНР [ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 105. Л. 122–124].

Подготовка монгольских кадров на территории Советского Союза стала важным элементом в процессе становления дружественных и добрососедских взаимоотношений.

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР–60. Оп. 1. Д. 121; ФР–462. Оп. 1. Д. 1; Д. 105.

Баврин Е. П., Таксубаев А. И. Монгольская Народная Республика: Справочник. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. 111 с.

Соглашение между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений от 5 ноября 1921 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/25226880/24832640/> (дата обращения: 01.07.2021).

Очерки истории культуры МНР / Отв. ред. Д. Д. Лубсанов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 510 с.

Эльм Л. Наш сосед Монголия. М.: Гос. изд-во отдел военной литературы, 1928. 72 с.

И. Г. Актамов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
 aktamov13@gmail.com

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX В.¹

Данная статья посвящена анализу сотрудничества России и Монголии в сфере образования в конце XX столетия. Постсоциалистический период развития стран характеризуется содержательными и структурными изменениями в характере взаимодействия стран в экономической и политической сферах. Гуманитарная сфера, в том числе и образовательное сотрудничество, также подверглась изменениям. В первую очередь они коснулись воспитательных аспектов подрастающего поколения, а также расширения международных связей, включения в образовательное сотрудничество представителей других стран. Взаимодействие России и Монголии продолжалось, но носило, скорее, инерционный характер. В рамках данной работы определены основные тенденции и факторы, повлиявшие на характер взаимоотношений двух стран после 1991 г. Кроме того, выявлены основные направления образовательного сотрудничества между странами.

Ключевые слова: Россия, Монголия, образовательное сотрудничество.

I. G. Aktamov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

EDUCATIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND MONGOLIA IN THE LAST DECADE OF THE 20TH CENTURY

This article is devoted to the analysis of cooperation between Russia and Mongolia in the field of education at the end of the 20th century. The post-socialist period of development of countries characterized by substantial and structural changes in the nature of interaction between countries in the economic and political spheres. The humanitarian sphere, including educational cooperation, has also undergone changes. First, it reflected in the educational aspects of the younger generation, as well as the expansion of international relations, the inclusion of representatives of other countries in educational cooperation. Interaction between Russia and Mongolia continued, but was rather inertial. The author analyzes the main trends and factors that influenced the nature of relations between the two countries after 1991. In addition, the main directions of educational cooperation between the countries were identified.

Keywords: Russia, Mongolia, educational cooperation.

Новейшая история сотрудничества России (СССР) и Монголии (МНР) берет свое начало с даты признания независимого монгольского государства со стороны Советской России в ноябре 1921 г. [Советско-монгольские..., 1966:13]. Впоследствии Советский Союз принимал активное участие в создании промышленности, сельского хозяйства и подготовке национальных кадров. Несмотря на все сложности, в результате реализации комплекса мероприятий монгольских и советских педагогов уже к концу 1957 г. количество грамотных монголов в возрасте от 13 до 45 лет составило 93,4 %, а в начале 1970-х гг. МНР стала страной сплошной грамотности и вошла в ряд государств, обладающих высоким научным и культурным потенциалом [Энхбаяр 2011: 97].

В период с 1980 по 1990 гг. Советский Союз усилил научно-педагогическое направление сотрудничества, велась подготовка кадров высшей квалификации для всех сфер жизнедеятельности. В 1986–1990 гг. из Монголии в советские вузы ежегодно направлялось до 1300 чел., тогда как общее количество первокурсников из всех других стран, вместе взятых, составляло лишь 160 чел. в год [Там же]. Эти показатели позволяют сделать вывод о том, что подготовка кадров для Монгольской

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – начала XXI вв. в контексте межцивилизационного взаимодействия».

Народной Республики занимала особое место во внешнеполитической деятельности Советского Союза.

В 1985 г. в СССР была объявлена перестройка, которая предполагала реформирование хозяйственного уклада, изменение управленческих основ, а также развертывание гласности как одного из условий повышения ответственности и активности масс. Эти процессы отразились и на внешней политике государства. Резкое снижение влияния СССР способствовало возникновению идеологического вакуума, росту радикальных настроений, которые во многих странах привели к вооруженным конфликтам. Не осталась в стороне от этих тенденций и МНР, в которой набирали обороты революционные настроения. Вместе с тем стоит отметить, что в отличие от ряда государств Средней Азии, демократическая революция в Монголии прошла относительно мирно. Сфера образования имеет стратегически важное значение, от содержания и качества образования зависит не только уровень развития экономики и социальной сферы, но и конкурентоспособность государства на мировой арене.

В конце 1980-х гг. происходит дистанцирование, а затем и охлаждение отношений между Советским Союзом и МНР. Первым принципиально важным шагом можно считать то, что в 1987 г. в вузах был отменен государственный экзамен по русскому языку, а в 1988 г. – выпускной экзамен по этому предмету в школах. Почти 500 учителей русского языка остались без работы [Энхбаяр 2011: 97]. Руководство Монголии настояло на отзыве советских специалистов, что автоматически сказалось на сокращении культурных, образовательных и научных связей. Советское (российское) культурное влияние воспринималось как наследие «имперской политики», от которого необходимо было в кратчайшие сроки избавиться.

Культурное и научное сотрудничество между странами реализовывалось в рамках Соглашения от 1971 г. Главной целью Соглашения являлось содействие развитию и углублению сотрудничества в области науки, высшего образования, просвещения, культуры, литературы и издательского дела, изобразительного искусства, печати, музыки, театра, кино, радио и телевидения, культурно-просветительной работы, здравоохранения и спорта [Соглашение между Союзом...]. Данное соглашение фактически перестало действовать после распада Советского Союза. Первая половина 1990-х гг. не отметилась конкретными инициативами в области развития образовательного сотрудничества.

В качестве основного механизма сотрудничества между странами можно рассматривать Соглашение между Министерством науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации и Министерством науки и образования Монголии о научно-технологическом сотрудничестве от 1993 г. Целью данного документа являлось содействие взаимовыгодному сотрудничеству между двумя странами в области науки и техники в целях ускорения научно-технического прогресса [Соглашение между Министерством науки...]. Несмотря на то, что документ носил рамочный характер и принципиальных изменений в развитии сотрудничества между государствами он не внес, он стал одним из первых двусторонних соглашений в сфере науки и техники.

В 1995 г. было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве. В отличие от Соглашения 1971 г., документ разделен на несколько структурных компонентов. В тексте Соглашения 1995 г. отдельно выделены академическое сотрудничество, культура и искусство, информация, издательское дело, радио и ТВ, кинематография. Принципиально новым направлением сотрудничества стало взаимодействие между творческими союзами и иными организациями, а также развитие спорта, туризма, здравоохранения [Соглашение между Правительством Российской Федерации...]. Особое значение среди перечисленных направлений по-прежнему занимает образование, которое было дополнено такой новой формой сотрудничества, как образовательные обмены. Принципиально важным моментом является то, что стороны договорились о создании специальных рабочих групп при Министерствах образования и науки, которые несут ответственность за организацию конференций, симпозиумов и других мероприятий, а также подготовку совместных публикаций и учебных пособий.

Таким образом, конец 1990-х гг. характеризуется не только спадом экономического и политического взаимодействия между преемницами Советского Союза и Монгольской Народной Республики в лице Российской Федерации и Монголии, но и ослаблением и даже некоторым охлаждением отношений в гуманитарной сфере. Наиболее ярким показателем является отказ от

русского языка в образовательной сфере в конце 1980-х гг. Это сказалось на изменении не только образовательных программ среднего образования, но и подготовки профессиональных кадров, сократились научно-технические связи. Вся образовательная и научная сфера, которая была создана совместными усилиями оказалась в некоторой стагнации, а затем и была фактически разрушена. Вместе с тем с начала 2000-х гг. начинается новый этап возрождения традиционно высоких связей между нашими странами.

Источники и литература

- Советско-монгольские отношения. 1921–1966: сб. документов. М.: Наука, 1966. Т. 1. 360 с.
- Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о культурном и научном сотрудничестве. 1971 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901371> (дата обращения: 22.06.2021).
- Соглашение между Министерством науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации и Министерством науки и образования Монголии о научно-технологическом сотрудничестве 1993 г. // Действующие международные соглашения о научно-техническом сотрудничестве. Министерство образования и науки РФ. Департамент международного сотрудничества в образовании и науке Минобрнауки России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/933/66933/39709> (дата обращения: 22.06.2021).
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве от 5 апреля 1995 г. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901371> (дата обращения: 22.06.2021).
- Энхбаяр Д. Трансформация системы образования Монголии // Власть. 2011. № 3. С. 96–99.

А. С. Донгак
*Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-экономических исследований
Кызыл, Российская Федерация
antdon@mail.ru*

**НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТУВИНСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ И
ПРИКЛАДНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С АКАДЕМИЕЙ
НАУК МОНГОЛИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (1990–2020 ГГ.)**

Началом официальных научных связей Тувы и Монголии можно считать 1992 г., когда между Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ, директор Ю. Л. Аранчын) и Институтом международных и восточных исследований АНМ (директор Ц. Батбаяр) была достигнута договоренность о взаимном сотрудничестве и научном обмене, в том же году состоялся обмен сотрудниками. В Улан-Баторе делегация ТНИИЯЛИ была принята Президентом АНМ Д. Баатаром и вице-президентом Б. Чадраа. Состоялась также встреча тувинской делегации с бывшим президентом АН Монголии, академиком Б. Ширэндыбом. С 2010 г. налажилось устойчивое сотрудничество Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ) с институтами АНМ на основе подписанных Соглашений о научном взаимодействии и сотрудничестве.

Ключевые слова: Республика Тыва, Академия наук Монголии, научное сотрудничество, результаты.

A. S. Dongak
*Tuvan Institute of Humanities, Applied Social and Economic Researches
Kyzyl, Russian Federation*

**SCIENTIFIC COOPERATION OF THE REPUBLIC OF TUVA WITH THE ACADEMY OF
SCIENCES OF MONGOLIA: RESULTS AND PROSPECTS (1990–2020)**

Official scientific relations between Tuva and Mongolia began in 1992, when between the Tuva Scientific Research Institute of Language, Literature and History (director Yu. L. Aranchyn) and the Institute for International and Oriental Studies of the Mongolian Academy of Sciences (director Ts. Batbayar) was reached an agreement on mutual cooperation and scientific exchange, and in the same year, an exchange of employees took place. In Ulan-Bator the MAS President D. Baatar and the Vice-President B. Chadraa received the Tuvan delegation. It also met with the former president of the Mongolian Academy of Sciences, academician B. Shirendyb. Since 2010, stable cooperation has been established between the Tuvan Institute for Humanitarian Research – TIGI and the institutes of the MAS on the basis of the signed Agreements on scientific interaction and cooperation.

Keywords: Republic of Tuva, Mongolian Academy of Sciences, scientific cooperation, results.

В истории установления тувинско-монгольских научных связей эпохальными событиями стали визиты в Туву двух светил монголоведения – монгольского академика Б. Ринчена, который в 1968 г. побывал в ТНИИЯЛИ вместе со своим учеником, ученым-лингвистом Ц. Шагдарсурэном, и приезд в 1974 г. советника американского президента Т. Рузвельта, профессора Оуэна Латтимора.

Началом первых официальных научных связей Тувы и Монголии можно считать сентябрь 1992 г., когда между ТНИИЯЛИ (директор Ю. Л. Аранчын) и Институтом международных и восточных исследований АНМ (ИМВИ АНМ, директор Ц. Батбаяр) была достигнута договоренность о взаимном сотрудничестве и научном обмене. Сотрудники ТНИИЯЛИ М. Х. Маннай-оол, С. М. Орус-оол и А. С. Донгак были направлены в командировку в ИМВИ МАН с целью ознакомления с архивными документами и сбора полевого материала. В Улан-Баторе делегация ТНИИЯЛИ была принята Президентом МАН Д. Баатаром и вице-президентом Б. Чадраа. Состоялась также встреча тувинской делегации с первым президентом МАН, академиком Б. Ширэндыбом, в ходе которой им были высказаны следующие мысли: «Тува и Монголию связывают древние и крепкие корни и, тувинцы – это самый близкий к монголам по культуре и духу тюркский народ, имеющий одну историческую судьбу с монгольским народом. Я всегда мечтал побывать в Туве...» Также в

октябре 1992 г. сотрудники ИМВИ АНМ А. Нима, Х. Дашдондов и Ч. Бор впервые посетили Туву с исследовательскими целями.

Большой вклад в установление и развитие научных связей Тувы и Монголии на современном этапе внес монгольский писатель, поэт, государственный и общественный деятель Монголии, президент Академии монгольских традиций профессор Л. Дашням. С 2010 г. благодаря его поддержке наладилось эффективное партнерское сотрудничество ТИГИ с МАН, были подписаны Соглашения о научном взаимодействии и сотрудничестве между ТИГИ и с такими институтами, как ИЯЛ (и.о. директора Э. Пүрэвжав), ИИ (директор С. Чулуун), ИА (до 2014 г. директор Д. Цэвээндорж), а также с ИМФ МонГУ. В 2012 г. подписаны Соглашения с общественно-научным центром «Тод номын гэрэл» (исп. директор На. Сухбаатар) и Баян-Ульгийским НЦСЭИ при МАН (директор Г. Золбаяр).

В 2010–2016 гг. подписанные ТИГИ (с 2016 г. – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований – ТИГПИ) Соглашения наполнялись реальными результатами: обменом сотрудниками и стажерами, тувинско-монгольскими и монгольско-тувинскими полевыми экспедициями при поддержке грантов РГНФ – Правительства Республики Тыва, МинОКН Монголии, РГНФ, РФФИ, участием двух сторон в научных мероприятиях и изданием совместных трудов.

Приоритетными направлениями сотрудничества стали:

– участие научных сотрудников ТИГИ – ТИГПИ в различных научных мероприятиях МАН.

По самым скромным подсчетам, научные сотрудники ТИГПИ приняли участие в более чем 50 научных конференциях (включая IX, X, XI Международные конгрессы монголоведов), организованных институтами МАН, Международной ассоциацией монголоведения, МонГУ и другими научно-образовательными учреждениями и администрациями аймаков. В свою очередь, в 2004–2015 гг. монгольские ученые также приняли активное участие в научных мероприятиях в Туве в очной и заочной формах:

– экспедиционная работа: В 2002–2015 гг. ТИГИ было организовано 11 экспедиций в Монголию (аймаки Баян-Өлгий, Ховд, Увс, Завхан, Дархануул, Сэлэнгэ и Хөвсгөл). Также совместно с монгольскими коллегами состоялись экспедиции Эрзинском и Тере-Хольском кожуунах Тувы.

I. С 2010 г. активную позицию по развитию и укреплению научных связей с научными учреждениями Тувы занял Институт истории (ныне ИИЭ) во главе с его директором, академиком С. Чулууном, внесшим существенный вклад в претворение в жизнь ряда фундаментальных и прикладных задач сотрудничества. Так, результатом совместной работы монгольских историков с сотрудниками сектора монголоведения ТИГПИ стали:

– факсимильное издание 4 томов «Собрания архивных документов по истории Тувы» (I том (1738–1911 гг.), II том (1912–1921 гг.), III том (1922–1944 гг.), IV том (1945–1990 гг.)).

– обмен научными сотрудниками ТИГИ и ИИ АНМ (Б. Баатархүү, А. А. Самдан, А. С. Донгак);

– организация экспедиций: тувинско-монгольская экспедиция в Эрзинский кожуун Республики Тыва (2011) и совместная экспедиция в аймаки Завхан и Увс Монголии (2012). Полевые материалы первой тувинско-монгольской экспедиции были проанализированы и обобщены в коллективной монографии «Локальные особенности традиционной культуры жителей Эрзина» (Кызыл, 2018).

– В 2014–2016 гг. сотрудники сектора монголоведения ТИГПИ подготовили совместно с Генконсульством Монголии в Кызыле исторический фотоальбом «Тува – Монголия: События. Факты (XX – начало XXI вв.)», посвященный 95-летию установлению дипломатических отношений между Россией и Монголией.

За вклад в развитие тувинско-монгольских научных связей и издание совместных трудов академику АНМ С. Чулууну Правительством Республики Тыва в 2019 г. было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Республики Тыва.

II. При активном содействии и организационной помощи президента Академии монгольских традиций, заслуженного деятеля науки Республики Тыва Л. Дашняма были организованы и проведены пять международных научно-практических конференций: «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность» (Якутск-2007, Улан-Батор-2009, Кызыл-2011, Улан-Батор-2013, Болгария-2015).

III. Плодотворным стало сотрудничество с научным центром «Тод номын гэрэл», созданным в 2006 г. и направленным на исследование истории, культуры, языка и письменности ойратских народов, населяющих Западную Монголию. Центром ежегодно организуются конференции, полевые экспедиции, фестивали и другие научно-культурные мероприятия. За 10 с лишним лет деятельности центра в серии «BIBLIOTHECA OIRATICA» («Ойратика») были изданы более 80 томов, освещающих язык, историю, фольклор и этнографию всех западно-монгольских народов. XXIX выпуск серии «Тува (история, культура, язык)» был посвящен различным аспектам культуры этнических тувинцев Монголии (Тува: түүх, хэл, соёл, 2013). Сотрудники ТИГПИ принимали активное участие в научных мероприятиях, проводимых «Тод номын гэрэл»:

– в конференциях, посвященных 130-летию известного ученого-монголоведа А. В. Бурдукова (2013) и 160-летию знаменитого западно-монгольского сказителя М. Парчина (2015). Материалы конференции опубликованы в серии «Ойратика» (А. В. Бурдуков – 130. Вопросы истории и культуры Западной Монголии, 2014);

– в комплексной экспедиции по Западной Монголии, где приняли участие более 100 исследователей из Монголии, России (Калмыкия, Тува), Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (2013).

IV. Баян-Олгийский НЦСЭИ МАН. Центр с 1990 г. является одним из первых партнеров ТИГИ из Монголии. Творческими результатами экспедиций к этническим тувинцам в сомон Цэнгэл в 2002, 2007 гг. по проекту РГНФ стали сборники фольклорных текстов на тувинском и русском языках (Мөнгүн дагша. Улаанбаатар, 2013; Подношение в серебряной чаше. Новосибирск, 2018) и коллективная монография «Цэнгэльский тувинцы: фольклор и литература» (Новосибирск, 2020).

Подводя итог совместной тувинско-монгольской научной деятельности в течение 10 лет, необходимо отметить, что заложены крепкие основы сотрудничества, проделана определенная работа и намечены дальнейшие перспективы сотрудничества.

Источники и литература

А.В. Бурдуков – 130. Баруун Монголын түүх соёлын асуудлууд. Улаанбаатар, 2014. 264 с.

Архивные документы по истории Тувы. I – IV тт. Улаанбаатар – Кызыл. 2011–2014.

Локальные особенности традиционной культуры жителей Эрзина. Кызыл, 2018. 392 с.

Мөнгүн дагша. Улаанбаатар, 2013. 263 с.

Подношение в серебряной чаше. Новосибирск, 2018. 176 с.

Тува: түүх, хэл, соёл. XXIX вып. Серии «BIBLIOTHECA OIRATICA». Улаанбаатар, 2013.

Цэнгэльский тувинцы: фольклор и литература. Новосибирск, 2020. 152 с.

В. Б. Выркин
И. Н. Владимиров
Д. В. Кобылкин
Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН
Иркутск, Российская Федерация
vyrkin@irigs.irk.ru

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТРАНСГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ И МОНГОЛИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Приведены основные научные результаты сотрудничества Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН и Института географии и геоэкологии МАН. Указаны акценты и направления, на которые были направлены исследования, итогом которых стало создание комплексных атласов, совместных монографий и других научных работ. Особое внимание уделено итогам изучения труднодоступных районов Прихубсугулья. Подчеркнуто, что ландшафты приграничных районов освоены весьма неравномерно и требуют особого подхода в природопользовании и прогнозировании отклика окружающей среды на негативное воздействие. Указаны приоритетные направления дальнейших географических и геоэкологических направлений исследований, связанные с изучением развития транспортной инфраструктуры и их социально-экономических последствий. Одним из важных направлений исследований является также изучение взаимодействия культур в различные отрезки времени.

Ключевые слова: Российско-монгольское научное сотрудничество, география, природопользование.

V. B. Vyrkin
I. N. Vladimirov
D. V. Kobylkin
Sochava Institute of Geography SB RAS
Irkutsk, Russian Federation

MAIN SCIENTIFIC RESULTS AND PERSPECTIVES IN GEOGRAPHICAL RESEARCH WITHIN THE TRANSBOUNDARY AREA OF RUSSIA AND MONGOLIA AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

The paper presents the main scientific research results of cooperation of the V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS and the Institute of Geography and Geoecology of the Mongolian Academy of Sciences. Focus and priorities of research resulted in the complex atlases, joint monographs and other scientific works, are highlighted. Particular attention is paid to the results of studying the inaccessible areas of the Khubsugul region. The authors emphasize that the landscapes of the transboundary areas are developed very unevenly and require a special approach in the natural resources management and predicting the environmental response to negative impact. The priority directions of further geographic and geoecological research areas related to the study of transportation infrastructure and their socio-economic consequences are revealed. Study of interculturality in different periods of time is also one of the important research areas.

Keywords: Russian-Mongolian scientific cooperation, geography, nature management.

Россия и Монголия традиционно взаимодействуют в сферах экономики, культуры, науки и образования. В конце 90-х гг. XX в. возобновились прежние контакты между двумя государствами, которые были частично утрачены в период социально-экономических изменений. Процесс налаживания новой системы взаимодействий направлен, прежде всего, на развитие экономических связей России и Монголии, а также на научное сотрудничество между ними с учетом имеющего опыта и перспектив развития.

Институт географии им. В. В. Сочавы СО РАН (далее ИГ СО РАН) к настоящему времени имеет немалый научный задел по исследованию эколого-географических проблем Монголии и пограничных с ней регионов России. Его сотрудники участвовали в создании Национального атласа Монголии (редакторы акад. В. В. Воробьев, акад. Ш. Цэгмид, 1990), Атласа озера Хубсугул (1989), ныне принимают активное участие в создании крупных научных географических произведений [Экологический атлас бассейна озера

Байкал 2015], а также во многих научно-исследовательских проектах на разных стадиях сотрудничества с учеными Монголии и других организаций России.

Сотрудничество ИГ СО РАН и Института географии МАН имеет давние традиции. Научными географическими организациями СССР и МНР был выполнен целый ряд совместных работ, результатами которых являются монографии и статьи по вопросам взаимосвязанного изучения природы, населения и хозяйства Монголии. В последние годы ИГ СО РАН и Институт географии МАН (ныне Институт географии и геоэкологии МАН) ведут совместные научные разработки в сфере рационального природопользования по проекту «Оценка современного состояния ландшафтов Западного Прихубсугулья и Северного Хангая и поиск путей рационального использования их природных ресурсов» в рамках договоров о научном сотрудничестве РАН и МАН (2002–2013 гг.). С 2002 г. на территории приграничных аймаков Монголии работала совместная экспедиция ИГ СО РАН и Института географии МАН, изучавшая природные условия и ресурсы, а также хозяйственное использование территории Прихубсугулья. Здесь впервые проведены совместные комплексные географические исследования в трансграничной полосе Монды – Ханх, объектами которых стали отраслевые трансграничные природно-социальные системы: сельскохозяйственные (пастбищные), рекреационные, природоохранные и т.д. Проанализировано состояние пастбищ и особенности кочевий скотоводов на северном побережье оз. Хубсугул, описаны природно-ландшафтные социально-экономические условия жизни и быта местного населения. Проведен предварительный анализ полученных материалов, опубликована серия совместных работ.

За рассматриваемый период сотрудниками ИГ СО РАН в соавторстве с монгольскими коллегами опубликовано две монографии [Евстропьева 2009; Выркин, Белозерцева, Энхтайван 2013]. Также сотрудники ИГ СО РАН приняли участие в создании коллективной монографии [Приграничные и трансграничные территории Азиатской... 2010].

Опубликовано более 15 статей в известных рецензируемых журналах России и Монголии «География и природные ресурсы», «Монгол орны газарзүйн асуудал». Общее число научных публикаций по данной проблематике превысило 60. Защищена кандидатская диссертация Е. Н. Мироновой «Сравнительно-географический анализ растительности геосистем Дархатской, Хубсугульской и Тункинской котловин» (Иркутск, 2008). Ряд сотрудников ИГ СО РАН и Института географии и геоэкологии Монгольской академии наук в 2015 г. принимали деятельное участие в создании «Экологического атласа бассейна озера Байкал».

Итогом многолетней работы экспедиции ИГ СО РАН с коллегами из Монголии явились выводы о характере формирования ландшафтной структуры Прихубсугулья [Выркин и др. 2013], которая отличается большой сложностью, обусловленной, в первую очередь, сильной расчлененностью рельефа и, как следствие, отчетливо выраженной мозаичностью климатов и распределения растительности.

Преобладающий вид землепользования в Прихубсугулье – естественные пастбища, которые в целом можно отнести к умеренно нарушенным. Мало измененные ландшафты встречаются на довольно больших высотах, где выпас скота ограничен, а также в малонаселенных районах. Вблизи населенных пунктов, в местах временных стоянок и водопоев отмечены особенно сильные трансформации природных образований. Перевыпас скота приводит к изменению видового состава растительности, снижению продуктивности и разреженности травостоя, уплотнению и разрушению дернового горизонта почв. Говоря о современном состоянии таких ландшафтов, следует отметить, что в общем объеме площади, используемой под выпас, доля сильно измененных территорий тем не менее незначительна. Поэтому при дальнейшем рациональном их использовании с нормированной нагрузкой, можно прогнозировать, что основные ландшафты территории сохранят свой первозданный вид и продуктивность [Выркин и др. 2010].

Лишь при дальнейшем значительном росте нагрузок на лесные и степные угодья (перевыпас, вырубки и пожары) могут произойти необратимые изменения в структуре ландшафтов, что принесет ощутимый ущерб растительным и почвенным ресурсам региона, неизбежно появятся крупные очаги опустынивания. Для прогноза дальнейшего развития ландшафтов необходимо проведение геоэкологического мониторинга и оперативной оценки их состояния на региональном и локальном уровнях в условиях глобальных и региональных изменений окружающей среды и усиления антропогенного пресса. Подобный подход заложит научную основу оптимизации природопользования в экстремальных природных условиях при экстенсивном ведении хозяйства.

В последнее время ИГ СО РАН совместно с сотрудниками Института географии и геоэкологии МАН и Монгольского государственного университета образования проводил ландшафтные, геоморфологические и социально-экономические исследования работы на территории Монголии в рамках проектов РФФИ. Были проведены исследования экологического потенциала геосистем монгольской части бассейна озера

Байкал. Проведены детальные исследования эоловых процессов, геоботанические и ландшафтные описания в Прихубсугулье, бассейне р. Селенга и в Завханском аймаке.

В настоящее время проводятся исследования географических особенностей формирования опорного каркаса хозяйства, расселения и природопользования России (Сибирь) и Монголии в условиях внутриконтинентального положения и усиления евразийских интеграционных процессов. Изучается природно-ресурсный потенциал урбанизированных территорий бассейна озера Байкал.

Совместные с Иркутским национальным исследовательским университетом исследования в рамках проекта «Междисциплинарная сетевая платформа моделирования социально-экономических и экологических процессов на трансграничных территориях РФ и Монголии с ограниченной транспортной доступностью» предполагают подготовку междисциплинарного репозитория и инструментов сетевого моделирования (онтологии, алгоритмы, программные средства) и социально-экономических и экологических процессов на трансграничных территориях РФ и Монголии, характеризующихся ограниченной транспортной доступностью и этнокультурной близостью местного населения. При этом разрабатывается единая сетевая платформа организации междисциплинарного репозитория и моделирования социально-экономических и экологических процессов на модельной природной территории. Проводятся детальные социологические и экологические исследования на локальном уровне, позволяющие исключить погрешности агрегированных статистических сведений.

В перспективе исследования будут направлены на дальнейшее изучение геосистем и социально-экономических взаимоотношений на трансграничных территориях Республик Бурятия и Тыва, Забайкальского края. Особое внимание планируется уделить взаимоотношениям древних и современных социумов по долинам крупных рек, взаимопроникновению их культур с дальнейшим изучением Орхон-Селенгинского среднегорья, обладающего ландшафтно-геоморфологической общностью и рассматриваемой как единой физико-географической единицей. Определенного внимания заслуживает изучение социально-экономических эффектов и экологических последствий развития транспортных коридоров, прежде всего Нового шелкового пути и строительством автомобильной дороги Иркутск – Мурун.

Источники и литература

Выркин В. Б., Белозерцева И. А., Энхтайван Д. Ландшафты Прихубсугулья: современное состояние и рациональное использование. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2013. 107 с.

Выркин В. Б., Белозерцева И. А., Миронова Е. Н. Состояние природных ландшафтов и характер из трансформации в Азиатском приграничье // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 60–77.

Евстропьева О. В. Трансграничный туризм в сопредельных регионах России и Монголии. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2009. 143 с.

Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / Отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния Российской акад. наук, 2010. 598 с.

Экологический атлас бассейна озера Байкал. Иркутск – Улан-Батор – Улан-Удэ: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы, 2015.

Ю. В. Кузьмин
Байкальский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
kuzminuv@yandex.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ МОНГОЛИИ XIX–XX ВВ.: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ¹

Представлена общая краткая характеристика современного изучения истории российского и мирового монголоведения. Дана обзорная характеристика современной историографии российского монголоведения. Предлагается идея создания биобиблиографического словаря российских и зарубежных исследователей Монголии. В состав данного словаря предлагается включить не только монголоведов, но и специалистов смежных отраслей востоковедения, которые занимаются монгольскими темами: китаеведов, тюркологов, историков российской истории, археологов, политологов. Назрела необходимость интеграции имеющейся разрозненной информации интеллектуальной истории российского и мирового монголоведения в рамках одного научного издания.

Ключевые слова: мировое монголоведение, российские монголоведы, биобиблиографический словарь.

Yu. V. Kuzmin
Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation

DOMESTIC AND FOREIGN RESEARCHERS OF MONGOLIA OF THE XIX-XX CENTURIES: MATERIALS FOR A BIOBIBLIOGRAPHIC DICTIONARY

A general brief description of the modern study of the history of Russian and world Mongol studies is presented. An overview of the modern historiography of Russian Mongol studies is given. The idea of creating a biobibliographic dictionary of Russian and foreign researchers of Mongolia is proposed. This dictionary is intended to include not only Mongolian scholars, but also specialists in related branches of Oriental studies who deal with Mongolian topics: Sinologists, Turkologists, historians of Russian history, archaeologists, and political scientists. There is a need to integrate the existing disparate information on the intellectual history of Russian and world Mongol studies within a single scientific publication.

Keywords: world Mongol studies, Russian Mongol studies, biobibliographical dictionary.

Российское востоковедение и монголоведение в настоящее время испытывают серьезный научный подъем, связанный с общим интересом к странам Востока и истории Центральной Азии и Монголии, восстановлением в стране тематики традиционного отечественного монголоведения. Глубокий интерес в российском монголоведении проявляется к истории научной мысли, творческому наследию отечественного и мирового монголоведения. Происходит восстановление традиций дореволюционного, советского и мирового монголоведения, исследуется интеллектуальная история всех основных этапов российской науки.

Мировое и российское монголоведение являются важной частью мировой ориенталистики. Изучение стран Востока и Монголии проходило в тесной связи российских и западноевропейских востоковедов, научные связи ученых были более тесными и плодотворными. Тем более, что первыми востоковедами в России были и иностранные ученые, работавшие в нашей стране и публиковавшие результаты своих исследований на двух языках. Наличие языковой среды, памятников письменной культуры, носителей фольклора имела благоприятный характер для плодотворных научных изысканий в нашей стране.

Назрела потребность и необходимость создания биобиблиографического словаря российских и зарубежных исследователей Монголии. Создание коллективными усилиями подобного энциклопедического издания позволит получить полную картину развития отечественного и

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-59-44008 Монг_а «Мировое на российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

зарубежного монголоведения на протяжении двух веков. В данный словарь предполагается включить творческие биографии и списки основных трудов лингвистов, историков, археологов, этнологов, политологов, культурологов, тюркологов, востоковедов, которые занимаются монгольскими сюжетами. Считаю необходимым также включить в состав исследователей истории и культуры Монголии практических работников, оставивших серьезные научные труды по монголоведению: дипломатов, путешественников, миссионеров, торговцев и журналистов. Необходима интеграция имеющейся разрозненной информации интеллектуальной истории российского и мирового монголоведения в рамках одного научного издания. Оно будет интересно и полезно для каждого научного центра монголоведения, но особенно для молодых исследователей.

В научный оборот введены библиографические словари российских востоковедов [Милибанд 1995], этнографов и антропологов [Решетов 2012], военных востоковедов [Басханов 2005], тюркологов [Кононов 1989]. В данные библиографические словари частично вошли и отечественные монголоведа, однако данные носят краткий, явно неполный характер. В состав создаваемого словаря необходимо включить археологов, этнологов, политологов, буддологов, тибетологов, которые серьезно занимаются монгольскими темами, работают на стыке различных востоковедных дисциплин.

Особую ценность для библиографического словаря российских и зарубежных исследователей Монголии могут представлять историографические исследования российских монголоведов: Н. П. Шастиной, М. И. Гольмана, В. В. Грайворонского, Б. В. Базарова, Л. В. Кураса, Ш. Б. Чимитдоржиева, Д. Б. Улымжиева, В. Д. Дугарова, В. Э. Раднаева, О. Н. Полянской, И. В. Кульганек, В. Л. Успенского, К. Н. Яцковской и др. [Дугаров 2014; Полянская 2019; Раднаев 2012; Улымжиев 1997]. Особую ценность имеет труд ведущего монголоведа России Марка Исааковича Гольмана «Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е – середина 90-х гг. XX века» [Гольман 2004].

Колоссальный объем информации о мировом монголоведении накоплен в Монголии – центре мирового монголоведения, особенно Международной ассоциации монголоведения, которая издает Бюллетень с развернутой библиографией трудов крупных монголоведов мира. Изданы двухтомный труд «Мировое монголоведение» [Урангуа 2015] и биографии отдельных известных монголоведов зарубежного мира, что свидетельствует о глубоком интересе научной мысли к данной теме. Переведены и изданы в Монголии исследования известных монголоведов, а также дневники и материалы путешествий по Монголии. Опубликованы крупные историографические исследования монгольских историков: Ш. Биры, С. Чулууна, Ж. Болдбаатара, Ж. Урангуа, З. Лонжида, Ц. Ишжамца и др.

Одним из направлений историографических исследований является подготовка творческих биографий крупных историков-монголоведов. Подготовлены творческие биографии крупных российских монголоведов: Г. Ф. Шамова о профессоре О. М. Ковалевском (1983 г.), Н. Е. Единарховой о Я. П. Шишмареве (2009 г.), В. М. Алпатовой о Н. Н. Поппе (1996 г.), Е. М. Даревской о С. А. Козине (1994 г.), О. Н. Полянской о О. М. Ковалевском (2001 г.). Основательно изучена научная деятельность бурятских монголоведов Д. Банзарова, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова, на протяжении многих лет проводятся научные чтения, посвященные научному наследию этих замечательных монголоведов. Заслуживают специального монографического исследования творческие биографии таких крупных российских монголоведов, как Я. И. Шмидт, Н. Я. Бичурин, А. В. Игумнов, А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, Ц. Ж. Жамцарано, И. Я. Златкин, С. Д. Дылыков, Л. К. Герасимович, М. И. Гольман. Творческое наследие крупных монголоведов сложнее исследовать, требуется значительное время и глубина анализа.

Создание полного и исчерпывающего энциклопедического словаря российских исследователей Монголии под силу только научному коллективу, который сможет работать несколько лет по данной теме. Поэтому важно сделать первые шаги в данном направлении, получить замечания и дополнения коллег. Мы отдаем себе отчет, что первый опыт составления библиографического словаря исследователей Монголии будет носить неполный характер, иметь явную неравномерность составления библиографического списка трудов исследователей, связанную с отсутствием полной информации. Надеемся, что в будущем будут подготовлены специализированные библиографические словари российских археологов, этнографов, лингвистов, экономистов, историков, культурологов, которые занимаются различными вопросами и аспектами истории, культуры, литературы Монголии.

Источники и литература

- Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический справочник. М.: Вост. лит., 2005. 295 с.
- Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., пер., подг. акад. А.Н. Кононов. М., 1989. 300 с.
- Гольман М. И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е – середина 90-х гг. XX века. М.: Институт Востоковедения РАН, 2004. 334 с.
- Дугаров В. Д. Российская историография истории Монголии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 376 с.
- Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд., пер. и доп. Кн. 1–2. М., 1995.
- Полянская О. Н. Монголоведение в России первой половины XIX века: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. 324 с.
- Раднаев В. Э. Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2012. 391 с.
- Решетов А. М. Материалы к библиографическому словарю российских этнографов и антропологов, XX век. Российская акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: Наука, 2012. 579 с.
- Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в. Петербургская школа монголоведения. Улан-Удэ, 1997. 216 с.
- Дэлхийн монгол судлал. Монгол эрдэмтдийн лавлагаа. 1–2 боть. / Ред. Ж. Урангуа, Д. Мөнх-Очир. Улаанбаатар, 2015. 1-р боть 392 т.; 2-р боть 380 т.

Р. М. Валеев
Институт международных отношений Казанского федерального университета
Казань, Российская Федерация
valeev200655@mail.ru

И. В. Кульганек
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
kulgan@inbox.ru

Р. З. Валеева
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
Казань, Российская Федерация
valroz@mail.ru

**НАСЛЕДИЕ О. М. КОВАЛЕВСКОГО В ИСТОРИИ
РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ НАУЧНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ:
К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ¹**

Доклад посвящен научной и общественной деятельности российского и польского востоковеда-монголоведа Осипа Михайловича Ковалевского (1800/01–1878). Являясь прекрасным знатоком монгольского языка, культуры и истории, он написал ряд фундаментальных трудов по буддизму, литературе и языку монгольских народов. Ему принадлежит французско-русско-монгольский словарь, востребованный специалистами до настоящего времени. При нем была открыта первая в мире кафедра монгольской словесности в Казанском университете, которую он возглавлял на протяжении более полутора десятилетий. Дана характеристика развития монголоведения в Казанском университете, предлагается обзор этапов жизни О. М. Ковалевского, анализируется его научная деятельность и вклад в отечественное монголоведение, а также в развитие российско-монгольских научных связей. Будет презентована монография «Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов)».

Ключевые слова: О. М. Ковалевский, Россия, Восточная Сибирь, Внутренняя Азия, Монголия, монголоязычные народы России, монголоведение, Казанский университет.

R. M. Valeev
Institute of International Relations of Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

I. V. Kulganek
Institute of Oriental Manuscripts of the RAS
Saint Petersburg, Russian Federation

R. Z. Valeeva
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
Kazan, Russian Federation

**THE HERITAGE OF O. M. KOWALEWSKIY IN THE HISTORY
OF RUSSIAN-MONGOLIAN SCIENTIFIC AND PUBLIC RELATIONS:
TO THE 220TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH**

The report is devoted to the scientific and social activities of the Russian and Polish orientalist-Mongol scholar Osip Mikhailovich Kowalewski (1800/01–1878). Being an excellent expert in the Mongolian language, culture and history, he wrote a number of fundamental works on Buddhism, literature

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00385 А) и в соответствии с государственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета.

and the language of the Mongolian peoples. He owns a French-Russian-Mongolian dictionary, which is still in demand by specialists. The world's first department of Mongolian literature was opened at the Kazan University, which O. M. Kowalewski headed for more than a decade and a half. The report describes the development of Mongolian studies at Kazan University, provides an overview of O. M. Kowalewski's life stages, analyzes his scientific activity and contribution to the domestic Mongolian studies, as well as to the development of Russian-Mongolian scientific relations. The monograph "Biography and scientific heritage of the orientalist O. M. Kowalewski (based on the materials of archives and manuscript collections)" will be presented.

Keywords: O. M. Kowalewski, Russia, Eastern Siberia, Inner Asia, Mongolia, Mongolian-speaking peoples of Russia, Mongolian studies, Kazan University.

На рубеже 2020 и 2021 гг. исполнилось 220 лет со дня рождения Осипа Михайловича Ковалевского (польск. Józef Szczepan Kowalewski – Юзеф Щепан Ковалевски; род. 28 декабря 1800 г. (9 января 1801 г.), ум. 26 октября (7 ноября) 1878 г.) – известного российского ученого, педагога и просветителя польского и белорусского происхождения, филолога и антиковеда, востоковеда-монголоведа и буддолога, ректора Казанского университета, одного из основоположников научного университетского и академического монголоведения в России, Белоруссии и Польше.

В истории становления и развития социально-политических, культурных и научных связей России и Монголии профессору-монголоведу О. М. Ковалевскому принадлежит важное место. Судьба и наследие Осипа Михайловича Ковалевского объединяет научное и гуманитарное наследие народов России-Монголии, Поволжья, Забайкалья, Монголии и Китая и остается уникальной страницей взаимного сближения и сотрудничества.

Военно-политические и социокультурные периоды взаимоотношений России и Монголии, формирование и развитие монголоведения в России, научная и просветительская деятельность отечественных монголоведов и, особенно, О. М. Ковалевского – яркое подтверждение этапов, факторов и особенностей истории российско-монгольского межгосударственного и общественного диалога и партнерства.

Казанский период жизнедеятельности О. М. Ковалевского (1824–1862 гг.) связан с истоками, основными направлениями и итогами его роли и вклада в изучение монгольской цивилизации. В Казани начал интересоваться востоковедением и радикально сменил род научной и просветительской деятельности – изучал татарский, арабский и персидский языки, занимался составлением татарского словаря, собирал материалы по истории Казанского ханства. Первыми его учителями восточных языков в университете стали И. И. Хальфин (1778–1829), Ф. (Ф. И.) Эрдман (1793–1862) и А. К. (М. А. М.) Казем-Бек (1802–1870).

Значимый рубеж в судьбе О. М. Ковалевского и в истории российско-монгольских культурных и научных связей связан с подготовкой к открытию по инициативе ректора Н. И. Лобачевского кафедры монгольской словесности. Совет университета направил преподавателя О. М. Ковалевского и действительного студента А. В. Попова (1808–1865), в будущем монголоведа и калмыковеда, на четыре года в научную командировку в Забайкалье с базированием в Иркутске для изучения монгольского языка и приобретения необходимой литературы для научной и учебной работы. 26 мая 1828 г. Ковалевский отправился в Сибирь, прибыв в Иркутск 15 июля 1828 г. Здесь он изучал монгольский язык, письменность, эпическую поэзию, библиотеки забайкальских дацанов.

Важным рубежом в истории российско-монгольских отношений стала дата 18 января 1829 г., когда О. М. Ковалевский выехал из Иркутска в столицу Монголии Ургу (Улан-Батор) для встречи X Русской духовной миссии в Пекине (1821–1830). 21 января 1829 г. был в Троицкосавске (Кяхта) в Бурятии на китайской границе. После возвращения в Иркутск, следуя инструкции ректора Н. И. Лобачевского, 20 марта 1829 г. вместе с А. В. Поповым и своим иркутским учителем монгольского языка, переводчиком и востоковедом А. В. Игумновым (1761–1834) снова отправился в Бурятию, 23 марта прибыл в ее столицу Верхнеудинск (Улан-Удэ). Путешествовал по Забайкалью до глубокой осени, предпринимал поездки в кочевья бурят, посетил буддийские дацаны, где познакомился с бурятскими ламами, около месяца прожил в Гусиноозерском дацане (с 1809 г. по 1930-е гг. резиденция Пандито Хамбо-лам – глав буддийских организаций Российской империи). Вернувшись в Иркутск, Ковалевский зимой 1829–1830 г. обрабатывал материалы летних путешествий. В начале 1830 г. познакомился и подружился с русским китаеведом и путешественником, членом-корреспондентом Петербургской АН о. Иакинфом (Н. Я. Бичурин, 1777–

1853), готовился к поездке в Пекин, одобренной министром народного просвещения К. А. Ливенем. Был прикомандирован к конвою XI Русской духовной миссии в Пекине (1830–1840) в качестве запасного переводчика.

Также важна дата 8 июля 1830 г., когда миссия выехала из Кяхты и 14 сентября прибыла в Ургу, в которой О. М. Ковалевский оказался во второй раз, а уже 5 ноября 1830 г. вступила на территорию Китая. Проведя в Пекине семь месяцев, Ковалевский покинул его 6 июня 1831 г. и 3 сентября вернулся в Кяхту. Срок командировки Ковалевского и Попова истек в мае 1832 г., когда им предстояло прибыть в Петербург для экзамена у первого российского академика-монголоведа Я. И. Шмидта (Jsaak Jacob Shmidt, 1779–1847).

С разрешения ректора Лобачевского и попечителя Казанского учебного округа в 1829–1845 гг. М. Н. Мусина-Пушкина, неизменно поддерживавшего Лобачевского и заботившегося о преподавании восточных языков, Ковалевский продлил командировку и 4 апреля 1832 г. отправился в г. Селенгинск в Бурятию для углубленного изучения грамматики литературного монгольского языка и тибетского языка, необходимого для чтения буддийских богословских сочинений. 1 октября 1832 г. переехал в Троицкосавск для подготовки к открытию русско-монгольской войсковой школы для детей бурятских старшин (официально школа открылась в сентябре 1833 г.). Четверо ее лучших выпускников – Доржи Банзаров, Гырыл Будаев, Доржи Буянтуев и Цогто Чимитов – прибыли в Казань в 1835 г. и в начале 1836 г., впервые для бурятских детей, были приняты в 1-ю Казанскую гимназию.

28 января 1833 г. Ковалевский прибыл в Иркутск, 14 марта – в Казань, где он представил отчет о результатах поездки: изучал монгольский язык и литературу, историю и культуру монголоязычных народов, в том числе буддизм; переписывал и переводил монгольские тексты, собирал монгольский и бурятский фольклор; осваивал основы китайского, тибетского, санскритского и маньчжурского языков; за период командировки были приобретены монгольские, китайские и тибетские рукописи и ксилографы для библиотеки университета (189 монгольских и тибетских трактатов в 1433 книгах, из них 48 рукописных) и 1272 предмета восточной культуры (собрание китайских, маньчжурских, монгольских и ламских костюмов, утварь и произведения искусств); подготовлены «Монгольская грамматика», большой «Монгольско-русский словарь», сделан перевод эпической поэмы «Гэсэр». Во время путешествия ученый встречался с сосланными декабристами.

Кратко представленный обзор дат, событий и наследие О. М. Ковалевского – уникальный социокультурный и научный феномен в российском монголоведении и в истории политических, культурных и научных отношений России и Монголии.

Источники и литература

Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д.Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань, 2020. 440 с.

М. М. Боронова
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
 mboronova@yandex.ru

РЕВОЛЮЦИОНЕР, ОРГАНИЗАТОР, УЧЕНЫЙ: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. И. АМАГАЕВА

Статья посвящена жизни и деятельности одного из ярких представителей бурятской интеллигенции, первого руководителя Бурят-Монгольской республики, видного революционного и международного деятеля, ученого-востоковеда М. И. Амагаева. Автор описывает начало жизненного пути, революционной и партийной деятельности М. И. Амагаева, отмечает его деятельность на посту первого главы республики. Особое внимание в статье уделено периоду работы М. И. Амагаева в Монгольской Народной Республике, где в 1920-х гг. развернулся процесс социалистического строительства. Автор отмечает вклад М. И. Амагаева в развитие экономики соседней страны, говорит о становлении двухсторонних торгово-экономических отношений с Советским Союзом. В статье также освещена плодотворная научная и педагогическая деятельность М. И. Амагаева на посту директора Института восточных языков вплоть до его ареста осенью 1937 г.

Ключевые слова: революционер, руководитель, организатор, ученый, большевик, репрессии.

М. М. Boronova
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

REVOLUTIONARY, ORGANIZER, SCIENTIST: THE M. I. AMAGAEV'S LIFE AND ACTIVITY

The article is devoted to the life and activity of one of the brightest representatives of the Buryat intelligentsia, the first leader of the Buryat-Mongolian Republic, a prominent revolutionary and international figure, an orientalist M. I. Amagaev. The author describes the beginning of the life path, the revolutionary and party activities of M. I. Amagaev, notes his work as the first head of the republic. Special attention is paid to the period of M. I. Amagaev's work in the Mongolian People's Republic, where the process of socialist construction unfolded in the 1920s. The author notes the contribution of M. I. Amagaev to the development of the economy of the neighboring country, speaks about the formation of bilateral trade and economic relations with the Soviet Union. The article also highlights the fruitful scientific and pedagogical activity of M. I. Amagaev as the Director of the Institute of Oriental Languages until his arrest in the autumn of 1937.

Keywords: revolutionary, leader, organizer, scientist, Bolshevik, repression.

В 2022 г. исполняется 125 лет со дня рождения первого Председателя ЦИК Бурят-Монгольской АССР, видного деятеля международного рабочего движения, ученого-востоковеда Матвея Иннокентьевича Амагаева. М. И. Амагаев принадлежал к поколению первых бурятских революционеров-организаторов, стоявших у истоков образования и начала строительства молодой Бурят-Монгольской АССР. Как и многие представители этого поколения бурятской интеллигенции он стал жертвой массовых репрессий 1930-х гг., оборвавших его жизнь в расцвете сил.

Уроженец улуса Наймагут Осинского района Иркутской области свою революционную деятельность начал в годы учебы в Иркутской церковно-учительской семинарии. В 1917 г. стал членом РСДРП. Занимался революционной пропагандой в Нижнеудинске, Владивостоке, Ангарске. В ноябре 1920 г. М. И. Амагаев был избран председателем областного управления Бурят-Монгольской автономной области, позже председателем ревкома этой области. В январе 1922 г. был назначен министром по национальным делам Дальневосточной республики [Амагаев, Чимитдоржиев 1999: 7].

В мае 1923 г. на первом съезде Советов Бурят-Монгольской АССР М. И. Амагаев был избран председателем ЦИК республики. На этом посту он проработал до 1925 г. и проявил себя талантливым организатором, бескомпромиссным человеком, сделавшим многое для становления БМАССР. Кроме основной работы он отвечал за деятельность Госплана республики, министерства финансов. Занимался организацией издательского дела. С 1924 г. был соредактором журнала «Жизнь Бурятии».

Особое место в жизни и деятельности М. И. Амагаева занимает период работы в Монгольской Народной Республике, куда он был приглашен по инициативе монгольской стороны в 1925 г. Он проработал в Монголии на разных должностях до 1929 г., вложил немало сил в развитие братской страны. За годы своей деятельности М. И. Амагаев был советником в Министерстве финансов, членом Малого хурала, председателем Экономического совета, уполномоченным Исполкома Коминтерна при ЦК МНРП [Амагаев, Чимитдоржиев 1999: 7–8].

В 1920-х гг. в МНР развернулся активный процесс социалистического строительства. Становление новой экономики во многом зависело от налаживания взаимовыгодных торгово-экономических отношений с Советским Союзом, и М. И. Амагаев внес большой вклад в развитие экономического партнерства двух стран. Объем торгового оборота между СССР и Монголией постепенно возрастал. Если в 1924 г. на монгольском рынке господствовали иностранные торговые компании, в основном из Китая, то постепенно их стали вытеснять и к 1929 г. до 48,3 % экспорта и 85,4 % импорта из Монголии приходилось на СССР [Жабаева 2005: 89].

Годы работы М. И. Амагаева в Монголии совпали с периодом распространения национально-демократических идей, подъема национального самосознания монгольского народа, распространения идей «панмонголизма», частичного привлечения частного капитала в экономику, толерантного отношения к религии и свергнутым эксплуататорским классам. В своих основных чертах эта политика во многом совпадала с новой экономической политикой в СССР, особенно в 1926–1928 гг. Однако под давлением Коминтерна на VII съезде МНРП в 1928 г. к власти пришла «левая» оппозиция и внутренний курс резко изменился в сторону формирования командно-административной модели.

После работы в Монголии М. И. Амагаев посвятил себя научно-преподавательской деятельности. Осенью 1930 г. по направлению Исполкома Коминтерна он поступил на учебу в Институт красной профессуры. В 1932 г. возглавил Институт живых восточных языков им. Енукидзе (ЛИЖВЯ). В должности директора пользовался большим авторитетом среди коллег и слушателей-студентов. В этот период М. И. Амагаев плодотворно занимался научными исследованиями, читал лекции по истории национально-освободительного движения, публиковал научные труды, подготовил докторскую диссертацию. В 1935 г. М. И. Амагаеву было присвоено звание профессора.

Однако кипучая деятельность ученого, руководителя Ленинградского Восточного института была прервана внезапным арестом 30 сентября 1937 г. Позже, находясь в тюрьме по обвинению в шпионаже в пользу Японии, М. И. Амагаев напишет своим родным эти строки: «...до сих пор не могу осмыслить действительность моего положения – положения осужденного. За что, как могло это случиться в наших советских условиях – вот вопросы, которые кошмаром преследуют меня во все эти дни и неотвязно висят надо мною, как Дамоклов меч...» Оставаясь верным большевиком, свято верившим в правоту партии, М. И. Амагаев искренне считал свой арест ошибкой, которая рано или поздно будет доказана и неизбежно исправлена. О себе в застенках ГУЛАГа он писал: «...Думаю, что у меня хватит сил и стойкости, чтобы цельным, не опозоренным пронести мои коммунистические большевистские убеждения, закрепленные 20-летней борьбой в рядах партии Ленина-Сталина, через все трудности и перипетии в моей жизни. Во всяком случае за это буду бороться упорно, стойко, мертвой хваткой...» [Амагаев 1991: 132]. В этих строках звучит искренняя убежденность сильного человека в своей правоте, надежда на восстановление справедливости. Несмотря на тяжесть своего положения, он не был морально сломлен, верил в свои силы и был готов бороться до конца.

Однако до своего освобождения М. И. Амагаев не дожил. Его жизнь оборвалась в 1944 г. в возрасте 47 лет. Посмертно он был реабилитирован и восстановлен в рядах партии лишь после XX съезда в мае 1956 г. Также были реабилитированы посмертно его старшие братья Иван и Митрофан, расстрелянные по приговору военного трибунала. Из четверых репрессированных братьев лишь один, самый младший – Александр вернулся домой в 1939 г.

Источники и литература

- Амагаев Г. М., Чимитдоржиев Ш. Б. Матвей Амагаев // Выдающиеся деятели Бурятии. Улан-Удэ, 1999. Вып. 3. С. 6–9.
- Жабаева Л. Б. Из истории советско-монгольских экономических отношений в 1920-е годы // Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. М.: Восточная литература, РАН, 2005. С. 83–90.
- Амагаев Г. «...За это буду бороться...» // Байкал. 1991. № 6.

**ЯЗЫКОВАЯ СТАЖИРОВКА СТУДЕНТА Л. С. ПУЧКОВСКОГО (1927–1930):
 ОТ КЯХТЫ ДО ХРЕБТА ГУРВАН-САЙХАН**

В заметке рассмотрен начальный период научной деятельности известного монголоведа Л. С. Пучковского (1899–1970). Летом 1927 г. по своей личной инициативе он отправился в Бурятию для изучения письменного монгольского языка. Стажировка, которая должна была занять летние каникулы, растянулась на три учебных года. Первый из них прошел в Кяхте, второй – в Улан-Баторе и третий – в южной части Монгольской Народной Республики, в районе хребта Гурван-Сайхан, в Южно-Гобийском аймаке. В приложенной таблице в хронологическом порядке представлены основные события трехлетнего пребывания молодого исследователя в Бурятии и Монголии.

Ключевые слова: Кяхта, Гоби, Л. С. Пучковский, сказочный сюжет АТ126.

D. A. Nosov
Institute of Oriental Manuscripts of the RAS
Saint-Petersburg, Russian Federation

**LANGUAGE PRACTICE OF STUDENT L.S. PUCHKOVSKY (1927–1930):
 FROM KYAKHTA TO THE GURVAN-SAIKHAN MOUNTAIN RANGE**

The article discusses the initial period of the research activity of the famous Mongolist Leonid S. Puchkovsky (1899–1970). In the summer of 1927, on his own initiative, he went to Buryatia to study written Mongolian. Language practice, which was supposed to take a summer break only, stretched over three academic years. The first of them took place in Kyakhta, the second in Ulan Bator and the third in the southern part of the Mongolian People's Republic, in the region of the Gurvan-Saikhan ridge, in the Umnogovi aimag. In the attached table the main events of the three-year stay in Buryatia and Mongolia of the young researcher are presented in chronological order.

Keywords: Kyakhta, Gobi, L. S. Puchkovsky, fairy tale-type АТ126.

Об уникальном учебном заведении – ЛВИ, в стенах которого в 1920-е гг. плодотворно сотрудничали востоковеды-классики и востоковеды-практики, написано достаточно [Иориш, Кононов 1977]. Некоторые аспекты деятельности студента-монголоведа Владимира Александровича Казакевича (1896–1937) затрагивал и я [Носов 2014]. Но еще как минимум четверо воспитанников вуза – Церен-Дорджи Номинханов (1898–1967), Мэргэн-гун Гомбожаб (1906–1940), Андрей Кириллович Богданов (1902–1963) и Леонид Сергеевич Пучковский (1899–1970) оставили заметный и далеко не до конца осознанный вклад в науку о Монголии. Тематика данной конференции лучше всего подходит для краткого обзора деятельности последнего из названных выше исследователей. Сын ректора Воронежского государственного университета, окончив в 1925 г. правовое отделение Факультета общественных наук ЛГУ, обратил свой взор в сторону Китая [Яхонтова, Кульганек, Зорин, Носов 2019: 6].

Через два года после поступления в ЛВИ студент второго курса Китайского разряда Л. С. Пучковский принимает решение отправиться на производственную практику в Бурятию, в г. Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ). Ему предоставляют место преподавателя в школе II ступени г. Троицкосавск (с 1876 по 1917 гг. Троицкосавское Алексеевское реальное училище), где он остается на 1927–1928 учебный год. Параллельно будущий ученый осваивает письменный монгольский и разговорный бурятский языки, проживая в бурятской семье. Желая более подробно изучить халхаский диалект, он просит предоставить ему еще один год отпуска и право выехать непосредственно в Монгольскую Народную Республику, на что получает согласие.

5 апреля 1929 г. в Правление ЛВИ поступает телеграмма от ученого секретаря Ученого Комитета МНР Ц. Ж. Жамцарано (1881–942) с просьбой предоставить Л. С. Пучковскому еще один год отпуска для работы на метеорологической станции в районе Гобийского Алтая, недалеко от монастыря Байшинту.

Хронология пребывания Л. С. Пучковского в Бурятии и Монголии в 1927–1930 гг.

Дата/Период	Местонахождение	Основные события	Источник
13 июня 1927 г.	г. Ленинград	Обращение к проректору ЛВИ по учебной части с просьбой предоставить рекомендательное письмо в ЦИК Бурят-Монгольской Республики для прохождения производственной практики в Верхуеудинске в период летних каникул	ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 30. Ед. хр. 2114. Л. 33.
сентябрь 1927 г. – июнь 1928 г.	г. Троицкосавск, ул. Бекетова, д. № 10 (дом Цыдыпова)	Работа в школе II ступени в г. Троицкосавск, изучение монгольского письменного языка на курсах бурят-монгольской неграмотности, освоение разговорного языка путем частных уроков и проживания в бурятской семье	ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 30. Ед. хр. 2114. Л. 41–42.
сентябрь 1928 г. – апрель 1929 г.	г. Улан-Батор	Преподавание английского языка и обществоведения в советской семилетней школе, изучение письменного и разговорного монгольского языка	СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 493. Л. 4.
май 1929 г.	г. Улан-Батор – Калганский тракт – Удэ (ныне – г. Замын-Ууд) – монастырь Байшинту	Участник Гобийской автомобильной экспедиции в составе: Э Кейф (водитель), М. И. Клягина-Кондратьева и С. А. Кондратьев и др. Всего 6 человек	Клягина-Кондратьева, Яцковская 2007: 98–99.
июнь 1929 г. – август 1930 г.	Метеорологическая станция Байшинту в районе горного хребта Гурван-Сайхан в аймаке Өмнөговь	Работа на метеорологической станции. Сбор лингвистического и фольклорного материала, археологических и этнографических коллекций	Клягина-Кондратьева, Яцковская 2007: 98–99. ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 30. Ед. хр. 2114. Л. 56.

Я предполагаю, что речь идет об известной туристической достопримечательности аймака Өмнөговь – горном хребте Гурван-Сайхан [Носов 2019: 134].

До недавнего времени одной из немногих характеристик работы Л. С. Пучковского в данной местности был фрагмент дневника М. И. Клягиной-Кондратьевой (1896–1971), опубликованный К. Н. Яцковской. Автор наибольшее внимание уделила любовному приключению молодого ученого, а также характеристике его как человека, «довольно своеобразного внутренне» [Клягина-Кондратьева, Яцковская 2007: 99]. Но описала она и суровые бытовые условия, в которых жил Л. С. Пучковский, недоброжелательное отношение к нему со стороны лам монастыря. Упомянутая любовная история

свидетельствует о том, что исследователь имел продолжительные контакты с араатами, кочевавшими около монастыря.

Результатом этих контактов стали «Образцы фольклора Монгольской Народной Республики» объемом 10 авторских листов, которые сохранились лишь в рукописном виде и, вероятно, остались в Ученом Комитете МНР [Носов 2019: 134]. Русский перевод одного из записанных в районе горного хребта Гурван-Сайхан произведений был опубликован Л. С. Пучковским в 1938 г. [СНВ 1938: 12–13]. Эта сказка о животных была учтена монголоведом Л. Лёринцем при подготовке каталога сказочных сюжетов всех монгольских народов. Сюжету был присвоен порядковый номер 11 и дано название «Der kluge Hase und der Wolf / Умный заяц и волк» [Lörincz 1979: 31–32]. Лёринц нашел аналогичный сюжетный тип и в системе Аарне-Томпсона – АТ126D* «The Sheep Chases the Wolf / Овца гонится за волком» [Thompson 1964: 51–52], где D*, означает, что произведение представляет особый подтип, не учтенный в издании каталога мировых сказочных сюжетов 1964 г.

Всего венгерский исследователь отметил существование двух текстов данного типа: один, опубликованный Л. С. Пучковским в 1938 г., и второй – Г. И. Михаловым в 1967 г. под заглавием «Как заяц спас овцу» (в переводе З. Шеверниной) [Михайлов 1967: 180–181, 263]. Поскольку источники текстов на монгольском языке в сборнике Г. И. Михайлова не указаны, можно сделать предположение о том, что записанная Л. С. Пучковским сказка является наиболее ранней фиксацией монгольского варианта сюжета АТ126.

К сожалению, на сегодняшний день остается неизвестным содержание материала «Образцы фольклора Монгольской Народной Республики», подготовленного Л. С. Пучковским за время его нахождения на метеорологической станции в Южной Гоби. Малоизученными остаются и другие аспекты деятельности молодого исследователя в Бурятии и Монголии в 1927–1930 гг. В приведенной таблице 1 я попытался отметить основные вехи этой работы.

Источники и литература

Из воспоминаний М. И. Клягиной-Кондратьевой (Публикация К. Н. Яцковской) // *Mongolica*-VII. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. С. 87–101.

Иориш И. И., Кононов А. Н. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения / Ответственный редактор Ю. А. Петросян. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 136 с.

Леонид Сергеевич Пучковский – жизненный путь и научное наследие [Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек, А. В. Зорин, Д. А. Носов]; Приложения (подгот. к публ. Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек); Список трудов Л. С. Пучковского (сост. Н. С. Яхонтова) // *Mongolica*. Том XXII. 2019. № 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 6–31.

Монгольские сказки / Пер. с монг., сост. Г. И. Михайлов. М.: Худож. лит., 1967. 264 с.

Носов Д. А. Фольклорные тексты в экспедиционных материалах В. А. Казакевича // *Страны и народы Востока*. Вып. XXXV: коллекции, тексты и их «биографии». М.: Наука – Восточная литература, 2014. С. 212–225.

Носов Д. А. Значение учебных командировок студентов ЛИЖВЯ для исследования фольклора монголов в 1920-е годы // *Тюрко-монгольский мир: история и культура: материалы междунар. науч. конф., посв. 90-летию со дня рождения С. Г. Кляшторного*. М.: Наука – Восточная литература, 2019. С. 128–137.

Сказки народов Востока / Отв. ред. А. К. Боровков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 188 с.

Lörincz L. *Mongolische Märchentypen*. Budapest, 1979. 428 s.

Thompson – *Types of the Folktale. A Classification and Bibliography of Anti Aarne's Verzeichnis der Marchentypes* / Translated and enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1964. 588 pp.

Сокращения

ЛВИ – Ленинградский восточный институт;

ЛГУ – Ленинградский государственный университет;

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии Наук;

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

И. Н. Семушев
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
ivansemushev@gmail.com

А. В. БУРДУКОВ О МОНГОЛИИ 1910–1920-Х ГГ.

А. В. Бурдуков – известный общественный деятель и один из ярчайших представителей отечественного монголоведения первой половины XX в., внесший значительный вклад в изучение Монголии, монгольской культуры и ее истории. Будучи непосредственным участником революционных событий в Монголии, А. В. Бурдуков написал ряд работ, посвященных развитию Монголии в 1910–1920-х гг., анализу которых и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Монголия, монголоведение, Бурдуков, Кобдо, Котвич.

I. N. Semushev
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

A.V. BURDUKOV ABOUT MONGOLIA IN THE 1910S–1920s

A.V. Burdukov is a well-known public figure and one of the brightest representatives of the national Mongolian studies of the first half of the XX century, who made a significant contribution to the study of Mongolia, Mongolian culture and its history. Being a direct participant in the revolutionary events in Mongolia, A.V. Burdukov wrote a number of works on the development of Mongolia in the 1910s and 1920s, the analysis of which is devoted to this article.

Keywords: Mongolia, Mongolian studies, Burdukov, Kobdo, Kotvich.

Начало XX в. – важный период в развитии отечественного монголоведения. Это время характеризуется дальнейшим развитием как теоретического, так и практического монголоведения, а также изменением и некоторой переориентацией науки в связи со сменой политического и социально-экономического курса государства. Важную роль в развитии монголоведческой науки в этот период сыграли такие исследователи, как В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, А. Д. Калинин, А. В. Бурдуков и др.

Алексей Васильевич Бурдуков родился в крестьянской семье, 30 марта 1883 г., в деревне Боровой на Тюменском тракте [Бурдукова 1969: 8]. С двенадцати лет находился на службе у купца Я. Е. Мокина, с которым и попал в Монголию. Здесь, на заимке, находившейся на р. Хангельцик, А. В. Бурдуков проработал 19 лет.

А. В. Бурдуков был заинтересован в изучении культуры и быта монголов, поэтому начинает заниматься их непосредственным исследованием. Однако, как отмечал сам А. В. Бурдуков, изначально «это были стихийные порывы, направленные в определенное русло профессором В. Л. Котвичем» [Бурдуков 1969: 219], личную переписку с которым он начинает в конце 1909 г.

С этого времени начинается плодотворный союз известного профессора В. Л. Котвича и начинающего монголоведа А. В. Бурдукова. Последний собирает образцы фольклора, ведет наблюдение за жизнью монголов. Результатом стала публикация его статей на страницах популярных научных журналов, а в 1910 г. выходят собранные и переведенные им «Образцы байтских пословиц» [Бурдуков 1910].

Важным в биографии А. В. Бурдукова становится 1911 г. В результате революционных событий и обретения монголами независимости меняется и социально-экономическая ситуация в регионе, происходит возрастание роли русского капитала. В этой ситуации А. В. Бурдуков при поддержке русских приказчиков и монголов основывает товарищество «Бурдуков и Ко» и впервые применяет кооперативную форму работы в Монголии.

С 1914 г., с началом Первой мировой войны, и до 1917 г. А. В. Бурдуков работал внештатным переводчиком в Кобдоском консульстве.

В ходе событий Гражданской войны Бурдуков был вынужден покинуть Монголию и уже в Советской России продолжить монголоведческие исследования. В последующем А. В. Бурдуков

преподает монгольский и калмыцкий языки в учебных заведениях Ленинграда, занимается исследованиями проблематики языков и фольклора.

В целом, за годы своей исследовательской деятельности (с момента знакомства с В. Л. Котвичем и до начала 1940-х гг.) А. В. Бурдуков написал большое количество статей, посвященных культуре и истории Монголии, оставил свои воспоминания «В старой и новой Монголии», а также эпистолярные источники.

Все труды А. В. Бурдукова, посвященные Монголии, мы можем разделить на тематические группы: 1) труды, посвященные культурному развитию, а также описанию языка, обычаев, традиций и веры монголов; 2) описание и анализ социально-экономического положения Монголии в определенный нами период времени; 3) политическая ситуация в Монголии.

Ключевой работой А. В. Бурдукова по истории Монголии были его воспоминания «В старой и новой Монголии». Сам автор разделил труд на две части: первая посвящена Монголии в 1911–1914 гг., вторая – в 1914–1921 гг.

1914 год, как писал сам А. В. Бурдуков, был рубежным. Это выразилось в снижении влияния Российской империи на ситуацию во внешней Монголии, что было связано с началом Первой мировой войны и уменьшением контингента русских войск и приказчиков. Помимо этого, в последующие годы происходит некоторая переориентация курса правящей верхушки Монголии в сторону Китая, что приводит к постепенному возвращению послов и китайского капитала в Монголию. Как отметил А. В. Бурдуков, влияние русских в Монголии к началу Февральской революции оказалось очень незначительным, а китайцы почти полностью восстановили свои прежние позиции [Бурдуков 1969: 148]. Рубежным стал год и для самого А. В. Бурдукова, так как он был призван на службу и назначен внештатным переводчиком в Кобдо. Тем не менее, исследования и занятия, связанные с товариществом, были продолжены.

Заимка, на которой долгое время работал А. В. Бурдуков, находилась на р. Хангельцик в Западной Монголии. После революционных событий 1911 г. здесь начинается активная борьба за независимость, участие в которой принимают такие деятели, как Хатан-Батор Магсаржав, Манлай-Батор Дамдинсурэн, Дамби-Джамцан и др., чья деятельность отражена в воспоминаниях А. В. Бурдукова, пересекавшегося с некоторыми из них.

Особенно ярко на страницах работ А. В. Бурдукова представлена личность Дамби-Джамцана, или Джа-ламы, военачальника, видного деятеля национально-освободительного движения, участвовавшего в штурме Кобдо, освобождении Западной Монголии и сыгравшего в этих событиях одну из ключевых ролей, за что Богдо-гэгэн VIII передал во владение Джа-ламы целый хошун.

Во время событий в Кобдо Алексей Васильевич Бурдуков (под псевдонимом А. Чуец) посылает корреспонденции в российские газеты «Сибирская жизнь» и «Алтай», в которых освещает ход борьбы за освобождение Западной Монголии. В частности, в ряде статей и заметок он рассказывает о ситуации в Кобдо и взятии крепости, а также о положении русского купечества. Он отмечает, что монголы пытались избежать взятия Кобдо силой, предлагая китайцам мирно покинуть город, на что те ответили казнью отправленных на переговоры послов [Чуец 1912].

Свою оценку социально-экономического положения Монголии А. В. Бурдуков дает как в отдельных статьях, так и в воспоминаниях. Первой работой, посвященной непосредственно экономике монголов, была статья «Монголия как поставщик мяса для России», написание которой было продиктовано практическими целями специальной экспедиции во главе с П. К. Козловым, посланной правительством в Монголию в 1915 г. В ней А. В. Бурдуков писал о необходимости организации русским правительством промышленных предприятий в Монголии, что будет способствовать развитию обоих государств.

Алексей Васильевич Бурдуков написал большое количество научных статей, посвященных монгольской культуре, ввел в научный оборот ряд литературных памятников и исторических источников, ранее не известных отечественной науке, а также оставил после себя крайне важные воспоминания и письма как исследователь и непосредственный участник переломных для монгольского народа событий. Уже в 30-е гг. А. В. Бурдуков выпустил русско-монгольский и монгольско-русский словарь. За свою активную научную деятельность А. В. Бурдуков был отмечен (1911 г.) малой серебряной медалью Русского географического общества. В 1935 г. он был утвержден в звании доцента по кафедре монгольского языка и литературы, а в 1938 г. ему присуждается степень кандидата филологических наук.

В 1941 г. Алексей Васильевич Бурдуков был арестован, осужден на 10 лет. Умер 13 марта 1943 г. в лагерном пункте Тайгинского района Сибирского ИТЛ. Родным он писал из лагеря, что работает над книгой «Тридцать лет среди монголов» [Кульганек 2013: 7].

Безусловно, изучение творческого наследия А. В. Бурдукова требует большего внимания. Деятельность ученого, переводчика, участника важных событий монгольской истории заслуживает целостного, комплексного исследования. Его вклад в изучение культуры и истории монгольских народов крайне важен, и ряд вопросов, особенно это касается корреспонденций, подлежит дальнейшему изучению.

Источники и литература

- Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969. 419 с.
- Бурдуков А. В. Образцы баитских пословиц // Живая старина, 1910. Вып. 3. Кн. 75.
- Бурдукова Т. А. А. В. Бурдуков (биография) // А. В. Бурдуков. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969. С. 8–21.
- Кульганек И. В. А. В. Бурдуков, монголовед трудной и интересной судьбы // Монголика-ХI: Сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 6–10.
- Чуец А. Взятие монголами города Кобдо // Сибирская жизнь. 4 сентября 1912. № 197.

М. Отгонмандах
Институт истории и этнологии Монгольской академии наук
 Улан-Батор, Монголия
 otgon9540@gmail.com

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В МНР (1961–1981)

В данной статье рассматривается период 1961–1981 гг., когда МНР достигла огромных успехов в признании ее на международной арене. На статистических материалах показано становление медицинской службы в годы пятилеток, а также освещен вклад СССР в ее укрепление. Автор уделяет внимание вопросам профилактической работы, а также вопросам развития физической культуры и спорта в МНР.

Ключевые слова: здравоохранение, МНР, медобслуживание, профилактика, учреждения.

M. Otgonmandakh
Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences
 Ulaanbaatar, Mongolia

DEVELOPMENT OF THE HEALTHCARE SECTOR IN THE MPR (1961–1981)

This article examines the period 1961–1981, when the Mongolian People's Republic achieved tremendous success in its development and recognition in the international arena. The statistical materials show the formation of the medical service during the five-year plans, and also highlight the contribution of the USSR to its strengthening. The author pays attention to the issues of preventive work, in this regard, the issues of the development of physical culture and sports in the Mongolian People's Republic are considered.

Keywords: healthcare, Mongolia, medical care, prevention, institutions.

В 1966 г. был подписан Договор о сотрудничестве взаимопомощи между СССР и МНР. В эти годы был выполнен план IV–VII пятилеток, осуществлялись решения съездов МНРП. При этом забота об охране здоровья населения всегда находилась в центре внимания государства. В это время в Монголии с помощью Советского Союза поступательно развивалось здравоохранение, работали советские врачи, в том числе и военные специалисты. В 1961 г. МНР была принята в ООН, и к 1971 г. Монголия поддерживала дипломатические отношения с 50 странами и имела торговые связи более чем с 20 странами. Вступление МНР в 1962 г. в СЭВ стало новым важным шагом в дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества с социалистическими странами. Только за период 1961–1965 гг. в Монголии значительно увеличилось количество объединенных, специализированных и межсомонных больниц. Число врачебных пунктов выросло на 59 %, фельдшерских и акушерских пунктов – на 29 %, аптек – на 33 %, яслей – на 22 %. Большинство из них организовано в сельских местностях, в результате чего 70 % всех сомонов в настоящее время имеют свои больницы и врачебные пункты.

Одновременно с ростом количества медицинских учреждений окрепла их материальная база, улучшилась обеспеченность современным медицинским оборудованием и транспортными средствами. По данным 1970 г., на каждые 10 тыс. жителей приходилось 94,3 больничной койки и на одного врача – 560 жителей. Благодаря повышению благосостояния народа и улучшению работы органов здравоохранения отмечены рост рождаемости населения и сокращение его смертности. Главная задача в области народного здравоохранения в пятой пятилетке состояла в том, чтобы расширить сеть медицинских учреждений и укрепить их материальную базу, охватить все СХО и госхозы обслуживанием в межсомонных больницах или организовать у них врачебные пункты, еще больше приблизить специализированную медпомощь к населению, расширить обслуживание сельского населения передвижными амбулаториями. Необходимо было добиваться неуклонного улучшения качества медицинского обслуживания, повышения эффективности санитарно-профилактических мероприятий, резкого снижения заболеваемости и смертности детей в раннем возрасте. Придавая большое значение физической культуре и спорту, как неразрывной части коммунистического воспитания трудящихся, партия проводила большую работу по развитию массового физкультурного движения, укреплению материальной базы спортивных организаций, увеличению числа спортсменов-разрядников.

По числу врачей и больничных коек, приходящихся на каждые 10 тыс. человек населения, МНР достигла уровня развитых стран мира. В стране работали 48 больниц, 70 профилактических отделений, была расширена сеть детских и женских консультаций до 69, передвижных амбулаторий – до 5. В 1966–1980 гг. были созданы 54 новых врачебных пункта, главным образом в сомонах; количество межсомонных больниц в 1970 г. было доведено до 45 против 36 в 1965 г., были обеспечены фельдшерским обслуживанием отделения госхозов и бригад СХО. В гобийских аймаках были организованы передвижные амбулатории, оснащенные современными медицинским оборудованием. В 1963 г. был создан Медицинский институт, Институт физической культуры и медицинский техникум. С каждым годом росла рождаемость и резко сокращалась смертность. С 1973–1974 г. прирост населения составил 30,3 на тысячу человек. К 1981 г. численность врачей в Монголии увеличилось в 33 раза, на 10 тыс. населения приходилось уже 18 врачей и более 60 работников среднего медицинского персонала. На бесплатное медицинское обслуживание населения ежегодно расходовалось 9,1 % гос. бюджета.

Большую роль в развитии здравоохранения государства играли военные специалисты Монголии и СССР. Значимый вклад в развитие медицинской службы МНР внесли известные военные врачи: Б. Дашдэлэг, полковник, ветеран войны, фельдшер, медсестра Норовдаваа (награждена медалью Флоренца Найтингела), А. Лхамсүрэн, Я. Цаганчулун, Г. Балжинням и т.д. В 1970-е гг. плечом к плечу проработали военные врачи советско-монгольской дивизии: подполковник Н. Д. Радченко, подполковник А. Н. Сершев, подполковник Г. И. Слотский, А. С. Коваль и монгольские медработники. Наряду с этим в работе органов здравоохранения имели место и существенные недостатки. Слабо внедрялись в практику медицинских учреждений профилактические методы и достижения медицинской техники, качество медицинского обслуживания населения все еще отставало от требований времени.

Необходимо было повышать культуру медобслуживания населения, больше проявлять заботу и внимание к больным, расширить сеть и улучшить работу амбулаторий и поликлиник, санитарной службы, медицинской помощи на дому, станций скорой медицинской помощи. В этих пятилетках была расширена специализированная медицинская помощь, укреплен материально-техническая база здравоохранения. Было построено значительное количество новых аймачных и сомонных больниц и поликлиник, увеличено производство медикаментов, запланированы меры, направленные на улучшение условий профилактики заболеваний, на укрепление здоровья детей, развитие физической культуры и спорта, оздоровление внешней среды (воздуха и воды), на улучшение условий труда и быта населения. Органы санитарно-противоэпидемической службы повысили санитарные требования, в первую очередь, к руководителям промышленных предприятий и хозяйствующих организаций. Особое внимание было уделено борьбе с вирусными заболеваниями, прежде всего, с гриппом, а также с сердечно-сосудистыми болезнями, злокачественными опухолями. Была проделана большая работа по изысканию новых лекарственных средств, антибиотиков, эффективных вакцин и сывороток, а также по созданию новых медицинских аппаратов и оборудования. Наши ученые медики, врачи и медицинские работники, пользовавшиеся большим уважением народа, с честью выполнили поставленные перед ними задачи, в результате чего были достигнуты большие успехи в здравоохранении.

В эти годы значительные средства были направлены на расширение сети медицинских учреждений и укрепление материальной базы, дальнейшее приближение медицинской помощи к населению. Был сделан важный шаг в развитии физкультуры и спорта – значительно укрепилась материальная, росли кадры преподавателей и тренеров по различным видам спорта, возросло число спортсменов, имеющих разряды и звания, родились наши первые чемпионы мира.

Результативными были и деловые связи между медицинскими учреждениями. Министерство здравоохранения республики и Управление здравоохранения аймаков периодически обменивались информацией о последних достижениях лечебной практики, специалистами различных направлений. Монгольские медики получили возможность обстоятельно ознакомиться с терапевтической и педиатрической службами и работой аптекоуправления СССР. Помимо этого, монгольские граждане регулярно получали консультацию и экстренную медицинскую помощь в лечебных учреждениях г. Читы. Многие жители Монголии лечились на курорте Дарасуна, Куки и здравницах Забайкалья. Постоянно поддерживались контакты между спортивными оборонно-массовыми организациями. Монгольские спортсмены активно участвовали в спортивных соревнованиях, организуемых в Забайкалье, в том числе во Всесоюзном турнире по вольной борьбе на приз «Центр Азии».

РАЗДЕЛ 4. РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ВЗАИМОТНОШЕНИЯ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.53954/9785604607886_104

В. Д. Дугаров
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
dugarovbgu@mail.ru

А. О. Гомбоев
Представительство МИД России в г. Улан-Удэ
Улан-Удэ, Российская Федерация
alexandergomboev@mail.ru

ВЗАИМОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЦИНСКОЙ МОНГОЛИЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

В современной отечественной ориенталистике общетеоретические проблемы истории монгольского этномира в XX – нач. XXI вв., многочисленных этносов Монголии и Бурятии, в первой четверти XXI в. характеризуются публикацией рядом фундаментальных исследований, которые во многом обогатили историю бурятского этномира, незаслуженно принижаемого в период идеологического диктата царского правительства (цивилизационная отсталость, отсутствие и неспособность создать национальную государственность инородцами, отсутствие письменности, культуры в целом), в советское время выступлениями ортодоксальных теоретиков марксизма-ленинизма о переходе ранее отсталых народов от феодализма, минуя капиталистическую стадию развития, к социализму. В современной историографии утверждается концепция, что монгольскую революцию необходимо определять как национально-демократическую. Она началась как общенациональное освободительное движение, ее главнейшей целью было национальное возрождение, восстановление государственности. Это квалификационное положение в настоящее время необходимо, на наш взгляд, характеризовать как формирующийся в отечественной науке теоретический термин «нациестроительство».

Ключевые слова: Монголия, Россия, революция, историография, нациестроительство.

V. D. Dugarov
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

A. O. Gomboev
Representative Office of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
in Ulan-Ude
Ulan-Ude, Russian Federation

RELATIONSHIP BETWEEN RUSSIA AND QING MONGOLIA AT THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

In modern Russian oriental studies, general theoretical problems of the history of the Mongolian ethnic world in the 20th – early 21st centuries, numerous ethnic groups of Mongolia and Buryatia, in the first quarter of the 21st century are characterized by the publication of a number of fundamental studies that largely enriched the history of the Buryat ethnic world, undeservedly belittled during the ideological dictate of the tsarist government (civilizational backwardness, absence and inability to create a national statehood by foreigners, lack of writing, culture in general), in Soviet times in speeches of orthodox theorists of Marxism-Leninism about the transition of previously backward peoples from feudalism, bypassing the capitalist stage of development, to socialism. In modern historiography, the concept is asserted that the Mongolian revolution must be defined as national democratic. It began as a nationwide liberation movement, its main goal was national revival, the restoration of statehood. At the present time, this qualification position should,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

in our opinion, be characterized as a theoretical term “nation-building” that is being formed in domestic science.

Keywords: Mongolia, Russia, revolution, historiography, nation-building.

Трансформация историографии взаимоотношений региональных соседей России и Монголии в рассматриваемый период определялась тем, что «в истории Нового и новейшего времени номадной страны и зарождения российского монголоведения «раздробленность» монгольского мира, умелое дипломатическое маневрирование маньчжурского руководства, его выверенная стратегия и тактика позволили определиться новым доминионам Азии. В этих условиях окраинные этносы были вынуждены искать выход из сложившихся исторических тупиков. В сложной политической коллизии неожиданно наметились новые пути, которым было суждено стать магистральной перспективой, определившей судьбу монгольского мира». Этот путь исканий номадами Монголии своей идентичности в евразийском мире растянулся до начала XXI века [Базаров 2011:15].

Методологическую эволюцию процессов изучения истории Монголии в российской историографии в наши дни, по замечанию ведущих монголоведов Института востоковедения РАН в монографии «История Монголии. XX век», определяет следующее: «В условиях процесса переосмысления пройденного пути в XX веке, пересмотра устоявшихся концепций и оценок прошлого породил пока большую разногласию в суждениях, как среди российских, так и монгольских обществоведов. Он только набирает силу, многое еще остается неясным, неопределенным, спорным, окончательно нерешенным...Они отражают как еще недостаточную разработанность, так и сугубо авторское видение, соответствующих вопросов» [История Монголии 2007: 10].

Так какой комплекс межгосударственных проблем в Азиатско-Тихоокеанском регионе привел к установлению всестороннего советско-монгольского сотрудничества в 1921 г.? В современных условиях не безуспешную попытку в рамках формирующихся новых методологических принципов изучения истории народов монгольской этносферы провел коллектив научных сотрудников ИМБТ СО РАН под руководством академика РАН Б. В. Базарова, опубликовавших фундаментальный научный труд «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии». В этом труде анализируется история трансформации кочевых сообществ Центральной Азии после распада Монгольской империи, этапы борьбы за политическую и экономическую самостоятельность монгольских народов, история этих этносов в составе Цинской и Российской империй [Базаров 2016: 623]. Авторы исследования в главе VI «Монгольский мир в условиях революционного процесса первой четверти XX века», сформулировали методологические оценки формирующейся историографии монгольского этномира. Видный ученый-монголовед Л. В. Курас принципиально отмечает: «Между тем, в отечественной историографии не предпринималась попытка рассмотрения революционного подъема в рамках монгольского мира в целом, как реализации идеи панмонголизма, появившейся в умах лидеров бурятских национальных демократов и сторонников монгольской государственности. Именно эта идея преобразовалась в ходе исторического развития и превратилась в идеологию монгольского мира» [Базаров 2016: 332]. Публикация такого рода монголоведных работ является квалифицированным отражением происходящих в отечественном монголоведении методологических преобразований.

На рубеже XIX–XX вв. государства Азиатско-Тихоокеанского региона подверглись глобальной империалистической борьбе «за передел уже поделенного мира». В этой межимпериалистической войне старые классические колониальные державы начинают уступать место новым, быстрорастущим капиталистическим хищникам в лице Японии, России, США, Германии [Ленин 1962: 378–380].

Монголия в начале XX в., представляя собой специфический кочевническо-скотоводческий регион Азии, являлась лакомым сырьевым и сбытовым рынком агрессивных мировых международных игроков [Роцин 2015: 296].

Географические открытия россиян в Монголии были санкционированы государственной политикой РГО и Генштаба Российской армии по командированию и финансированию многочисленных научных экспедиций. В период с 1870 по 1920 г. в Монголию было отправлено 150 российских экспедиций различного профиля. Исследовавшие монгольский регион русские ученые-востоковеды были в основном офицерами царской армии, командированными для изучения и картографирования будущего театра военных действий, определения мест будущих стоянок, водных

ресурсов и т.д. История этих экспедиций была тщательно рассмотрена в фундаментальной монографии М. К. Басханова «Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь», содержащий около 400 статей, в каждой из которых приводятся биографические данные, краткая справка о военно-востоковедной деятельности и библиография. Словарь составлен на широком круге архивных источников и редких изданий военного ведомства, называет имена офицеров, внесших значительный вклад в русскую востоковедную науку и развитие отношений России со странами востока [Басханов 2005: 295]. Экспедиции возглавляли выдающиеся русские путешественники — первооткрыватели Центральной Азии, Тянь-Шаня, российского и монгольского Алтая и других сопредельных территорий: Н. М. Пржевальский, Г. Н. Потанин, П. К. Козлов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Б. Я. Владимирцов, В. А. Обручев и др., оставившие огромный историографический, источниковедческий, этнографический и другой материал, часть которого не обработана и частично засекречена до настоящего времени.

Исторические труды и библиография деятельности выдающихся деятелей бурят-монгольского этномира кратко освещены в фундаментальных сборниках серии «Выдающиеся бурятские деятели» видных бурятских ученых-востоковедов, докторов исторических наук, профессоров Ш. Б. Чимитдоржиева и Т. М. Михайлова, научную инициативу и деятельность которых необходимо продолжать современным ученым монголооведам [Выдающиеся бурятские деятели 2009: 336; 2010: 328].

Эти многочисленные географические экспедиции были «сколочены по армейскому принципу» со строгой дисциплиной и порядком. Другой характер имели торгово-экономические экспедиции приграничных российских купеческих домов с монголами и представителями китайского торгово-ростовщического капитала, опутавшего основную аратскую массу своими непомерными долговыми обязательствами. Руководители этих торговых экспедиций и коммерсанты также оставили свои торгово-экономические и географические записки о Монголии.

Квалифицированную историографическую оценку прошедшим в этот период в регионах Монголии дал видный отечественный монголовед Е. А. Белов, многочисленные работы которого продолжают оставаться актуальными и в наши дни, особенно его классическая монография «Россия и Монголия (1911–1919)» [Белов 1999].

Необходимо творческое и методологическое переосмысление таких социальных катаклизмов в истории народов монгольской Ойкумены в начале XX в., как революционные события, история национального движения бурят-монгольского народа, гражданская война.

Источники и литература

- Базаров Б. В. 350 лет добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2011. № 2. С. 14–19.
- Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии / Отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: «Оттиск». 2016. 623 с.
- Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: биобиблиографический словарь. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 295 с.
- Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919). М.: ИВ РАН, 1999. 239 с.
- История Монголии. XX век / Отв. ред. Г. А. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. V изд. Раздел мира между союзами капиталистов. М.: Изд-во полит. литературы, 1962. 666 с.
- Роцин С. К. Я рад, что стал монголоведом: к 85-летию С. К. Роцина. М. – Улаанбаатар: ИВ РАН – Институт истории и археологии АН Монголии. 2015. 296 с.

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКАЯ ТОРГОВЛЯ В ЗЕРКАЛЕ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРИОДА ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье представлены некоторые аспекты русско-монгольской торговли, их взаимосвязь с состоянием русско-китайских отношений в Монголии периода Цинской империи.

Ключевые слова: русско-монгольская торговля, русско-китайские отношения, империя Цин, Монголия.

Е. V. Karpenko
Sibirian Federation University
Krasnoyarsk, Russian Federation

RUSSIAN-MONGOLIAN TRADE IN THE MIRROR OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS DURING THE QING EMPIRE

The article presents some aspects of Russian-Mongolian trade, their relationship with the state of Russian-Chinese relations in Mongolia during the period of the Qing Empire.

Keywords: Russian-Mongolian trade, Russian-Chinese relations, Qing Empire, Mongolia.

В период существования Цинской империи Монголия являлась закрытым регионом, контролируемым правительством Цин. Отношения в трансграничном регионе Монголия – Кяхта выстраивались на уровне взаимодействия разных этносов (монголы, русские, буряты, китайцы и др.), официальных отношений и связей с представителями местной администрации. Торговля в Монголии всегда являлась не только фактором экономических связей, но и важной составляющей межнациональных отношений. Специфика управления Монголией в период Цинской империи определяла особенности русско-монгольско-китайских отношений. Экономические связи России и Монголии оказывали непосредственное влияние на состояние русско-китайских отношений и наоборот. Взаимозависимость и взаимовлияние русско-монгольских и русско-китайских отношений определяют основные векторы современных исследований. Актуальными остаются вопросы, связанные с взаимным влиянием русско-монгольской торговли на состояние русско-китайских отношений. Данная статья представляет некоторые аспекты русско-монгольской торговли, отражающие трехстороннее взаимодействие в Цинской Монголии.

Проблемы русско-китайского экономического соперничества становятся наиболее актуальны во второй половине XIX в. после подписания между Цинской и Российской империями ряда договоров. Именно во второй половине XIX в. русские торговцы начали активно проникать на территорию Монголии, нарушив тем самым монопольное положение китайских торговцев. До 60-х годов XIX в. китайские купцы (преимущественно представители провинции Шаньси) чувствовали себя в Монголии свободно и уверенно. Ко времени прихода русских торговцев китайские купцы организовали торговую сеть по всем хошунам: «везде, где кочевник, там и «майхен» китайца; он кочует вместе с монголом, живет с ними круглый год одною жизнью, одевая их в дешевую далимбу, снабжая всем необходимым и собирая от монгола все, что последний может продать» [Московская торговая экспедиция в Монголию 1912: 63].

С созданием консульства в Урге начался процесс проникновения русских купцов в различные районы Монголии. Однако численность русских торговцев была невысока. Лидирующее положение по числу торговых заведений занимала Урга. В 1861 г. здесь была открыта первая русская лавка, в 1866 г. их было уже 6, в 1883 г. – 10 [Московская торговая экспедиция в Монголию 1912: 143]. В 1878 г. в Кобдо насчитывалось 4 русские лавки против проживающих 600 китайских торговцев и их 40 лавок [Певцов 1883: 170]. В Улясутае русских лавок всего насчитывалось 9 в 1879 г. [Певцов 1883: 447]. К началу XX в. в Кобдо и Улясутае число русских лавок достигло 71, в то время как подданных Российской империи в Монголии к тому времени было около 400 человек [Московская торговая экспедиция в Монголию 1912: 144].

С приходом русских монголы предпочитали сотрудничать с русскими купцами. Представитель российского купечества Иван Носков сразу после разрешения торговли на территории Монголии писал: «...торговля с Монголией стала принимать порядочные размеры... Они [монголы] делают значительные покупки всего для себя необходимого, что прежде приобреталось ими чрез китайцев и, вероятно, те их порядочно обсчитывали...» [Носков 1870: 11]. Однако ряд факторов оказал негативное влияние на темпы роста русско-монгольского товарообмена. В 1903 г. капитан В. П. Попов отмечал: «Китайцы ведут с Монголией крупную торговлю, цифры которой далеко превосходят нашу торговлю... наша торговля с Монголией возрастает крайне тихо...» [Московская торговая экспедиция в Монголию 1912: 159].

Одним из факторов влияния на русско-монгольскую торговлю стало противодействие некоторых монгольских чиновников. С разрешением русским торговцам въезда на территорию Китая и учреждением российского консульства в Урге китайские чиновники на местах начали внимательно следить за любыми передвижениями русских. Опасения проникновения русских вглубь Монголии среди китайского чиновничьего аппарата определились уже в конце 50-х гг. XIX в. Опасаясь в силу «природной натуры русских» быстрого продвижения России к китайской границе и начала мелочной торговли в приграничных районах, ургинский амбань Сектунга непрерывно отправлял доклады в Цзюньцзичу¹ о нарушениях договора, жалобы на российское консульство в Урге и т.п. [Донесение Сектунги 1979: 1215]. Только за один месяц ургинским амбанем было отправлено несколько докладов и жалоб, касающихся «неправомерной» деятельности русских в Монголии.

В 11-м году правления Сяньфэна (1861) в Цзюньцзичу поступил большой доклад (от 11 дня 12 луны) ургинского амбаня Сектунги «О нарушениях Россией договора и проезде в монгольские сомоны торговцев, а также об обстоятельствах ранения наших солдат». В докладе амбань сообщает: «торговцы... по своему желанию следуют в различные сомоны Монголии торговать...» [Доклад Сектунги 1979: 1222]. Ссылаясь на пятую статью Пекинского договора, он называет попытки въезда русских торговцев вглубь Монголии для торговли грубым нарушением: «Ваш покорный слуга внимательно проверил пятую статью договора ... нет даже никаких упоминаний о проезде в различные сомоны Монголии и кочевные территории для торговли... Русские торговцы только лишь по пути в Кулунь² могут сбывать товар в розницу, о прибытии в Кулунь торговать постоянно в договоре не прописано... Наш император добросердечно облагодетельствовал иностранцев. В настоящее время Россия распорядилась русским торговцам проезжать в монгольские сомоны и кочевные территории торговать, указывая на то, что это соответствует пятой статье договора... в случае же их задержания, умышленно ищут предлог, чтобы дать себе свободу действий для дальнейшего продвижения шаг за шагом... в дальнейшем ... трудно избежать скандала...» [Доклад Сектунги 1979: 1223]. В этом же докладе он рапортует о случаях перехода российских бурят через границу, скупки ими древесины в сомонах, подведомственных ургинскому амбаню. Таким образом, ургинский амбань всеми силами старался убедить Цзунлиамынь в опасном усилении русских, в их экспансионистских устремлениях в отношении Монголии.

Еще одним важным аспектом взаимного влияния русско-монгольской торговли и русско-китайских отношений являлась контрабандная торговля русских в Монголии. В конце XIX в. противником русского пребывания в Монголии стала Великобритания. Политика Цинского Китая в отношении русского проникновения в Монголию во второй половине XIX в. испытывала серьезный нажим со стороны Британской империи. Отсутствие у Англии возможности непосредственно повлиять на изменение положения России в Монголии вынудило искать юридически обоснованные пути давления на цинское правительство в этом вопросе. Весьма удобным моментом для этого оказался Илийский кризис. В результате подписания договора 1881 г. у русского купечества появились все шансы стать монополистом на монгольском рынке. Сложные переговоры 1880–1881 гг., закончившиеся взаимными уступками и компромиссом, в случае их возобновления могли обернуться непредсказуемыми последствиями. Напряженностью и угрозой возобновления конфликта в двусторонних отношениях воспользовалась английская сторона. В период Илийского кризиса с целью уменьшения русского влияния в Монголии по инициативе генерал-инспектора Таможенного Управления Роберта Харта было спровоцировано расследование контрабандной торговли кирпичным

¹ Цзюньцзичу – Военный совет периода Цинской империи.

² Кулунь – название Урги в период Цинской империи.

чаем русскими торговцами в Монголии¹. Подробно этот инцидент рассмотрен в работах китайского историка Ми Чжэньбо. Настаивая на проведении детальной проверки соблюдения российской стороной «Правил сухопутной торговли», английские чиновники Цзуншуйусы стремились, с одной стороны, не допустить более глубокого проникновения России в Монголию, с другой – косвенным образом повлиять на ратификацию статей «Договора между Россией и Китаем об Илийском крае», касающихся организации торговли в Монголии.

Таким образом, описанные выше примеры влияния состояния русско-китайских отношений на русско-монгольскую торговлю отражают глубокую взаимосвязь между историческими процессами в Цинской Монголии. Зачастую именно особенности русско-китайских отношений в Монголии объясняют негативные факторы развития русско-монгольской торговли, состояние русско-китайской торговой конкуренции в регионе. Русско-монгольская торговля в период Цинской империи постоянно находилась под влиянием русско-китайских отношений.

Источники и литература

Доклад Сектунги императору о нарушении Россией договора и проезде в монгольские сомоны для занятия торговлей, а также об обстоятельствах ранения наших солдат // Избранные архивные материалы по истории русско-китайских отношений в период Цинской династии (Циндай чжун э гуанси данань шиляо суаньбянь). Т. 3. Пекин: Чжунхуа шуцзючубань, 1979. С. 1222–1227.

Донесение Сектунги о получении письма русского губернатора о ведении беспошлинной торговли на русско-китайской границе, в районе о. Байкал // Избранные архивные материалы по истории русско-китайских отношений в период Цинской династии (Циндай чжун э гуанси данань шиляо суаньбянь). Т. 3. Пекин: Чжунхуа шуцзючубань, 1979. С. 1213–1215.

Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. Я. Рябушинского, 1912. 353 с.

Носков И. Кяхтинская торговля за последние восемь лет. СПб., 1870.

Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. Омск, 1883. 354 с.

---

¹ Контроль за соблюдением «Правил о сухопутной русско-китайской торговле» осуществлялся через систему так называемых торговых свидетельств (гарантийных писем), выдаваемых русским консулом в Тяньцзине на русском и китайском языках (в нем указывались имя торговца, количество и род товара, число тюков). По дороге в Кяхту это свидетельство надлежало предъявлять, въезжая в города. В Маймайчене выданное гарантийное письмо возвращалось китайским чиновникам, которые, в свою очередь, отправляли его в Цзуншуйусы.

Ц. П. Ванчикова
 Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
 Улан-Удэ, Российская Федерация
 vanchikova.ts@gmail.com

КЯХТИНСКИЙ МАЙМАЧЕН В XVIII–XIX ВВ.¹

В истории российско-монгольских отношений большую роль играли и продолжают играть приграничные города, являющиеся важными стратегическими форпостами на рубежах России. Неотенно значение Кяхты-Маймачена в истории России и Монголии, и Сибири в частности, которые были основными торговыми центрами пограничной торговли на Востоке Российской империи. Истории становления и развития Кяхты посвящен ряд исследований, история же Маймачена практически не изучена. В докладе будет кратко рассмотрена история Маймачена, его быт и устройство, сохранившиеся в воспоминаниях русских путешественников и ученых.

Ключевые слова: Кяхта, Маймачен, история приграничных городов, воспоминания путешественников.

Ts. P. Vanchikova
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS
 Ulan-Ude, Russian Federation

THE KYAKHTA'S MAIMACHEN IN 18–19TH CENTURIES

In the history of Russian-Mongolian relations, border points have played and continue to play an important role as important strategic outposts on the borders of Russia. The value and importance of Kyakhta and Maimachen in the history of Russia and Mongolia is inestimable. They were major centers of cross-border trade in the East of the Russian Empire. A number of studies are devoted to the history of Kyakhta while the history of Maimachen is practically not studied. The report will briefly review the history of Maimachen, its life and structure, based on the memoirs of travelers and scientists.

Keywords: Kyakhta, Maimachen, history of border towns, memories of travelers

История становления и развития Кяхты и Троицкосавска была предметом исследований многих ученых, история же Маймачена² практически не изучена. Кяхта и Маймачен были основаны согласно 3-ей статье Кяхтинского договора 1727 г., гласящей о том, чтобы было «учреждено место купечества обоих государств» [Кяхтинский договор], потому примерно в 3 км от Троицкосавска в 1728 г. вдоль границы были заложены две торговые слободы: русская, которая получила название Кяхта, и китайский Маймачен.

Одни из наиболее ранних сведений приводятся в работе М. Д. Чулкова, который, упоминая о двух торговых слободах, о китайской слободе пишет: «построена регулярными улицами, где избы и лавки стоят в линии, а кладовые анбары находятся позади на дворе» [Чулков 1785: 20].

Более подробные сведения приведены П. С. Палласом, который во время поездки по Восточной Сибири в 1773 г. посетил Кяхту и Маймачен [Паллас 1773–1788: 155–169]. Как он пишет, у Маймачена в то время не было еще определенного названия: «Имени собственного ему нет. Русские просто его называют только слободой (Китайская слобода) или Наймачин» [Паллас 1773–1788: 155]. Согласно его данным, находился Маймачен на расстоянии 60 сажень или примерно в 130 метрах от крепостной стены, окружавшей Кяхтинскую слободу. Между ними была проложена пограничная межа. По подсчету Палласа, в то время, т.е. спустя приблизительно 45 лет после основания Маймачена в 1729–1730 гг., насчитывалось около 200 дворов. Маймачен был огорожен дощатым забором с земляным валом вокруг забора шириной чуть более метра. Длина огороженной территории равнялась примерно 750 м, а ширина более 400 м [Паллас 1773–1788: 155]. На северной и южной сторонах было по трое ворот, а на восточной и западной стенах – по одной. Над каждыми воротами

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3.

² От кит. *май-ма-чен* 'торговое место, район', монг. *наймаа хот* – название нескольких торговых поселений в Монголии, один из них расположен был на границе с Россией, напротив Кяхты.

располагались сторожки для ночных караулов. Эти ворота на ночь закрывались и охранялись караульными монголами. На ночь закрывались ворота и с русской стороны. Перед всеми тремя северными воротами, т.е. с российской стороны были установлены дополнительные деревянные ограждения-щиты, закрывавшие вид во внутрь ограды. Он отмечает чистоту («весьма чисто держат») и благоустройство улиц [Паллас 1773–1788: 157]. Паллас сообщает и о двухэтажной пагоде в центре Маймачена, и о наличии нескольких разных храмовых построек, таких как Храм Гэсэра и мечеть.

Следующее по времени описание Маймачена было сделано Ф. Вигелем в 1805 г., который посетил его в составе посольской миссии Ю. А. Головкина. Его сведения более подробны и дополняют данные Палласа. Его впечатления отличаются особенной остротой наблюдений и свежестью впечатлений: «Маймачин – единственный китайский городок, который я видел... Он построен правильным четверугольником и весь обнесен превысоким забором; ... строение на них совершенно одинаковой вышины, низкое, сплошное, без малейшаго разрыва и одинаго окна. Такою улицей идешь, как коридором, между двух стен, вымазанных сероватою глиной, невыкрашенных и небеленых; справа и слева дома различаются только всегда закрытыми отверстиями, раскрашенными воротами со столбиками и пестрыми над ними навесами... в центре возвышается деревянная башня, в два или три яруса, расцвеченная, с драконами, колокольчиками, бубенчиками, какие вы видели на картинках или в садах. Это давало Маймачину довольно красивый вид, особливо в сравнении с двумя Кяхтами, большую и малую... На другом конце города пустили меня в китайскую божницу, посвященную богу брани... В главном же храме видел я колоссального Конфуция, богато разодетого, высоко на фоне сидящего, и массивную пудов в двадцать, железную полированную лампаду, день и ночь перед ним горящую...» [Вигель].

Сведения Клапрота, посетившего Кяхту и Маймачен также в 1805 г., ценны тем, что он приводит более подробное сравнение обеих слобод: «Обе слободы имеют вид четверугольников. Посреди Русской построен деревянный гостиный двор. При нем начата строением каменная часовня. К востоку от гостиного двора находится Русская церковь, а к югу казармы, главная караульня и дом начальника. Остальное место занимают дома купцов. Вся слобода окружена рогатками. На каждой из четырех сторон находятся в середине ворота и каланча...» [Клапрот]. Вот что Клапрот пишет о Маймачене: «Китайская слобода... также построена четверугольником, но гораздо больше русской и снаружи обведена твердым и частым палисадом ... На каждом из четырех углов построены караульни; сверх оных находится еще одна караульня к северу от Май-май-ченна на дороге в Русскую Кяхту. В ней живут сторожа, оберегающие обоз, который состоит иногда из нескольких тысяч тележек о двух колесах, на коих перевозятся русские товары в Китай.

Для произрастания овоща, без которого китайцы жить не могут, разведены многие огороды. Чрез речку построены два моста. Вода в ней мутная и нечистая, но по сей причине вырыты подле мостов колодцы... Каждый дом имеет ворота, чрез которые можно войти во двор... Над воротами написано обыкновенно имя хозяина или означение чем он торгует... Дома на дворе выкрашены, дерево и решетки размалеваны яркими красками. ... На улицах и во дворах наблюдается великая опрятность, какую можно найти только в Голландских городах. ... Близ южных ворот, по левую руку, находится дом ... манджурского начальника или дзаргочия¹. При нем бывает всегда главный караул, состоящий обыкновенно из ста или пятидесяти конных пограничных, монголов... он решает споры между китайцами и монголами...» [Клапрот].

В воспоминаниях А. Мартынова, относящихся к тому же 1805 г., приводятся сведения, характеризующие характер торговых отношений между двумя государствами: «В торге между россиянами и китайцами с самого 1728 года до ныне не произошло никакой перемены: все одинаковым образом производится меною товар на товар, без денег, без превратностей, без курсов и без всех тех изворотов, которые в Европе почитаются необходимыми в торговле...» [Мартынов 1819: 53–64].

А. И. Мартос в заметках о Кяхте и Маймачене 1823 г., отмечает, что Маймачен «любопытен своею новизной, не услаждая зрения изящностью и величием зданий», в них оживают сцены повседневной жизни и быта его обитателей: «Здесь на двухколесной высокой телеге везут плиты чистейшего льда, которой обыкновенно употребляется на пищу и питье; ... Мальчики суетятся, бегают, носят разные вещи; вежливый китаец опереживает неловкого монгола, приветствует вас, спрашивает с

---

¹ Монг. *заргач* – чиновник, совмещающий функции администратора и судьи, руководивший всеми пограничными делами и жизнью китайской слободы.

видом дружелюбия: “кто вы? откуда? как ваше имя, отчество?”» [Мартос 1827: 268]. Мартос же впервые привел описание китайских лавок, внутреннего двора и жилья [Мартос 1827: 275–276].

Все авторы воспоминаний отмечают в качестве особенности китайской слободы ее внутреннее устройство, представляющее разительный контраст с устройством и домами Троицкосавка. Если на китайской части города улицы представляли ряд заборов с узким проходом между глухими глиняными стенами, с жилищами, расположенными внутри дворов, то напротив, в русской части фасады купеческих домов смотрели на улицу, имели балконы и входные двери, крылечки и зачастую имели красивые архитектурные элементы.

Заключая, можно сказать, что сохранившиеся воспоминания, дополняемые фотографиями и иллюстрациями, свидетельствуют о том, что эти торговые пограничные города не только связывали между собой две совершенно разные империи, но и два совершенно разных мира – Азию и Европу. Кяхта и Маймачен были окнами в эти миры, через них происходило познание другой культуры, расширение знаний о другом мироустройстве, быте и людях.

Источники и литература

Вигель Ф.Ф. Филипп Вигель. Записки. В Сибири. М., 1864 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sibirica.su/sunduk/filipp-vigel-zapiski-v-sibiri-otryvok/stranitsa-2> (дата обращения: 19.07.2021).

Клапрот Генрих-Юлий. Описание Кяхты // Сын Отечества. 1816 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sibirica.su/sunduk/opisanie-kyachti> (дата обращения: 19.07.2021).

Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем 1727 г. октября 21 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16620/16627.html> (дата обращения 19.07.2021).

Мартос А. И. Письма о Восточной Сибири. М.: Университетская библиотека, 1827. 291 с.

Мартынов А. Живописное путешествие от Москвы до китайской границы Андрея Мартынова, советника Академии художеств. СПб.: типография А. Плюшара, 1819. 67 с.

Паллас Петр Симон. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III, половина 1-ая, 1772 и 1773 годов. СПб., 1773–1788. С. 156–169.

Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. М., 1785. Т. III. Кн. II.

Л. В. Кальмина
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
 kalminal@gmail.com

МОНГОЛЬСКИЙ МОТИВ В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.¹

В статье анализируется оценка российскими военными агентами социально-экономической и военно-политической обстановки в Монголии, которая занимала важное место в геополитической стратегии Российской империи. Автор прослеживает зависимость интонации их отчетов и степени радикализма прозвучавших в них предложений от российско-китайских отношений в исследуемый период. В то время, когда Россия и Китай считались союзниками, акцент в донесениях делался на развитии взаимовыгодной торговли с Монголией и расширении российского присутствия на монгольском рынке. После участия России в подавлении «боксерского» восстания в отчетах стали звучать мнения о неизбежности военных действий на территории Монголии и необходимости ее присоединения к России. Падение Цинской империи и обретение Монголией независимости окончательно придали донесениям российских агентов наступательный характер.

Ключевые слова: Монголия, военные агенты, отчеты, Китай, Россия, интонация.

L. V. Kalmina
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

MONGOLIAN MOTIVE IN THE RUSSIAN MILITARY AGENTS' REPORTS AT THE EDGE OF 19th – 20th CENTURIES

The article analyses Russian military agents' social-economic and military-political situation in Mongolia estimation, this very country taking the important place in Russian Empire's geopolitical strategy. The author compares their reports' intonation and the degree of suggestion radicalism in connection with Russian – Chinese relations during the period under investigation. Reports paid special attention to the development of mutually profitable trade with Mongolia and expansion of Russian presence at the Mongolian market, at this time Russia and China being considered as allies. After Russia's participation in suppression of the Boxer rebellion reports stressed inevitability of military actions on the Mongolian territory and joining this area to Russia. The fall of Qing Empire and Mongolian independence declaration definitively coloured Russian agents' reports in offensive tones.

Keywords: Mongolia, military agents, reports, China, Russia, intonation.

В контексте российско-китайских отношений в исследуемый период монгольский вопрос занимал особое место: Монголия находилась в сфере повышенного интереса обоих государств. Серьезный вклад в ее изучение для разработки стратегии действий Российской империи во Внутренней Азии внесли российские офицеры, предпринимавшие длительные поездки под видом научных экспедиций. Рассматривая Монголию как возможный театр военных действий в будущих столкновениях с Китаем [Кузьмин 2007: 3,12], они собирали любую информацию, которая могла иметь прикладное значение: климатические условия, ландшафт, транспортные коридоры для определения возможности продвижения российских войск; экономический потенциал, нравы и обычаи населения, его политические предпочтения – для прогноза поведения по отношению к русской армии.

Не претендуя на анализ отчетов всех военных разведчиков, проводивших рекогносцировку в Монголии, мы выделили несколько из них, представлявших полярные мнения. Это «умеренные», акцентирующие внимание на развитии взаимовыгодных экономических отношений с Монголией с целью мирной экспансии на ее территорию и нейтрализации здесь Китая как экономического конкурента, и «радикалы», отмечающие возможность мирного развития событий и рассматривающие

---

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания. Проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII-XXI вв.» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Монголию как будущую российскую территорию. К первым относится подполковник Генерального штаба Певцов, совершивший экспедицию в Монголию в 1878–1879 гг. О том, что его поездка имела сугубо мирный характер с целью изучения способов усиления позиций России на монгольском рынке, говорит публикация отчета в печати. (В дальнейшем отчеты военно-исследовательских экспедиций издавались Военно-ученым комитетом Главного штаба под грифом «Секретно»). В донесении Певцова преобладают оптимистические нотки: автор считал, что волноваться за будущность российской торговли в Монголии нет оснований, и несостоятельность перед китайской конкуренцией ей не грозит. Он пребывал в уверенности, что даже при не очень благоприятных обстоятельствах для сбыта наших «произведений» русские товары все равно найдут в Монголии своего покупателя [Из отчета 1884: 7–8].

К «умеренным» можно отнести и командира 2-го драгунского полка А. А. Баторского, чей отчет стал первым опытом системного исследования Монголии в историческом, этнографическом, политико-экономическом отношении [Кузьмин 2007: 38]. Он тоже оценивал Монголию как перспективного торгового партнера с емким рынком, вполне способным поглотить российские товары. Слабые позиции России в сравнении с Китаем исследователь объяснял тем, что китайское купечество вследствие продолжительного общения с кочевым населением Монголии лучше изучило его потребности и предлагает товары, пользующиеся у него повышенным спросом: кирпичный чай, китайский табак, бумажные китайские ткани и др. Так же, как и Певцов, Баторский считал, что российская торговля здесь вполне может составить конкуренцию Китаю, так как обладает товарами, которых нет в китайском ассортименте: юфть, плис, дешевые сукна, железные изделия и др. Для обеспечения преимуществ для России в качестве монгольского партнера Баторский предлагал усовершенствование ведущих в Монголию путей сообщения, открытие фабрик и заводов в пограничных с ней местностях для обеспечения кочевого населения предметами первой необходимости и более рациональную организацию торгового дела с наблюдением за правильностью торгового оборота. Военных действий против Китая агент не исключал, а потому кроме изучения возможностей монгольского рынка определял потенциальные маршруты «безостановочного и возможного продвижения войск» [Монголия 1891: 114–115, 125, 130–131, 140].

Отчеты «радикалов» отличала более агрессивная интонация: они не просто допускали военный конфликт с Китаем за влияние в Монголии, а были уверены в его необходимости для ее присоединения и загодя прогнозировали возможную расстановку сил. Р. А. Сыртланов в своем донесении спрогнозировал поведение монгольских племен в случае войны с Россией: тяготеющие к ней торгуты, которые будут на ее стороне; чахары, занимающие выжидательную позицию и спокойно подчиняющиеся победителю; олоты, явные сторонники Китая, которые, тем не менее, в случае военных успехов России перейдут на ее сторону без особых нравственных терзаний и начнут воевать против китайцев [Материалы по Западному Китаю 1909: 67–68, 72–73, 76–77, 85–88].

Наибольший радикализм в своих отчетах показал поручик Г. В. Кушелев, который за ценность сведений о военно-политической обстановке, собранных в ходе монгольской экспедиции 1911 г., был удостоен ордена Св. Станислава 3 степени [Кузьмин 2007: 36]. Политическую ситуацию на Востоке в контексте «желтой угрозы» он оценил как очень опасную для России, которая из-за протяженности границы с Китаем первой прочувствует на себе всю ее мощь. Монголии в этих условиях предназначалась роль буфера: обеспечившая для России преграду на пути «спавшего столько столетий Китая», она должна была обеспечить ее и «от Китая проснувшегося и вооружающегося». В возможных военных действиях Кушелев оценивал монголов как союзников России, готовых принять подданство русского царя, просто надо протянуть «руку помощи, которую они просят». В отчете открытым текстом говорится о возможности присоединения Монголии к России как единственном средстве «защиты и заступничества против насилия ненавистных китайцев» и «единственном надежном и при этом вполне осуществимом» способе уберечь российские границы от китайской колониальной волны [Кальмина 2019: 62–63].

На наш взгляд, интонация отчетов была продиктована не столько личным мнением о способах выстраивания российской «монгольской» политики, сколько уровнем российско-китайских отношений. Исследования «умеренных» были предприняты в 1870–1890-е гг., когда специалисты по Востоку выражали уверенность в том, что именно России как ближайшему соседу Китая предстоит «широкое развитие сношений» с ним [Об отношениях 1887: 245–246]. В XX в. ситуация кардинально изменилась. Участие России в подавлении «боксерского» восстания обострило отношения между бывшими союзниками. Интонация донесений стала более наступательной: в них все настойчивее

звучали предложения о необходимости присоединения Монголии. Революция 1911 г. в Китае, закончившаяся падением Цинской империи и обретением Монголией независимости, укрепила военных агентов в этом мнении. Таким образом, их отчеты могут служить индикатором политической ситуации во Внутренней Азии.

Источники и литература

Из отчета подполковника Генерального штаба Певцова о путешествии в Монголию и Внутренний Китай в 1878-1879 // Восточное обозрение. 1884. № 4 (26 янв.).

Кальмина Л. В. «Монгольский вопрос» глазами российского военного агента // Приграничный регион в историческом развитии: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2019. Ч.1. С. 61–64.

Кузьмин Ю. В. Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки. Улан-Батор: б.и., 2007. 161 с.

Материалы по Западному Китаю, собранные Р. А. Сыртлановым во время его поездки из Урумчи на Алтай в 1909 году // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXVI. СПб.: Военная типография, 1913. С. 53–241.

Монголия. Опыт военно-статистического очерка Командира 2-го драгунского С.-Петербургского Генерал-Фельдмаршала Князя Меншикова полка А. А. Баторского. С прилож. 41 маршрут. и 2 карт. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб.: Изд. Военно-Ученого Комитета Главного Штаба, 1891. 277 с.

Об отношениях европейцев к Китаю. Речь, произнесенная на акте Санкт-Петербургского Университета 8-го Февраля 1887 года. Ординар. Проф. А. М. Позднеевым // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXVII. СПб.: изд. Военно-ученого комитета Главного Штаба, 1887. С. 228–263.

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX В.: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И ЭТАПЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Статья посвящена изучению истории русско-монгольских торгово-экономических связей в начале XX в. Показано развитие русско-монгольских торгово-экономических отношений, рассмотрены объемы торговли, номенклатура товаров, соотношение торгового оборота русско-монгольской торговли, основные направления торговых путей, экспедиций для изучения монгольского рынка.

Ключевые слова: Россия, Монголия, таможня, товары, конкуренция, торговая экспедиция, купцы.

E. V. Batunaev
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
 Ulan-Ude, Russian Federation

RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: THE MAIN FORMS AND STAGES OF TRADE AND ECONOMIC ACTIVITY

The article is devoted to the study of the history of Russian-Mongolian trade and economic relations at the beginning of the 20th century. The development of the Russian-Mongolian trade and economic relations is shown, the volume of trade, the analysis of the range of goods, the ratio of the trade turnover of the Russian-Mongolian trade, the main directions of trade routes, expeditions to study the Mongolian market are considered.

Keywords: Russia, Mongolia, customs, goods, competition, trade expedition, merchants.

Первые российско-монгольские отношения стали устанавливаться в середине XVII в. Это были главным образом посольские и торговые отношения. На протяжении продолжительного времени русским купцам был запрещен въезд в Монголию, и торговля велась преимущественно с монгольскими пограничными караулами на границе [Боголепов 1911: 1]. До первой половины XIX в. русско-монгольские отношения развивались на основе Нерчинского (1689), Кяхтинского (1727), Кульджинского (1851), Айгунского (1858), Тяньцзиньского (1858), Пекинского (1860 г.) договоров, сухопутных торговых правил (1862) и Петербургского (1881) договора. Установленные договоры способствовали значительному расширению торгово-экономических связей и развитию русско-монгольской торговли [Гримм 1927: 105; Единархова 2006: 250].

В начале XX в. русско-монгольская торговля стала основным инструментом продвижения влияния России в Монголии, которая по сравнению с серединой XIX в. возросла в 80 раз [Лузянин 2000: 40; История МНР: 240]. Торговля велась главным образом на основе обмена и кредита.

Основными направлениями русско-монгольской торговли считались кяхтинское, ононо-аргунское, тункинское и бийское [Чимитдоржиев 1987: 114]. Важное место в русско-монгольской торговле занимала приграничная торговая слобода Кяхта. Из России в Монголию ввозилась продукция российской промышленности: мануфактура, галантерейные и металлические изделия, керосин, посуда, медь и другие товары. В Россию вывозилось в основном сырье: овечья и верблюжья шерсть, звериные шкуры, конский волос, кожа, масло, жир. Через Монголию в Россию и Западную Европу шли также транзитные (китайские) товары – золото, пушнина, чай. Так, в 1886 г. русскими купцами было отправлено через Ургу в Кяхту 347 225 ящиков чая. Его транспортировкой занимались крупные русские торговые дома, основавшиеся в Урге.

Примерно 40 % всего русского импорта из Монголии составлял скот. Например, только через Тункинскую долину, один из основных маршрутов торговли монгольским скотом, в Иркутск

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

ежегодно прогонялось до 20 тыс. голов крупного рогатого скота, свыше 12 тыс. овец и свыше тысячи лошадей на общую сумму около 1 млн. руб. [Чимитдоржиев 1987: 158].

С середины XIX в. потребность в скоте увеличилась в связи с ростом числа занятых рабочих на золотых приисках в Верхнеудинском и Баргузинском острогах [Там же: 112]. Нередко в России складывались представления о Монголии как о крае с бесчисленным количеством скота [Лузянин 2000: 40].

С 80-х г. XIX в. в русско-монгольской торговле наметилась тенденция к преобладанию вывоза монгольского сырья над ввозом русских промышленных изделий. Московская торговая экспедиция сделала вывод, что русские торговцы в Урге все более и более сосредотачиваются на операциях по скупке монгольского сырья, сокращая операции по сбыту русских товаров. Это объясняется тем, что русская промышленность не успевала удовлетворить спрос на внутреннем рынке, не говоря уже о ввозе товаров в Монголию.

Стоит отметить, что все же некоторые русские купцы считали, что для роста экономического влияния в Монголии России необходимо увеличить ввоз товаров отечественной промышленности, даже в ущерб своей прибыли. Конкуренцию российским товарам на монгольском рынке, наряду с китайскими, составляли также американские, английские, немецкие, японские товары. Иностранные товары (ткани, керосин и пр.) попадали в Монголию, прежде всего, через китайских купцов [Лузянин 2000: 44].

Российские товары отличались хорошим качеством, особенно мануфактура, и заслуженно пользовались среди местных жителей спросом. Монголы и китайцы в торговле любую качественную вещь называли «Морозовским товаром» как знак наивысшей похвалы [Боголепов 1911: 163]. Но русские товары вследствие дороговизны, возникавшей в результате высоких транспортных расходов, не могли выдерживать конкуренцию с более дешевыми китайскими товарами. Задача русских купцов заключалась в том, чтобы расширить торговлю юфтью, недорогими хлопчатобумажными тканями различных расцветок, сукном, металлическими предметами, галантереей, т.е. теми товарами, на которые имелся большой спрос у монголов.

Для изучения монгольского рынка, торговых маршрутов были отправлены специальные экспедиции, по возвращении представлявшие свои рекомендации правительству и торговым кругам России.

В 1910 г. были организованы две торговые экспедиции в Монголию для широкого изучения монгольского рынка, условий торговли и выяснения способов сбыта русских товаров. Участники обеих экспедиций пришли к выводу, что дальнейшее развитие торговли было немыслимо без удобных путей сообщения, умело разработанных торговых маршрутов, наведения порядка в таможенных тарифах и ветеринарном контроле [Московская торговая... 1911: 76; Беннигсен 1912: 102]. Сибирские же купцы и предприниматели, тесно связанные с монгольским рынком, наоборот, выступали за более решительные меры и оказания содействия со стороны государства в деле улучшения русско-монгольской торговли, протекции русских товаров, улучшения работы ветеринарных служб, введения новых сухопутных и водных маршрутов [Боголепов 1911: 498].

В связи с ростом русско-монгольского товарооборота по настоянию торгово-промышленных кругов при царской администрации были созданы ряд комиссий и комитетов. После объявления независимости Монголии в 1911 г. и подписания русско-монгольского соглашения 1912 г. возникли благоприятные условия для русских купцов и предпринимателей в результате падения объемов китайской торговли [Министерство иностранных... 1912: 8]. Но воспользоваться ситуацией сразу не удалось, поскольку до конца 1912 г. русская торговля была довольно примитивной. В большей мере она носила хошунный характер, когда купцам приходилось торговать по дальним заимкам и улусам. Для успешной торговли необходимы были большие склады в крупных центрах, откуда купцы могли бы закупать товар и продавать по хошунам. В связи с обстоятельствами военного времени встал вопрос о широком использовании монгольского рынка для продовольственных целей. В 1915 г. под руководством известного русского путешественника П. К. Козлова была создана «Монгольская экспедиция» для удовлетворения нужд действующей армии.

Начавшаяся Первая мировая война отнимала все больше ресурсов, вследствие чего Россия не могла обеспечить в полном объеме товарами монгольский рынок. Монголия испытывала товарный голод. В этой ситуации китайские торговцы начинают активно действовать в Монголии, появляются новые фирмы в крупных городах Монголии, увеличиваются объемы торговли [Лузянин 2000: 72].

Таким образом, в 90-е гг. XIX в. произошел значительный рост русско-монгольской торговли, особенно импорта из Монголии. Вместе с тем российские купцы не смогли полностью воспользоваться благоприятной ситуацией в закреплении своего экономического влияния. Необходимо отметить, что, несмотря на серьезные усилия со стороны правительства и частного капитала, русская торговля, основанная на традиционной системе «хошунных купцов», нуждалась в серьезной реорганизации – создании крупных торговых фирм и кредитных учреждений. Кроме того, Первая мировая война и революционные потрясения в России привели к ослаблению политических и экономических позиций России в Монголии.

Источники и литература

- Беннигсен А. Б. Несколько данных о Монголии. С.-Пб., 1912. 102 с.
- Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1911. 498 с.
- Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842–1925). М.: Ин-т востоковедения, 1927. 218 с.
- Единархова Н. Е. Русские в Монголии: Основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Изд-во М-во образования, Иркут. гос. ун-т, 2006. 250 с.
- История Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во Наука, 1983. 601 с.
- Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Изд-во Ин-та Дальнего Востока, 2000. 300 с.
- Министерство иностранных дел: сб. дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 – 2 ноября 1913 гг.). Спб., 1914. 82 с.
- Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. 353 с.
- Чимитдожиев Ш. Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 233 с.
- Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX – нач. XX вв. История социально-экономического развития. Улан-Батор: Гос. издат., 1963. 320 с.

В. М. Рынков
Институт истории СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
vadsvet@list.ru

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ЗАКУПКЕ СКОТА В МОНГОЛИИ 1915–1918 ГГ.

В статье раскрыты причины и обстоятельства возникновения экспедиции по заготовке скота в Монголии, прослежены организационные изменения на каждом этапе ее деятельности, ликвидация под влиянием событий Гражданской войны. Результаты казенных заготовок мяса в районе деятельности экспедиции рассмотрены с нескольких точек зрения: вклада мясозаготовок Монгольской экспедиции в снабжение российской армии, в развитие инфраструктуры агарного рынка восточных регионов России, их воздействие на потребительские рынки Восточной Сибири, влияние на процесс интеграции кочевых скотоводческих хозяйств Степного края, Юга Сибири и Монголии в мировой рынок.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Первая мировая война, экономика.

V. M. Rynkov
Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

LIVESTOCK PROCUREMENT EXPEDITION IN MONGOLIA, 1915–1918

The article reveals the reasons and circumstances of the livestock procurement expedition in Mongolia, traces the organizational changes at each stage of its activity, and its liquidation under the influence of the events of the Civil War. The results of government procurement of meat in the area of the expedition's activity are considered from several points of view: the contribution of the Mongolian expedition's meat procurement to the supply of the Russian army, to the development of the infrastructure of the agar market in the eastern regions of Russia, their impact on the consumer markets of Eastern Siberia, the impact on the integration of nomadic cattle farms in the Steppe Region, Southern Siberia and Mongolia into the world market.

Keywords: Russia, Mongolia, World War I, economy.

Скотоводство издавна являлось основным традиционным занятием населения Монголии. Необъятная степь позволяла производить значительный объем мяса, но реализации этого дремлющего потенциала препятствовала низкая товарность монгольской экономики. Со стороны России ее сдерживали слабая заселенность приграничных территорий, где также производилось избыточное количество мяса и продуктов животноводства, отсутствие условий для переработки значительных объемов мяса в продукты длительного хранения, неразвитость путей сообщения.

В августе 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну. Армия, постоянно пополнявшаяся все новыми призывными возрастами и добровольцами, к 1917 г. достигла 14 млн. чел. Одним из важнейших продуктов армейского довольствия являлось мясо и продукты из него. В первые полгода ожидание быстрого окончания войны и далекая до своего максимума мобилизация резервов позволили снабжать армию мясом за счет скота из фронтовых и прифронтовых районов путем перегонки и перевозки живого поголовья. Впоследствии потребовалось существенно перестроить всю систему снабжения мясными продуктами армии и населения. Планы снабжения на 1916–1917 г. исходили из потребления военными контингентами 60–70 % от годовых мясных запасов мирного времени. Заготовки стали производить в тыловых районах, потенциал которых оказался быстро подорван. Пришлось ограничить потребление мяса гражданским населением, снизить содержание мяса в пайковом довольствии военнослужащих.

Низкая заготовительная цена на рынках Азиатской части России и сопредельных государств привлекла внимание интендантства и Главного управления земледелия и землеустройства. Идея организации государственных закупок мяса в Монголии как для понижения закупочных цен, так и для спасения сильно пострадавшего животноводства центральной России родилась в июне 1915 г. Руководить закупками назначили известного исследователя Центральной Азии, полковника П. К. Козлова, который спешно выехал в Иркутск. С 1 июля 1915 г. он начал прием служащих во

вновь образованную «Экспедицию по закупке скота в Монголии» (Монголэкс). Летом 1915 г. экспедиция приступила к заготовке скота в Монголии. Ее деятельность продолжалась три операционных года, каждый из которых можно рассматривать как самостоятельный этап работы в связи с динамично менявшейся экономической и политической обстановкой, трансформациями организационной структуры экспедиции, кардинальным расширением и постоянной подвижностью ареала ведения операций, а завершающий четвертый этап оказался тесно связан с перипетиями Гражданской войны.

В первый год заготовки развивались в основном в Монголии. Агенты организовали скупку примерно 14 тыс. голов скота, частные контрагенты за пределами Монголии доставили в ее распоряжение еще около 10 тыс. голов. Перегонка поголовья к станциям железной дороги в направлении Бийска, Иркутска и Кяхты потребовала заготовки кормов, найма персонала, организации ветеринарного сопровождения, создания пунктов засолки и термической переработки мяса. В 1916 г., продолжая называться Монгольской, экспедиция развернула заготовки в нескольких районах, число и географические очертания которых менялись в ходе многочисленных реорганизаций. В первой половине 1916 г. наряду с Ургинским и Западно-Монгольским существовали Иркутско-Урянхайский, Хайларский (в Маньчжурии) и Владивостокский районы. Во второй половине 1916 – начале 1917 г. вместо Иркутско-Урянхайского появился Сибирский, Хайларский перестал фигурировать. Наряду с ними открыл свои работы Семипалатинский район. Заготовками в пределах каждого района руководил уполномоченный. Район обычно подразделялся на подрайоны. В местах массовой скупки образовывались конторы. В заготовительный 1916–1917 г. было закуплено 175 тыс. голов во всех районах, из них в Монголии 93 тыс. голов скота. Сокращение заготовок в 1917–1918 г. выразилось в поставке 120 тыс. голов скота, из которых из Монголии доставили 80 тыс. На пике своей заготовительной деятельности (1916–1917 г.) экспедиция поставила около четверти всего мяса, вывезенного по Транссибу [Майский 1921: 133, Оськин 2016: 130; ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 148. Л. 5–6].

В экспедиции практиковались три основные формы заготовок: хозяйственным способом, по договорам подряда и через комиссионеров. В первом случае уполномоченные самостоятельно организовывали закупку мяса непосредственно у производителей или мелких скупщиков, старались минимизировать цены, но принимали на казенный счет перегонку и обеспечение кормами купленного скота. Во втором подрядачики принимали на себя обязательство по доставке скота в удобный пункт приемки. В третьем случае контрагенты занимались свободной закупкой для казны за комиссионное вознаграждение.

Каждый район вел самостоятельные заготовки, перегонку и подкормку скота в пути, убой. Поэтому себестоимость, накладные расходы, номенклатура заготавливаемых товаров существенно отличалась [РГИА Ф. 456. Оп. 1. Д. 17. Л. 3 об]. Например, Ургинский район проводил преимущественно заготовки напрямую у монгольских хозяйств или через частных мясоторговцев. Во Владивостокском районе уполномоченный по закупкам мяса осуществлял заготовки через подрядчиков, а для заполнения вагонов производил закупки на городских рынках по более высоким ценам. Кроме того, удалось начать заготовку дешевой говядины на австралийском и новозеландском рынках. Сибирские уполномоченные работали преимущественно через кооперативные организации. Семипалатинский уполномоченный проводил скупку у скотоводов Степного края, делал это самостоятельно и отчитывался о результатах работы в Министерство земледелия независимо от остальных подразделений экспедиции [РГИА Ф. 456. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–29].

Работа экспедиции, так же как и политика в области мясозаготовок в Степном крае, Южной Сибири, Монголии и Китае, подвергалась критике со стороны общественности, органов самоуправления, кооперативов и частных торговцев [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 148. Л. 48; Оп. 2. Д. 526. Л. 38]. За взаимодействие с экспедицией шла острейшая борьба между частными торговцами и кооператорами, сопровождавшаяся взаимными упреками в прессе. Масштабные заготовки мяса ограничивались недостатком производительных сил для переработки мяса, нехваткой вагонов-ледников, длительностью транспортировки.

Прежде всего критиков не устраивала ценовая политика Министерства земледелия. Утвержденные твердые цены казенной заготовки оказались выше сложившихся рыночных. В результате, как считали в сибирских деловых кругах, правительство за мясо переплачивало, а местные рынки получили мощного конкурента со стороны государства, городское население столкнулось с дефицитом мяса и повышением цен. Кроме того, ориентированная на максимизацию

заготовок мяса экспедиция не организовала полноценную переработку сопутствующих товаров – субпродуктов, сырых кож и пр. Их скупали частные торговцы. Кооператоры требовали передачи кож в распоряжение кооперативов.

Из общих хозяйственных проблем общественность волновали случаи порчи мяса в пути. После того, как скот закупался по максимально низким ценам в отдаленных районах степи, его приходилось гнать на сотни километров, нанимать погонщиков, фуражиров. В результате в местах забоя цена уже существенно возрастала. Однако погрузка мяса в вагоны часто задерживалась, производилась в необорудованные вагоны, которые отправлялись на фронт с нарушением условий и сроков транспортировки. Известны случаи порчи мяса в вагонах еще в Сибири [Оськин 2014: 39]. Сложность и дороговизна доставки сводила к минимуму выгоды покупки в отдаленных районах по низким ценам.

Заготовленное в Западной Сибири без участия Монгольской экспедиции мясо в значительной своей части шло в переработку, преимущественно методом перетопки или засолки. За годы войны в Кургане развернулось мощное консервное производство. Но производственные мощности располагались очень далеко от районов ведения заготовительных операций экспедиции и слабо использовались ею. Кроме того, заготовители скупали преимущественно говядину, столь дефицитную в районах кочевого скотоводства и не самую качественную, тогда как баранина не сильно интересовала казну. Этим подрывалась второстепенная отрасль мясного животноводства и недостаточно стимулировалась основная.

С приходом революции в Сибирь стало лихорадить и организацию Монгольской экспедиции. Весной 1917 г. ее возглавил А. А. Дудукалов, ветеринарный инспектор Забайкальской области и помощник П. К. Козлова с августа 1915 г. Но условия работы экспедиции резко ухудшились. Падение стоимости рубля привело к прекращению приема бумажных денег в Монголии и Манчжурии. Вместо них требовалось серебро, которое выделялось экспедиции в недостаточном для ведения операций количестве. Рыночные цены на мясо обогнали твердые, установленные в январе 1917 г., что вызвало отказ производителей продавать скот и мясо. Заготовки 1917 г. составили 10–15 % от запланированного. В ноябре 1917 г. новый руководитель экспедиции В. Г. Гей договорился с советским правительством о выделении серебра и мануфактуры для продолжения заготовок, в том числе путем товарообменных операций. Деятельность экспедиции удалось продолжить, в правда в сокращенном объеме [Оськин 2018: 135–136].

Падение советской власти в Сибири летом 1918 г. привело к быстрому свертыванию даже этих заготовок. 17 октября 1918 г. Временное Сибирское правительство образовало Особую следственную комиссию по делам Монгольской экспедиции для расследования связей ее руководителей с большевиками (Временное 2007: 572–575). Остатки инфраструктуры экспедиции в начале 1919 г. передали Центросоюзу одновременно с разрешением производить заготовки мяса в Монголии. Но операции производились крайне небольшие и имели локальное значение.

Источники и литература

Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во «Сова», 2007. 818 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1783. Оп. 2. Д. 148.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 456. Оп. 1. Д. 17.

Майский И. Современная Монголия: Отчет Монгольской экспедиции, снаряженного Иркутской конторой Всероссийского союза потребительских товариществ «Центросоюз». Иркутск: Гос. изд-во, 1921. 472 с.

Оськин М. В. «Особая» Экспедиция П. К. Козлова в Монголии в период Первой мировой войны (1915–1917) // *Mongolica*–XII. 2014. С. 36–42.

Оськин М. В. Петр Кузьмич Козлов – организатор и первый руководитель Экспедиции по заготовке скота в Монголии. Июль 1915 – март 1917 г. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2016. № 3. С. 127–131.

Оськин М. В. Монголия – России: организация «Монголэкс» до и после революции 1917 г. // *Россия и АТР*. 2018. № 3(101). С. 128–138.

Синиченко В. В. Статистика импорта мяса «Монгольской экспедицией» в годы Первой мировой войны // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. Иркутск: изд-во БГУ, 2016. С. 188–196.

А. А. Ширапов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
agmaren@mail.ru

ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКО-КИТАЙСКОГО БАНКА В МОНГОЛИИ (1900–1910 ГГ.): СКРОМНЫЕ УСПЕХИ И ОГРОМНЫЕ УБЫТКИ

Данное исследование посвящено истории участия Русско-Китайского банка в формировании кредитно-финансовой системы Монголии в начале XX в. Рассмотрен перечень основных банковских услуг, которые предоставляло своим клиентам учреждение. Выявлены особенности работы механизма кредитно-финансового рынка Монголии и их влияние на развитие монгольских отделений Русско-Китайского банка. Определен основной круг клиентов, пользовавшихся услугами банка. Проведена оценка взаимодействия отделения в Урге с Верхнеудинским и Кяхтинским по взаимному обмену банковской информацией и организации совместного исследования монгольского рынка сбыта российских товаров. Установлены основные причины, не позволившие монгольским отделениям Русско-Китайского банка в полной мере реализовать свой потенциал в деле продвижения российского экономического влияния в Монголии и приведшие к его закрытию.

Ключевые слова: Русско-Китайский банк, Монголия, Урга, кредит.

A. A. Shirapov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

THE HISTORY OF THE RUSSO-CHINESE BANK IN MONGOLIA (1900–1910): MODEST SUCCESSES AND SIGNIFICANT LOSSES

This research study is devoted to the history of the participation of the Russo-Chinese Bank in the formation of the credit and financial system of Mongolia at the beginning of the XX century. A list of the main banking services that the institution provided to its clients is considered. The features of the operation of the mechanism of the credit and financial market of Mongolia and their influence on the development of the Mongolian branches of the Russo-Chinese Bank are revealed. The main circle of clients using the bank's services has been determined. An assessment was made of the interaction of the Urga branch with the Verkhneudinsky and Kyakhtinsky ones for the mutual exchange of banking information and the organization of a joint study of the Mongolian sales market for Russian goods. The main reasons are established that did not allow the Mongolian branches of the Russo-Chinese Bank to fully realize their potential in promoting Russian economic influence in Mongolia and led to its closure.

Keywords: Russo-Chinese Bank, Mongolia, Urga, credit.

В конце XIX – начале XX вв. Российская империя в целях поиска новых источников сырья и рынков сбыта товаров проводила масштабную экспансию в регион Внутренней Азии. Одним из основных инструментов в этом процессе выступал подконтрольный властям империи Русско-Китайский банк. Различные аспекты деятельности данного кредитно-финансового института представляют немалый интерес для исследователей. В том числе – история участия учреждения в деле формирования современной банковской системы Монголии.

Русско-Китайский банк был создан в 1895 г. для «производства торговых операций в странах Восточной Азии» с уставным капиталом в 6 млн. руб. [Устав... 1895: 3–4]. Банк создавался под руководством министра финансов С. Ю. Витте с целью продвижения российского влияния в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [Курас 2018: 27–31]. Уже к 1902 г. Русско-Китайский банк располагал обширной сетью представительств от Парижа до Йокогамы – около 41 отделений и агентств [Отчет... 1902: Доклад: 1].

Монгольские подразделения Русско-Китайского банка, предположительно, начали свою работу с 1900 г. [Коростовец 2009: 102]. Помимо Ургинского офиса на территории Монголии действовали два агентства банка в Улясутае и Калгане [Отчет... 1902: 31].

Организация русского банка в Монголии была крайне необходима ввиду стремительного увеличения объемов ее торговли с Россией в начале XX в. Это видно на примере роста экспорта монгольского сырья с 558 тыс. руб. в 1903 г. до более 3 млн. руб. в 1909 г. [Московская... 1912: 13].

Расчетные операции между российскими и монгольскими торговцами производились только наличными деньгами, что создавало определенные трудности. При этом каких-либо учреждений, специализирующихся на оказании кредитно-финансовых услуг на территории Монголии, не имелось. Открытие филиала Русско-Китайского банка должно было решить эту проблему путем внедрения вексельного обращения и предоставления услуг кредитования.

В организационной структуре Русско-Китайского банка монгольские филиалы входили в состав Иркутской группы совместно с Верхнеудинским, Красноярским, Кяхтинским и Иркутским отделениями [Плеханова 2019: 208]. Наиболее тесное сотрудничество монгольские филиалы поддерживали с Кяхтинским и Верхнеудинским отделениями. Кяхтинский офис играл важную роль в координации работы на монгольском направлении, будучи связующим звеном в иркутской группе отделений с филиалами банка. С Верхнеудинским отделением монгольские филиалы вели активный обмен банковской информацией о приеме и отправлении переводов, учете и проверке векселей клиентов [ГАРБ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 222. Л. 11, 20, 40, 53, 56, 78]. Кроме того, Верхнеудинский и Кяхтинский офисы содействовали снабжению монгольских отделений различными материалами и продуктами [Там же: Л. 35–36, 41, 48]. Не менее заслуживающим внимания фактом во взаимодействии отделений Русско-Китайского банка стала их совместная деятельность, связанная с продвижением на монгольский рынок российских товаров. Так, в 1908 г., Верхнеудинское отделение совместно с Ургинским проводило исследование рынка сбыта спичек и парчи в Монголии [Там же: Л. 6, 13].

В ходе осуществления своей деятельности монгольские филиалы оказывали своим клиентам следующие банковские услуги: выдача ссуд под процентные бумаги и под долговые обязательства, учет векселей, открытие и ведение текущих счетов, прием вкладов, отправление и прием денежных переводов (Отчет...1903: 64–65). Банк осуществлял торговые операции с серебром, занимался покупкой шлихового золота, иностранной валюты, чая и мехов [РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 447. Л. 1–2].

В числе клиентов монгольских отделений числились русские и китайские купцы, монгольские чиновники, представители крупных торговых домов и промышленных компаний [РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 447. Л. 3]. Основным направлением деятельности монгольских офисов Русско-Китайского банка были операции по кредитованию монгольских клиентов [Там же: Д. 283. Л. 32]. Так, на 19 сентября 1908 г. долговые обязательства местного населения перед банком составляли 564 757 руб. Для сравнения, китайские клиенты были должны отделению 87 445 руб., русские – 8183 руб. [Там же: Л. 66–71]. Приведенные данные наглядно демонстрируют, что кредитование монгольских клиентов являлось приоритетным направлением в финансовой политике Ургинского отделения Русско-Китайского банка. Данное обстоятельство объясняется особенностями кредитных отношений, существовавшими в Монголии в тот период. В отличие от других стран, где действовал принцип индивидуальной ответственности заемщика перед банком, на территории Монголии существовала коллективная форма погашения долга – хошунный кредит. Вся территория Монголии состояла из аймаков (уделов), в свою очередь подразделявшихся на хошуны (районы) [Свечников 1912: 33–34]. Все долговые обязательства визировались особой хошунной печатью, и это означало, что ответственность по оплате кредита распространялось на все население хошуна [РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 282. Л. 8].

Однако, просуществовав на финансовом рынке Монголии чуть более 10 лет, Русско-Китайский банк в начале 1910 г. окончательно свернул свою деятельность в стране. Общий убыток учреждения при этом составил более полумиллиона золотых рублей [РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 284. Л. 41]. Что же стало этому причиной?

На наш взгляд, главной причиной краха Русско-Китайского банка в Монголии стала неприспособленность учреждения к условиям местного финансово-кредитного рынка. Высокая процентная ставка по кредиту (12 %) отпугивала русских предпринимателей [Боголепов 1911: 235], а требование Правления учреждения вести с монгольскими клиентами банка расчетные операции серебром, а не сырьем, привело к постепенно нарастающему количеству просроченных ссуд [Там же: 227–229]. Кроме того, сотрудники отделений зачастую не владели монгольской письменностью, при том, что основные финансовые документы составлялись на монгольском языке. Данное обстоятельство послужило основанием для разного рода мошеннических действий, которые привели к образованию столь огромных убытков банка [Там же: 229–230].

Подводя итог, необходимо отметить, что деятельность Русско-Китайского банка в Монголии сыграла важную роль в процессе формирования банковской системы страны. Благодаря работе учреждения жители региона получили возможность наглядно ознакомиться и пользоваться современными банковскими продуктами. Данный опыт в дальнейшем лег в основу формирующейся национальной кредитно-

финансовой системы Монголии. К сожалению, монгольские отделения Русско-Китайского банка так и не смогли полностью раскрыть свой немалый экономический потенциал ввиду серьезных финансовых проблем, вызванных неподготовленностью учреждения к особенностям работы монгольского кредитного рынка.

Источники и литература

Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли: Экспедиция в Монголию 1910 года. Томск: Типолит. Сибир. т-ва печ. дела, 1911. 498 с.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 222.

Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. / сост. О. Батсайхан. Улан-Батор. 2009. 440 с.

Курас Л. В., Кальмина Л. В., Михалев А. В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX – XX вв. // Иркутск: Оттиск, 2018. 111 с.

Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: тип. П. П. Рябушинского, 1912. 353 с.

Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1901 г. СПб. 1902. 53 с.

Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1902 г. СПб. 1903. 96 с.

Плеханова А. М., Ширапов А. А. Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка: направления, специфика и результаты деятельности в условиях трансграничья // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 206–211.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 632. Оп. 1. Д. 282, 284, 447.

Свечников А. П. Русские в Монголии. Наблюдения и выводы (С приложением статей С. Ф. Степанова). СПб.: типо-лит «Энергия», 1912. 150 с.

Устав Русско-Китайского банка, утв. 10 дек. 1895 г. СПб.: тип. А. Бенке, 1895. 39 с.

А. Д. Гомбожапов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
agombozh@gmail.com

КОЧЕВОЕ СКОТОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ¹

В статье рассмотрены вопросы развития кочевого скотоводческого хозяйства в Бурятии и приграничных регионах Монголии. Автор проводит исторические параллели между скотоводческим хозяйством дореволюционной Бурятии и современным развитием кочевого скотоводства в Монголии. Имеющиеся параллели позволяют говорить об общих закономерностях в развитии кочевого хозяйства, в частности, о росте его товарности и процессах перехода кочевников к оседлости. Вместе с тем автор подчеркивает, что кочевое хозяйство Монголии не исчерпало свой потенциал.

Ключевые слова: кочевое скотоводство, Бурятия, Монголия, кочевое хозяйство, оседлость.

A. D. Gombozhapov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

NOMADIC LIVESTOCK FARMS IN THE CROSS-BORDER REGION: HISTORICAL PARALLELS

The article deals with the development of cattle breeding in Buryatia and the border regions of Mongolia. The author draws historical parallels between the pastoralism of pre-revolutionary Buryatia and the modern development of nomadic pastoralism in Mongolia. The existing parallels allow us to speak about general patterns in the development of the nomadic economy, in particular, about the growth of its marketability and the processes of the transition of nomads to settled life. At the same time the author emphasizes that the nomadic economy of Mongolia has not exhausted its potential.

Keywords: nomadic cattle breeding, Buryatia, Mongolia, nomadic economy, settled life.

Бурятия с Монголией связана общими хозяйственными, тесными этнокультурными и историческими узами. Как северная периферия монгольского мира население этнической Бурятии принадлежало к одной центральноазиатской историко-культурной области, в которой кочевой образ жизни был преобладающим укладом. С установлением чередой договоров (трактатов) XVII–XVIII вв. границы между Российской и Цинской империями исторические судьбы бурятского населения тесно сплелись с российским государством. Однако проведение границы не значило только раздел, установление запретов и барьеров. Граница для местного населения стала зоной взаимодействия и формирования контактного трансграничного пространства, в которой происходил активный процесс взаимовлияния.

Красноречивым указанием на это могут служить поселения бурят в Хэнтэйском и Дорнодском аймаках Монголии. Произшедшие революционные события и решительные меры новой власти заставили часть бурятского населения эмигрировать в Монголию и поселиться в вышеназванных районах. В рамках совместной экспедиции автора статьи и Д. В. Дашибаловой (с российской стороны) с монгольскими коллегами, известными учеными Г. Цэрэнханд и Ц. Энхчимэг (грант РГНФ «Оседлые традиции бурят Монголии») был собран комплексный материал, характеризующий генезис этнокультурноопределяющих компонентов монголов (халха) и бурят. Истоки оседлых традиций бурят Монголии можно проследить как в материальной культуре, так и в фольклорных традициях, оригинальной терминологии. В рамках установления земледельческих традиций бурят Монголии были выделены такие маркеры этнических границ, как традиционная культура питания, хозяйственная деятельность и сельскохозяйственный инвентарь, символическое содержание освоения пространства и времени, понятия и дефиниции земледельческой культуры. В общей структуре хозяйства бурят прослеживается проникновение оседло-земледельческих

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000241-1 «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

элементов, связанных с выращиванием зерновых культур, использованием ремесленных традиций изготовления деревянных построек (зимники и летники, сараи и т.д.), посуды и другой различной утвари. На основании сопоставительных исследований в монгольской и бурятской культурах выделены компоненты, связанные с проживанием бурят в дореволюционной России. Так, можно сказать, что под воздействием русской земледельческой культуры получают более широкое распространение сенокосение, на основе опыта восприятия земледелия у русских развивается хлебопашество, деревянное строительство. Свидетельством тому является наличие в языке русских слов, обозначающих зерновые и другие растения и т.д., использование христианского календаря и примет. Буряты привезли с собой заимствованную у русских земледельческую культуру и технику обработки земель. Это знание значительно облегчило бурятам продолжение занятия земледелием на новом месте в Монголии. В ходе бесед с респондентами удалось установить факты, раскрывающие процесс производства муки. Так, по воспоминаниям жителей сомона Дашбалбар снопы колосьев хранились до зимы, после чего на льду реки сбивали с них зерна. Размол зерна происходил с помощью каменных ручных мельниц (*тээрэм*). По воспоминаниям некоторых информаторов, муку также получали в обмен на скотоводческую продукцию в приграничных торговых пунктах, в частности в с. Соловьевск (Забайкальский край).

Миграция различных этнических групп бурят в Монголию не привела к глубокой трансформации их хозяйственно-культурного комплекса. Заселенные территории сходны по своим природно-географическим условиям, поэтому не требовали коренных изменений в методах хозяйствования. Бурятами Монголии сохранены традиции земледелия, деревянного строительства, огородничества. Широкая востребованность в земледельческой и ремесленной продукции привела не только к сохранению бурятами оседлых традиций, но и приспособлению их к полукочевому образу жизни. Социокультурная динамика продемонстрировала положительный опыт взаимодействия традиций и инноваций в культуре бурят Монголии.

Другой пример взаимодействия встретился нам в ходе опросов кочевых домохозяйств в сомоне Худэр Селенгинского аймака. Известно, что в 1976–1980 гг. в Бурятской АССР развитие скотоводства испытывало сложности в связи с продолжительным периодом засухи. По воспоминаниям респондентов, для заготовки сена в 1970-е гг. часто приезжали из приграничных бурятских сел, которое затем переправлялось через границу [ПМА 2015]. Однако нельзя обойти вниманием и негативный опыт приграничного взаимодействия. Так, известность получили случаи скотокрадства в смежных районах Тувы и Западной Монголии [Крадин 2007].

Современные реалии развития кочевого скотоводческого хозяйства Монголии находят исторические аналогии в бурятском хозяйстве XIX – нач. XX вв. Наиболее ярко это прослеживается в процессах оседания кочевников, движущей силой которых являются экономические факторы [Хазанов 2008].

Трансформация кочевого образа жизни бурят указанного периода была связана с проникновением капиталистических отношений, втягиванием бурятского хозяйства в товарно-денежные отношения, происходившей экономической специализацией районов [Асалханов 1963]. Конъюнктура рынка, как и в современных условиях Монголии, сыграла роль одного из движущих факторов оседания бурят наряду с чересполосицей и другими причинами.

Долгосрочный процесс седентаризации номадов в сегодняшней Монголии связан с реалиями экономической системы. Низкая закупочная цена на продукцию животноводства, неразвитость инфраструктуры сбыта и финансовых инструментов, высокие цены на промышленные товары, наличие посреднического звена между производителями и потребителями не позволяют большинству кочевников отойти от ведения полунатурального хозяйства в сторону товарного производства. Многие из них вынуждены дополнять свои доходы сезонными работами, земледелием либо мигрировать в города.

В качестве примера для исторических параллелей можно привести Селенгинский аймак Монголии, где, как нам кажется, наиболее ярко нашли отражение процессы оседания кочевников. В пользу выбранного объекта сравнения говорит и тот факт, что особенности пространственной организации кочевых хозяйств и маршрутов в Селенгинском аймаке, обусловленные задачами расширения зоны растениеводства и возникающей в связи с этим чересполосицей, были характерны и для бурятских хозяйств XIX – начала XX вв.

Подробное рассмотрение состояния кочевых хозяйств приводит нас к выводу, что в условиях современной экономики кочевое хозяйство монголов, именно в традиционной его форме, не может

обеспечить растущие потребности кочевого населения. В зависимости от этого изменяются стратегии поведения кочевых домохозяйств. Новые экономические ориентиры определяют пороги рентабельности и товарности хозяйства животноводов, вытесняя мелкие хозяйства номадов. Разнообразятся формы кочевничества, стимулируется переход к интенсивному животноводству [Крадин 2017]. В этой связи обозначаются набирающие устойчивую динамику процессы оседания кочевого населения.

Вместе с тем хочется подчеркнуть, что несмотря на исторические аналогии и закономерности, заметные в современном развитии кочевого скотоводческого хозяйства Монголии, оно демонстрирует собственный оригинальный опыт трансформации. В условиях сегодняшних реалий рыночной экономики и конкуренции со стороны фермерских хозяйств традиционное животноводство монгольских кочевников убедительно показывает, что еще не исчерпало свой потенциал. Свидетельством жизнеспособности и эффективности служит неуклонный рост поголовья скота в стране. Животноводческая отрасль остается важной составляющей национальной экономики, при этом оставаясь в своей кочевой пастбищной форме.

Источники и литература

ПМА 2015 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Селенгинском аймаке Монголии, июнь-июль 2015 г.

Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 494 с.

Крадин Н. Н. Баранта и скотоводство в современной Туве // Мир кочевых цивилизаций: история и современность: материалы междунар. науч. конф., Чита – Агинское, 2007. С. 209–212.

Крадин Н. Н. Мир кочевников и скотоводов в начале миллениума: стратегии выживания в постсоциалистическом мире // XII Конгресс антропологов и этнологов России: Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы. М., Ижевск: ИАЭ РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 24–27.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с.

В. Г. Кокоулин
Научно-исторический журнал «Сибирский Архив»
Новосибирск, Российская Федерация
kwladislaw@yandex.ru

БИТВА НА ХАЛХИН-ГОЛ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Статья посвящена трансформации в исторической памяти советской и постсоветской России сражения у озера Хасан и битвы у реки Халхин-Гол. В качестве источников для анализа политики исторической памяти были взяты учебники истории разных периодов российской истории, документальные и художественные фильмы, посвященные этим событиям и тексты официальных выступлений президентов РФ Д. А. Медведева и В. В. Путина. Автор приходит к выводу, что освещение ключевых событий для российско-монгольских отношений в предвоенные годы отражает не столько содержание исторических событий, сколько внутри- и внешнеполитическую ситуацию в РФ.

Ключевые слова: Халхин-Гол, Г. К. Жуков, историческая память, учебник истории, постсоветская Россия.

V. G. Kokoulin
Scientific and historical journal "Siberian Archive"
Novosibirsk, Russian Federation

THE BATTLE OF KHALKHIN-GOL IN HISTORICAL MEMORY OF SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA

The article is devoted to the transformation of the battle of Lake Khasan and the battle of the Khalkhin-Gol River in the historical memory of Soviet and post-Soviet Russia. The sources for the analysis of the policy of historical memory were history textbooks from different periods of Russian history, documentaries and feature films dedicated to these events, and the texts of official speeches of Russian presidents Dmitry Medvedev and Vladimir Putin. The author concludes that the coverage of key events for Russian-Mongolian relations in the prewar years reflects not so much the content of historical events as the domestic and foreign policy situation in the Russian Federation.

Keywords: Khalkhin-Gol, G.K. Zhukov, historical memory, history textbook, post-Soviet Russia.

Битвы на озере Хасан и Халхин-Голе в советское время занимали центральное место в политике исторической памяти о предвоенной международной политике СССР. Это было связано с рядом факторов: хорошие отношения с Монгольской Народной Республикой, сложные отношения с Японией, в отличие от Советско-финской войны это было победоносное сражение и т.п.

В учебнике истории под редакцией А. М. Панкратовой, изданном в 1952 г. [История СССР 1952], эти события излагаются в параграфе «Вторая пятилетка социализма», в которой все страны четко разделены на две группы: «поджигатели войны» и «жертвы». «Поджигателей войны» поддерживают «империалисты Англии, Франции и США», и лишь Советский Союз «неуклонно отстаивает дело мира». В дальнейшем в советских учебниках эти сюжеты перемещаются в раздел, посвященный предвоенной внешней политике СССР [История СССР 1981: 14]. В учебнике рассказывается о больших потерях японских агрессоров, но полностью умалчивается о потерях Красной Армии. Что характерно, в обоих учебниках умалчивается о том, кто командовал войсками РККА в обоих конфликтах. В 1971 г. на киноэкраны вышел советско-монгольский художественный фильм «Слушайте, на той стороне», в котором присутствуют те же стереотипы, что и в учебниках истории.

В годы перестройки началось возвращение в историческую память стираемых в прежние годы имен репрессированных в сталинские годы полководцев и политических деятелей. Что касается боев у Хасана и на Халхин-Голе, то в учебнике истории 1989 г. [История СССР 1989] названы и В. К. Блюхер, и Г. К. Жуков, хотя весь текст об этих событиях излагается в небольшом абзаце в

пункте «Втягивание в войну» параграфа «СССР в предвоенные годы» [История СССР 1989: 343, 344].

Несколько странная на первый взгляд трансформация этого сюжета и его места в освещении предвоенной политики СССР происходит в учебнике, который вышел в 1992 г., но написан был в основном с перестроечных позиций [История Отечества 1992]. Поражение Японии в боях на Халхин-Голе связывается не только с успешными действиями советских и монгольских частей, но и с тем, что Япония «была шокирована заключением советско-германского пакта о ненападении», поскольку она рассчитывала на военные действия на Западе [История Отечества 1992: 9].

В начале 1990-х гг. в отечественной историографии становится популярной теория тоталитаризма. Однако в то время как в научных дискуссиях преобладало умение видеть не только сходства тоталитарных режимов, но и их очевидные различия, в публицистике и в работах ряда историков различия минимизировались, а сходства, напротив, абсолютизировались. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в учебнике двух профессоров из НГУ, которые распространили концепцию тоталитаризма на весь 70-летний период Советской власти, отождествив нацизм и коммунизм. Изложение событий на озере Хасан и реке Халхин-Гол они поместили в параграф с характерным названием «В союзе с Гитлером». Само изложение этих событий в этом учебнике занимает всего несколько строк, из которых вообще непонятно, что конкретно произошло, и кто победил [История России 1996].

В других учебниках истории 1990-х гг. происходит возврат к той схеме изложения событий, которая была заложена в учебнике под редакцией А. М. Панкратовой в 1952 г. При этом события на озере Хасан и реке Халхин-Гол описываются не как свидетельство агрессивных намерений Японии, а как «вооруженные столкновения между частями Красной Армии и японской Квантунской армии» [История России 1998: 289]. Обратим внимание на характерную деталь: у авторов учебника есть две сражающиеся стороны и обе – «противники». Переписывание советской истории в 1990-е гг. велось с откровенно антисоветских позиций, и даже очевидные победы Красной Армии сопровождалась рассуждениями о громадных потерях и «большой крови». Характерно, что этот прием будет использоваться в политике исторической памяти и в 2000-е гг.

В 2000-е гг. наметились новые тенденции в официальной политике исторической памяти. Стал востребован концепт «патриотизма», а также указания на «руководящую роль церкви» в «духовном воспитании советских людей». Эти тенденции наряду с антисоветской направленностью встречаются в учебниках истории 2000-х гг. в самых причудливых сочетаниях. Так, в учебнике профессоров МГУ, вышедшем в 2003 г. [Барсенков 2003], Япония вновь объявляется агрессором, за которой стояла, по мнению авторов учебника, Англия. А далее авторское изложение построено таким образом, что не ясно, что конкретно происходило и чем закончилось [Барсенков 2003: 14]. В другом учебнике этого времени [Орлов 2005] авторы пишут не только об агрессии Японии, но и победах Красной Армии, которая «отбросила противника и восстановила государственную границу» [Орлов 2005: 501, 502]. Аналогичным образом события излагаются и комментируются в школьном учебнике истории, выпущенном в 2006 г. [Данилов 2006: 201, 203]. Эта линия в освещении событий на озере Хасан и реке Халхин-Гол закрепились в последующих учебниках истории.

В документальных и художественных кинофильмах также происходит переформатирование исторической памяти о боях на Халхин-Голе. Так, документальный фильм «Тайна Халхин-Гола» сопровождается следующим подзаголовком: «Сказки маршала Жукова. Правда о том, как воевала Красная Армия» и далее следует сопровождающийся видеорядом пересказ книги В. Суворова «Тень Победы» о том, что Жуков воевал «кровью», заваливая врага «трупями», а количество вынесенных Жуковым смертных приговоров «в определенные годы превосходит Сталина». В 2019 г. к 80-летию событий была показана кинокартина «Подвиг на Халхин-Голе» (видеоряд, комментарии историков и военных, в том числе министра обороны РФ С. К. Шойгу), в которой возвращаются многие советские оценки этого события, в том числе и о значении победы на Халхин-Голе для СССР. Правда, появляются и новые «детали», а в реальности – постсоветские штампы о «кровавых гэбистах». В данном фильме гэбисты проверяют и контролируют Жукова.

Официальная политика памяти о событиях на Халхин-Голе содержится в выступлениях президентов РФ Д. А. Медведева и В. В. Путина. Они утверждают, что победа на Халхин-Голе «изменила расклад в международной политике, повлияла на решение Японии не вступать в войну против Советского Союза на стороне фашистской Германии» [https://actualcomment.ru/70_let_khalkhin_golu.html; <https://regnum.ru/news/polit/2706218.html>].

Официальная политика исторической памяти вновь возвращается к советским оценкам событий [Путин 2020: 14], и противопоставляется позиции Европарламента, который предложил объявить «Днем памяти жертв сталинизма и нацизма» 23 августа (в этот день в 1939 г. был подписан пакт Молотова-Риббентропа) [Коммерсантъ 2009: 5].

Таким образом, политика исторической памяти о событиях на озере Хасан и Халхин-Голе в постсоветской России носит «размытый» характер, она постоянно форматируется под текущие политические и идеологические потребности, и даже возвращение к риторике советского времени вовсе не означает возврата к советской трактовке событий.

Источники и литература

Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002: учеб. пособие. М.: Аспект-пресс, 2003. 540 с.

Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. Ю. История России, XX – начало XXI в.: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2006. 381 с.

История Отечества: Учеб. для 11 кл. сред. шк. / В. П. Островский, В. И. Старцев, Б. А. Старков, Г. М. Смирнов. М.: Просвещение, 1992. 287 с.

История России с 1917 года до наших дней: учеб. книга / В. А. Исупов, И. С. Кузнецов. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. 185 с.

История России. XX век / А. Н. Боханов, М. М. Горинов, В. П. Дмитренко и др. М., 1998. 608 с.

История СССР: учебник для 10 класса средней школы / под ред. А. М. Панкратовой. М., 1952. 424 с.

История СССР (1938–1978 гг.): учебник для 10 класса / под ред. М. П. Кима. М.: Просвещение, 1981. 255 с.

История СССР: учебник для 10 класса средней школы / под ред. Ю. И. Кораблева. М.: Просвещение, 1989. 351 с.

Коммерсантъ. 2009. 27 авг. № 157. С. 5.

Орлов А. С., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России: учеб. пособие. М.: Простор, 2005. 638 с.

Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html> (дата обращения: 28.06.2021).

Ц. С. Очиров
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
 tsyden.ochirov@mail.ru

МЕРЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ ПОСЛЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА ОСТРОВЕ ДАМАНСКИЙ В 1969 Г.¹

Статья посвящена влиянию фактора советско-китайских отношений на изменение внутренней политики Китая во Внутренней Монголии в 1969 г. Столкновение между советскими и китайскими военными на острове Даманский в марте 1969 г. стало одной из главных причин к принятию со стороны руководства КНР решительных мер в отношении автономного района Внутренняя Монголия (далее АРВМ). В результате лидерами Китая был выбран политический курс «подготовка к войне», который в наибольшей степени затронул пограничные к СССР и МНР районы. Впоследствии данный курс вылился в милитаризацию политической, экономической и общественной жизни Внутренней Монголии. В последующем центральное правительство КНР в связи с обострением отношений с СССР и в целях укрепления северных границ страны приняло меры по большим территориальным изменениям в АРВМ.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, Внутренняя Монголия, пограничный вопрос.

Ts. S. Ochirov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

MEASURES BY THE CENTRAL GOVERNMENT OF CHINA AGAINST INNER MONGOLIA AFTER THE ARMED CONFLICT ON DAMANSKY ISLAND IN 1969

The article is devoted to the influence of the factor of Soviet-Chinese relations on the change in China's domestic policy in Inner Mongolia in 1969. The clash between the Soviet and Chinese military on Damansky Island in March 1969 was one of the main reasons for the adoption by the PRC leadership of decisive measures against the Inner Mongolia autonomous region. As a result, the leaders of China chose the political course "preparation for war", which to the greatest extent affected the areas bordering the USSR and the Mongolian People's Republic. Subsequently, this course resulted in the militarization of the political, economic and social life of Inner Mongolia. Subsequently, the central government of the PRC, in connection with the aggravation of relations with the USSR and in order to strengthen the northern borders of the country, took measures for major territorial changes in the Inner Mongolia autonomous region.

Keywords: Soviet-Chinese relations, Inner Mongolia, border issue.

В 1969 г. руководство КНР предприняло вооруженные действия. На практике это проявилось в тот момент, когда советские пограничники шли для переговоров с представителями китайской стороны. Солдаты китайской армии замаскировались, подпустили советских бойцов на несколько десятков метров, затем открыли огонь со скрытых позиций. Это случилось 2 марта 1969 г. на острове Даманский. В марте 1969 г. произошло еще несколько инцидентов. С обеих сторон были убитые и раненые. Данный инцидент стал одним из важных вопросов, обсуждаемых на IX съезде КПК (апрель 1969 г.). [Галенович 1988: 212]. В связи с этим было принято решение ввести режим полной боеготовности всей страны, особенно председатель Мао подчеркивал важность восстановления промышленности, политической стабильности и административно-управленческой структуры на территориях, граничащих с СССР [Heilongjiang sheng zhi (liushi liu juan) 1994: 180].

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-39-90003 «Этнические меньшинства Хулун-Буира в годы культурной революции: политический нарратив и устные истории». Номер госрегистрации (РосРИД): АААА-А20-120052290030-0.

Общий курс на подготовку к войне вылился в милитаризацию политической, экономической и общественной жизни КНР. В наибольшей степени милитаризация коснулась «пограничных районов» [Автономный район... 1980: 124]. Боясь того, что из-за мер, проводимых в столице Внутренней Монголии, местное население может встать на сторону СССР, Дэн Хайцин прекратил оккупацию Хух-Хото и направил войсковые части к границам МНР [Мажинский 2015: 143].

К тому же очень активно работала пропагандистская машина ЦК КПК в поддержании атмосферы потенциальной войны с СССР. В «Жэньминь жибао» появлялись патриотические статьи, восхваляющие мужество, героизм жителей приграничных районов в борьбе с советскими захватчиками, ревизионистами и их преданность революционным идеям председателя Мао: «Дозорные степи» [Renmin jibao, di 2 ban, 1969.07.30], «Председатель Мао, воинские части острова Даманский всегда преданы вам» [Renmin jibao, di 2 ban, 1969.04.03].

В последующем центральное правительство в связи с обострением отношений с СССР и в целях укрепления северных границ страны приняло три меры против Внутренней Монголии:

1. В июле 1969 г. на основе положений директивы ЦК КПК «Чжунфа № 36» (кит. «中央 中发 [69] № 36» – «Zhongyang zhonggong [69] № 36») в АРВМ произошли большие территориальные изменения [Zhongguo... 1989: 476]. Граница с востока на запад Внутренней Монголии слишком длинная. С этой целью два конца были отрезаны, и восточная часть была отведена трем провинциям – Ляонинь, Цзилинь и Хэйлуцзянь, а западная часть – Ганьсу и Нинся. Аймак Хулун-Буир (без хошуна правого крыла хорчинов и уезда Тучуань) переходил под управление провинции Хэйлуцзянь; Джирим, уезд хошуна правого крыла хорчинов и уезд Тучуань перешли провинции Цзилинь; аймак Чжаовуда отходил провинции Ляонин; территории хошунов Алашань-Цзоци и частично Алашань-Юци аймака Баян-Нур, а также коммуны хошунов Вулицзи, Тамусу, Алатэн Аобао, Суньбуир вошли в состав Нинся-Хуэйского автономного района. Остальные территории хошуна Алашань-Юци и хошун Эдзин-Ци вошли в состав провинции Ганьсу. В связи с этими административными изменениями Внутренняя Монголия потеряла более половины своей территории [Мажинский 2015: 143]. В августе этого же года автономные хошуны Хулун-Буира Ороchon и Морин-Дава были переданы уезду Большой Хинган провинции Хэйлуцзянь. В итоге в составе Хулун-Буирского аймака остались 10 хошунов и 2 города [Zhongguo... 1989: 141]. Данные территориальные изменения были связаны с военно-стратегическими целями: значительно сократилась граница автономного района с МНР; он перестал граничить с СССР [Автономный район... 1980: 124];

2. Осуществлен всеобъемлющий военный контроль над Внутренней Монголией;

3. Кадры партийных, правительственных и военных ведомств Внутренней Монголии были перемещены в различные места провинции Хэбэй для проведения «уроков по изучению идей Мао Цзэдуна» [Bayintai].

Милитаризация охватила все стороны жизни населения АРВМ. Были военизированы предприятия, школы, коммуны, бригады. Во всех партийных, государственных и общественных учреждениях были установлены постоянные милицейские посты. Особое внимание уделялось созданию так называемого народного ополчения, на которое была возложена в качестве главной задачи «оборона северных границ» [Автономный район... 1980: 125]. По всей провинции Хэйлуцзянь был объявлен особый режим полной боеготовности всех воинских частей и дополнительной мобилизации пограничных войск для безопасности северных рубежей КНР. После передачи Хулун-Буира Хэйлуцзяню в аймаке были сформированы дополнительные пограничные войска [Zhongguo ... 1989: 476]. 2 октября 1969 г. началась эвакуация жителей приграничных к СССР районов Хулун-Буирского аймака (Маньчжурия, Западная и Восточная Эргуна) в восточные районы аймака [Hulunbeier meng zhi (xia juan)].

Источники и литература

- Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под общ. ред. Б. Ширендыба, М. И. Сладковского. М.: Наука, 1980. 157 с.
- Галенович Ю. М. Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.). М.: Академия наук СССР, 1988. 303 с.
- Мажинский С. В. Центральное правительство Китая и автономный район Внутренняя Монголия в 1966–1969 гг.: от диалога к политической борьбе // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 139–144.

Bayintai. “Neirendang” mian’an qianhou. [Баиньтай. До и после сфабрикованного дела о НРПВМ] [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://mj1sh.usc.cuhk.edu.hk/Book.aspx?cid=4&tid=4510> (дата обращения: 08.10.2020).

Саоуан шаобинг // Renmin ribao, di 2 ban, 1969.07.30 [Дозорные степи] // Жэньминь жибао, 2-й тираж, 30 июля 1969 г.

Heilongjiang sheng zhi (liushi liu juan). Junshi zhi. Qi Shushen zhubian. Haerbin: Heilongjiang minzu chubanshe, 1994. 460 ye. [Провинциальные записи Хэйлунцзяна (Т. LXVI). Обзор военного дела / под ред. Ци Шушэнь. Харбин: Народное изд-во Хэйлунцзяна, 1994. 460 с.].

Hulunbeier meng zhi (xia juan). [Обзор Хулун-Буирского аймака (Т. III)]. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717112548260&BookId=20150727125158206> (дата обращения: 08.12.2020).

Мао зхуи а, zhenbaodao diqu junmin yongyuan zhongyu nin // Renmin ribao, di 2 ban, 1969.04.03 [Председатель Мао, воинские части острова Даманский всегда преданы вам // Жэньминь жибао, 2-й тираж, 3 апреля 1969 г.].

Zhongguo gongchandang neimenggu zizhi qu xin baerhu zuo qi zuzhi shi ziliao. Jin Zhuang zhubian. Hailaer: Neimenggu renmin chubanshe. 1991. 131 ye. [Материалы по организации КПК Хулун-Буирского аймака Внутренней Монголии / год ред. Цзин Чжуан. Хайлар: Народное изд-во Внутренней Монголии. 1991. 131 с.].

Г. М. Шапошников
*Хакасский научно-исследовательский институт
 языка, литературы и истории
 Абакан, Российская Федерация
 khaltar1947@mail.ru*

МОНГОЛИЯ И ХАКАСИЯ: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается история взаимодействия Монголии и Хакасии, начиная с конца 1950-х гг. XX в. Первая официальная делегация из Монголии прибыла в Хакасию в 1964 г., официальная делегация Хакасии была в Монголии в начале 1970 гг. В середине 1970-х гг. в Хакасии организован филиал отделения советско-монгольской дружбы. В 1975 г. при Хакасской областной национальной школе был организован клуб иностранной дружбы «Халхин-Гол». В Хакасию приезжали отдыхать школьники из Монголии, также в Монголию ездили школьники из Хакасии.

Ключевые слова: Халхин-Гол, целина, филиал отделения советско-монгольской дружбы.

G. M. Shaposhnikov
*Khakas Research Institute of Language, Literature and History
 Abakan, Russian Federation*

MONGOLIA AND KHAKASSIA: THE HISTORY OF RELATIONSHIPS

The article discusses the history of the interaction of Mongolia and Khakassia, since the late 1950s of the 20th century. The first official delegation from Mongolia arrived to Khakassia in 1964. The official delegation from Khakassia to Mongolia was in early 1970s. In the mid-1970s, a branch of Soviet-Mongol friendship branch was organized in Khakassia. In 1975, a foreign friendship club “Khalkhin-Gol” was organized at the Khakassian Regional National School. Schoolchildren from Mongolia came to Khakassia, and schoolchildren were traveled to Mongolia from Khakassia.

Keywords: Khalkhin-Gol, newground, branch of Soviet-Mongol friendship society.

Монголия Народная Республика создана в 1924 г. Хакасия как территориальная единица в виде уезда появилась также в 1924 г. После преобразования уезда в округ, а затем в автономную область между Монголией и Хакасией не было прямых взаимоотношений, не считая участия жителей Хакасии в боях у реки Халхин-Гол. Они начались в 1950-е гг. XX в. В 1959 г. в Монголию в числе механизаторов Красноярского края были командированы 6 механизаторов из Хакасии для участия в подъеме целины, в том числе Георгий Ковалев и Модест Белоусов [Ковалева 2017: 195]. Через полгода всем участникам подъема целины разрешили привезти семьи. Вернулись они в Хакасию в 1962 г. По результатам работы в Монголии муж Тамары Ковалевой Георгий и Модест Белоусов были награждены монгольским орденом «Полярная звезда», а их жены – почетными грамотами за участие в общественной жизни.

Новый импульс к развитию взаимоотношений между Хакасией и Монголией возник после того как в сентябре 1973 г. была организован Хакасский филиал общества советско-монгольской дружбы, председателем правления был избран директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидат исторических наук В. А. Асочаков. В состав Хакасского филиала общества советско-монгольской дружбы входило 25 первичных организаций – трудовые коллективы Хакасии [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 13. Д. 97. Л. 48]. В числе этих коллективов были Сорский молибденовый комбинат, персонал которого составлял более 3000 человек, овцесовхоз «Россия», где трудились более 1000 человек и другие организации. За период с 1973 по 1989 гг. Хакасию посетили 18 делегаций из Южно-Гобийского аймака, столько же делегаций посетили Южное Гоби из Хакасии [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 13. Д. 97. Л. 52]. В 1982 г. в Южно-Гобийском аймаке была издана на монгольском языке книга «50-летие Хакасской автономной области» [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 13. Д. 97. Л. 56].

Обмен между территориями был не только делегациями трудовых коллективов, но и приезжала работающая молодежь и школьники. Так, с 1970 по 1990 гг. XX в. в пионерском лагере «Салют» на озере Кызыкуль отдыхали по 45 школьников из Южно-Гобийского аймака Монголии. Было бы интересно узнать, помнят ли те школьники Южно-Гобийского аймака отдых в Хакасии.

Члены клуба интернациональной дружбы «Халхин-Гол» помнят, как они ездили отдыхать в Монголию. Сначала они ехали на автобусе целый день, добирались до города Даланзадгад. Так, например, Светлана Чистанова вспоминает, как они отдыхали в пионерском лагере, который располагался в юртах. Ныне Светлана кандидат культурологии, доцент Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Надо заметить, что Николай Федорович Катанов, чьим именем назван университет, по заданию Императорского Русского Исторического Общества посетил территорию северо-западной части современной Монголии в конце XIX в. Сам Николай Федорович родился в середине XIX в. на территории современного Аскизского района Республики Хакасия, профессор Казанского университета.

Среди тех, кто ездил отдыхать в Монголию, был член клуба «Халхин-Гол» Владимир Костяков. В настоящее время он на пенсии, полковник запаса, служил в аппарате Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. Также среди тех школьников, ездивших в Монголию, был Андрей Чаптыков. Он стал предпринимателем. Его фирма «Ламинат 19» занимается оптово-розничной продажей покрытия для полов.

Помнит о жизни в Монголии дочь Георгия и Тамары Ковалевых Марина, как она вместе играла с местными ребятами и за три года освоила и свободно говорила на монгольском языке. Ей было 5,5 лет, когда она уехала из Монголии. Сейчас она врач-педиатр и работает в городе Томск. Надо отметить, что за три года все участники целинной эпопеи освоили монгольский язык, а ребятами свободно изъяснялись со своими монгольскими сверстниками.

В 1974 г. в Хакасской областной национальной школе был организован клуб интернациональной дружбы «Халхин-Гол». Члены этого клуба установили связь с 26 участниками сражений в боях на реке Халхин-Гол. Была организована встреча с Василием Еремеевичем Политовым, участником боевых действий на реке Халхин-Гол. Жаль, что этот клуб в настоящее время не работает.

Официальные взаимоотношения Монголии и Хакасии начались в 1964 г., когда в Хакасию приехала делегация в составе 28 человек во главе с министром просвещения Мангалжавын Жамсраном [НАРХ. Ф. П-39. Оп. 1. Д. 1152. Л. 4]. Перед делегацией монгольских товарищей выступили члены исполкома Хакасского областного Совета депутатов трудящихся, в том числе его председатель тов. А. Г. Орешков.

В конце 1970-х гг. XX в. в Хакасию для обмена опытом приезжали секретари партийных комитетов, директора госхозов из Южно-Гобийского аймака [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 19. Д. 90. Л. 44]. Автору этих строк, в те годы работавшему заведующим организационным отделом Алтайского райкома КПСС Хакасской автономной области, доводилось участвовать в семинарах по обмену опытом, где выступали монгольские товарищи и секретари партийных организаций района. В настоящее время наш институт (ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ») поддерживает отношения с музеем города Улангом Убсунурского аймака Монголии.

Источники и литература

Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. П.-2. Оп. 13. Д. 97.

НАРХ. Ф. П-2. Оп. 19. Д. 90; Ф. П-39. Оп. 1. Д. 1152.

Ковалева Т. В. Целина и социально-экономическое развитие Хакасии // Материалы республиканской науч.-практ. конф., посв. 60-летию со дня образования Целинного сельского совета (27 октября 2017 г.). Абакан: Кн. изд-во «Бригантина», 2017. С. 193–196.

РАЗДЕЛ 5. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.53954/9785604607886_136

Л. Б. Цыденова
Кяхтинский краеведческий музей им. ак. В.А. Обручева
Кяхта, Российская Федерация
kyakhtamuseum2@mail.ru

МУЗЕЙ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЙ ДРУЖБЫ: ИСТОРИЯ И ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье рассматривается роль Кяхты в формировании политической карты Евразии. Проводится краткий обзор основания и деятельности Музея российско-монгольской дружбы.

Ключевые слова: Кяхта, Монголия, I съезд МНРП, Музей российско-монгольской дружбы, сотрудничество.

L. B. Tsydenova
Obruchev Kyakhta Museum of Local Lore
Kyakhta, Russian Federation

MUSEUM OF RUSSIAN-MONGOLIAN FRIENDSHIP HISTORY AND EXPERIENCE OF COOPERATION

The article considers the role of the Kyakhta in the formation of the political map of Eurasia and includes a brief overview of the foundation and activities of the Museum of Russian-Mongolian Friendship.

Keywords: Kyakhta, Mongolia, the first congress of the MPRP, the Museum of Russian-Mongolian Friendship, cooperation.

Эпоха глобализации как общемировая тенденция развития современного общества охватывает все сферы человеческой деятельности, в том числе науки и культуры. Она требует от научного сообщества выработки новых способов взаимодействия, механизмов координации и сотрудничества в сфере исторической науки и культуры.

Пограничный город Кяхта с XVIII в. был основным торговым центром на пересечении торговых путей Кяхта – Хурэ – Калган. Все многочисленные знаменитые экспедиции Императорского Российского правительства в Монголию, Китай и Тибет останавливались здесь проездом. С другой стороны, крупные миллионеры, сосредоточенные в Кяхте, оказывали материальную помощь экспедициям. Золотодобывающие компании, такие как «Монголор», имеют отношение к кяхтинцам.

Кяхта, основанная на границе России и Монголии, сыграла особую роль в формировании политической карты Евразии. Здесь в 1727–1728 гг. проходили переговоры между Россией и Китаем, в результате которых был заключен Кяхтинский договор. Он регулировал вопрос о северной границе Монголии, который считается до сих пор одним из уникальных исследовательских источников. В Кяхте 25 мая 1915 г. в доме российского пограничного комиссара, подписано трехстороннее соглашение (Россия – Монголия – Китай). Таким образом, в Кяхте неоднократно решался вопрос о Монголии, и в XX в. Кяхта не раз сыграла свою историческую миссию в судьбе Монголии.

1–3 марта 1921 г. в здании консульства РСФСР состоялся Первый съезд Монгольской Народной Революционной Партии (МНРП) [Кравцов 1997: 170]. На съезде были утверждены программные цели МНРП, избран ЦК МНРП во главе с С. Данзаном, принято решение о создании армии во главе с Д. Сухэ-Батором. Особое внимание в своих решениях съезд уделял укреплению дружбы с Россией.

13 марта 1921 г. на совещании командиров монгольских партизанских отрядов и революционных групп образовано Временное Народное правительство, которое возглавил Д. Бодоо. Принято решение о штурме Маймачена, и поставлена задача выбить оттуда китайский гарнизон, оставшийся еще со времени оккупации Автономной Монголии войсками Сюй Шучжэна в 1919–1920 гг. [Калинников 1926: 46].

Договор об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией был подписан 5 ноября 1921 г. в Москве. Дружба народов Монголии и России испытана временем и имеет богатую традицию.

Ярким свидетельством дружбы и сотрудничества стран является открытие филиалов Кяхтинского краеведческого музея им. ак. В. А. Обручева: Дом-музей «Конспиративная квартира Д. Сухэ-Батора» в 1958 г. и Музея советско-монгольской дружбы (мемориального Дома-музея I съезда МНРП, ныне Музей российско-монгольской дружбы) в 1971 г.

Филиалы основаны по инициативе директора Кяхтинского краеведческого музея Р. Ф. Тугутова, заслуженного работника культуры РСФСР, автора многих публикаций на краеведческие темы. В архиве музея хранится проект письма первому секретарю Бурятского обкома КПСС товарищу А. У. Модогоеву. В обращении приводятся доводы: «Учитывая историческую важность этого здания-памятника, Министерство культуры Бурятской АССР считает необходимым к 50-летию Монгольской народной республики (1971 г.) открыть в этом здании мемориальный музей. Экспозицию будущего мемориального музея предполагается создать из следующих разделов: 1. Мемориальный зал, где проходил съезд; 2. Материалы съезда (портреты участников, программа и устав и др.); 3. Укрепление и развитие советско-монгольской дружбы. Для организации музея имеются все объективные условия. Во-первых, сейчас производится ремонтно-реставрационная работа в доме. Площадь дома позволяет развернуть в нем экспозицию с мемориальным залом. Для развертывания экспозиции имеются документальные, вещественные и фотографические материалы» [Архив ККМ: 1–2].

Кяхтинским музеем проделана большая работа по изучению и сбору материалов по истории гражданской войны, I съезда МНРП, военным действиям на российско-монгольской границе. Собраны награды, документы, воспоминания участников и очевидцев событий. Материалы представляют интерес для современных исследователей.

На протяжении всего существования музея экспозиция неоднократно обновлялась, появлялись новые экспозиционные комплексы. В 2003 г. научно-методическим советом музея принято решение о реэкспозиции и переименовании Музея I съезда МНРП в Музей российско-монгольской дружбы. На научную концепцию о создании нового музея была получена рецензия главного научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Ш. Б. Чимитдоржиева. В своей рецензии он выражает согласие с тем, что «сегодня нет необходимости в специальном музее, посвященном локальному событию – съезду революционной партии – Монгольской народной партии». В настоящее время Музей российско-монгольской дружбы (РМД) строит свою работу с учетом изменений, произошедших как в России, так и в Монголии. Добрососедские отношения между нашими странами выдержали испытание временем и продолжают динамично развиваться. В музее проводятся выставки, деловые встречи, конференции, презентации, круглые столы, мероприятия для молодежи и детей.

С первых дней существования Музея РМД неизменной остается «Мемориальная комната», в которой воссоздан интерьер приемной Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенка. В выставочных залах музея созданы новые стационарные экспозиции. Выставка «Монголия – страна Великой степи» показывает традиционную культуру, типы хозяйства, мировоззрение монгольского народа. На выставке «Боевое братство» представлены письменные и фотодокументы, боевые награды, связанные с героическими сражениями на Халхин-Голе и в Великой Отечественной войне. Материалы выставки рассказывают и о том, что в тяжелые годы войны советские люди всегда ощущали не только моральную, но и значительную материальную поддержку монгольского народа. Боевое братство наших Вооруженных Сил находит свое продолжение и развитие в совместных военных учениях «Селенга», «Дархан».

В 2013 г. музей РМД представил в Национальном музее Монголии выставку «Н. А. Чарушин. Монголия. Взгляд сквозь время», ставшую первым совместным российско-монгольским арт-проектом. Раритетные фотографии по антропологии и этнографии народов Монголии, снятые Н. А. Чарушиным в составе экспедиции Г. Н. Потанина в 1888 г., впервые были показаны монгольскому зрителю. Уникальные кадры долгие годы хранились в архиве Кяхтинского краеведческого музея. Проект стал значимым культурным событием в истории развития культурных отношений России и Монголии. Также эта выставка в 2014 г. показана в г. Сухэ-Батор, согласно договору о сотрудничестве с краеведческим музеем Селенгинского аймака Монголии, с которым Кяхтинский музей сотрудничает многие годы. В 2016 г. коллектив нашего музея выезжал в Алтан-Булак по

обмену опытом. В средней школе была показана выставка «Чай и чайная традиция» и проведена с учащимися анимационная программа «Кяхтинское чаепитие». В 2017 г. сотрудники Алтан-Булакского музея приняли участие в проведении акции «Ночь музеев» в г. Кяхта. К 125-летию Д. Сухэ-Батора в 2018 г. подготовлен совместный выставочный проект «Главком Монгольской Народной армии».

Деятельность музея РМД в последние годы была активной и плодотворной, что оказывает влияние на развитие интереса горожан и гостей города к музею. Научными сотрудниками музея российско-монгольской дружбы с 2018–2020 гг. реализованы временные выставки: «Калейдоскоп истории. Российско-Монгольские отношения вчера и сегодня»; «На берегах Халхин-Гола», «К 80-летию Победы против японских захватчиков на реке Халхин-Гол» (г. Чойбалсан); «Все для фронта. Все для Победы. Помощь Монголии» по архивным документам Кяхтинского райвоенкомата и фотодокументам.

Значимым событием явилась Международная научно-практическая конференция «Кяхта и Хурэ: история, наследие и современность» (2018). Организаторами выступили Институт международных исследований Академии наук Монголии и Кяхтинский краеведческий музей. В конференции приняли участие известные ученые Монголии, Японии, Китая: О. Батсайхан, д.и.н., профессор, зав. отделом РИ ИМИ МАН, Ж. Урангуа, д.и.н., профессор МНУ, Хироси Футаки, почетный профессор Токийского УИНЯЗ, президент японской АМ, Хусэл Борджигин, профессор отдела МИ, ЖУ Шова, Акира Янагисава, профессор филологии, искусства и науки университета Васэда, Юмико Исихама, профессор факультета образования УВ, а также ученые и музейные сотрудники российских городов: Москва, Санкт-Петербург, Томск, Иркутск, Улан-Удэ и Кяхта. По материалам научных докладов издан XXII том «Труды Кяхтинского краеведческого музея им. ак. В.А. Обручева».

В 2021 г. Музей российско-монгольской дружбы отмечает 50-летие со дня основания. Кяхтинский краеведческий музей планирует совместно с Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН проведение международной научной конференции «Россия и Монголия в XX – XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений». В рамках конференции пройдет круглый стол «Роль Кяхты в истории российско-монгольских отношений» и состоится открытие историко-документальной выставки «Россия и Монголия: страницы истории» на материалах Кяхтинского краеведческого музея, документах и фотодокументах архива МИД России.

Музей российско-монгольской дружбы занимает важное место в культурном пространстве Бурятии и призван служить не только сегодняшнему дню, но и будущему, в том числе развитию отношений России и Монголии, которые благодаря совместным усилиям могут стать более гармоничными.

Источники и литература

Архив ГАУК РБ Кяхтинский краеведческий музей им. ак. В. А. Обручева. Корреспонденция за 1969 г. // Проект письма Секретарю Бурятского обкома КПСС т. Модогоеву А.У. С. 1–2.

Калинников А. Национально-революционное движение в Монголии. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. 118 с.

Кравцов В. Т. Кяхта революционная. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. 239 с.

С. В. Бильдьева
Этнографический музей народов Забайкалья
Улан-Удэ, Российская Федерация
svbildueva@mail.ru

И. С. Цыремпилова
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Улан-Удэ, Российская Федерация
irina161073@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ)

В статье отражены основные результаты и перспективы сотрудничества Этнографического музея народов Забайкалья (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия) с учреждениями и деятелями культуры Монголии. Авторы, оценивая культурное воздействие как феномен «мягкой силы», на конкретных примерах подчеркивают особую роль музеев в укреплении авторитета страны и формирования ее позитивного образа. Дается характеристика выставочным, творческим, образовательным и просветительским международным проектам, которые были реализованы музеем в последнее десятилетие.

Ключевые слова: российско-монгольское сотрудничество, культура, Этнографический музей народов Забайкалья.

S. V. Bildueva
Ethnographical museum of Transbaikalia
Ulan-Ude, Russian Federation
I. S. Tsyrempilova
East-Siberian State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russian Federation

TO THE QUESTION OF CURRENT STATE AND PROSPECTS OF RUSSIAN-MONGOLIAN COOPERATION IN THE FIELD OF CULTURE (BASED ON THE WORK EXPERIENCE OF THE ETHNOGRAPHICAL MUSEUM OF TRANSBAIKALIA)

The article shows the main results and prospects of cooperation of the Ethnographical Museum of Transbaikalia (Ulan-Ude, Republic of Buryatia) with the institutions and cultural figures from Mongolia. The authors, evaluating the cultural impact as a phenomenon of “soft power,” have used specific examples to emphasize the role of museums in strengthening the country’s authority and shaping its positive image. The exhibition, art, educational international projects, which have been implemented by the Ethnographical Museum of Transbaikalia in the last decade, have been characterized.

Keywords: Russian-Mongolian cooperation, culture, Ethnographical Museum of Transbaikalia.

Одним из направлений деятельности современного музея является международное сотрудничество, успешная реализация которого решает стратегическую задачу государственной культурной политики – формирование позитивного образа России за рубежом. Именно музеи, обладая разнообразием уникального культурного наследия, занимаются не только его презентацией и обеспечивают сохранность, но и являются активными участниками процесса по укреплению культурного авторитета страны. В складывающихся политических условиях активно обсуждается концепт «мягкой силы» и его эффективность, когда государство оказывает ценностно-культурное воздействие на другие страны за счет нематериальных ресурсов. Это закреплено в Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой отмечена важность «мягкой силы» в целях распространения своего влияния за рубежом и формирования положительного образа страны [Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации]. С учетом этих позиций следует говорить, что музеи играют особую роль во внешней культурной политике, способствуют развитию и укреплению сотрудничества в гуманитарной сфере, продвижению и популяризации достижений и ценностей национальной культуры.

Российско-монгольское сотрудничество в культуре, науке, образовании, искусстве и др. является

важным сегментом в системе международных отношений и имеет многовековые традиции. Это относится, в первую очередь, к соседним территориям. Так, развиваясь в рамках общих геополитических, социально-экономических и этнокультурных процессов, Бурятия как трансграничный регион России и Монголия объединены в особое культурное пространство. Это пространство характеризуется, с одной стороны, общностью ценностей, традиций, идей монгольских народов, с другой стороны – произошедшей в последние годы трансформацией взаимодействия двух государств, обусловленной политическими изменениями.

Музеи Республики Бурятия играют важную роль в сохранении культурного наследия монгольских народов и вносят существенный вклад в укрепление и развитие стратегического партнерства России и Монголии. Ключевая роль музеев определяется универсальностью языка, доступностью средств, наличием ресурсов и потенциала, позволяющих представить и донести информацию до посетителя, независимо от гражданства. В полной мере это отвечает основным направлениям деятельности ГАУК РБ «Этнографический музей народов Забайкалья» (далее – ЭМНЗ). Музей, являясь единственным в Бурятии музеем под открытым небом паркового типа, является ключевым объектом туристской индустрии, посещаемость которого превышает свыше 100 тысяч человек ежегодно. ЭМНЗ в рамках выставочной, исследовательской и культурно-просветительной деятельности взаимодействует с различными социальными институтами, учреждениями и ведомствами, частными лицами не только из разных регионов России, но и зарубежных стран. В современных условиях приоритетом в международном сотрудничестве музея является Монголия.

Музей ведет активную выставочную деятельность, в том числе привлекая монгольских партнеров. Впервые в России, в сентябре – октябре 2017 г. на территории ЭМНЗ экспонировалась выставка музея восковых фигур «Чингисхан» / Chinggis Khaan Wax (г. Улан-Батор, Монголия). Основанием для проведения выставки стало предварительно заключенное соглашение о намерениях между учреждениями.

На выставке «Хаан Ханов» посетители получили возможность познакомиться с уникальной коллекцией восковых фигур. Были представлены восковые фигуры самого основателя Великой Монгольской империи – Чингисхана, его ближайших родственников: матери Оэлуи, четырех сыновей Джучи, Цагаадая, Угэдэя и Тулуя, младшего брата Чингисхана Хасара, великих монгольских полководцев: Боорчи, Мухулая, Джамухи. Над созданием выставки трудился большой творческий коллектив, в состав которого входили художники, ювелиры, скульпторы, дизайнеры, историки. Сложность заключалась не только в воссоздании портретного сходства, но и в исторической достоверности одежды, оружия и других деталей образов. Так, украшения костюмов были выполнены на основании археологических находок. Признавая заслуги Чингисхана как известнейшего деятеля всемирной истории, основателя Монгольской империи, талантливого полководца профессиональное сообщество решило изготовить его восковую фигуру как объект, созданный для иллюстрации исторических событий. Восковой объект не имеет собственной ценности и является копией значимой персоны, широко узнаваемой и пользующейся популярностью, но подобные выставочные проекты решают задачу привлечения внимания посетителей к той или иной проблематике. Проведение выставки в республике было продиктовано общностью происходивших исторических процессов, так как на территории этнической Бурятии в монгольский период располагалась полупоупендарная «страна» или «земля», древняя ойкумена Баргуджин-Токум (Токум), которая считается исконной древней родиной бурят. Эта выставка вызвала общественный резонанс, интерес к ней был подтвержден количеством посетителей – более 5 тыс. человек. В последующем выставка экспонировалась в Национальном музее Республики Тыва.

В ближайшей перспективе в рамках укрепления сотрудничества ЭМНЗ с музеями Монголии планируется реализация выставочного проекта из фондов Музея-резиденции Богдо-хана. В августе 2019 г. между музеями был заключен Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области науки, культуры и искусства, а в ноябре 2019 г. – договор о намерениях по организации выставки. Первоначально были определены сроки проведения выставки в 2020 г., но сложившаяся ситуация, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции и закрытием государственных границ, привела к переносу сроков – на сентябрь-декабрь 2021 г.

Этот проект станет значимым событием в культурной жизни республики и внесет весомый вклад в укрепление культурного сотрудничества между Монголией и Россией. Выставка будет посвящена личности Богдо-гэгэна VIII, главы буддистов, духовного лидера Монголии. Сегодня верующие признают Богдо-гэгэна третьим лицом в иерархии после Далай-ламы и Панчен-ламы. На

выставке будут представлены предметы одежды Богдо-хана и его супруги хатун Дондогдулам, их портретные изображения, личные вещи, танка с изображением Богдо-гэгэна VIII, печать хана, седло, уздечка и другие предметы конского снаряжения, ритуальные предметы, в том числе колокольчик с ваджрой, четки, сунтаги для благословения верующих и др. Посетители выставки получают возможность поклониться буддийским святыням и узнать большое количество интересной информации из истории Монголии. Также среди ближайших планов ЭМНЗ – организация выставки из Центрального музея монгольских динозавров.

В последнее десятилетие ЭМНЗ принимает активное участие в международных проектах, таких как музейный «Чайный путь. Гостеприимная Бурятия» (2011 г.), международный круглый стол «Региональные музеи под открытым небом: проблемы и перспективы развития туризма в Байкальском регионе» (2013 г.), культурно-образовательный туристский форум «Интеграция на "Великом Чайном пути"» (2014 г.), детский фестиваль «Байкальский серпантин» (2019, 2020, 2021 гг.) и др., участниками которых являются представители Монголии. Одним из постоянных гостей празднования Сагаалгана в юрте Белого Старца (Сагаан Убгэна), которая была открыта в 2013 г. на территории музея, является монгольский Дед Мороз Увлин Увгун. Сагаан Убгэн является одним из самых распространенных фольклорных образов монгольскоязычных народов и считается сказочным символом зимы [Бильдуева 2019: 28].

К одному из успешных международных мероприятий музея последних лет следует отнести творческий проект «Город дарханов» (2013 г.). В проекте, направленном на сохранение и популяризацию изобразительного и декоративно-прикладного искусства, приняли участие мастера из Монголии, в том числе сотрудники Национального музея Монголии. Был представлен широкий круг разнообразных ремесел: обработка металла, изготовление ювелирных изделий, шитье традиционной одежды, работа по дереву и др. Все желающие могли познакомиться с секретами творческого процесса, техниками мастеров и особенностями изготовления предметов, пройти мастер-классы, посетить презентации и др. В рамках проекта были проведены выставка изобразительного искусства, выставка-ярмарка предметов народного декоративно-прикладного искусства из коллекций современных мастеров. Особым успехом пользовались инсталляция кузнечной мастерской, сами изделия, ювелирные украшения от дарханов Монголии, Забайкальского края, Иркутской области и Республики Бурятия. Практическим результатом проекта стало издание каталога выставки и методических рекомендаций по изготовлению художественных изделий из металла, дерева и гобеленов из конского волоса.

Сотрудничество ЭМНЗ с современными монгольскими художниками нашло отражение в организации выставки «Art Монголия», которая состоялась в октябре-ноябре 2019 г. Были представлены работы таких художников, как Самбуугийн Базарваань, Бямбасурэн Хонгорзул, Эрдэнэбилэг, членов Союза художников Монголии и Всемонгольской ассоциации художников, участников выставок в Монголии, Китае, Корее, Сингапуре, Японии, Англии, США.

Примером эффективного партнерства может служить проведенный в г. Улан-Батор научно-методический семинар по теме «Учет и хранение музейных коллекций в музеях Республики Бурятия. Автоматизированная программа «КАМИС» (2016 г.) для сотрудников музеев Монголии. На этом семинаре состоялся обмен опытом, накопленным сотрудниками ЭМНЗ, по внедрению автоматизированного государственного учета музейных предметов.

Таким образом, можно говорить о результативности и перспективах выставочной, образовательной и просветительской деятельности ЭМНЗ по развитию международного сотрудничества России с Монголией. Благодаря широкому спектру научных, туристских, образовательных и творческих мероприятий транслируется богатейшее культурное наследие двух стран, презентуется их история, культура и искусство, что в целом способствует укреплению дружественных государственных взаимоотношений.

Источники и литература

Бильдуева С.В. Этнографический музей народов Забайкалья в культурном пространстве Бурятии // Труды Бурятского республиканского отделения Русского географического общества. Т. XXIII. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 24–30.

Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения 29.05.2021 г.).

В. М. Васильев
Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева
(Филиал в г. Улан-Удэ)
Улан-Удэ, Российская Федерация
VL.Mitapovich@mail.ru

«ХАЛХИН-ГОЛ»: ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ

В статье описан опыт Кяхтинского краеведческого музея по реализации проекта передвижной фотовыставки, отражающей исторические факты, связанные с г. Кяхта в период совместной победы вооруженных сил СССР и МНР над войсками милитаристской Японии в необъявленной войне на р. Халхин-Гол 1939 г. Рассматривается идейное влияние передвижной выставки на формирование патриотического воспитания, сохранение и трансляцию исторической памяти народа.

Ключевые слова: Халхин-Гол, Кяхтинский краеведческий музей, выставка, история.

V. M. Vasilyev
Obruchev Kyakhta Museum of Local Lore
(Branch in Ulan-Ude)
Ulan-Ude, Russian Federation

«KHALKHIN-GOL»: TRAVELING EXHIBITION AS A FORM OF HISTORY PRESERVATION AND PRESENTATION

The article describes the experience of the Kyakhta Museum of Local Lore in the implementation of the project of a mobile photo exhibition reflecting the historical facts associated with the city of Kyakhta during the joint victory of the armed forces of the USSR and the MNR over the troops of militaristic Japan in the undeclared war on the Khalkhin-Gol River in 1939. The article considers the ideological influence of the traveling exhibition on the formation of patriotic education, the preservation and transmission of the historical memory of the people.

Keywords: Khalkhin-Gol, Kyakhta Museum of Local Lore, exhibition, history.

Проблема сохранения исторической памяти народа – одна из самых актуальных проблем нашего времени. Она важна для любой нации. Без знания истории края, своих корней, деяний прошлых поколений рвется нить, связующая эпохи, рушится преемственность поколений. И по определению, и фактически музеи, библиотеки, архивы являются основными хранителями исторической памяти, оставаясь таковыми на протяжении всей датируемой истории человечества.

В настоящее время в мире наблюдаются явно выраженные деструктивные тенденции по отношению к культурному наследию. Акты разрушения проводятся как частными лицами, так и организациями, легальными или нелегальными, и даже государственными структурами.

Важнейшая особенность музеев XXI в. проявляется в их многофункциональности. Современный музей – это не только научно-просветительное учреждение, сочетающее в себе отбор, реставрацию, хранение и экспозицию историко-культурных ценностей. Сегодня музей – это сложная многоуровневая система, решающая ряд социально значимых задач, среди которых все более заметные позиции занимают художественная организация досуга, интеграция познавательной и нравственно-патриотической деятельности [Полянская 2016: 5].

Музей обладает большим образовательным потенциалом, производя отбор событий, фактов, людских судеб через функцию документирования, сохранения исторических артефактов. Образовательная среда музея создает приемлемые условия для самообучения и саморазвития личности, способствуя формированию убеждений и собственного отношения не только к прошлому, но и к будущему государства [Юренева 2003: 475].

Наиболее функциональным в плане патриотического воспитания молодежи является использование богатого исторического наследия России. В истории России можно найти немало легендарных личностей, моментов истинного героизма и самоотверженности, она полна примеров настоящего мужества в сложнейших ситуациях, что позволяет воспитать в молодом поколении любовь к наследию предков, уважение к окружающему миру и к другим людям. Таким образом, история занимает основополагающее место в системе духовного воспитания личности [Воробьева

2014: 162]. Кяхтинский краеведческий музей им. академика В.А. Обручева является наиболее доступным и беспристрастным проводником в историю, таящую в себе подвиги предков, выстраивая временной мост между прошлым, настоящим и будущим. Являясь крупным социальным институтом, расположенным на границе Российской Федерации, музей выполняет важнейшие социальные функции: научно-документационную, охранную, исследовательскую, образовательную и воспитательную [Беспятова 2006: 129].

Одним из важных событий первой половины XX в. стала битва на реке Халхин-Гол. Вооруженный конфликт у границ оккупированной японцами Маньчжурии и Монгольской Народной Республики продолжался с весны до осени 1939 г. В боях в районе реки Халхин-Гол принимали участие воины из Бурятии, было призвано более 1500 военнослужащих, среди которых немало было уроженцев Кяхтинского района. Значительные усилия легли на плечи пограничников. Для прикрытия границы Монголии и охраны переправ через Халхин-Гол из Забайкальского военного округа был переброшен сводный батальон советских пограничников под командованием начальника штаба Кяхтинского пограничного отряда майора А. Е. Булыги.

Одной из целей столкновения на Халхин-Голе было стремление вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. Согласно расчетам японцев, это должно было убедить Китай в необходимости пойти на мирное урегулирование японо-китайского конфликта на японских условиях.

Документы Разведывательного управления штаба РККА, свидетельствуют о том, что руководители японского Генерального штаба высказывали в адрес Советской России обвинения в ее «идейной агрессии, в выборе ею лозунга необходимости соединения всего мирового пролетариата», а также в стремлении к большевизации Внешней Монголии и Китая. В сообщении от 29 апреля 1938 г., направленном с грифом «совершенно секретно» К. Е. Ворошилову, говорилось о том, что «новому германскому военно-морскому атташе Канарису поручено создать в Японии разведывательную сеть, а также организовать там получение материалов об СССР». Гендин, подписавший сообщение, докладывал также и о том, что «бывший германский посол в Японии Дирксен и военный атташе Отт ратовали за войну Японии против СССР, однако они предупредили японцев, что, пока Германия не будет готова к войне, выступление Японии явится преждевременным. Дирксен и Отт рекомендовали японскому правительству начать эту войну, по крайней мере, через два года, ведя к ней тщательную подготовку. В связи с этим они недовольны нынешней японо-китайской войной, которая, по их мнению, только ослабит Японию в предстоящей войне против СССР» [Бушуева 2009: 47].

Боевые действия на Халхин-Голе являлись не пограничным инцидентом, как пишут в японской историографии, а настоящей войной с большими людскими и материальными потерями. На деле бои на Халхин-Голе ознаменовали собой нечто большее, чем просто борьба за территорию, сферы влияния и интересы, – они стали генеральной репетицией Второй мировой войны. Именно здесь свой талант полководца впервые продемонстрировал будущий Маршал Советского Союза Георгий Жуков, а также были отработаны многие тактические, стратегические и технические маневры – как на земле, так и в воздухе. Лишь во время одного боя в конце июня с советско-монгольской стороны участвовало 95 самолетов, с японской 120. А такого количества сбитых в одном бою самолетов – 43, 31 из них – японский – история еще не знала. Поражение Японии серьезно повлияло на внешнеполитическую позицию ее правительства и удержало от выступления против СССР и МНР в годы Второй мировой войны, что внесло огромный вклад в будущую победу. После поражения при Халхин-Голе японский император отказывается от первоначальных договоренностей с Гитлером продвигаться на восток, в сторону Советского Союза, и в итоге нанес удар по Перл-Харбору.

С 28 августа по 3 сентября 2019 г. в Республике Бурятия был организован Международный автопробег «Дорогами отцов», посвященный 80-летию Победы в боевых действиях на реке Халхин-Гол. Во время запланированных остановок участниками автопробега в семи городах маршрута (Улан-Удэ, Кяхта, Сухэ-Батор, Дархан, Улан-Батор, Чингис, Сумбэр) были проведены митинги и концерты с участием ветеранов, военнослужащих и допризывной молодежи.

В рамках международного автопробега «Дорогами отцов» состоялся ряд культурно-массовых мероприятий. Одним из таких мероприятий Кяхтинского краеведческого музея им. В.А. Обручева стала передвижная выставка «На берегах Халхин-Гола». На семи роллерных стендах были представлены фотокопии фронтовых писем, воспоминания участников этих сражений, а также фотографии ветеранов. Выставка была посвящена ключевым этапам военных действий. Среди них

события, связанные с такими местами как Хайластын-Гол, Номон-Хан, Бурт-Обоо и т.д. Также на стендах передвижной фотовыставки были представлены фотографии командиров частей I армейской группы и командиров монгольской армии. Это Георгий Константинович Жуков, Яков Владимирович Смушкевич, Хорлогийн Чойбалсан, Хамза Ерзинулы Зайсанов и многие другие герои этой войны. После автопробега эта выставка была представлена жителям нашей республики.

В мае 2020 г. к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне передвижная фотовыставка «На берегах Халхин-Гола» была размещена в онлайн формате на официальном сайте Кяхтинского краеведческого музея, а также страницах в социальных сетях. Так как ранее, принимая участие в автопробегах, целевой аудиторией передвижной выставки преимущественно были граждане Монголии, текстовое сопровождение стендов было выполнено на монгольском языке. Для онлайн презентации выставки стенды вновь прошли этап макетирования с переводом на русский язык текстового сопровождения.

Как известно, без знания прошлого своей страны нельзя ни понять, ни оценить по достоинству наш сегодняшний день, представить будущее. Историческая память – великая сила и нравственная, и культурная. Нынешнее поколение современных людей должно воспринимать и продолжать замечательную традицию уважения к нашей истории, к нашему прошлому, хранить благодарную память о тех, кто защищал и спас нашу Родину, от покушения иноземных захватчиков [Адаменко 2005: 25].

Таким образом, передвижная выставка «На берегах Халхин-Гола» является востребованным элементом школьных уроков истории и необходима в процессе воспитания патриотизма подрастающего поколения. Эта выставка не просто рассказывает о малоизвестном вооруженном конфликте, а символизирует мужество и стойкость русского народа перед лицом милитаристской Японии. Кроме того, выставка «На берегах Халхин-Гола» ясно дает понять, как хрупок мир и насколько важно не допускать войны между народами и государствами.

Источники и литература

- Адаменко С. Воспитываем патриотов России // Народное образование. 2005. № 4. С. 23–25.
- Беспятова Н. К., Яковлев Д. Е. Военно-патриотическое воспитание детей и подростков как средство социализации. М.: Айрис-пресс, 2006. 192 с.
- Бушуева Т. С. Халхин-Гол: взгляд через 70 лет малоизвестные страницы предыстории второй мировой войны // Российская история. 2009. № 5. С. 34–51.
- Воробьева О. В., Разумкова Е. С. Воспитание патриотизма и нравственности на уроке истории // Молодой ученый. 2014. № 21(1). С. 161–163.
- Полянскова Н. В., Хасаев Г. Р., Нуйкина Е. Ю. Социально-экономическая роль музеев муниципальных районов в нравственно-патриотическом воспитании молодежи. Самара: Самарский гос. экон. ун-т, 2016. 160 с.
- Юренева Т. Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. М.: Академический Проект, 2003. 560 с.

Д. Сүхбаатар
Национальный музей Монголии
 Улан-Батор, Монголия
 nmm@nationalmuseum.mn

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МУЗЕЕВ В МОНГОЛИИ

История развития музеев Монголии отражена в немногих статьях и книгах. Многие вопросы освещены в недостаточной степени. В докладе определены социально-политические факторы, которые повлияли на возникновение музеев после Народно-демократической революции 1921 года. Дана периодизация истории музеев, выделены главные особенности каждого периода. В целом в Монголии создана музейная сеть, сформирована богатая коллекция и подготовлены национальные специалисты, развито правовое регулирование музеев. Музей становится неотъемлемой частью общественно-культурной жизни страны. Показаны перемены и достижения после 1992 г. на примере Национального музея Монголии за последние годы. Подчеркнуты пути дальнейшего развития музеев и повышения их роли в обществе.

Ключевые слова: музей, развития, факторы, периодизация, перемены, роль.

D. Sukhbaatar
National Museum of Mongolia
 Ulaanbaatar, Mongolia

ON THE MONGOLIAN MUSEUM DEVELOPMENT

The history of the development of the museums of Mongolia is shown in a few articles and books. But many issues are not sufficiently considered. This paper deals with socio-political factors that influenced the establishment of the museums after the People's democratic revolution of 1921. The author gives the periodization of the history of museums and the main features of each period. In general, a museum network has been created in Mongolia, a rich collection has been formed and national specialists have been trained, the legal regulation of museums has been developed. The museum is becoming an integral part of the social and cultural life of the country. Changes and achievements after 1992, especially in recent years, are illustrated by example of the National Museum of Mongolia. Conclusions are made on the further development of museums and increasing of their role in the society.

Keywords: museum, development, factors, periodization, changes, role.

В Монголии музеи начали создаваться после Народно-демократической революции 1921 г. На их развитие повлияли такие факторы, как социально-экономические и культурные перемены после революции 1921 г.; политика правительства по пропаганде идей революции; инициатива дальновидных государственных деятелей по сохранению национальной истории, культуры и традиции; активная деятельность Ученого комитета Монголии; ценные находки иностранных экспедиций, проводивших исследования в Монголии в начале XX в., таких как экспедиции Р. Эндрюса и П. К. Козлова; стремление достичь уровня высокоразвитых стран; политика правительства по повышению образовательного уровня монголов.

Мы предлагаем следующую периодизацию истории музеев в Монголии:

1. собрание коллекций и создание музея (1921–1924 гг.);
2. первые годы развития музея (1924–1940 гг.);
3. создание специализированных музеев и краеведческих кабинетов (1940 – начало 1960-х гг.);
4. становление и развитие музеев в аймаках (1960–1990 гг.);
5. музеи в период демократии и рыночной экономики (после 1990 г.).

1. Собрание коллекций и создание музея (1921–1924 гг.)

Религиозные культовые предметы, сутры, исторические источники, изделия прикладного искусства для первых музейных коллекций были собраны благодаря политике Народного правительства, активной деятельности Ученого комитета по всей Монголии и за границей. Большой вклад внесли находки экспедиции П. К. Козлова по хунну в Нойон-уул и научные открытия

палеонтолога Р. Эндрюса в гоби. Также немаловажна богатая, экзотическая коллекция VIII Джебдзундамба-хутугты, последнего Богдо-хана Монголии.

Одной из функций Ученого комитета, созданного 19 ноября 1921 г. после Народно-демократической революции 1921 г., было формирование музейных коллекций, их учет, систематизация и описание. В Правилах Ученого комитета от 22 ноября 1921 г. было указано, что необходимо «собрать рукописи и редкости разного рода, что называются музеем, чтобы многие могли созерцать и понять» [Баарай 1975: 4]. Необходимо отметить самоотдачу многих членов Ученого комитета, среди которых О. Жамьян, Ж. Цэвээн, Н. Дэндэв и многие ученые из Советского Союза. В ноябре 1924 г. уникальные находки Монгольско-Тибетской экспедиции были показаны в Улан-Баторе до отправки в Ленинград. В письме Ученого комитета секретарю по науке АН СССР С. Ф. Ольденбургу О. Жамьян, Ж. Цэвээн и Дашням писали, что «также создали музей, чтобы руководить и просвещать народ» [Монгольско-российские научные и культурные связи 2011: 5]. В декабре 1924 г. в городе Улиастай в Западной Монголии был основан еще один музей.

2. Первые годы развития музеев (1924–1940 гг.)

В 1925 г. экспонаты, собранные во время экспедиции В. И. Владимирцова в районе гор Богдо-хан-уул, в бассейне рек Туул и Хэрлэн, были переданы в музей [Ичинхорлоо 1977: 23]. 12 апреля 1926 г. музей перешел в Зимний дворец Богдо-хана. В 1929–1930 гг. Комиссия из Научного комитета работала на местах и отбирала материал для Государственного музея из конфискованного имущества феодалов. В 1931 г. был открыт Музей революции. В 1934 г. музей стал вести инвентарную книгу на монгольском языке [Краткая история музеев Монголии 2004: 15]. В 1937 г. некоторое имущество высшего духовенства, ханов и ванов было передано музею. Таким образом, к 1940 г. была сформирована музейная отрасль.

3. Создание специализированных музеев и краеведческих кабинетов (1940 – начало 1960-х гг.)

С начала 1940-х гг. развернулась работа по созданию специализированных музеев: в 1941 г. музей революции в Алтанбулаге; в 1946 г. музей Сухэ-Батора; в 1953 г. музей Сухэ-Батора и Чойбалсана; в 1961 г. музей Дворец Богдо-хана, музей города Улан-Батор; в 1942 г. храм-музей Чойжин-ламы; в 1965 г. музей изобразительного искусства, музей Эрдэнэ зуу. В 1940 г. государственный музей был переименован в Центральный краеведческий музей, что было связано с развитием краеведения и созданием музеев на местах, в результате чего в 1940-х – начале 1950-х гг. в аймачных центрах были созданы краеведческие кабинеты. В 1954 г. Центральный краеведческий музей был перемещен в новое здание, музейная экспозиция была обновлена, что стало значительной вехой в развитии музея. В 1956 г. музей стал работать под названием Государственный центральный музей.

4. Становление и развитие музеев в аймаках (1960–1990 гг.)

Во второй половине XX в. Были созданы музей истории железной дороги Монголии, дом-музей Жукова, музей пограничных войск, музей победы на Халхин-голе, музей монгольского воина, галерея современного искусства и музей монгольского театра. В 1970-е гг. аймачные кабинеты стали музеями. Важно то, что государство стало уделять большое внимание подготовке музейных работников по истории, культуре, искусству. Музейные работники отправлялись на стажировку за границу.

5. Музеи в период социально-экономического перехода (1990-2012 гг.)

В 1990-х гг. в результате демократической революции в Монголии начались коренные изменения и в музейной отрасли. В 1991 г. правительство провело политику специализации музеев. Были созданы Музей монгольской национальной истории и Музей естественной истории; в 2008 г. Музей монгольской национальной истории был переименован в Национальный музей Монголии, который стал научно-методическим центром. В 2014 г. была принята новая редакция Закона об охране культурного наследия, а в 2021 г. Закон о музеях и новая редакция Закона «О культуре». Создается новый «Музей Чингисхана» в новом современном здании. Также идет строительство новых зданий для музеев в Южно-гобийском, Хэнтэйском и Дорнодском аймаках.

Национальный музей Монголии проводит археологическую экспедицию с поддержкой горно-обогатительного комбината г. Эрдэнэт в Орхонском аймаке, в результате которой были получены новые научные данные, участвует в экспедициях совместно с музеями США и Казахстана. Наши совместные исследования были удостоены звания «Лучшие исследования года» за 2017 и 2018 гг. Музей готовит к изданию научные серии «Вопросы наследия кочевников» и «Музеология»,

опубликовал два каталога о Монголии в XX в., ввел тактильную образовательную программу для слабовидящих детей. Заменено освещение в некоторых витринах, установлено дезинфекционное оборудование по проекту ЖАЙКА Японии, внедрена система баркода в коллекции по гранту Посольства США, представительство Тайваня в Монголии стало спонсором установки специального оборудования для посетителей с ограниченными возможностями. В 2018 г. музей показывал коллекцию в Национальном музее Кореи на выставке «Степная империя кочевников Монголии», в музее Моесгард и Национальном музее Дании на выставке «Степь Чингисхана: монгольские кочевники». В 2019 г. музей отправлял свои экспонаты на две международные выставки, организованные Национальным музеем Китая: «Шелковый путь» и «Цивилизации Азии: Великолепие».

Считаем, что для развития музеев в дальнейшем следует выделить следующие задачи: переподготовка квалифицированных специалистов, усовершенствование правового регулирования, внедрение современной техники и технологии в музейную практику, постройка музейных зданий, развитие культурной индустрии, осуществление международных совместных научных проектов, продвижение культурного наследия Монголии на международной арене.

Источники и литература

- Баарай Н., Төмөр-Очир С. Из истории создания и развития Центрального музея // *Studia Museologica*. 1975. Т. 2. Fasc.1–14. С. 4–24.
- Бурнээ У. Музей нового времени Монголии. Улаанбаатар, 1994. 42 с.
- Ичинхорлоо Ж. Помощь советских специалистов в развитии Национального музея // *Studia Museologica*. 1977. Т. 3. С. 21–28.
- Краткая история музеев Монголии. Улаанбаатар, 2004. 202 с.
- Монгольско-российские научные и культурные связи (1921–1960 гг.). Т. I. Улаанбаатар: Адмон, 2011.
- Мэндсайхан Х. и др. Сборник документов по музеям (1921–2008 гг.). Улаанбаатар, 2013. 528 с.
- Наваан Д. Воспоминания “старца” Дэндэва. Улаанбаатар, 1961.

Д. Бумаа
 Монгольский комитет Международного совета музеев
 Улан-Батор, Монголия
 bumaa2016@gmail.com

РОЛЬ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В МУЗЕЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В МОНГОЛИИ

В данной статье рассмотрен вопрос о роли советских специалистов в создании музеев в Монголии с 1920-х до конца 1980-х гг. Автор дает обзор литературы и приводит данные новых исследований. В 1920–1940-х гг. советские специалисты участвовали в формировании музейного фонда, руководили музеями, создавали экспозиции, вели учетную документацию, писали аннотации, обучали музейных работников. Автор приводит примеры межгосударственного сотрудничества в области музейного строительства с середины 1950-х по 1980-е гг., в рамках которого были созданы главные музеи Монголии. Подчеркнуто, что углубленное изучение этого вопроса важно для истории Монголии XX в.

Ключевые слова: музей, ученый, специалист, коллекция, экспозиция, здание.

D. Bumaa
 Mongolian Committee of the International Council of Museums
 Ulaanbaatar, Mongolia

THE ROLE OF SOVIET SPECIALISTS IN MUSEUM DEVELOPMENT IN MONGOLIA

This article examines the role of the Soviet specialists in the creation of the museums in 1920–1980s. The author gives a brief overview of the literature, cites new research. In 1920–1940s Soviet specialists participated in the formation of the museum fund, managed museums, created expositions, kept records, wrote annotations, and trained the museum workers. The author gives examples of interstate cooperation in the field of the museum building from mid 1950s to the 1980s, in terms of which the main museums of Mongolia were built. It was emphasized that an in-depth study of this issue is important for the history of Mongolia of 20th century.

Keywords: museum, scientists, specialists, collection, exposition, building.

После Народно-демократической революции 1921 г. в Монголии был создан Ученый комитет, который вел активную деятельность по собиранию музейных предметов. Советские ученые П. К. Козлов, Б. Я. Владимирцов, Ц. Жамсарано, В. И. Лисовский, А. Д. Симуков, Н. Н. Поздняков, С. Кондратьев, М. И. Тубянский, Н. А. Тубянская и Н. П. Шастина внесли неоценимый вклад в создание первого музея в Монголии.

В научной литературе описана деятельность В. И. Лисовского, А. Д. Симукова и Н. А. Тубянской. К концу 1926 г. Н. Дэндэв и В. И. Лисовский закончили работу по организации экспозиции из коллекции Дворца Богдо-хана и других музейных предметов. После создания экспозиции В. И. Лисовский стал заведующим музеем. В 1927 г. на его место был назначен А. Д. Симуков. С августа 1931 г. Н. А. Тубянская стала заведующей музеем и наладила учет [Бурнээ 1994: 31]. Ж. Ичинхорлоо в статье о роли советских специалистов в развитии национального музея МНР пишет, что за прошедшие более 50 лет свыше 100 советских ученых и работников музеев СССР оказали непосредственную помощь национальному музею [Ичинхорлоо 1977: 21].

Д. Эрдэнэбат исследовал научную деятельность В. И. Лисовского и М. И. Тубянского. Он писал, что советский ученый-географ В. И. Лисовский по совместительству был ответственным за музей с 1926 г. Также он отвечал за библиотеку. Смотрителем в музее был Базар, затем Гэндэндаржаа, Гаваа [Эрдэнэбат 2016: 44]. В статье о М. И. Тубянском подчеркивается, что он вместе с Ц. Жамсарано и А. Д. Симуковым входил в комиссию, созданную в 7 декабря 1931 г. для ведения учетной книги, составления заголовков и научных индексов музейных предметов [Эрдэнэбат, Минжин 2013: 120]. Ч. Батдорж предлагает считать годом основания музея 1921 год, когда Ученый комитет принял решение о создании музея. Не найдена резолюция о создании музея в 1924 г., о которой говорил Н. Дэндэв. Также Ч. Батдорж приводит выдержку из воспоминания академика Б. Ринчена: «Когда создавали первый музей специалист Лисовский из Ученого комитета

организовывал экспозицию, ... под его именем и фамилией было напечатано на русском языке «Ученый хранитель Монгольского национального музея» [Батдорж 2017: 17, 20].

Советские ученые помогали готовить музейных работников. Н. Дэндэв, ставший музейным работником в 1927 г., писал, что он учился у Б. Я. Владимирцова тому, как вести полевые исследования [Наваан 1961: 27]. В 1927 г. научный сотрудник Азиатского музея М. И. Тубянский был откомандирован в Монголию для изучения быта монгольского народа. В 1936 г. Тубянский стал работать как исследователь Центральной Азии. Об этом вышел приказ председателя Научного комитета Н. Дэндэва [Монгольско-российские научные и культурные связи, 2011: 205]. Советская подданная Горбунова делала фотографии экспонатов для карт и экспозиции [Баарай, Тумур-Очир 1975: 17].

В отчете Научного института за 1931 г. было указано, что для создания Музея революции к 10-летию Народной революции нужно пригласить ученого из Москвы [Мэндсайхан 2013: 370]. В ноябре 1945 г. по решению Совета Министров МНР была создана комиссия, которую возглавил советский специалист-инженер Н. В. Калимов. Комиссия проверяла ремонтные работы монастыря Эрдэнэ зуу в 1944–1945 гг. [Хатанбаатар 2008: 57].

В середине 1950-х гг., когда Государственный центральный музей был перемещен в новое здание, монгольские ученые Х. Пэрлээ, О. Намнандорж, Ц. Даваажамц, Б. Лувсанданзан работали вместе советскими специалистами. Экспозицию палеонтологии создали работники Института палеонтологии Академии наук СССР под руководством А. К. Рождественского [Монгольско-российские научные и культурные связи 2011: 436]. В 1958 г. Л. Цэвэл была на полугодовой стажировке у специалиста Петрова в Музее зоологии, стала мастером и учила многих работников [Адьяахүү 1971: 20].

С середины 1950-х гг. монгольско-советское культурное сотрудничество интенсивно развивалось в рамках Соглашения о культурном сотрудничестве между МНР и СССР от 24 апреля 1956 г. и Соглашения о культурном и научном сотрудничестве между МНР и СССР от 20 июля 1971 г. В 1960-1970-е гг. в рамках культурного сотрудничества между социалистическими странами в Монголию приезжали музейные специалисты для ознакомления с экспозиций и деятельностью монгольских музеев [Ринчинноров 2019:30].

24 февраля 1971 г. посол СССР в МНР С. Н. Щетинин говорил, что «по линии Министерства культуры СССР в МНР приезжали товарищи Суров, Гудев и Айзиков, а также свыше 10 художников для оказания помощи в создании Музея революции в городе Алтанбулаг (наш подарочный объект к 50-тилетию революции)» [Монгольско-советские культурные и научные связи 2014: 314]. Новое здание для Музея революции в городе Алтанбулаг было построено в 1971 г. по проекту архитектора А. С. Сычевой, который получил премию как лучшая работа среди юных архитекторов.

Научный сотрудник Центрального музея СССР Д. В. Айзиков работал советником Музея революции в городе Алтанбулаг и Музея революции в Улаанбаатаре. Советские художники под руководством Заслуженного деятеля искусства СССР А. Коренцова вместе с монгольскими художниками выполнили художественно-декоративную работу в этих музеях [Баарай 1977: 7]. Начальник строительного треста Б. Равдансамбуу вспоминал, что по проекту Г. Лувсандоржа были построены Музей революции и Музей В. И. Ленина в Улаанбаатаре. Он писал, что Музей революции, построенный в 1971 г., был первым зданием в Монголии, построенным для музея [Равдансамбуу 2012: 251].

В отчете Посольства СССР в МНР о выполнении плана культурного и научного сотрудничества за 1972 г. от 2 февраля 1973 г. говорилось о том, что в МНР приезжали сотрудники Музея В. И. Ленина, Музея искусств народов Востока и Центрального музея революции СССР. Состоялось подписание Протокола о сотрудничестве между монгольскими и советскими музеями. Художественно-декоративная работа Музея Ленина была выполнена под руководством архитектора и художника г. Ленинград В. И. Короткова и В. Л. Ривина. В период с 4 по 11 апреля 1978 г. заместитель директора Центрального музея В. И. Ленина по научной части Я. И. Александров и автор проекта художественного оформления экспозиции Музея В. И. Ленина художник В. Л. Ривин находились в МНР [Монгольско-советские культурные и научные связи 2017: 68]. Музей В. И. Ленина был открыт в 1980 г. Таким образом, углубленное изучение вопроса о роли советских специалистов в развитии музеев важно для истории Монголии XX в.

Источники и литература

- Адьяахүү С. Человек с творчеством, которым можно гордиться. Корреспонденция // Культура и искусство. 1971. С. 19–21.
- Баарай Н., Тумур-Очир С. Из истории создания и развития Центрального музея // *Studia Museologica*. 1975. Т. 2. Fasc. 1–14. С. 4–23.
- Баарай Н. Музейное дело в V пятилетке // *Studia Museologica*. 1977. Т. 3. С. 3–20.
- Батдорж Ч. Некоторые вопросы основания Монгольского музея // *Studia Museologica*. 2017. Т. XVIII-I. Fasc. 1–25. С. 14–23/
- Бурнээ У. Музей нового времени Монголии. Улаанбаатар, 1994. 42 с.
- Эрдэнэбат Д., Минжин Ц. М. И. Тубьянский (1893–1937): Биография и исследования: к 120-тилетию со дня рождения // Нити разума. Антоон Мостаэрт центр монголоведения. 2013. II (10). С. 116–125.
- Эрдэнэбат Д. Ученый комитет и В. И. Лисовский // Нити разума. Антоон Мостаэрт центр монголоведения. 2016. I(15). С. 34–45.
- Ичинхорлоо Ж. Роль советских специалистов в развитии национального музея МНР// *Studia Museologica*. 1977. Т. 3. С. 21–28.
- Краткая история музеев в Монголии / под ред. А. Очира, З. Оюунбилэг. Улаанбаатар, 2004. 202 с.
- Монгольско-российские научные и культурные связи (1921–1960). Т. I. 2-е изд. Улаанбаатар: Адмон, 2011.
- Монгольско-советские культурные и научные связи (1961–1975): сб. документов. Т. II. Улаанбаатар – М., 2014.
- Монгольско-советские культурные и научные связи (1976–1990): сб. документов. Т. III. Улаанбаатар – М., 2017.
- Мэндсайхан Х. и др. Сборник музейных документов 1921–2008. Улаанбаатар, 2013. 528 с.
- Наваан Д. Воспоминания “старца” Дэндэва. Улаанбаатар, 1961.
- Равдансамбуу Б. Из истории музейного здания // Вопросы изучения кочевников. 2012. Т. XII. Fasc.1–29. С. 249–253.
- Ринчинноров Б. Некоторые документы, относящиеся к истории музея // *Studia Museologica*. 2019. Т. XX-I. Fasc.1–25. С. 28–34.
- Хатанбаатар Н. Исторические заметки по созданию музея Эрдэнэ зуу // Вопросы изучения кочевников. 2008. Т. VIII. Fasc. 1–23. С. 54–61.

Э. П. Леонтьев
*Международный центр образования «Интердом» им. Е. Д. Стасовой
Иваново, Томск, Российская Федерация
ernestleontyev@mail.ru*

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА «РОССИЙСКИЙ
УЧИТЕЛЬ ЗА РУБЕЖОМ» В МОНГОЛИИ
(НА ПРИМЕРЕ УВУРХАНГАЙСКОГО АЙМАКА, АРВАЙХЭЭР)**

Рассматриваются основные аспекты реализации гуманитарного проекта и особенности обучения монгольских учителей русского языка. Раскрыто ключевое значение преподавание курса русского языка для монгольских учителей, а именно участие в курсовом обучении как средстве повышения профессиональной языковой компетенции. В рамках проекта выявлены основные особенности курсового обучения и ключевые инструменты повышения мотивации к изучению русского языка.

Ключевые слова: проект, обучение русскому языку, повышение языковой компетенции.

*E. P. Leontyev
International Center of Education «Interdom» named after E. D. Stasova
Ivanovo, Tomsk, Russian Federation*

**IMPLEMENTATION OF THE HUMANITARIAN AND EDUCATIONAL PROJECT “RUSSIAN
TEACHER ABROAD” IN MONGOLIA
(USING THE EXAMPLE OF UVURKHANGAI AIMAK, ARVAYHEER)**

The main aspects of the implementation of the humanitarian project and the peculiarities of teaching Mongolian teachers of the Russian language are considered. The key importance of teaching the Russian language course for Mongolian teachers is revealed, namely participation in course training as a means of increasing professional language competence. Within the framework of the project, the main features of course training and key tools for increasing motivation for learning the Russian language were identified.

Keywords: project, Russian language training, language competence enhancement.

С 1 сентября 2020 г. шестеро российских учителей начали свою работу в монгольских школах в пяти аймаках Монголии – Баянхонгорском, Дорнодском, Увурхангайском, Селенгийском и Хэнтийском. Первые встречи и занятия такого педагогического «десанта» стали проходить в онлайн-формате в связи с распространением коронавируса и введением карантинных мероприятий на территории Монголии. Пять педагогов осуществляют свою деятельность в образовательных организациях, где русский язык является обязательным предметом для изучения в школе с 7-го по 9-й класс, и 1 педагог непосредственно работает с группой монгольских учителей русского языка Увурхангайского аймака (Арвайхээр). Группа монгольских учителей насчитывает более 40 человек.

Данное направление работы с монгольскими коллегами – учителями русского языка – является ответом, в первую очередь, на решение «обеспечения регулярной организации широкомасштабных акций и мероприятий в регионах и муниципалитетах иностранных государств с целью популяризации национальных культур, распространения изучения и преподавания национальных языков как иностранных в зарубежных государствах и развития системы курсового обучения языку», принятом в рамках встречи министров Министерства просвещения РФ и Министерства образования, культуры, науки и спорта Монголии [В Монголии появился центр].

В рамках данной встречи были определены перспективы развития сотрудничества России и Монголии в сфере общего образования – изучение русского языка в Монголии в рамках проекта «Российский учитель за рубежом», т.е. «направление и обеспечение работы российских преподавателей в образовательных организациях общего образования Монголии» [Минпросвещения открывает набор]. Важно отметить, что гуманитарно-просветительский проект, организованный Министерством просвещения, стал самым масштабным педагогическим проектом за рубежом. Его география постоянно расширяется, и сегодня проект охватывает 5 стран: Киргизию, Таджикистан, Сербию, Монголию и Вьетнам (<https://interdomivanovo.ru/about/tsentr-russkogo-yazyka.php>).

Реализация проекта «Российский учитель за рубежом» позволяет повышать уровень владения русским языком и внесет вклад в его популяризацию в стране через экспорт российских интеллектуальных и образовательных программ и услуг, внедрение программ мобильности преподавателей, через продвижение русского языка и культуры с использованием русскоязычных преподавателей, организации курсов изучения русского языка, а также налаживание партнерских контактов между школами России и образовательными учреждениями Монголии. Это связано прежде всего с тем, что русский язык (несмотря на «семидесятилетнюю экспансию», начиная с 1921 г., что было вызвано «политической необходимостью» [Туяа]) по-прежнему признается как ценнейший источник получения информации о событиях в России и во всем мире, а также как средство межкультурной коммуникации, так как является одним из ключевых «компонентов социально-коммуникативной системы Монголии» [Сарнай 2011: 318].

Преподавание курса русского языка для монгольских учителей имеет первостепенное значение, и является для них средством повышения профессиональной языковой компетенции, так как Монголии нужны учителя русского языка нового поколения, которые обладают новой методологией обучения русскому языку, что отвечало бы новым требованиям быстро развивающейся теории обучения. Это связано с тем, что в новое время внедряется новая парадигма эдукологии, когда монгольские учителя русского языка хотят владеть русским языком не только как средством профессиональной деятельности учителя-предметника, но и как средством профессионального общения. По сути, «русский язык стал для учителей Монголии средством свободного профессионального общения, реализации собственной профессиональной компетенции» [Леонтьев 2020: 112].

В течение 2020-2021 учебного года в Увурхангайском аймаке проходило курсовое обучение в течение учебного года профессионально-ориентированного русского языка в сочетании развития личностных качеств монгольских педагогов, знанием культуры России и приобретением специальных навыков, которые основаны на профессиональных и лингвистических знаниях, с целью повышения профессиональной языковой компетенции монгольских учителей русского языка. В данном случае русский язык выступает средством повышения профессиональной компетентности и личностно-профессионального развития монгольских учителей русского языка и является необходимым условием успешной профессиональной деятельности педагога.

Курсовое обучение русскому языку с российским преподавателем проходит с использованием УМК «Русский калейдоскоп» (Поморцева Н. В., Румянцева Н. М., Теречик Л. Б., Рубцова Д. Н., Алимова М. В.), состоящего из 6 учебных пособий и КИМов по изучению русского языка как иностранного, учебного пособия «Россия и русские сегодня» (Петухова Е. Н.), пособия «Россия: день сегодняшний» (Родимкина А., Ландсман Н.), пособия «Русский язык как иностранный: Работа с художественным текстом» (Мохань Е. Н., Самойлова И. Ю.), пособия «Пишем и читаем по-русски» (Гриценко Л. М.), учебного пособия по развитию речи «По-русски – легко!» (Гуськова Е.).

Частичному устранению сложностей в обучении русскому языку помогало применение новой методологии обучения, которая базируется на использовании широкого спектра традиционных и новых информационных технологий. Онлайн-обучение с монгольскими учителями проходило в формате живых занятий (видеоконференций на платформе Zoom) с использованием различных электронных ресурсов, начиная от презентаций в PowerPoint, направленных на решение множества деловых задач, до модерирования специальной группы «Учителя русского языка Увурхангайского аймака» в Фейсбуке, т.к. будущее преподавания русского языка как иностранного трудно представить без применения новых технологий, без обращения к такому «феномену межкультурной коммуникации, как русскоязычная зона Интернета. Именно Интернет позволяет осуществить погружение обучающегося в аутентичную языковую, культурную и ментальную среду» [Милютина, Хлебда].

При проведении занятий преподавателем применялись инструменты постоянной технологической ротации видов учебной деятельности (лекция – задание – презентация – анализ), самих заданий, упражнений, отдельных участников в пространстве (аудитория – дом – школа – улица – магазин – театр), что способствовало процессу вовлеченности и увлеченности монгольских учителей в процесс обучения.

За период прохождения курсового обучения монгольских учителей русского языка были выделены несколько особенностей:

1. Наблюдается редкое желание, а иногда нежелание выполнять домашнюю работу (вероятно, связано с нагрузкой учителей);
2. Учителя с удовольствием посещают онлайн-занятия именно для общения (возможно, для них это зона определенного психологического комфорта);
3. Учитывая специфику возрастной категории группы, на занятиях формируется интерес не только к языку, но и формируются положительные эмоции;
4. Для участников курсов имеет большое значение персонификация языкового опыта как этап доверия к языку (вследствие этого использовалось большое количество иллюстративного материала из жизни преподавателя и обучающихся);
5. Положительным фактором обучения явилось участие учителей и их подопечных в различных национальных и международных проектах, конкурсах и олимпиадах, образовательных мероприятиях. В частности, 9 обучающихся приняли участие в Международной акции «Тотальный диктант – Тгуд», а один педагог стал победителем II Международной онлайн-олимпиады по русскому языку «Омск в моем сердце» (ОмГПУ), 2 педагога стали призерами Далевого диктанта.

Несмотря на определенные трудности, связанные с организацией проведения занятий, разной языковой подготовкой участников курсов, реализацию поставленных задач гуманитарно-просветительского проекта «Российский учитель за рубежом» в Увурхангайском аймаке можно считать вполне реальной и эффективной, что создает предпосылки для продолжения жизни русского языка в Монголии, а существующий потенциал целесообразно направлять в будущее.

Источники и литература

В Монголии появится центр открытого образования на русском языке [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://edu.gov.ru/press/1940/v-mongolii-poyavitsya-centr-otkrytogo-obrazovaniya-na-russkom-yazyke/> (дата обращения: 26.05.2021).

Минпросвещения открывает набор учителей для участия в гуманитарном проекте [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://edu.gov.ru/press/2680/minprosvescheniya-otkryvaet-nabor-uchiteley-dlya-uchastiya-v-gumanitarnom-proekte/> (дата обращения: 26.05.2021).

Туяа Ш. Обучение русскому языку как средству межкультурной коммуникации в Монголии [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://mesi.cliro.unibo.it/data/_uploaded/file/papers/Shagdaryn.doc (дата обращения: 26.05.2021).

Сарнай Б. Русский язык как компонент социально-коммуникативной системы Монголии // Национальные языки в эпоху глобализации: Россия – Монголия. М.: Тезаурус, 2011. С. 318–339.

Леонтьев Э. П. Перспективы русского языка в современной Монголии // Terra Scimus: Сб. ст. по итогам Алтаеведческой научной ассамблеи «Алтай: Terra scimus», посв. рассмотрению проблемы «Культуры Алтая и алтайские языки: языковой менеджмент, маркетинговые стратегии, региональная идентичность» (21 окт. 2020, Барнаул) / под ред. Н. В. Халиной и С. А. Манскова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 111–116.

Милютин Т., Хлебда Б. Ресурсы Рунета на уроках РКИ (из опыта работы с польскими студентами-русистами) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://world.russianforall.ru/distobr/> (дата обращения: 26.05.2021).

Г. А. Дырхеева
*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Российская Федерация
an5dag1@mail.ru*

В. Г. Жалсанова
*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Российская Федерация
valyazhal@list.ru*

РУССКИЙ ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАРРАТИВОВ МОНГОЛОВ¹

Статья посвящена анализу современного положения русского языка в Монголии. Коротко освещены результаты проведенного социолингвистического опроса монгольских учащихся, изучающих русский язык, а также глубинного интервью в заочном формате с монголами, владеющими русским языком. Отмечено, что в последние десятилетия статус русского языка в Монголии по сравнению с советским периодом значительно снизился. Делаются попытки выявить причины данной ситуации, возможности ее улучшения, перспективы сохранения русскоязычного пространства.

Ключевые слова: Монголия, русский язык, учащиеся, глубинное интервью.

G. A. Dyrkheeva
*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation*

V. G. Zhalsanova
*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation*

RUSSIAN LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF MONGOL NARRATIVES

The article is devoted to the analysis of the modern situation of Russian language in Mongolia. There are listed some results of a sociolinguistic survey of Mongolian pupils studying Russian, as well as an in-depth interview in correspondence format with Mongols who speak Russian. It was noted that the status of the Russian language in Mongolia in recent decades has significantly decreased compared to the Soviet period. Attempts are being made to identify the causes of this situation, the possibilities for its improving, and the prospects for preserving Russian-speaking space.

Keywords: Mongolia, Russian language, pupils, in-depth interview.

В последние десятилетия образ России за рубежом претерпевает существенные изменения, которые связаны, в том числе, с демократическими и глобализационными преобразованиями, происходящими в мире. Очевидно, что формирование имиджа той или иной страны во многом связано с историей, геополитикой, научно-техническими достижениями, культурой, проявлениями национального характера, личными контактами и т.д. В этом плане интересно рассмотреть особенности трансформации образа России в приграничных с ней государствах, изменений, происходящих в их взаимоотношениях, касающихся, в частности, межъязыковых связей.

Соседство с Россией является весомым фактором, влияющим на состояние, перспективы, престиж и динамику развития русского языка в Монголии. Общеизвестно, что в последние десятилетия удельный вес и престиж его изучения во многих соседних государствах, в том числе и в Монголии, претерпели значительные изменения. Общая тенденция в данных регионах заключается в том, что вектор приоритетов в изучении иностранных языков смещается в сторону английского языка.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-512-44005.

Монгольская русистика имеет многолетнюю историю. Расцвет монгольской русистики приходится на шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века, когда были отработаны методики преподавания русского языка, подготовлены педагогические и научные кадры. Можно отметить, что ни в одной из соседних с Россией стран не были достигнуты такие успехи в освоении русского языка как в Монголии. Так, по результатам опроса С. Эрдэнэмаама [Фомин, Эрдэнэмаам 1991: 15], проведенного в конце 80-х гг., 67,5 % опрошенных ответили, что читают и понимают по-русски, 45 % – пишут, 33,7 % – разговаривают.

Особое внимание изучению русского языка первоначально определялось как одному из средств социально-экономического, научно-технического, культурного прогресса, в дальнейшем как одному из главных источников извлечения информации и как средству повышения уровня знаний. Как отмечал один из наших монгольских респондентов, именно из русских источников в 90-х гг. он получал дополнительную необходимую ему информацию о международном положении, социально-экономических изменениях, происходящих в мире.

Однако в конце 1980-х – начале 1990-х гг. наблюдаются существенные изменения в системе образования Монголии, касающиеся, в том числе, и изучения и преподавания русского языка. С 1996 г. он стал необязательным предметом в средней школе и во многих вузах, состоялся переход к изучению иностранного языка по выбору. Несомненно, это привело к изменению мотивационной ориентации учащихся в выборе иностранного языка для обучения. Как показал проведенный нами социолингвистический эксперимент, позиции русского языка в Монголии значительно ослабли.

Опрошены были учащиеся 7-8 классов специализированной школы г. Улан-Батор, в которой преподаются английский и русский языки. В анкету были включены вопросы, касающиеся отношения к монгольскому, русскому, английскому и китайскому языкам. Как показал анализ, английский язык занимает первые позиции почти по всем вариантам ответов на вопросы: «Почему Вы изучаете или хотели бы изучать следующие языки?», «Оцените по указанным параметрам людей, говорящих на разных языках», «Какими словами Вы бы охарактеризовали следующие языки?». Человек, говорящий на английском языке, был признан более успешным, образованным, прогрессивным, добрым, модно одетым и т.д. Только по одной позиции «более агрессивный» русскоговорящий человек опередил англоговорящего. Здесь можно отметить, замечание одного из опрошенных респондентов, молодого историка, супругой которого является бурятка: «Когда мы с ней познакомились, мы общались в основном по-русски и мне все время казалось, что она ругается со мной. Русский язык воспринимается как громкий, грубый». Самой высокочастотной среди характеристик для носителей китайского языка оказалась «более богатый».

Английский язык необходимо знать, потому что это язык высокой культуры, он пригодится для общения с друзьями, знакомыми из других стран, для поступления в вуз, чтобы жить и учиться в другой стране и т.д. Единственной позицией, по которой русский язык опережает английский, является «его заставляют учить родители». При этом он был признан среди всех языков самым сложным. Второе место занял китайский язык, только три человека признали сложным английский язык.

Обычно мониторинг языковой ситуации предполагает использование разнообразных методик. В ходе исследования также было предпринято глубинное интервью в заочном формате с монголами, владеющими русским языком. Гайд интервью направлялся респондентам онлайн, отбор которых велся методом «снежного кома». Всего опрошено 15 человек. Гайд состоял из 4 блоков вопросов, направленных на выявление состояния, проблем и перспектив русского языка в Монголии.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Все опрошенные респонденты отметили утрату русским языком своих позиций в монгольском обществе. Однако практически никто не высказался об исчезновении русского языка. Только одно высказывание имеет жесткую оценку – *«русский язык ретируется»*.

2. Позиции русского языка поддерживаются благодаря:

а) сфере образования: *«Поколение 80-х и 90-х, скажем так, напроць не знает русский язык, но их дети подрастают и снова появляется интерес к языку, русские школы в последние года переполнены»;*

б) науке: *«Хотя русский язык постепенно исчез в массах, насколько мне известно, он широко используется в научном сообществе»;*

в) специалистам, обучавшимся и получившим высшее образование в СССР: *«Старшее поколение, которое училось в бывшем Советском Союзе, в разговоре между собой использует русские слова и обороты»;*

г) добрососедским отношениям между Россией и Монголией: *«Сохранению русского языка способствуют: географическое положение, давняя дружба наших стран, ведение русского языка в образовательных учреждениях, положительное отношение монголов к России, российскому народу».*

Практически все респонденты единодушны во мнении, что Россия не прилагает должных усилий по укреплению своих позиций, она теряет свои позиции в торговле, бизнесе на монгольском рынке. Русский язык становится экономически невыгоден: *«Не так уж много партнеров в сферах науки и культуры, бизнеса и государственных делах».*

Развитие русского языка практически не имеет поддержки ни в обществе, ни на государственном уровне, ни со стороны России, ни со стороны Монголии. Единственный орган, обеспечивающий продвижение русского языка, – Россотрудничество и представляющий его Российский центр науки и культуры (РЦНК). Причем о его деятельности имеются противоречивые мнения: *«Русский дом в Монголии с прошлого года очень активно поддерживает открытием Русских Центров, курсами, мероприятиями».* *«Российской стороной в Монголии (посольство, РЦНК) предпринимается очень мало для сохранения интереса. Проводимые ими мероприятия формальные, приурочены к праздникам или юбилеям, но создается впечатление, что постоянной работы нет».*

Для усиления интереса к русскому языку необходимо следующее: *«Если мы не укрепим культурные связи между двумя странами, то в будущем русский язык останется таким, каким он был раньше».* *«Считаю, будет популярен, если дать возможность университетам обмен студентов и преподавателей, и развить связи государственный и частный секторы».* *«По моему мнению, России тоже надо активно работать по распространению русского языка. Например, как сейчас хорошо работает над этим КНР».*

О том, что у русского языка в Монголии имеется социокультурный потенциал, можно судить по таким мнениям респондентов: *«Я очень надеюсь, и даже мечтаю о том, чтобы русский язык стал более популярным в Монголии, чтобы в наших школах, вузах этот язык стал обязательным предметом в программе».* *«Перспектива изучения русского языка всегда будет, если только на это будут обращать внимание».* Хотя возможен и такой вариант: *«Поезд уехал. Через поколение никто не будет владеть русским на уровне родного языка. Только выпускники двух-трех русских школ будут иметь более ли менее удовлетворительное знание языка – меньше 200 выпускников в год».*

Таким образом, в настоящее время в языковой ситуации Монголии можно наблюдать значительные перемены в положении русского языка, которые обусловлены социально-экономическими и демократическими преобразованиями, возрождением национальных исторических традиций, попыткой ускорить выход Монголии на мировую арену.

Источники и литература

Фомин Б. Н., Эрдэнэмаам С. Русистика Монголии. Краткий очерк. Библиография. Документы / под ред. Э. Равдана. Улан-Батор: филиал ИРЯ имени А. С. Пушкина, 1991.

МОДЕРНИЗАЦИЯ МОНГОЛЬСКОГО НОМАДИЗМА В 1930-Е ГГ.¹

В статье рассматривается модернизация в 1930-е гг. овцеводства, выгодного направления nomadic хозяйства монголов. Она осуществлялась правительством МНР для создания устойчивой экономики с помощью советских ученых и специалистов. Интенсификация проводилась за счет селекционной работы в овцеводческом опытном госхозе. В результате были созданы отары овец монгольской породы, тонкорунных мериносов и метисов. Каждая содержалась в определенном режиме: кочевом, стойловом и полукочевом. Проведенные советскими специалистами исследования эффективности показали небольшое преимущество отар при затратном стойловом содержании. Селекционная работа преследовала цель получить доминантный и консолидированный тип генерации метисов с преобладающими и закрепленными полезными признаками исходных родительских форм: стойкость монгольской овцы и шерстная продуктивность мериносов. В 1930-е гг. советские специалисты доказали, что экстенсивное кочевое скотоводство Монголии, в том числе овцеводство, нуждается в модернизации, осуществляемой за счет селекционной работы. Их опыт положил начало активной селекционной работе в области овцеводства в стране, продолжающейся в XXI в.

Ключевые слова: Монголия, СССР, научное сотрудничество, номадизм, овцеводство, модернизация, селекция.

S.G. Zhambalova
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

MODERNIZATION OF MONGOLIAN NOMADISM IN THE 1930s

The article discusses modernization of sheep breeding, the most profitable direction of the nomadic economy of the Mongols in the 1930s. It was carried out by the government of the MPR to create a stable economy with the help of some Soviet specialists. The intensification was carried out at the expense of selection work in an experimental sheep-breeding state farm. As a result, flocks of local sheep, fine-fleeced merino and mestizo were created. Each was kept in a specific regime: nomadic, stall and semi-nomadic. Studies of the efficiency of flocks carried out by the Soviet specialists showed a slight advantage of flocks with costly stall maintenance. The breeding work pursued the goal of obtaining a dominant and consolidated type of generation of mestizos with predominant and fixed useful traits of the original parental forms (wool productivity of merino and hardiness of the Mongolian sheep). At present, the production demand for wool of coarse-wooled Mongolian sheep has increased due to its high-quality fluff, therefore modern Mongolian scientists carry out breeding work at a new level.

Keywords: Mongolia, USSR, scientific cooperation, modernization, nomadism, sheep breeding, selection.

В 1930-е гг. в Монголии с помощью советских ученых и специалистов, работающих в стране на основании договоров о научном сотрудничестве с СССР, осуществлялась модернизация в овцеводства, отрасли монгольского номадизма. Советские ученые и специалисты провели исследования nomadic хозяйства, выявили его модернизационный потенциал, ресурсы развития данной отрасли хозяйства на новом этапе развития, проверили предлагаемые меры модернизации на опытных участках и опубликовали полученные результаты в журнале «Современная Монголия» (Улан-Батор), которые стали основой настоящей статьи. Актуализирует статью то, что в XXI в.

---

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII-XXI вв.», номер госрегистрации 121031000243-5.

проблема модернизации овцеводства остается открытой. Монгольский исследователь Цэдэвсүрэнгийн Алтанбат считает, что многие интенсивные приемы и методы ведения овцеводства в хозяйствах РФ могли бы быть использованы в Монголии. Это – организация стригальных пунктов для частных семейных хозяйств, интенсивное выращивание молодняка, рациональное кормление овец и др. [Алтанбат 2000]. Кроме того, в Монголии с целью повышения качества получаемой рентабельной продукции до настоящего времени продолжается селекционная работа в овцеводстве.

В видовом составе скота монголов овцы занимают первое место по поголовью и по объему товарной продукции. Это выгодное направление аратского хозяйства, поэтому в постсоциалистическое время поголовье овец постоянно растет. В 1998 г. в стране насчитывалось 14,7 млн. голов овец и по числу овец на душу населения она занимала четвертое место в мире. В целом овцеводство продолжает носить экстенсивный кочевой характер [Алтанбат 2000]. В 2007 г. поголовье продуктивных видов животных составляло 39,6 млн. гол. В структуре стада верблюды занимали 1 %, лошади – 8 %, КРС – 7 %, овцы и козы в одинаковых долях – по 42 % [Биньез, Тогтох 2009: 63]. В 2018 г. маточное поголовье овец составляло 30 млн. голов, поголовье молодняка – около 45 млн. голов, объем экспорта мяса МРС, включая баранину, составил 54 900 т. [Монголия бросает вызов 2018].

Зоотехник А. А. Мелешко, работавший в 1930-е гг. в Министерстве животноводства и земледелия Монголии, занимался практической реализацией задач по модернизации овцеводства. Он описывает результаты опытной работы, проводившейся на базе Ульдзегольского овцеводческого опытного госхоза, организованного в сентябре 1933 г. в северной части Восточного аймака. Госхоз был расположен в трансграничном с СССР районе в лесостепной полосе, где проживали монголы, ведущие кочевой образ жизни, а также буряты, цонголы и баргуты, сохраняющие полукочевой образ жизни. Эта благоприятная природно-географическая и социальная среда позволили проводить здесь селекцию овец и выхаживание молодняка новой породы. В результате метизации местной грубошерстной жирнохвостой монгольской породы с породой тонкорунных овец, мериносами типа Рамбулье, была выведена метисная порода. Затем необходимо было испытать их акклиматизацию к местным природно-климатическим условиям, выявить наличие в них полезных продуктивных качеств и т.д. Основная задача селекционной работы была создать доминантный и консолидированный тип генерации метисов с преобладающими и закрепленными полезными признаками исходных родительских форм: шерстная продуктивность мериносов и стойкость монгольской овцы [Мелешко 1935: 61].

На мировом рынке для фабричного производства требовалась тонкорунная мериносовая шерсть. Шерсть монгольской овцы тогда почти не имела производственного спроса, была неконкурентноспособна из-за биологических качеств, необходимых ей для выживания при кочевом содержании в холодных условиях. В результате метизации в первом поколении была выведена овца с полугрубой, так называемой метисной шерстью [Коняев 1934: 82].

К осени 1934 г. в Ульдзегольском госхозе были сформированы отары трех пород овец: грубошерстных монгольских, тонкорунных мериносов и метисов. Каждая отара имела отдельные условия содержания. Мериносы с октября переходили на зимнее стойловое содержание в теплых кошарах. В открытом дворе, где давали корм, они проводили в сутки полтора – два часа. Их поили из ключа, расположенного рядом. Две другие породы круглый год находились на пастбище и имели в году две кочевки: с июня уходили на летние солончаковые пастбища, а к ноябрю возвращались на зимники. Метисные матки и молодняк зимой получали подкормку сеном, ночь проводили в кошарах. Монгольские отары в течение всего года находились под открытым небом. Молодняк в непогоду загоняли в ночное время под трехстенный навес. Жажду они утоляли снегом, совершали около шести небольших перегонов для смены пастбищ и с апреля становились на окот, где стояли до весенних кочевок в конце мая. Их подкормка сеном проводилась только в период случки и окота [Мелешко 1935: 62-63]. Созданные условия обеспечили удовлетворительную перезимовку всех отар, упитанность овец была выше средней и был небольшой процент отхода (от 2,34 до 6,27 %). Процент падежа у овцематок монгольской породы немного превышал падеж у метисных овцематок, при этом наибольший процент давали разные болезни – 4 % [Мелешко 1935: 60]. Как видно, разница не была существенной.

Опыт селекционной работы в овцеводстве Монголии, заложенный в 1930-е гг., продолжается. В XXI в. в Монголии насчитывается около 20 пород овец, большинство из которых создано на основе грубошерстной монгольской овцы: Орхон, Байдраг, Хангай, Кирей, Сартуул, Илүү нугаламт, Баяд,

Говь-Алтай, Сутай, Торгууд, Үзэмчин, Барга, Дархад и др. Многие из них выведены монгольскими учеными [Майдар]. Востребованность их шерсти, возможно, обусловлена высоким содержанием в ней пуха, превосходящим иногда тонину мериносовой шерсти [Коняев 1934: 86]. Также в Монголии и мире сохраняется спрос на войлок и другие изделия из грубой шерсти. С 2010 по 2013 гг. проводились исследования трех пород овец Восточной Монголии – монгольской, узэмчин и алтанбулаг, разводимых в опытных традиционных хозяйствах у отрогов Хэнтэя [Сандакова, Дангасурен 2015: 80]. В 2017 г. в целях улучшения породных и продуктивных качеств поголовья овец в стране по инициативе Министерства сельского хозяйства и легкой промышленности из Франции доставлены 657 овец четырех пород: суффолкская, романовская, меринос и берришон-дю-шер [Мандирмаа].

В 1930-е гг. советские специалисты доказали, что экстенсивное кочевое скотоводство Монголии, в том числе овцеводство, нуждается в модернизации, осуществляемой за счет селекционной работы. Их опыт положил начало активной селекционной работе в области овцеводства в стране.

Источники и литература

Алтанбат Цэдэвсүрэнгийн. Организационно-экономическое обоснование развития овцеводства в Монголии: автореф. ... дис. ... канд. экон. наук. М., 2000. 20 с.

Биньэе Б., Тогтохбаяр Н. Современное состояние животноводства Монголии // Вестник Иркутской гос. сельхозакадемии. 2009. № 34. С. 62–67.

Коняев С. Монгольская шерсть // Современная Монголия. 1934. № 1 (4). С. 82–88.

Майдар Сосорбарам. В Монголии появилась новая перспективная порода овец. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://asiarussia.ru/news/7786/> (дата обращения: 05.05.2021).

Мандирмаа А. В Монголии собираются разводить и выращивать овец мясо-шерстного направления [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://montsame.mn/ru/read/160723>. (дата обращения: 03.05.2021)

Мелешко А. Первые опыты по овцеводству в Монголии (Ульдзегольский овцеводческий опытный госхоз) // Современная Монголия. 1935. № 1 (8). С. 58–77.

Монголия бросает вызов лидерам по разведению овец и экспорту баранины баранины. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.lovcevod.ru/novosti/mongoliya_brosaet_vyzov_lideram_po_razvedeniyu_ovec_i_ehkportu_baraniyu/ (дата обращения: 03.05.2021).

Сандакова С. Л., Дангасурен Б. Влияние стихийных природных бедствий на состояние популяций овец Восточной Монголии // Вестник Бурятского гос. университета 2014. № 4 (1). С. 80–82.

М. П. Чебодаева
 Хакасский научно-исследовательский институт
 языка, литературы и истории
 Абакан, Российская Федерация
 chebodaevamp@mail.ru

МОНГОЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРАДИЦИОННУЮ ОДЕЖДУ ХАКАСОВ (XVIII – НАЧ. XX ВВ.).

В статье рассматривается покрой хакасской шубы *идектиг тон*, халата *торгы тон* и безрукавки *сигидек*, а также декорирование одежды линейным орнаментом *чек*. Исследования ученых и путешественников в XVIII–XX вв. традиционной культуры хакасов свидетельствуют о том, что у хакасов была кочевническая культура, схожая с культурой народов Центральной Азии.

Ключевые слова: художественная культура, линейный орнамент *чек*, традиционный костюм, кочевая культура, хакасы.

M. P. Chebodaeva
 Khakas Research Institute of Language, Literature and History
 Abakan, Russian Federation

MONGOLIAN INFLUENCE ON TRADITIONAL KHAKAS CLOTHING (18th – EARLY 20th CENTURIES)

The author considers cut of the Khakas fur coat *idektig ton*, the robe *torga ton*, the shirtless *sigidek* and the decoration of clothing with the linear ornament *cheek*. The research of scientists and travelers in the 18th – 20th centuries of the traditional culture of the Khakas shows that the Khakas had a nomadic culture similar to the culture of the peoples of Central Asia.

Keywords: artistic culture, linear ornament *cheek*, traditional costume, nomadic culture, Khakas.

Традиции в национальном костюме хакасов были связаны, прежде всего, с кочевым образом жизни и суровым континентальным климатом, с резкими перепадами температур. Национальная одежда хакасов хорошо приспособлена к кочевому образу жизни. Длительная езда в седле требовала такой одежды, которая не стесняла бы свободного движения наездника.

В национальном костюме хакасов нашли отражение и элементы одежды, связанные с монгольским влиянием в XII–XIII вв. Это влияние было значительным и главным образом отразилось в покрое свадебной хакасской шубы *идектиг тон*, халата *торгы тон*, безрукавки *сигидек* и декорировании одежды линейным орнаментом *чек*, который использовался также в прикладном искусстве хакасов (украшение подголовников, сумочек и чепраков). Подобный линейный орнамент встречается также у алтайцев, калмыков, бурят и тувинцев.

Своеобразной была старинная хакасская женская шуба *идектиг тон*. Особенностью покроя этой шубы была прямая спинка, скроенная в талию, с глубокими остроугольными проймами рукавов. На уровне колен шуба собиралась в сборки при помощи ниток из воловьих жил, образуя как бы воланы, которые ограничивали свободное движение женщины. Левая пола с четырехугольным ступенчатым выступом глубоко запахивалась на правую сторону, шуба застегивалась на две пуговицы. Воротник делали стоячий или отложной из мерлушки или выдры. Края рукавов делались обычно полукруглыми с опушкой из шкурки мерлушки или выдры, которая прикрывала кисти рук. Длина шубы была почти до пола. Шуба была обрядовой одеждой качинцев.

В 1770 г. Хакасию посетил адъютант Петербургской Академии наук, немецкий ученый П. С. Паллас, который писал об одежде качинцев: «Зимую они обыкновенно рубах не носят, но только долгую шубу с узкими рукавами... Только богатые носят овечьи или бараньи шубы... Женская одежда весьма мало разнится от обыкновенной калмыцкой... Одежда баб, а особливо их шубы, совершенно особого покрою, который придает им хороший вид...» [Паллас 1799: 460–461].

В 1847 г. в статьях сибирского писателя-краеведа, учителя иркутской гимназии Н. С. Щукина «Народы турского языка, обитающие в Южной Сибири» (1847) и «Минусинский округ» (1856) дается описание мужской и женской одежды минусинских инородцев. Исследователь указал, что женские праздничные шубы имеют монгольский покрой и покрываются шелковой материей: «У женщин

праздничный наряд совершенно монгольский: тот же дыгыль, накрытый китайской шелковой материей» [Шукин 1847: 46].

В XVIII в. качинцы носили в основном шелковые халаты *торгы тон*, что подтверждается иллюстрациями из книги И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и др. достопамятностей» (СПб., 1799). Ученый дал описание халата, который, по его мнению, схож с бурятским: «... тонкое нижнее платье из китайки, шелковой материи и прочее, а верхнее в перехвате с долгими полями. Сие последнее шьется из тонкого сукна, и шелковых материй или кожи хотя, одна пола заходит за др., однако оно ложится около тела плотно и гладко» [Георги 1799: 151].

Такой халат *торгы тон* сохранился в настоящее время в фондах Хакасского национального краеведческого музея. Особенностью покроя *торгы тон* была схожесть с покроем шубы *идектиг тон*. Это прямая спинка, скроенная в талию, с глубокими остроугольными проймами рукавов. На уровне колен шуба собиралась в сборки при помощи ниток из воловьих жил, образуя как бы воланы, которая ограничивала свободное движение женщины. Левая пола с четырехугольным ступенчатым выступом глубоко запахивалась на правую сторону, халат застегивался на две пуговицы. Воротник делали стоячий. Края рукавов делались обычно полукруглыми с опушкой из шкурки мерлушки или выдры, которая прикрывала кисти рук. Длина халата была почти до пола.

Безрукавка *сигедек* – традиционная женская одежда хакасов. Помимо хакасов подобная безрукавка была широко распространена в костюме народов Центральной Азии (Горный Алтай, Калмыкия, Бурятия и Тува). Безрукавка у хакасов называлась *сигедек*, у алтайцев *чегедек*, калмыков *цегдык*, бурятов- *хубайси* и *дэгэлэй*, тувинцев *чегедэк* и монголов *цэгэдэк*.

Безрукавка *сигедек* относилась к свадебной одежде замужней женщины. Шили его из замши или ткани (бархата, шелка) на подкладке. Вырезы рукавов делались очень глубокими. Спинка делалась в талию. Подол сзади разреза не имел. Полочки одинаковой ширины соприкасались краями, но не запахивались, спереди застегивались на несколько пуговиц из маленьких красных кораллов. Вырезы рукавов, ворот и верх запаха обшивались черным плисом, вышитым разноцветными шелковыми шнурками в три ряда *чеек салган*. Длина *сигедека* была на уровне коленей, т.е. должна быть короче шубы. Подол обшивался иногда бахромой, и на спинке *сигедека* делалась вышивка. *Сигедек* надевался поверх свадебной шубы, носили его только замужние женщины.

Сейчас трудно установить, когда у хакасов появилась такая форма традиционной одежды, как безрукавка *сигедек*. Но первое упоминание в литературе о ней мы встречаем в 1737 г., когда она была впервые описана как предмет одежды в составе качинского костюма служилым атаманом Мугунчаковым: «А женский полк носят зимою тулупы, а летом носят жайлоки по их вере и сверх того носят чигилек (сигидек), подобен басроку» [Андреев 1937: 102].

В 1898 г. А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков в книге «Минусинские и ачинские инородцы (материалы к изучению)» описали декорирование безрукавки *сигидек* – подола, пол, вырезок рукавов и воротника. Иногда это обшивка была из плиса, который зашивался в виде узора золотыми шнурами, иногда это был просто позумент, чаще же всего это было очень плотное шитье из шелка радужных цветов, подобранных в тень, и по виду напоминающее широкую плетеную тесьму.

В 1959 г. в Сталинабаде издана книга этнографа Ю. А. Шибаевой «Одежда хакасов», которая отметила, что *сигидек* у хакасов на заказ шили особые мастерицы по *чееку* (*чеек салчан кизи*). Исследователь указала материал, из которого шилась безрукавка, технику шитья и декорирование *сигидека* бахромой из шелковых кистей и шелковых нитяных завязок у ворота, дорогими пуговицами и вышивкой шелком по линии шва, обшивкой из позумента или тесьмы.

В 1912 г. этнограф А. В. Адрианов в статье «Об орнаменте у сибирских инородцев» выделил у хакасов старинный линейный орнамент *чеек*. Об орнаменте исследователь писал: «предмет обшивался по краю и параллельно ему тонкими разноцветными шнурками, тесно и параллельно наложенными и образующими полоску около сантиметра шириной. Так как здесь не накладывался готовый уже шнурок, а он образовался путем густого прошивания материи, то этого рода вышивки представляли чрезвычайно кропотливую, медленную и тяжелую работу, при всей своей простоте и однообразии гораздо более трудную, чем все другие вышивки» [Адрианов 1911–1912: 106].

Таким образом, линейный орнамент *чеек* занимал важное место в традиционной культуре хакасов в XVIII – начала XX вв., который в культуре хакасов был связан с монгольским влиянием. В 1930-е гг. в Хакасии данный линейный орнамент еще встречался повсеместно на традиционной одежде хакасов, но уже начинал постепенно выходить из употребления.

Источники и литература

Адрианов А. В. Об орнаменте у сибирских инородцев // Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. СПб. 1911–1912. Т. 1. С. 102–108.

Андреев А. И. Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири // Советская этнография. 1936. № 6. С. 93–103.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и др. достопамятностей. СПб., 1799. 4 т. Ч. 1–2.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб.: Императорская Академия Наук. В 3 ч. 1773–1788.

Щукин Н. С. Народы турского языка, обитающие в Южной Сибири // Журнал Министерства Внутренних дел. СПб., 1847. Ч. 18. С. 255–284.

А. В. Иванов
*Алтайский государственный аграрный университет
Барнаул, Российская Федерация
ivanov_a_v_58@mail.ru*

Т. А. Артамонова
*Алтайский государственный аграрный университет
Барнаул, Российская Федерация
art-katun@mail.ru*

«ОСЕВЫЕ» ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ: СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ¹

В статье дается определение «осевым» территориям, а также рассмотрены их функции и характерные черты. В горном регионе Алтая, включающем и Западную Монголию, к таким территориям можно отнести массивы Белухи и Табын-Богдо-Ола с прилегающими долинами. Их влияние на жизнь коренных народов определяется довольно широкими временными рамками, в течение которых прослеживаются периоды всплесков и затухания этнического самосознания. «Осевые» территории характеризуются сочетанием природных и рукотворных сакральных объектов, объединенных в комплексы культурного ландшафта. Они выражают традиционные духовные ценности этнических сообществ, проживающих в данном регионе. По мнению авторов, с такими территориями связана как историческая память народа, так и его будущность. Важно отметить, что «осевые» территории скрепляют не только определенную этническую группу, но и усиливают межэтнические и межкультурные связи. В статье рассмотрены примеры трансграничного сотрудничества по сохранению и изучению «осевых» территорий.

Ключевые слова: «осевые» территории, Алтай, Западная Монголия, Эрдэнэбурэн, Таван Богд, Белуха.

V. Ivanov
*Altai State Agricultural University
Barnaul, Russian Federation*

T. A. Artamonova
*Altai State Agricultural University
Barnaul, Russian Federation*

«AXIAL» TERRITORIES OF ALTAI AND WESTERN MONGOLIA: MODERN SCIENTIFIC AND RELIGIOUS SIGNIFICANCE

The article defines the "axial" territories, and also considers their functions and characteristics. Such territories include the Belukha massif and Tabyn-Bogdo-Ola with adjacent valleys in the Altai mountain region, which includes Western Mongolia. Their influence on the life of indigenous peoples is determined by a fairly wide time frame, during which periods of bursts and fades of ethnic consciousness are traced. «Axial» territories are characterized by a combination of natural and man-made sacred objects, united in the complexes of the cultural landscape. They express the traditional spiritual values of the ethnic communities living in the region. According to the authors, such territories are associated with both the historical memory of the people and their future. It is important to note that the "axial" territories held together not only a certain ethnic group, but also strengthen interethnic and intercultural ties. The article considers examples of trans boundary cooperation in the conservation and study of "axial" territories.

Keywords: "axial" territories, Altai, Western Mongolia, Erdeneburen, TavanBogd, Belukha.

Этнос, по определению Л. Н. Гумилева, представляет собой особую социально-историческую и природно-географическую целостность. Формирование этноса связано с определенной

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44073 «Диалог науки и религии: исторические традиции, современные тенденции, проблемы и перспективы».

территорией, определяющей не только хозяйственно-бытовой и социально-экономический уклад. Духовная жизнь народа, его предания, религиозные обряды и культурные традиции в большинстве случаев также имеют определенную территориальную привязку. Подобные территории можно обозначить как «осевые», по аналогии с осевым временем Карла Яспера. Их влияние на жизнь этноса определяется довольно широкими временными рамками, в течение которых прослеживаются периоды всплесков и затухания этнического самосознания. Каждый новый всплеск ведет к возрождению «осевой» территории, освежая традиционные ценности народа и наполняя их новыми импульсами развития. Так, Куликовское поле является символом единения и стойкости русского народа, пространственно-временным воплощением этих ценностей в веках.

Таким образом, «осевые» территории – это «точки сборки» этноса. Именно с этими территориями связана историческая память народа. Как правило, эти территории представляют и природную ценность, обладая уникальными ландшафтами и являясь центрами биоразнообразия и произрастания эндемиков.

«Осевые» территории благодаря своим уникальным социокультурным и природно-географическим проявлениям выполняют ряд важных функций:

- формируют и хранят ключевые мировоззренческие представления этноса, обеспечивая связь поколений и передачу традиционной системы ценностей;
- являются устойчивыми носителями и хранителями исторической памяти, запечатленной в устных и письменных источниках, а также в обрядовой и ритуальной деятельности;
- формируют эмоционально-психологическое чувство родства и сплоченности у членов этнокультурной общности, являясь существенным фактором ее непрерывного существования во времени;
- обеспечивают устойчивость хозяйственно-бытового уклада и воспроизводство традиционных промыслов;
- способствуют поддержанию биосферной целостности ландшафтов данного региона.

В качестве основных критериев можно выделить следующие характеристики «осевых» территорий:

1. почитание местным населением, а зачастую и мировым сообществом как культовых мест. Такие территории получают и официальное государственное признание. Так, на священных горах Западной Монголии (ТаванБогд и Сутай) проводятся обряды с участием государственных лиц страны [Цэдэв 2009]. Используются самые разнообразные формы почитания «осевых» территорий: от традиционных обрядов и ритуалов до современного паломнического туризма.

2. связь с важными историческими или культурно-религиозными событиями. Поэтому к «осевым» территориям могут быть привязаны и «осевые» тексты национальных культур: эпические сказания, устные предания, легенды.

3. сочетание природных и рукотворных сакральных объектов, объединенных в комплексы культурного ландшафта, представляющего собой природно-символическую целостность и выражающего традиционные духовные ценности этнических сообществ данного региона.

На Алтае к одной из значимых «осевых» территорий можно отнести горный массив Белухи с прилегающими долинами. Белуха находится в самом центре Евразии, на границе России и Казахстана. Расположенная на пересечении древних миграционных путей, эта территория, в особенности Уймонская долина, хранит многослойную историческую память [Алтай-Гималаи... 2017]. Белуха в качестве священной вершины на Алтае почитается многими коренными народами (алтайцами, казахами, западными монголами). Образ Белухи фигурирует в огромном количестве сказаний, легенд, мифов. Ряд современных исследователей находят существенные параллели между древними индийскими сказаниями и представлениями коренных народов Алтая о Белухе [Останин 2012].

В Западной Монголии к «осевым» территориям можно отнести долину Эрдэнэбурэн. На ее просторах обитают редкие «краснокнижные» животные. Эта долина представляет собой величественный природный «храм», обрамленный горными массивами: Цамбагарав («место, где вознесся Цампа»), а также гора Алтын-хухий-уул, которая официально признана священной горой Ховдского аймака. В долине расположено множество ритуальных комплексов с петроглифами, менгирами и кэрэксурами [Иванов 2011]. В 1892 г. здесь был основан буддийский монастырь

Гандапунцаглан, который был центром просвещения и духовной жизни сомона Эрдэнэбурэн [Буддийская традиция... 2015: 174–175].

Значимость «осевых» территорий не исчерпывается глубиной их исторической памяти. Они остаются объектами почитания как в традиционных, так и в новых культурных формах. Так, Белуха стала местом современного нерелигиозного паломничества. Ее образ широко отражается в творчестве наших современников: поэтов, писателей, художников, фотографов. У подножья Белухи была построена часовня архангела Михаила в память о погибших альпинистах, спасателях и туристах. В долине Эрдэнэбурэн вновь проводятся обряды, и возрождается искусство сказителей. Потребность в чистоте, возвышенности, ощущении благодатной наполненности заставляет нынешнее поколение приобщаться к ценностям и смыслам, укорененным в пространственно-временной структуре «осевых» территорий.

«Осевые» территории также усиливают межэтнические и межкультурные связи. Так, Белуха с приходом русских переселенцев стала почитаться и в среде русских православных крестьян. В западных предгорьях Алтая, ныне являющихся территорией Восточно-Казахстанской области, располагался буддийский монастырь Дархан Цорджин хийд, называвшийся в русских источниках «Семь палат», а впоследствии давший название русскому городу Семипалатинску [Буддийская традиция... 2015: 15–16].

В современности наиболее наглядным примером трансграничного сотрудничества является горный массив Таван Богд (алт. Табын-Богдо-Ола), который расположен на границе России, Монголии и Китая. С российской стороны этот горный массив и прилегающее плоскогорье Укок в 1997 г. вошли в список Всемирного Природного Наследия ЮНЕСКО. Работа по приданию статуса ЮНЕСКО монгольской части Табын-Богдо-Ола ведется вот уже несколько лет западно-монгольскими специалистами с участием российских ученых.

В качестве заключения следует отметить, что «осевые» территории требуют защиты и изучения. Не случайно сегодня они становятся не только объектами возрождающегося религиозного почитания, но и международного научного исследования. Это говорит о неисчерпаемости их ценностно-смыслового потенциала, их способности наполнять новым содержанием укоренившиеся в сознании этноса мировоззренческие представления и культурные коды. Поэтому «осевые» территории – это и мост из прошлого в будущее, с ними связан процесс закрепления духовно-экологической цивилизационной будущности нашей планеты.

Источники и литература

- Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии / под ред. А. В. Иванова, И. В. Фотиевой. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017. 336 с.
- Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг. М.: Наука – Вост. лит., 2015. 238 с.
- Иванов А. В. Сакральные территории как хранительницы традиционных ценностей евразийских народов (на примере плоскогорья Укок на Алтае и долины Эрдэнэбурэн в Западной Монголии) // Новые исследования Тувы. 2011. № 4. 2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.tuva.asia/journal/issue_12/4194-ivanov.html (дата обращения: 01.07.2021).
- Останин В. В. Гора Белуха в Махабхарате (опыт пространственной ориентации) // Алтай – Гималаи: два устоя Евразии. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2012. С. 34–48.
- Цэдэв Н. Х. Священная гора Сутай и обряды, связанные с ее государственной сакрализацией // Ценности и культурные константы народов западной Монголии (Евразийские этюды). Улан-Батор, 2009. С. 69–76.

В. В. Ушницкий
 Институт гуманитарных исследований и
 проблем малочисленных народов Севера СО РАН
 Якутск, Российская Федерация
 voma@mail.ru

КИЯН И НУКУС (НОХОЙ): ХОЖДЕНИЕ НА КРАЙНИЙ СЕВЕР (К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА МОНГОЛОВ)

В статье рассматривается версия северной прародины предков монгольского народа. Как рассказывается в «Сокровенном сказании монголов», предки монголов Киян и Нукус перешли через внутреннее море – Тэнгис и удалились в труднодоступную местность Эргуне-кун. Высказывается мнение о пребывании предков монголов Кияна и Нукуса в заполярных районах Якутии на основе наличия этнопонимов Киян и Нохой на Севере. Персонофицированный этноним Буртэ-Чино связывается с родом Бёрё-Бётюнг в составе саха. Таким образом, предки монголов могли ходить далеко на Север и там найти свою новую родину, где сформировались в племя монголов.

Ключевые слова: этногенез, монголы, фольклорные источники, северная прародина, историография.

V. V. Ushnitsky
 Institute for Humanitarian Research and Problems
 of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS
 Yakutsk, Russian Federation

KIYAN AND NUKUS (NOKHOI): WALKING TO THE FAR NORTH (TO THE PROBLEM OF ETHNOGENESIS OF THE MONGOLS)

The article discusses the version of the northern ancestral home of the ancestors of the Mongol people. As the "The Secret History of the Mongols" tells, the ancestors of the Mongols Kiyam and Nukus crossed the Tengis inland sea and retired to the hard-to-reach area of Ergune-kun. An opinion is expressed about the presence of the ancestors of the Mongols Kiyam and Nukus in the polar regions of Yakutia on the basis of the presence of ethnotoponyms Kiyam and Nokhoi in the North.

Keywords: ethnogenesis, Mongols, folklore sources, northern ancestral home, historiography.

В статье рассматривается проблема пребывания представителей монголоязычных родов на территории современной Якутии. Впервые проблему их проникновения поставил Г. В. Ксенофонов, доказывавший проникновение представителей монголоязычных родов *югюлээт, тумат, хоро, баатылы* в северные районы, в результате чего сформировались оленные северные саха [Ксенофонов 1992].

Следует предполагать о том, что с чиносами-шоноевцами имели этническую связь *бөтүнһы* в составе саха, потомки легендарного предка всех монголов Буртэ-Чино. Нужно отметить и тот факт, что один из наслегов Западнокангаласского улуса назывался Бөртө. И среди нюрбинских кангаласцев имелся род Бөртө. Среди колымских кангаласцев существовал род *бөрө-бөртөлөр* [Иванов 1982: 49–50]. Название рода *бөртө* полностью совпадает с именем праотца монгольских ханов Буртэ-чино, что буквально означает ‘пятнистый волк’.

Б. О. Долгих по созвучию «Бетильский» – «Петайский» (название тунгусско-юкагирского рода в верховьях Яны в XVII в., входившего, вероятно, в юкагирское и уже сильно смешавшееся с тунгусами племени *онойди*) предполагал, что это одно и то же наименование [Долгих 1960: 391]. Бетильцев выводят из якутского рода *бётюнг*, которые сравниваются с названием легендарного прародителя всех монголов Буртэ-Чино. Предполагается участие представителей якутского рода *бётюнг* в происхождении петайского рода, однако нами допускается раннее проникновение *бёрё-бётюнгцев* в этническую среду тунгусских этносов и юкагиров.

П. Б. Коновалов не сомневается в приходе с юга племени предков Буртэ-Чино, т.е. «чиносцев» из племени «киян» на «землю Дзад» в Северной Монголии в район к востоку от озера Хубсугул [Коновалов 1999: 34].

Г. М. Василевич, говоря о юкагирском имени Коет, отмечает, что через группу оленных эвенов, которые распространились по отрогам Яблонового, Станового и Верхоянского хребтов, по видимому, проникло к юкагирам и название древнего монгольского рода Коят [Василевич 1958: 9–106]. Б. О. Долгих, говоря о роде Коеты (Кояты) в русских документах XVII в., полагал, что его название является созвучным с современными *кеймети* или *коетметты* и воздержался уточнить принадлежность этого рода к тунгусам [Долгих 1960]. В свою очередь, В. А. Кейметинов считает, что слова *коеты* и *коет* имеют эвенское происхождение. Он эти названия выводит от эвенского *киетты* со значением ‘смотреть, глядеть’ [Кейметинов 1996: 159].

Также А. А. Саввин обнаруживает племя ногайцев *ньогойдор* в Усть-Янском районе. Их называли Хосолоох Борогон. Они имели родовой сугулан, возглавлявшийся князем, и поклонялись орлану. Самостоятельным родом ногайцев считались *юэдэйцы*, селившиеся на р. Аллаиха, имевшие тотем лебедя [Саввин Д. 44. Л. 336, 341, 351; Д. 73. Л. 98–99; Бравина 2017: 100].

Род Нохой на Аллаихахе следует считать потомками не ногайцев, которые образовались только в XV в., а древнейшего племени монголов *нохос*, *нукуз*, *негус*, входившего в состав дарлекинов, вышедших из Эргунэ-Куна. В «Сборнике летописей» описана легенда о бегстве двух людей по имени Киян и Нукуз в благодатное место с обилием растений и зверей. За сотни лет их потомки размножились в целый народ, и вышли оттуда [Рашид-ад-Дин 1952: 184].

Этноним *нохой*, *нукуз* также сравним с современной интерпретацией иероглифа, обозначающего кочевой народ жужаней – «нанар, нокор». По мнению Б. Р. Зориктуева, эпоним Нукуз тождествен образу прародителя Буртэ-Чино, оба названия олицетворяют клан с тотемом «волка, собаки» [Зориктуев 2011: 15].

Культ собаки имеет распространение у хоринских родов. По легендам их предок ходил на Крайний Север, где жил с одной собакой [Румянцев 1962]. Якутские археологи в Виллое обнаружили захоронение собаки [Бравина, Петров 2018]. Захоронение собаки обычно связывают с самодийцами, но подобный сакральный обычай могли иметь предки монголоязычных народов, у которых был распространен мифологический сюжет культа собаки / волка.

Исследователи давно заметили сходство некоторых эвенкийских родовых названий с монгольскими. Любопытно, что эвено-эвенкийские этнонимы сходятся с названиями изначальных монгольских племен – дарлекин, вышедших из легендарной прародины Эргунэ-кун. Это кияты – коеты, югюлээты – угуляты, хатагины – хатыгыны, баяуты – баяки, джалаиры – иологиры, а также монголы – род монголь [Туголуков 1980, 1985: 189, 225, 125, 109, 139]. К тому же следует отметить, что якутские иологиры, баяки, коеты, югюлээты, монголы – наиболее отсталые в культурном отношении «пешие» эвенкийские роды, что говорит о древности их прибытия на территорию Якутии.

Источники и литература

Саввин А. А. Выписки и записи из разных источников по истории Якутии // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Д. 44. Л. 336, 341, 351.

Саввин А. А. Выписки и записи из разных источников по истории Якутии // Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Д. 73. Л. 98–99.

Бравина Р. И. Новая старая гипотеза о происхождении якутов (к 100-летию этнографа, фольклориста и краеведа А. А. Саввина) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017б. № 2 (37). С. 94–105.

Бравина Р. И., Петров Д. М. «Оленекская хосунная эпопея» и легенды о туматах: этногенеалогия северных и виллойских якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018б. № 1 (22). С. 26–35.

Василевич Г. М. К вопросу о тунгусах и ламутах Северо-Востока в XVII–XVIII вв. Ученые записки ИЯЛИ ЯС АН СССР, 1958. Вып. 5.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.

Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Восточная литература, 2011. 278 с.

Иванов М. С. Дойду сурахтаах, алаасааттаах (Топонимы Якутии). Якутск: Якутское кн. изд-во, 1982. 232 с.

Кейметинов В. А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. Якутск: Мирн. гор. тип., 1996. 186 с.

Ксенофонтов Г. В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1977. 245 с.

- Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.
- Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 268 с.
- Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 152–177.
- Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. 285 с.
- Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. Красноярск: ИД «Сибирские промыслы», 2013. 336 с.

РАЗДЕЛ 6. ТРАНСГРАНИЧНОЕ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

DOI: 10.53954/9785604607886_169

А. К. Тулохонов, А. С. Михеева, В. С. Батомункуев, Т. А. Болданов
Байкальский институт природопользования СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
aktulohonov@binm.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

В статье дан анализ существующей системы транспортных перевозок, ориентированных преимущественно на сырьевой экспорт. Рассмотрена структура перевозок российских железных дорог, объемы поставок сырья в Китай. Отмечается, что в ближайшие десятилетия неизбежно произойдет сокращение углеводородной электрогенерации и переход на «зеленую» экономику, что неизбежно сократит мировую потребность в российских углеводородах. Представлены планы развития российских транспортных систем и их место в международных транспортных коридорах, риски и ограничения основных транспортных потоков через Суэцкий канал, Северный морской путь. Предлагается рассмотреть возможности оптимизации грузовых перевозок и снижение затрат на новое транспортное строительство, прежде всего, за счет сокращения порожних перевозок, снижения конкуренции международных транспортных перевозок.

Ключевые слова: международные транспортные коридоры, эффективность перевозок.

A. K. Tulokhonov, A. S. Mikheeva, V. S. Batomunkuev, T. A. Boldanov
Baikal Institute of Nature Management of the SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS: RISKS AND PROSPECTS

The article analyzes the existing system of transportation, focused mainly on raw materials export. The transportation structure of Russian railways and the volume of deliveries of raw materials to China are reviewed. It is pointed out that there will inevitably be a reduction in hydrocarbon power generation and a transition to a «green» economy in the coming decades, which will reduce the global demand for Russian hydrocarbons. The development plans of Russian transport systems and their place in the international transport corridors, risks and restrictions of the main transport flows through the Suez Canal and the Northern Sea Route are presented. It is offered to consider the possibilities of optimizing freight transportation and reducing the cost of new transport construction, primarily by reducing empty traffic, reducing competition in international transport.

Keywords: international transport corridors, transport efficiency.

Стратегические цели мировых держав направлены на стабильное развитие экономики, процветание и могущество государства, обеспечение национальной безопасности, что требует новых моделей сотрудничества. Для достижения поставленных целей необходима политическая координация, связанность транспортных путей, взаимосвязь инфраструктуры, либерализация торговли, свободное передвижение капитала и укрепление взаимопонимания между народами. Кроме того, необходимо учитывать, что во всем мире происходят события, связанные с развитием «зеленой» энергетики, глобальным изменением климата, новой промышленной революции и сокращением углеродной экономики.

Современная геополитическая ситуация, рост всевозможных санкций и вместе с тем действие открытости мировой экономики диктуют вхождение российской экономики в систему международных торговых связей и, в первую очередь, трансконтинентальных транспортных коридоров.

В последние годы в Правительстве РФ активно рассматривается документ по комплексному освоению территории на основе транспортных пространственно-логистических коридоров «Единая

---

¹ Работа выполнена в рамках выполнения государственного задания БИП СО РАН.

Евразия» между Европой и Азией с опорой на высокоскоростной железнодорожный комплекс и Северный морской путь [Комплексное... 2019]. В планах авторов проекта связать экономические интересы 23 российских регионов, создать несколько миллионов рабочих мест, обеспечить рост ВВП страны до 4–5 %. Его стоимость оценивается в 18 трлн. руб. и время окупаемости составит 8 лет. Реализация таких грандиозных экономических проектов требует системного анализа достоинств и недостатков, оценки реальной ситуации на рынке глобальных, федеральных и региональных транспортных услуг. По мнению большинства аналитиков, существующие транспортные сети перегружены и не справляются с потребностями сырьевого экспорта.

С этой точки зрения возникает вопрос о том, как и насколько эффективно используются возможности железных дорог, что они перевозят, кому это выгодно, можно ли повысить эффективность этих перевозок и другие вопросы. По объемам перевозок на РЖД за последние годы основную долю перевозок занимает уголь (372 млн. т.), нефть и нефтепродукты (232 млн. т.), железная и марганцевая руда (120 млн. т.). Только в Кузбассе в сутки загружается до 10 тыс. вагонов угля. С ростом качества и количества скоростных дорог часть грузоперевозок, особенно на короткие расстояния, неизбежно перейдет на автомобильный транспорт.

По мнению большинства экспертов, в ближайшее время потребление углеводородов изменит энергетический рынок. В Минэнерго РФ считают, что через 10–15 лет мир перешагнет пик потребления нефти, за которым последует неизбежное падение, связанное с ростом производства электромобилей [Селезнев 2021].

Однако переход на «зеленую» энергетику, по данным Международного энергетического агентства, уже снизил мировое потребление угля на 7 % по отношению к 2019 г., тогда как спрос на ВИЭ вырос на 0,9 %. В целом доля угля в мировом энергопотреблении достигла 27 % и минимальные показатели за 16 лет [Катков, Волобуев 2021]. Следует отметить, что за последние пять лет цены на энергетический уголь составляли от 42 до 95 долл. за тонну, что соответствует себестоимости продукции и нулевой рентабельности для российских угольных компаний, даже без транспортных издержек, которые почти удваивают экспортные затраты и вряд ли могут существовать без бюджетных субсидий.

Тем не менее, в России реализуются планы расширения пропускной способности основных транспортных магистралей – Транссиба и БАМа до 180 млн. т. В 2020 г. в Китай поставлено 37 млн. т. угля, что почти на млн. т. больше, чем годом ранее. Индия планирует увеличить закупки на 6–7 %. Однако ситуация на мировом угольном рынке находится под сильным давлением «зеленой» энергетики. Так, в Китае решение экологических проблем направлено на ограничение углеродных выбросов, при этом достижение пика выбросов углерода запланировано на 2030 г., а срок углеродной нейтральности намечен на 2060 г. [Ч. Цзиньвэнь, Ч. Яту 2021]. За последние два года потребление газа в Китае выросло на 33 % и в 2024 г. составит до 40 % мирового потребления.

Угольная генерация Китая в абсолютных цифрах снижается второй год подряд, а выработка солнечно-ветровой энергии продолжает экспоненциально расти, при этом в планах снизить потребление угля в электрогенерации в ближайшие годы до 10 %. Кроме того, именно Китай возглавляет рост продаж электромобилей, для которых существует крупнейшая сырьевая редкометаллическая база и государственная политика перехода на электричество всего общественного транспорта. В итоге прогнозы потребления российских угля, нефти и газа (в указанной последовательности) становятся предельно пессимистическими на ближайшие 10 лет [Кузнецов 2021].

Другим конкурентом угольной генерации в Китае является развитие гидроэнергетики. За последние годы здесь реализовано несколько важных проектов, в их числе самая мощная на планете ГЭС «Три ущелья» (22,5 ГВт), ГЭС Цзиньпин-1 с самой высокой арочной плотиной (305 м). В настоящее время КНР ведет строительство еще нескольких масштабных гидроэнергетических проектов (Байхетанская ГЭС и ГЭС Шуанцзянку). В 2020 г. властями Поднебесной предложен план строительства ГЭС в Тибете на р. Ярлунг Цангпо (Брахмапутра) мощностью 60 ГВт, что почти в три раза мощнее существующей ГЭС на Янцзы. В этом месте р. Брахмапутра прорезает восточную окраину Тибетского нагорья и создает идеальные условия для строительства плотины с минимальным затоплением речной долины и максимальным напором будущей плотины. Таким образом, Китай может покрыть все потребности энергетики Южного Китая. Однако эти планы встречают серьезное сопротивление со стороны южных соседей и, прежде всего, Индии,

расположенной в непосредственной близости от планируемых плотин, с которой существуют и другие конфликтные приграничные проблемы.

По оценкам рейтингового агентства АКРА, уголь останется одним из ключевых источников энергии в странах АТР (до 47 %) и резко снижается в странах ЕС (до 13 %). Таким образом, в ближайшие годы угольная генерация в азиатских странах останется основным потребителем российского угля. Поэтому в планах правительства в оптимистическом варианте намечено довести добычу угля к 2035 г. до 668 млн. т. Вместе с тем Россия с некоторым запозданием начинает реализовывать проект «карбоновых полигонов» с целью выхода к 2050 г. на нулевой углеродный баланс. Такая задача, в первую очередь, должна решаться за счет газификации Дальнего Востока, где две трети теплоэлектростанций до сих пор работает на угле.

Рассматривая ситуацию на современном рынке энергоносителей, следует отметить общемировую тенденцию к созданию нулевого карбонового баланса. С возвращением США к Парижскому соглашению по климату резко возросла активность основных производителей энергии к запрету угольной генерации. Наиболее активную позицию в этом вопросе занимают США, которые всеми способами и прямым давлением на своих партнеров пытаются вытеснить потребление угля за счет продажи сжиженного природного газа [Лесных 2021]. Эти процессы не могут не влиять на Россию, занимающую огромное транзитное пространство между промышленными центрами Западной Европы и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В первую очередь, предстоит реально оценить эффективность сырьевого экспорта природных ресурсов Азиатской России, которая определяется транспортными расходами. При этом современная практика внешнеэкономических связей должна учитывать не только существующую конъюнктуру мирового рынка, но и долгосрочную перспективу развития.

С точки зрения географического положения, Байкальский регион можно рассматривать как российские «Ворота в Азию». Через нашу территорию проходит основной объем экспортных грузов в Монголию, Китай, Японию и другие страны Восточной Азии. Сегодня Транссибирская железная дорога ежегодно перевозит до 120 млн. т. разнообразных грузов, в планах увеличение объема до 180 млн. т., прокладка второй колеи на восточном участке БАМа и ее электрификация. При этом вновь, как во времена строительства БАМа, привлекаются воинские строители, восстанавливается социальная инфраструктура тех времен.

Между тем возрастание объемов угольного и другого сырьевого экспорта неизбежно порождает увеличение порожнего пробега вагонов, поскольку в обратном направлении из дальневосточных портов осуществляется экспортный транзит контейнерных грузов из стран АТР. Несмотря на призывы и отчеты правительства о снижении доли сырьевого экспорта в экономике России, статистика утверждает обратное.

По данным ОАО «РЖД», грузооборот в 2019 г. составил 2601,3 млрд. тарифных тонно-километров, а с учетом пробега вагонов в порожнем состоянии – 3301 млрд. тонно-километров, что составляет почти треть от всех перевозок.

Планы развития российских транспортных систем не могут рассматриваться вне ситуации с грузопотоками в международных транспортных коридорах и, в первую очередь, соединяющих Европу с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Сегодня основной транспортный поток в этом направлении идет через Суэцкий канал, который обеспечивает более 90 % потребностей Евросоюза в азиатских товарах. Как правило, перевозки осуществляются гигантскими сухогрузами – контейнеровозами и танкерами, которые за счет объема грузов значительно дешевле сухопутной транспортировки. К числу недостатков морских перевозок относятся сроки доставки грузов, угроза пиратских нападений и возможность заторов в Суэцком канале, подобно недавнему случаю, перекрывшему судоходство почти на две недели с колоссальными убытками для всех транзитеров.

Основные грузовые терминалы перевозок по Суэцкому каналу находятся в восточных портах Китая, Гонконге, Сингапуре, приморских городах Юго-Восточной Азии. При этом часть грузов может транспортироваться через Панамский канал, российские дальневосточные порты и даже вокруг Южной Африки.

Фактически контейнеры из восточноазиатских стран являются единственным импортным грузом для Транссиба и БАМа в сторону европейских стран. Основные перевозки при этом осуществляются за счет вагонного парка после экспорта угля, леса и других габаритных грузов. При этом следует отметить, что рост перевозок по Северному морскому пути является реальным конкурентом для транзитных грузов, идущих через дальневосточные порты. Логично предположить,

что морские грузы, идущие в Европу Северным морским путем из Восточной Азии, при перевалке в российских портах не выгодны за счет дополнительных таможенных процедур и затрат транзита по железной дороге. Поэтому при освобождении Северного Ледовитого океана от арктических льдов Северный морской путь может стать реальным конкурентом транзиту через Суэц, а более всего – перевозкам через российские железные дороги.

Эти планы, прежде всего, ориентированы на увеличение экспортных поставок угля из месторождений Кузбасса, Хакасии, Бурятии и Южной Якутии, а также транспортировку контейнерных грузов из стран Восточной Азии. Сегодня возможности российских железнодорожных перевозок в восточном направлении по Транссибу приближаются к максимальным возможностям. Поэтому в первом приближении планы правительства должны способствовать развитию экономики Азиатской России и выполнению контрольных цифр, заложенных в «Стратегии развития Дальнего Востока». Однако объективный анализ ситуации в глобальной экономике и системе международных транспортных коридоров свидетельствует о том, что планы развития российского железнодорожного транспорта и тесно связанные с ними перспективы развития Дальневосточного федерального округа имеют многочисленные риски, существенно снижающие эффективность их реализации сегодня и серьезные последствия для российской экономики в перспективе.

В Стратегии развития Дальнего Востока основное внимание уделяется развитию существующей транспортной сети для решения современных экономических задач, отдельно от реалий действующей системы международных транспортных коридоров и новых векторов их развития. Комплексный план модернизации российской транспортной инфраструктуры на восточном направлении предусматривает освоение 685 млрд. руб. для строительства 518 объектов в системе Западно-Сибирской, Восточно-Сибирской, Забайкальской и Дальневосточной железных дорог. В транспортном коридоре Европа – Западный Китай от Москвы до Казахстана планируется строительство 10 крупных объектов с общими затратами 705,1 млрд. руб., а по Северному морскому пути – еще 27 объектов стоимостью 268,7 млрд. руб.

В существующих планах развития российской транспортной экспортно-импортной системы предлагается дальнейшее увеличение протяженности железных дорог, увеличение их грузооборота, объемов перевалки грузов в морских портах и рост других качественных показателей без особой привязки к ситуации на мировом товарном и логистическом рынке, необходимости повышения эффективности железнодорожных перевозок и всего российского экспортно-импортного товарооборота.

Учитывая важность увеличения объемов транзитных перевозок, Правительство РФ приняло решение о субсидировании контейнерных перевозок по железным дорогам в размере от 25 до 77 тыс. руб. за каждый контейнер, что может увеличить его объемы до 7,5 тыс. TEU.

В определенной степени все транспортные маршруты конкурируют между собой в перевозке транзитных грузов из Европы в страны Восточной Азии. Поэтому для решения стратегических задач экономического развития Азиатской России все более актуальной становится задача создания синергетического эффекта в интересах всего государства, что, в свою очередь, определяет необходимость специализации грузовых перевозок и повышения их эффективности.

В настоящее время основные объемы грузовых перевозок по Транссибирской магистрали составляют экспортные поставки угля, леса, зерновых продуктов, металла, удобрений, нефтепродуктов и других габаритных товаров, транспортируемых большей частью в специализированных вагонах и платформах. При этом в 2019 г. доля угля в грузообороте железнодорожной монополии ОАО «РЖД» составила 44 %, а экспортная выручка от продажи российского угля составляет около 4 % всего экспорта. В объеме это 173 млн. т. энергетического угля и 19 млн. т. коксующегося угля [Катков, Волобуев 2021]. Для этого ежедневно в угольных терминалах Дальнего Востока перегружается до 70 угольных поездов. Россия занимает первое место в мире по экспорту зерновых и только двадцатое место по производству муки. При этом импортирует масло из Новой Зеландии и Южной Америки. Россия поставляет нефть в Белоруссию и ввозит обратно высокооктановый бензин. Лес идет даже в Финляндию, для того чтобы получить обратно продукцию с высокой степенью переработки.

В планах правительства на строительство инфраструктуры Северного морского пути (СМП) до 2030 г. направить до 270 млрд. руб., в т. ч. 27 объектов для создания и обслуживания морских судов, расширить объемы добычи и транспортировки сжиженного газа на месторождениях Большого Ямала.

В 2018 г. общий объем грузоперевозок по СМП составил 17 млн. т., в 2019 г. – 31,5 млн. т., планы на 2024 г. – 80 млн. т., а к 2035 г. – 180 млн. т. При этом основная доля – это голь, сжиженный природный газ, нефть и газовый конденсат, а также оборудование для разработки месторождений и создания инфраструктуры. Однако, по всем прогнозам, эти планы далеки от реальности. Причиной тому является отсутствие эффективных технологий разработки шельфовых месторождений, которые рентабельно разрабатывать при цене нефти меньше 80-90 долл. за баррель.

Теоретически по свободной воде СМП грузы из Азии в Европу могут добраться на полторы – две недели раньше, чем через Суэцкий канал. Однако погодные и ледовые условия могут нарушить эти планы и потребовать ледокольного сопровождения. По пути следования нет необходимых условий для технической подготовки и ремонта судов. По южному маршруту через Индийский океан есть множество возможностей и для разгрузки и погрузки новых грузов по всему маршруту следования и нет необходимости использования дорогостоящих судов ледового класса.

По мере таяния арктических льдов транзитные суда все более удаляются от российской экономической зоны и, тем самым Россия лишается каких-либо возможностей получения выгод от прохода иностранных судов. Она не может ввести тарифы для прохода по СМП, ибо согласно Конвенции ООН по морскому праву «иностранное судно, проходящее через территориальное море, может облагаться только сборами в оплату конкретных услуг, оказанных этому судну». Более того, крупнотоннажные суда и контейнеровозы типа «Ever Given», устроившего пробку в Суэцком канале, имеет осадку 14-16 м и не могут пройти мелководные проливы Санникова, Дмитрия Лаптева и Югорского шара. Как результат, транзитные перевозки по СМП в 2021 г. составили скромную цифру в 1,2 млн. т. и, по мнению экспертов, данный маршрут не имеет особых перспектив, кроме перевозки каботажных грузов и проходки ледовых газовозов от заводов СПГ на Ямале и не выгоден даже России [Горохова, 2021].

На фоне многообразия международных транспортных коридоров между странами АТР и Европой особое место для России имеет экономическое сотрудничество с Монголией в контексте ее интересов создания эффективных торговых маршрутов в Китай. В отличие от внешней торговли с азиатскими странами, ориентированных на экспорт российского сырья, отношения с Монголией имеют более сложные векторы и исторические корни.

Для оценки современной экономической ситуацию определенный интерес представляет недавняя история торговых отношений Великого Чайного пути, включая Россию, Монголию и Китай. Прежде всего, необходимо отметить, что в XVIII–XIX вв. большое влияние на русскую торговлю в Кяхте имела Американская кампания Шелихова, через которую шли в Китай пушнина из промыслов на Аляске. В обмен в Россию поставлялись ткани, готовые одежды, чай, сахар и другие пряности. Только в 1843 г. Российско-американская кампания реализовала в Кяхте свыше 18 тыс. различной пушнины в обмен на 6654 места чая, который затем был продан на Нижегородской ярмарке. Таким образом, «живые» деньги, нужные для существования русских колоний в Америке, во многом определялись объемами Кяхтинской торговли с китайцами [Фильшин 2017]. О масштабах этой торговли можно судить по количеству и красоте архитектуры кяхтинских церквей, которые восстанавливаются в последние годы.

Последующий упадок торговли на Великом чайном пути может служить примером влияния новых транспортных коридоров на экономику Азиатской России. В первую очередь, это развитие морской торговли, а затем и строительство Китайской Восточной железной дороги и Транссиба, которые окончательно вывели Кяхту из системы международных торговых связей. В определенной степени эта ситуация напоминает развитие экономики Томска, представлявшего собой исторический и культурный центр Сибири. После отказа от прокладки железной дороги этим центром стал Новосибирск – сегодня третий по количеству населения и развитию промышленности город России.

В современной геополитической ситуации и западных санкций следует отметить, что Монголия остается единственным государством, традиционно сохраняющим на восточных границах России дружественные отношения без территориальных претензий и иных конфликтов. Кроме того, через Монголию проходит кратчайший железнодорожный маршрут от Москвы до Пекина, составляющий 8016 км. Для сравнения такое же расстояние через Казахстан (ст. Достык) составляет 8555 км, а через Забайкальск – 8766 км.

Кроме геополитических интересов, маршруты в Китай представляют важное транзитное направление для торговли с северными и центральными районами Китая, не имеющих прямого выхода к морю или западным границам. Между тем, основные объемы торговли Китая с Европой в

последние годы все более дифференцируются по двум основным направлениям. Восточные приморские провинции более всего ориентированы на морские перевозки через Суэцкий канал, по которому идет более 90 % китайских грузов и в западном направлении через Казахстан. В том и другом случае транспортные потоки проходят вне сферы российских интересов.

Для России основным фактором социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока является опережающее развитие регионов, прилегающих к Транссибирской магистрали. С этой точки зрения, транзитные перевозки из Монголии имеют для России стратегическое значение.

Однако железная дорога Улан-Удэ – Наушки – Улан-Батор – Эрлянь имеет единственную колею с тепловозной тягой, что существенно сдерживает ее транзитные возможности. Тем не менее, за последние годы существенно возросло количество контейнерных поездов, проходящих из Китая через Монголию. Если в 2015 г. прошло только 73 поезда, то в 2019 г. их количество возросло до 1454, что уже приближается к пределу технических возможностей Улан-Баторской железной дороги.

В плане модернизации монгольской железной дороги существует важный вопрос о стандартизации ее колеи, которая построена по советским стандартам (1520 мм), от российских границ до китайской территории. Между тем, есть предложения от южных соседей построить новую железную дорогу по китайским стандартам (1420 мм), что означает полную экономическую зависимость Монголии от Китая и, соответственно, потерю влияния России.

Монгольский транспортный коридор в планах российско-монгольского сотрудничества предполагает совмещение модернизации железной дороги со строительством магистрального газопровода Ямал – Иркутская область – Байкал – Бурятия – Монголия – Китай с объемом транзита до 40 млрд. куб. м. Строительство такого газопровода должно стать основой газификации регионов Южной Сибири и Забайкалья, а также решения экологических проблем Байкальской природной территории. Не менее важна газификация промышленных центров Монголии и, прежде всего, ее столицы – г. Улан-Батор. Кроме того, по расчетам монгольской стороны только за транзит российского газа в Китай при стоимости поставки 1 тыс. куб. м. газа на 100 км в 2,5 доллара она может ежегодно получать около 1 млрд. долл.

Существенно повысить эффективность экономики в зоне Монгольского транспортного коридора может создание Восточно-Азиатского энергетического кольца, в котором совмещаются интересы наших восточных соседей, заинтересованных в получении российской электроэнергии от Зейской и Бурейской ГЭС.

Экономическое развитие Китая в значительной степени определяется его выгодным географическим положением с морским выходом в страны Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии. Поэтому основная торговля Китая с Европой осуществляется через Суэцкий канал. Для Западного Китая все более выгодным становится использование транспортных коридоров Казахстана с прямым выходом на европейские рынки, минуя Транссибирскую магистраль. Данные статистики Китайских железных дорог свидетельствуют, что из 65 действующих контейнерных маршрутов Китай – Европа 35 проходят через китайско-казахстанские таможенные пункты и только 17 – через российскую границу.

Наши южные соседи активно продвигают идею реализации международного транспортного коридора «Европа – Азия – Кавказ» (проект «ТРАСЕКА»), который также осуществляется, минуя российскую территорию, из Китая в Европу и обратно. Грузы по этому коридору идут через черноморские порты Украины и Болгарии с перевалкой в портах Батуми и Поти и далее через Грузию и Азербайджан, Каспий и Казахстан в направлении Китая. На ее реализацию страны-участники уже затратили более 110 млрд. долл. При дальнейшем развитии проект ТРАСЕКА стремится выйти к портам Средиземного моря и Индийского океана. Таким образом, возникает реальная конкуренция транзиту китайских грузов через российскую территорию в обход ее южных границ.

Далее по территории Казахстана маршруты Шелкового пути диверсифицируются как минимум на три направления. Первый маршрут через Северный Казахстан, далее идет через российскую территорию и через Белоруссию продолжается в Европу. Другой маршрут с переправой через Каспий направляется в Азербайджан. И третий – через Туркмению должен выйти на Иран с прямым выходом в порты Индийского океана. Новый маршрут позволит на 600 км сократить расстояние между Персидским заливом, Центральной Азией и Европой.

Кроме того, помимо дороги Китай – Киргизия – Узбекистан, Китай инициирует строительство новой железной дороги Китай – Киргизия – Таджикистан – Афганистан – Иран, которые идут в Южную Азию, минуя территорию Казахстана. Такая транспортная архитектура

существенно усиливает геополитические и экономическое влияние Китая и создает новую базу для возможных межнациональных конфликтов в Средней Азии, в том числе, позволит Ташкенту выйти в Ферганскую долину, минуя территорию Таджикистана [Симонян 2015]. Для строительства этой дороги Китай выделяет Узбекистану 455 млн. долл. Кроме того, дороги, которые объединяют интересы стран Центральной Азии, планируется строить по европейскому стандарту («стефенсоновский» стандарт 1435 мм).

Для ускорения доставки грузов морским путем Китай планирует активно использовать Северный морской путь и уже начал строительство собственных ледоколов. Однако и здесь расширение свободы плавания в северных широтах неизбежно приведет к смещению морских трасс к Северному полюсу. Кроме того, по законам сферической геометрии освобождение от льда значительной части Северного Ледовитого океана позволит увеличить количество околополюсных транзитных маршрутов по кратчайшему расстоянию по ортодромии от Берингова пролива к Скандинавии и далее в Западную Европу, опять же минуя российскую зону экономического влияния. При этом снижается потребность в прохождении таможенных процедур, ледокольном сопровождении и портовом обслуживании в Российской Арктике. Глава «Новатэк» Л. Михельсон на «Часе эксперта» в Совете Федерации заявил о том, что в 2018 г. первый российский газовоз за 9 дней прошел Северный морской путь из порта Саббета на Ямале без ледокольного сопровождения.

Тем не менее Россия, Китай и другие страны «арктического клуба» продолжают строительство ледокольного флота при стоимости одного ледокола класса «Лидер» в 127 млрд. руб. Кроме того, рост перевозок по Северному морскому пути или, как называют китайцы, по Ледовому шелковому пути, резко снижает перспективы грузовых перевозок по Транссибу. При прямых морских маршрутах из Восточной Азии и Северному морскому пути нет необходимости захода в тихоокеанские порты России.

Таким образом, к западным санкциям добавляется новый фактор изоляции восточных территорий России. Вполне возможно предположить, что при нарастании таких тенденций единственная широтная железная дорога, связывающая европейскую и азиатскую часть страны, рискует превратиться из транзитной в тупиковую внутреннюю магистраль, что может вновь превратить Дальний Восток в российскую периферию.

В рамках реализации проекта «Один пояс – один путь» внешнеэкономические отношения Китая развиваются в двух противоположных направлениях в обход России. Для восточного Китая основные грузы в Европу идут через его морские порты, а для западного Китая возрастают железнодорожные перевозки через Синьцзян-Уйгурский автономный район и далее в Казахстан. Такие векторы транзитной торговли Поднебесной существенно сужают возможности транзитных российских перевозок с использованием Транссиба, для которых остается только транспортировка продукции из районов Северного и Центрального Китая.

Такая отрицательная тенденция на российских границах объясняется как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, на пограничном переходе Достык значительно меньше времени занимают таможенные процедуры, во-вторых, на казахстанских железных дорогах каждый год увеличивается скорость перевозки грузов. При этом заторы на российских железных дорогах традиционно усугубляются бюрократией оформления грузов и вытекающей отсюда коррупцией, грубостью чиновников, которые особенно характерны для российских таможенников при пассажирских пересечениях российско-монгольской границы.

Кроме этого, существует абсолютная транспортная асимметрия российского экспорта и импорта, когда контейнеры от наших основных торговых партнеров идут в основном на открытых платформах, а крытые и специальные вагоны, в которых вывозились сырьевые товары, возвращаются обратно большей частью порожняком. При этом в официальных документах правительства утверждается, что в транспортных перевозках используется менее 5 % транзитного потенциала страны, а транзит через Россию составляет менее 1 % товарооборота между Европой и Азией.

Источники и литература

Горохова А. Арктический Суэц 2.0 невозможен. И не выгоден России // Эксперт. № 15. 05.04.2021. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2021/15/arkticheskiy-suets-20-nevozmozhen-i-nevygoden-rossii/> (дата обращения: 01.07.2021).

Катков М., Волобуев А. Российским угольщикам пророчат мрачное будущее // Ведомости. 29.01.2021 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/01/29/855869-rossiiskim-ugolschikam> (дата обращения: 01.07.2021).

Комплексное освоение территории Российской Федерации на основе транспортных пространственно-логистических коридоров. Актуальные проблемы реализации мегапроекта «Единая Евразия: ТЕПР – ИЕТС». Российская академия наук. М.: Наука, 2019. 463 с.

Кузнецов Е. Год великого энергетического перелома // Энерговектор. 01.02.2021. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.energovector.com/replic-god-velikogo-energeticheskogo-pereeloma.html/> (дата обращения: 01.07.2021).

Лесных А. США готовятся газовать // Ведомости. 22.04.2021.

Селезнев М. На игле. Нефтяное проклятие снимут с России через 10–15 лет // Профиль. № 14–15. 14.04.2021. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://profile.ru/economy/na-igle-neftyanoeproklyatie-snimut-s-rossii-cherez-10-15-let-844667/> (дата обращения: 01.07.2021).

Симонян Ю. Москва кусает рельсы // Мир и политика. 2015. № 1–2. С. 78–81.

Фильшин Н. Г. Кяхта и северный маршрут Великого Чайного пути // Вестник Бурятского государственного университета. Серия экономика и менеджмент. 2017. № 2. С. 57–61.

Ч. Цзиньвэнь, Ч. Яту. На пути сокращения выбросов // Китай. 2021. № 2 (184). С. 36–37.

В. Е. Селиверстов
*Международный научный центр СО РАН
по проблемам трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
sel@ieie.nsc.ru, sel@sb-ras.ru*

РОССИЯ, СИБИРЬ И МОНГОЛИЯ В СИСТЕМЕ ТРАНСАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ 2.0

В докладе рассматриваются проблемы экономических и научно-технических взаимодействий России и Монголии с учетом современных возможностей, вызовов и угроз. Выявлены отличия интеграции второй половины прошлого века («Интеграция 1.0») от «Интеграции 2.0», т.е. интеграции нового поколения первой трети XXI века, которые оказывают влияние на трансграничные взаимодействия двух стран, показана специфика интеграционных процессов в Сибири (в том числе ее взаимодействия с Монголией). Сформулированы особенности включения Сибири и Монголии в реализацию стратегической инициативы «Один пояс – один путь» и в формирование экономического коридора «Китай – Россия – Монголия». Рассмотрены вопросы научного сопровождения российско-монгольских трансграничных взаимодействий с участием созданного в структуре Сибирского отделения РАН Международного научного центра по проблемам трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: евразийская интеграция 2.0, трансграничные взаимодействия, связность пространства, зеленая экономика, китайско-российско-монгольский экономический коридор, российско-монгольские инвестиционные проекты.

V. E. Seliverstov
*International Research Center of the SB RAS for
Cross-Border Interactions in North and North-East Asia,
Institute of Economics and Industrial Engineering of the SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

RUSSIA, SIBERIA AND MONGOLIA IN THE SYSTEM OF TRANSASIAN INTEGRATION 2.0

The paper considers the problems of economic, scientific, and technical interactions between Russia and Mongolia, with due regard to the present-day opportunities, challenges, and threats. We reveal the features of integration that took place during the second half of the 20th century (Integration 1.0), and its differences from Integration 2.0, a new-gen integration unfolding over the first third of the 21st century, which influence cross-border interactions between the two countries. The article also shows the specifics of integration processes in Siberia (including its relations with Mongolia). We work on the features of including Siberia and Mongolia in the Belt and Road Initiative and the China–Mongolia–Russia economic corridor. We examine the issues of providing scientific support for Russia–Mongolia cross-border interactions by the International Research Center for Cross-Border Interactions in North and North-East Asia, established within the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Eurasian Integration 2.0, cross-border interactions, connectivity of space, green economy, the China–Mongolia–Russia economic corridor, Russian-Mongolian investment projects.

Сто лет установления дипломатических отношений между Россией и Монголией и последовавшие за этим развитие и укрепление торгово-экономических, военных, научно-технических и культурных взаимодействий наших стран прошли сложный период государственного строительства и кардинальных реформ их экономических и политических систем. Не анализируя генезис и результативность этих изменений, отметим, что в настоящее время трансграничные взаимодействия России и Монголии сопряжены с новыми возможностями, вызовами и угрозами XXI в., которые связаны в том числе и с трансформацией межстрановых интеграционных процессов. С этих позиций отметим основные особенности интеграционных связей России, Сибири и Монголии:

- 1) В настоящее время центр мирового развития перемещается в Азию, что говорит о начале

нового Евразийского цикла развития цивилизации, связанного с накоплением финансового и интеллектуального капитала, необходимого для безальтернативного в исторической перспективе перехода стран евразийского континента к новому шестому технологическому укладу. Усиливается роль трансграничных взаимодействий. Возрастает значимость пространства, информации и знаний как важнейших геополитических и экономических ресурсов, сокращается доминирование природных ресурсов. Новые тенденции связаны с цифровой и «зеленой» экономикой. В условиях глобализации, нестабильности и усиливающихся межгосударственных взаимодействий особое значение имеют новые формы интеграционных связей, оформленные в масштабные стратегические инициативы и мегапроекты, среди которых особо выделяется Евразийская стратегическая инициатива «Один пояс – один путь», выдвинутая КНР и поддержанная Россией, Монголией и другими государствами. В трансграничных взаимодействиях крупных государств повышается значимость интеграционных связей их смежных макрорегионов.

2) Наш анализ показывает, что имеются сильные отличия интеграции второй половины прошлого века («Интеграция 1.0») от «Интеграции 2.0», т.е. интеграции нового поколения первой трети XXI в. Например, сейчас меняются сектора экономики – концентраторы интеграционных взаимодействий: происходит резкое усиление крупнейших торговых онлайн-платформ, ритейла, сетевых коммуникационных платформ, искусственного интеллекта, биотехнологий и биофармацевтики, повышается значимость производства продовольствия. Важное отличие связано с фактором пространства: если в «Интеграции 1.0» было видно преференциальное положение в интеграционных процессах приграничных и прибрежных регионов мира, то в современных условиях барьер расстояний преодолевается прогрессом на транспорте, срединные регионы становятся полноправными участниками трансграничной интеграции и эффективными экономическими и научно-технологическими хабами трансграничных взаимодействий. Если в «Интеграции 1.0» была относительно слабая роль устойчивого развития, экологии и защиты окружающей среды, то в «Интеграции 2.0» их значимость резко усиливается: происходит интеграция стран и регионов в области защиты озонового слоя и регулирования карбонового слоя, регулирования общих водных стоков и т.д., «зеленая экономика» становится сильным драйвером трансграничных взаимодействий.

3) Интеграция не рождается спонтанно. Она должна основываться на разработке концепций и стратегий и органично включаться в процессы стратегического планирования и управления на межстрановом, национальном и региональном уровнях. Здесь возникает проблемный вопрос: как организовать интеграцию «сильного» со «слабым» (например, насколько паритетным может быть взаимодействие сильных и мощно развивающихся провинций Северо-Востока Китая и прилегающих территорий Монголии и российского Дальнего Востока). Интеграция – это не лозунги и заявления лидеров стран или регионов о дружбе и сотрудничестве. В ее основе – конкретные проекты и встроенные механизмы, учитывающие реализацию совместных интересов.

4) Что касается интеграционных процессов в Сибири, то здесь выделяются три вектора их реализации: внутрирегиональный, межрегиональный и трансграничный, которые усиливают ее позиционирование как в российском, так и в мировом экономическом пространстве. Здесь следует отметить три особенности:

– В постсоветский период Сибирь начала терять свою целостность в политическом, географическом и экономическом смыслах, что ослабило возможность управления развитием этого макрорегиона на основе взаимодополнения и синергии ресурсного и производственного потенциала субъектов Федерации, расположенных на этой территории. Интеграционные процессы в Азиатской России сейчас слабы как по взаимодействиям Сибири и Дальнего Востока, так и по взаимодействиям северных и южных территорий Сибири. Поэтому не случайно, что в последнее время все чаще стали говорить о необходимости усиления «связности» сибирских территорий;

– Нереально рассчитывать на успех встраивания Сибири и Дальнего Востока в трансграничные взаимодействия (в том числе с Монголией), пока не налажены эффективные внутрироссийские интеграционные взаимосвязи. Равно как и бессмысленно надеяться на приток зарубежных инвесторов в Россию, пока не созданы нормальные условия инвестирования для российских компаний;

– Современные технологические тренды (переход на нетрадиционные источники энергии и на электромобили, водородная энергетика и т.д.) и международная нормативно-правовая интеграция в области декарбонизации экономики и защиты озонового слоя, ставят серьезные вызовы перед базовыми отраслями специализации Сибири. Поэтому в условиях возрастающих рисков и

нестабильности на будущих мировых рынках углеводородов и угля, необходимо искать новые ниши для сибирских ресурсов в системе трансграничных интеграционных взаимодействий (редкоземельные металлы, продукты глубокой переработки в нефтегазохимии и углехимии, в лесной промышленности, наукоемкие производства и технологии);

– Основой усиления связности сибирского пространства и интеграционных взаимодействий (в том числе с Монголией) являются крупные межрегиональные проекты, в первую очередь инфраструктурные транспортные проекты, направленные на усиление «связности» сибирского и дальневосточного пространства и выход на сопредельные территории других стран.

5) Требуется переосмысление стратегических направлений экономических взаимодействий России и Монголии как в рамках двусторонних отношений, так и в формате реализации стратегической инициативы «Один пояс – один путь» и формирования экономического коридора «Китай – Россия – Монголия». Следует признать, что и Россия, и ее восточные регионы, и Монголия находятся в фарватере масштабных экономических и внешнеполитических акций Китая, сопровождаемых колоссальной финансовой и инвестиционной поддержкой. Используя принципы «мягкой силы», КНР жестко преследует свои интересы и укрепляет свои позиции на Евразийском пространстве. Проведенный А. Даваасурэном анализ показывает, что Россия и Монголия включаются в эти инициативы в основном проектами развития сырьевых производств, в то время как Китай – проектами высокотехнологичной промышленности и глубокой переработки добываемого в Сибири, на Дальнем Востоке и в Монголии сырья. В то же время имеются возможности для организации совместных российско-монгольских предприятий в горнорудном секторе (в том числе ориентированных на глубокую переработку сырья), но это потребует серьезных инвестиций и мер государственной поддержки двух стран.

б) Научное сопровождение российско-монгольских экономических и научно-технических взаимодействий также должно учитывать новые экономические и геополитические реалии, вызовы и угрозы. Ранее советская и российская наука активно взаимодействовала с академическими институтами и университетами Монголии в основном в области геологического изучения недр этой республики, в области гуманитарных и общественных наук, в подготовке высококвалифицированных кадров. Основным научно-технологическим и образовательным партнером монгольской науки и высшей школы было Сибирское отделение АН СССР (позже – Сибирское отделение РАН) и ведущие университеты Сибири. Примером такого сотрудничества является разработка Комплексной программы научно-технического прогресса МНР на период до 2005 г., где ведущую роль сыграл Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР [Кулешов, Ягольницер 2021].

7) В современных условиях требуется усиление комплексных российско-монгольских научных разработок, которые учитывают особенности «Интеграции 2.0». Здесь особую роль, например, может сыграть научное сопровождение российско-монгольских инвестиционных проектов (в том числе, в рамках экономического коридора «Китай – Россия – Монголия»), а также исследования и разработки в области экологической безопасности сопредельных территории Монголии и Сибири, сохранения их биоразнообразия, развития новых направлений и технологий «зеленой экономики». В частности, монгольской стороне целесообразно подключиться к реализации международной Программы «Устойчивое развитие и взаимодействие приграничных территорий Северной Азии на основе богатого природно-ресурсного и этнокультурного разнообразия (на примере Республики Тыва, Монголии и Автономного района Внутренняя Монголия КНР)», инициатором которой выступил Тувинский научный центр. Эта программа должна стать логическим продолжением российско-монгольской программы «Эксперимент Убсу-Нур».

8) Созданный в структуре Сибирского отделения РАН Международный научный центр по проблемам трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии [Пармон, Крюков, Селиверстов 2020], сетевыми партнерами которого являются в том числе институты Бурятского научного центра СО РАН и ряд институтов Монгольской академии наук, готов осуществлять научно-методическое сопровождение нового этапа российско-монгольского экономического и научно-инновационного сотрудничества.

Источники и литература

Кулешов В. В., Ягольницер М. А. Научное сотрудничество СССР и Монголии 1980-х годов в сфере стратегических разработок: уроки прошлого и задачи на будущее // Россия и Монголия в XX–XXI в.:

к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. Новосибирск: СО РАН, 2021. С. 59–61.

Пармон В. Н., Крюков В. А., Селиверстов В. Е. Трансграничные взаимодействия на востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН // Регион: экономика и социология. 2020. № 2. С. 226–258.

Т. Дорж
Университет “Улаанбаатар Эрдэм”
Улан-Батор, Монголия
T_Dorj@doctor.com

Б. Даваасүрэн
Университет “Улаанбаатар Эрдэм”
Улан-Батор, Монголия
Bdavaasuren_08@ yahoo.com

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ И МОНГОЛИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Многолетняя традиция совместного политического и социально-экономического, а также многостороннего сотрудничества России и Монголии является основой стабильных отношений и сотрудничества между нами – вечными соседями. В связи с этим основная цель – рассмотреть это сотрудничество в трех временных цепочках прошлого, настоящего и будущего и помочь сосредоточить внимание политиков, исследователей и деловых предпринимателей с обеих сторон на ключевых факторах развития.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество Монголии и РФ, торговый дисбаланс, трансграничная интеграция, экономический коридор, транзитный газовый трубопровод.

T. Dorzh
Ulaanbaatar Erdem University
Ulaanbaatar, Mongolia

B. Davaasuren
Ulaanbaatar Erdem University
Ulaanbaatar, Mongolia

TO THE QUESTION OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND MONGOLIA: HISTORY AND PROSPECTS

The long-standing traditional Mongolian-Russian economic cooperation is a prerequisite for stable relations and cooperation between eternal neighbors. In this regard, the main purpose of the report is to look at this collaboration in a three-period chain of past, present and future and to help focus the attention of policymakers, researchers and business people on both sides on the key drivers of development.

Keywords: economic cooperation between Mongolia and the Russian Federation, trade imbalance, cross-border integration, economic corridor, transit gas pipeline.

Изменения в состоянии торгово-экономических отношений. Торгово-экономические отношения между Россией и Монголией играли и продолжают играть важную роль во всем комплексе двусторонних связей. В зависимости от характера межгосударственных отношений на каждом историческом этапе соответственно изменялись характер, масштабы и формы торгово-экономических отношений.

С 1920-х и до конца 1980-х гг. Советский Союз был главным торговым и экономическим партнером Монголии. В конце 1980-х гг. на долю СССР приходилось более 80 % всего внешнеторгового оборота МНР. После распада мировой социалистической системы в конце 1980-х гг., победы мирной демократической революции в Монголии в 1990 г., дезинтеграции Советского Союза в 1991 г. и выхода на историческую арену его правопреемницы – Российской Федерации обе страны вступили в качественно новый этап своего развития, в том числе и в области торгово-экономического взаимодействия. Одна из главных особенностей этого этапа состояла в том, что в начале 1990-х гг. все изменения в характере, масштабах и формах торгово-экономических связей происходили в условиях острого системного кризиса, разразившегося в обеих странах как следствие неподготовленного, форсированного перехода России и Монголии от прежнего, однотипного

общественно-политического и экономического строя к новой модели, основанной на развитых рыночных отношениях и демократических формах правления.

Реформирование экономики в обеих странах происходило приблизительно по одинаковой схеме: поэтапная либерализация цен, ликвидация монополии государства на собственность и внешнюю торговлю, форсированная приватизация государственной и кооперативной собственности, поощрение развития частного сектора, реформы финансовой, бюджетной, налоговой, банковской, денежной, таможенной и других систем. Резко возросло число субъектов внешнеэкономической деятельности, прежде всего, за счет частного сектора.

Характер современных торгово-экономических отношений между РФ и Монголией существенно отличается от тех отношений, которые существовали между бывшими СССР и МНР. До 1990 г. Советский Союз занимал приоритетное, доминирующее место во всей внешнеэкономической политике и экономике МНР. В начале 1990-х гг. прежняя, централизованная, развитая система двусторонних торгово-экономических отношений была нарушена и почти перестала функционировать, в результате чего экономика Монголии, сильно зависимая от кредитов и помощи СССР, оказалась в крайне тяжелом положении. В этих трудных условиях Монголия была вынуждена самостоятельно искать пути выхода из создавшегося кризисного положения. Обновленное руководство Монголии, опираясь на политическую поддержку и экономическую помощь со стороны ряда развитых стран (США, Японии и др.) и международных валютнофинансовых организаций (МВФ, ВБ, АБР и др.), отказалось от прежней модели развития и внешней политики. Монголия избрала новый путь открытой, самостоятельной, «многоопорной» внешней политики. Эта политика основывалась на следующих принципах: отказ от прежней, односторонней политической и экономической зависимости от одной страны, в частности, от России, поддержание приоритета равноправных, взаимовыгодных, сбалансированных отношений со своими великими соседями – Россией и Китаем, диверсификация внешнеполитических и внешнеэкономических связей, установление и развитие дипломатических, политических, торгово-экономических и иных отношений с другими, преимущественно развитыми и влиятельными странами Запада и Востока, поиски «третьего соседа», способного стать одним из гарантов национальной безопасности, независимости и успешного развития Монголии.

Россия, сильно ослабленная в результате кризиса, утратила свои прежние доминирующие позиции в Монголии, в том числе в торговле и инвестиционном сотрудничестве. По мере преодоления последствий тяжелого кризиса и стабилизации внутривнутриполитического и экономического положения в России к концу 1990-х гг. ее руководство стало больше уделять внимания восстановлению и обновлению нарушенных традиционных, тесных торгово-экономических связей с Монголией. При этом России пришлось действовать в новых, изменившихся не в ее пользу внешних и внутренних условиях, когда основной вектор внешнеэкономической деятельности Монголии уже был во многом переориентирован на Китай, а также на развитые страны Востока и Запада (США, Япония, Республика Корея и др.).

Новые принципы и основные направления двусторонних отношений нашли свое правовое закрепление в ряде известных основополагающих документов, в том числе в новом межгосударственном Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве между РФ и Монголией (1993), в Улан-Баторской (2000), Московской (2006) декларациях, а также в Декларации о развитии стратегического партнерства между РФ и Монголией (Улан-Батор, 2009). Во всех этих документах торгово-экономические отношения занимали и занимают одно из центральных мест. Особо следует выделить Программу по развитию российско-монгольских торгово-экономических отношений на 2006-2010 гг., подписанную 8 декабря 2006 г. в ходе официального визита президента Монголии Н. Энхбаяра по приглашению президента России В. В. Путина. Важными вехами в процессе реализации этой Программы стали визиты премьер-министра Монголии С. Баяра в Россию в апреле 2008 г. и марте 2009 г., премьер-министра Монголии С. Батболда в декабре 2010 г.

При оценке места и роли торгово-экономических отношений во всем комплексе двусторонних отношений следует также учитывать такой объективный фактор, как большой разрыв в масштабах и уровнях развития экономик России и Монголии. Если для монгольской экономики торгово-экономические отношения с Россией всегда имели и продолжают иметь особо важное, приоритетное, стратегическое значение, то для экономики России торгово-экономические отношения с Монголией играли и продолжают играть важную, но относительно ограниченную роль.

Особенности современных торгово-экономических отношений. В настоящее время торгово-экономические отношения занимают центральное место во всем комплексе двустороннего взаимодействия, и в значительной степени определяют характер и уровень отношений между двумя странами. Они отличаются отсутствием доминирующего влияния идеологической составляющей, взаимным признанием приоритета национальных интересов, преобладанием экономического, прагматичного подхода, желанием обеих сторон равноправия, взаимной выгоды, а также многолетних традиций дружбы и сотрудничества. Современные торгово-экономические отношения между Россией и Монголией развиваются в новых внешних и внутренних условиях не только по сравнению с советским периодом, но и по сравнению с периодом начала 1990-х гг. (рис. 1).

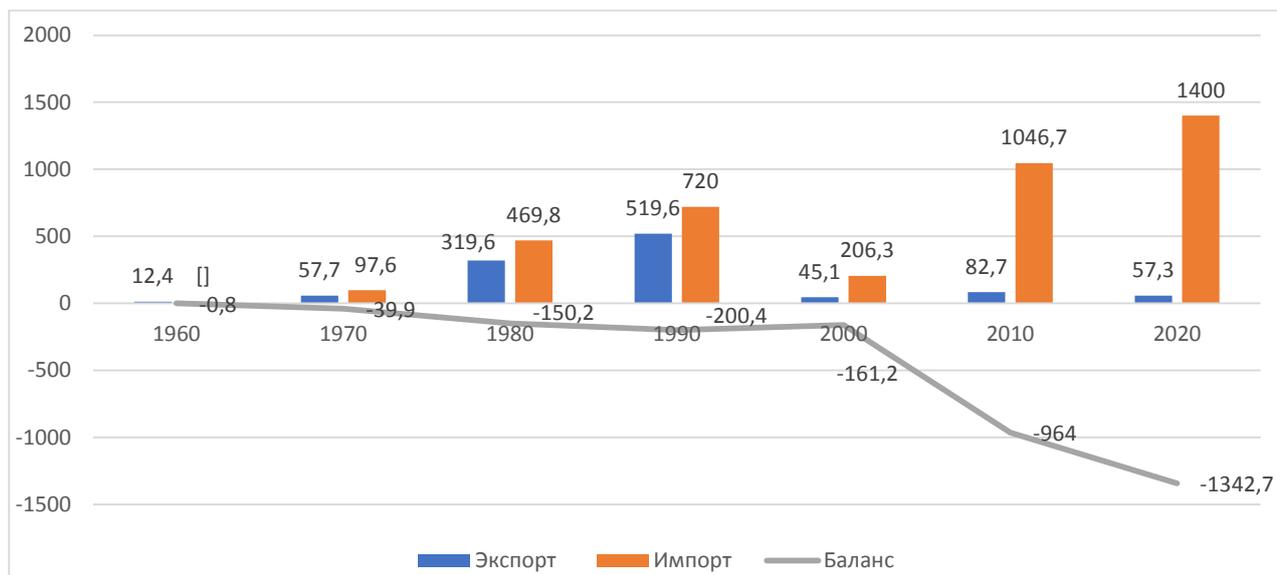

Рис. 1. Внешний торговый баланс Монголии с РФ (в млн. долл. США)

Источник: Национальная статистическая служба.

Примечание: Экспорт в Россию достиг 57,3 млн. долл. в 2020 г., что на 12,2 млн. долл. больше, чем в 2000 г., но меньше на 25,4 млн долл. (3,4 %) по сравнению с 2010 г. Импорт достиг 1400 млн. долл., увеличившись на 1193,7 млн. долл. по сравнению с 2000 г. и на 353,3 млн. долл. (3,4 %) по сравнению с 2010 г. Однако разрыв между экспортом и импортом увеличился со 161,2 млн. долл. в 2000 г. до 964 млн. долл. в 2010 г. и 1 342,7 млн. долл. в 2020 г., что указывает на резкое увеличение торгового дефицита.

До второй половины 2008 г. внешние условия характеризовались углублением процессов глобализации и регионализации внешнеэкономической деятельности в мире и АТР, относительной стабилизацией развития экономики России и Монголии, ускоренным превращением соседнего Китая в мировую сверхдержаву, нарастанием конкуренции между ведущими мировыми державами и транснациональными корпорациями за влияние на Монголию, за доступ к ее природным богатствам. Во второй половине 2008 г. и в 2009 г. под влиянием финансового кризиса в США в мире развернулся глобальный финансово-экономический кризис, который охватил большинство развитых и развивающихся стран, в том числе Россию и Монголию. Взаимный товарооборот в 2009 г. сократился более чем на 40 %. Однако уже в 2010 г. он превысил 1 млрд. долл., т.е. приблизился к докризисному уровню (табл. 1, 2).

В настоящее время можно выделить две группы факторов, оказывающих разнонаправленное влияние на характер, масштабы, направления, формы и перспективы российско-монгольских торгово-экономических отношений. К числу позитивных факторов следует отнести: давние традиции торгово-экономических отношений, взаимопонимания, дружбы и сотрудничества; непосредственное соседство, общая граница протяженностью 3,5 тыс. км; взаимодополняющий характер и уровень развития экономики России и Монголии; высокий уровень политических отношений, взаимного понимания необходимости масштабного наращивания двусторонних торгово-экономических

отношений; широкие перспективы для привлечения крупных российских инвестиций с целью модернизации крупнейших совместных предприятий, построенных ранее в Монголии при помощи СССР, и создания новых СП, развития основных отраслей экономики, разведки, освоения и эксплуатации крупных месторождений угля, меди, золота, серебра, урана и других полезных ископаемых, имеющих стратегическое значение для экономики Монголии. Имеются хорошие перспективы для совместного участия в создании и развитии международных транспортных коридоров между Европой и Восточной Азией, для совместного создания и использования старых и новых двусторонних и многосторонних международных туристических маршрутов.

Таблица 1

Внешние торговые показатели за последние 50 лет

Показатели	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020
	млн. долл.						
Общий оборот	25.6	155.3	789.4	1239.6	270.9	1129.4	1457.2
Экспорт	12.4	57.7	319.6	519.6	44.9	82.7	57.3
Импорт	13.2	97.6	469.8	720.0	226.0	1046.7	1400.0
Торговое сальдо	-0.8	-39.9	-150.2	-200.4	-181.1	-964	-1342.7

Источник: Национальная статистическая служба.

Примечание: Хотя внешнеторговый оборот наших стран после 2010 г. вышел на уровень 1990 г. и вышел из переходного периода, объем экспорта Монголии в Россию находится на уровне 1970 г., что равна уровню 50 летней давности. Это показывает, что экспорт Монголии резко упал, почти в девять раз ниже по сравнению с уровнем 1990 г.

Таблица 2

Импортируемые продукты из РФ (в млн. долл. США и в %)

Наименование	Импорт в % к общему числу		
	2000 год	2010 год	2020 год
Нефть и нефтяные продукты	122.5 / 55.4	649.1 / 62.0	724.7 / 51.8
Другие	98.7 / 44.6	397.6 / 38.0	675.3 / 48.2

Источник: Национальная статистическая служба.

Примечание: В 2020 г. из всего импорта из России нефтепродукты составили 51,8 %, что на 10,2 процентных пункта меньше, чем в 2010 г., тогда как прочие товары выросли на 10,2 процентных пункта.

В последние годы стали регулярными встречи на высшем уровне, достигнуто более глубокое взаимопонимание и желание поднять весь комплекс двусторонних отношений на новый качественный уровень – уровень стратегического партнерства. Между Россией и Монголией отсутствуют нерешенные политические проблемы, что позволяет сосредоточить основное внимание и усилия, прежде всего, на ускорении развития двусторонних торгово-экономических отношений.

Огромный российский рынок, особенно в приграничных областях Сибири и Забайкалья, имеет давние традиции и широкие возможности для реализации традиционных монгольских товаров, в том числе мяса и мясных продуктов, кашемировых, кожаных, овчинных и других изделий. Монголия располагает богатыми природными ресурсами, в изучение и частичное освоение которых в свое время большие силы и средства вложил бывший СССР. Перспективы освоения новых крупных месторождений угля, меди, золота, урана и других полезных ископаемых, развития транспортной инфраструктуры привлекают внимание крупных российских компаний.

Наряду с благоприятными факторами существуют также и неблагоприятные. К числу сдерживающих факторов следует отнести слаборазвитость экономики Монголии, ограниченную

номенклатуру монгольских экспортных товаров, относительно небольшой внутренний рынок, неразвитость производственной, транспортной и социальной инфраструктуры. До сих пор также негативно влияли периодически осложнявшаяся, недостаточно стабильная внутривнутриполитическая ситуация в Монголии, отсутствие широкого национального консенсуса по ряду ключевых вопросов, в том числе об условиях привлечения иностранных инвестиций для разведки и разработки крупных месторождений полезных ископаемых и др. С подписанием в октябре 2009 г. первого крупного инвестиционного соглашения об освоении медно-золотого месторождения Оюу-Толгой инвестиционный климат в Монголии существенно улучшился.

Пока еще окончательно не отрегулирован достаточно эффективный механизм двустороннего взаимодействия и сотрудничества на всех уровнях – межгосударственном, межрегиональным, приграничном и прямых связей между хозяйствующими субъектами. Оформление и выполнение достигнутых договоренностей нередко сталкивается с бюрократическими преградами и проволочками, проявлениями коррупции в обеих странах.

По мнению монгольской стороны, существенно сдерживают темпы роста двустороннего товарооборота высокие таможенные пошлины на товары традиционного монгольского экспорта в Россию (меховые, кожаные, трикотажные изделия) (табл. 3).

Таблица 3

Экспортные продукты для РФ, по наименованию продуктов (в млн. долл. США)

Наименование	Экспорт, млн. долл. США, %		
	2000 год	2010 год	2020 год
Замороженная говядина	11.5/26.3	7.9 / 9.6	0.0
Конина	3.1/ 7.1	17.8/21.5	0.0
Флюорит; лейцит; нефелин и нефелинт сиенит	17.4/39.7	48.2/58.3	44.7/ 78
Медные руды, медный концентрат	6.0/13.7	0.0	0.0
Уголь	0.0	0.0	0.0
Нефтяные продукты	0.0	0.0	0.0
Машины и оборудования	0.0	0.0	0.0
Другие	5.8/ 13.2	8.8 / 10.6	12.6 / 22

Источник: Национальная статистическая служба

Примечание: Если в Россию экспортировали ранее в основном плавленый шпат, лейцит, нефелин, нефелиновый сиенит, а также конину и говядину, то сейчас, кроме плавленого шпата и связанных с ним минералов, все остальное прекратили экспортировать. Импорт из России достиг 1400 млн. долл. (96,1 %) в 2020 г., что на 353,3 млн. долл. (3,4 %) больше, чем в 2010 г.

Относительно новым внешним фактором, оказывающим существенное влияние на российско-монгольские отношения, является растущая конкуренция со стороны других стран, в том числе Китая, США, Японии, Республики Корея, Германии и др., а также крупных транснациональных корпораций.

Структура торгово-экономических отношений между Россией и Монголией в целом носит сложный, многоуровневый и разветвленный характер, она охватывает федеральный, региональный и приграничный уровни, ряд субъектов РФ и их объединений (например, Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение»), а также прямые связи между хозяйствующими субъектами.

Одна из наиболее характерных и важных особенностей современного этапа развития двусторонних торгово-экономических отношений заключается в заметном преобладании региональных и приграничных связей, на долю которых приходится свыше 70 % всего товарооборота. В приграничном и региональном сотрудничестве с российской стороны принимают активное участие Республики Бурятия, Тыва, Алтай, Иркутская, Читинская, Кемеровская области, Алтайский, Красноярский и Забайкальский края и др. Важную роль в торгово-экономическом и

культурном сотрудничестве между двумя странами играет традиционное, многолетнее сотрудничество между столицами – Москвой и Улан-Батором, между другими отдельными городами и областями России, с одной стороны, и отдельными городами и аймаками Монголии – с другой (например, Улан-Удэ – Улан-Батор, Иркутск – Улан-Батор и др.).

Сотрудничество между отдельными субъектами Российской Федерации, с одной стороны, и соответствующими центральными, аймачными и местными административными структурами Монголии, с другой стороны, осуществляется на основе ряда межправительственных, межведомственных и межрегиональных соглашений. В последние годы активно развиваются прямые связи и сотрудничество между государственными и частными предприятиями и структурами обеих стран.

В настоящее время торгово-экономическое сотрудничество развивается по всем основным направлениям: торговля, совместные предприятия, инвестиции, межрегиональные и приграничные связи, сотрудничество между отдельными предприятиями и хозяйствующими субъектами. Приоритетными отраслями торгово-экономического сотрудничества между Россией и Монголией признаны: инфраструктура, транспорт, дороги, топливо и энергетика, связь и информационные технологии, геология и горнорудная промышленность, машиностроение и перерабатывающая промышленность, строительство, сельское хозяйство, землепользование, торговля услугами, межбанковское сотрудничество, наука, технология и инновации, туризм, защита окружающей среды, предупреждение чрезвычайных ситуаций и ликвидация их последствий, региональное и приграничное сотрудничество, дальнейшее совершенствование договорно-правовой базы и др.

Перспективы развития торгово-экономических отношений. Основные направления и перспективы развития торгово-экономических отношений на ближайшие годы определены в таких основополагающих документах, как Московская декларация, программа по развитию торгово-экономического сотрудничества на 2006–2010 гг., Декларация о развитии стратегического партнерства (2009 г.), программа по развитию торгово-экономического сотрудничества на 2011–2015 гг.

В Московской декларации, в частности, было отмечено, что стороны пришли к согласию о необходимости стремиться к широкой кооперации в различных отраслях экономики, прежде всего, в топливно-энергетическом секторе, геологии и горнорудной промышленности, транспортной сфере, в области сельского хозяйства, а также в развитии финансовых и банковских структур, в реализации совместных инвестиционных проектов в соответствии с новыми международными стандартами и экономическими реалиями. Стороны договорились предпринять совместные усилия по созданию благоприятных условий для взаимных инвестиций и обеспечения гарантий их защиты в рамках национального законодательства обеих стран.

Большой потенциал и широкие перспективы для подъема двустороннего торгово-экономического сотрудничества на уровень стратегического партнерства содержится в координации стратегических планов и программ развития Сибири и Дальнего Востока России до 2020 г., с одной стороны, и «комплексной политики национального развития Монголии на 2007-2021 гг., основанной на Целях развития тысячелетия», с другой стороны. Программа экономического коридора Россия – Монголия – Китай создана в 2016 г. в Ташкенте. Настоящая программа была основана на китайской концепции «Один пояс – один путь», российском проекте «Транс-Евразийский пояс», монгольском проекте «Степной путь» и будет играть большую роль в развитии трех стран.

Программа экономического коридора обусловлена национальными интересами России, Монголии и Китая, потребностями их политического и социально-экономического развития и взаимодействия, потребностями дальнейшего, более детального, углубленного изучения и экспертной разработки более 30 конкретных проектов. В число таких проектов был включен проект модернизации Улан-Баторской железной дороги (УБЖД) – совместного российско-монгольского предприятия. В этом проекте Россия планирует выделить 100 млрд. руб. А также намечены другие транспортные коридоры, например, через Тыву, и прокладка международного газопровода через Монголию в Китай.

Президент России В. В. Путин 9 сентября 2019 г. поручил главе «Газпрома» Алексею Миллеру проработать прокладку газопровода в Китай через Монголию, причем в качестве прямой замены западного маршрута поставки газа в Китай через Алтай. Президент отметил, что к монгольскому маршруту склоняются и китайские партнеры. По территории Монголии проходят сети

азиатских автомобильных дорог АНЗ и АН4, в связи с чем было начато первое тестирование для осуществления международных автомобильных перевозок.

Национальные стратегические программы развития Монголии до 2021 г. были разработаны при содействии международных организаций, и в феврале 2008 г., так же как и концепция перспективного развития Монголии «Алсын хараа-2050» в 2021 г., приняты Великим государственным хуралом Монголии. В этом основополагающем документе, в частности, указано, что внешняя политика Монголии будет направлена на формирование условий для надежного обеспечения независимости и безопасности страны путем сохранения дружественных отношений с двумя соседними и другими странами мира, укрепления позиций Монголии в международном сообществе, формирования взаимосвязанной сети сотрудничества с учетом политических, экономических и гуманитарных интересов влиятельных государств региона и мира, защиты законных прав своих граждан и юридических лиц за границей.

Перед внешней политикой Монголии на период 2007–2021 гг., 2020–2050 гг. поставлен ряд первоочередных стратегических задач, в том числе: проводить миролюбивую, открытую, многоопорную внешнюю политику, не вступать в противостояние ни с одним из государств; придавать приоритетное значение взаимовыгодным и сбалансированным отношениям с соседними странами, осуществлять политику выхода на рынки этих стран через преференции, которые предоставляются развивающимся странам и странам, не имеющим выхода к морю. Безусловно, эти положения Комплексной политики национального развития Монголии в 2007–2021 гг., 2020–2050 гг., направленные на поддержание добрососедских, взаимовыгодных и сбалансированных отношений с Россией и Китаем, следует учитывать при выработке политики России по отношению к Монголии и Китаю в указанный период.

Из вышеуказанного можно констатировать следующее:

1. Торгово-экономические отношения между Россией и Монголией играли и продолжают играть важную роль во всем комплексе двухсторонних связей. В зависимости от характера международных отношений на каждом историческом этапе соответственно изменялись характеры, масштабы и формы торгово-экономических отношений. В Монголии высокий рейтинг доверия к современной России, к сожалению, экономическая роль и значимость российско-монгольских экономических и торговых отношений сокращается.

2. Между Россией и Монголией отсутствуют нерешенные политические проблемы, что позволяет сосредоточить основное внимание и усилие, прежде всего, на ускорение развития двухсторонних торгово-экономических отношений.

3. Одна из наиболее характерных и важных особенностей современного этапа двухсторонних торгово-экономических отношений – заметное преобладание региональных и приграничных связей, на долю которых приходится свыше 70 % всего товарооборота.

Источники и литература

Гадаад худалдаа 2019. МУ-ын Үндэсний статистикийн хорооны эмхэтгэл. УБ хот, 2019 он.

Монгол улсад Евроазийн эдийн засгийн холбоонд элсэхийн нөлөөллийн судалгаа. ГХЯ-ны захиалгат судалгааны тайлан, 2016 он.

Монгол улсын худалдааны бодлогын талаархи Засгийн газрын тайлан. 2020 он.

Монгол улсын эдийн засгийн гадаад харилцааны хөтөлбөр. Засгийн газрын 2015 оны 474 дугаар тогтоол.

Экспортыг дэмжих үндэсний хөтөлбөр. ЗГ-ын 2016 оны 211 дүгээр тогтоол.

Гадаад харилцааны мэдээллийн сан [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mongoliatradeportal.gov.mn> (дата обращения: 01.07.2021).

Дорж Т., Даваасүрэн Б. Гурван улсыг дамнасан эдийн засгийн коридорын хөгжилд Монгол Улсын тээврийн төв коридорын гүйцэтгэх үүрэг. Улан-Удэ, 2017.

Дорж Т., Даваасүрэн Б. Гурван улсыг дамнасан ЭЗК-ыг хөгжүүлэх хүрээнд Монгол Улсын тээврийн дэд бүтцийн хөгжил, шинэчлэлийн эдийн засаг, хөрөнгө оруулалтын тулгамдсан асуудлууд. Хөх хот, 2019.

Luvsandorj D., Khashchuluun Ch. Mongolia at the Market. Berlin. 2012.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И МОНГОЛИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В статье рассматриваются тенденции развития мирового хозяйства в эпоху глобализации и цифровой трансформации, проведен анализ положительных (мировой рынок стал доступен монгольским экспортерам) и отрицательных сторон (прекращено использование нетарифных и тарифных ограничений на внешнюю торговлю, сняты все технические запреты, значительно занижена ставка ввозных таможенных пошлин) после вступления Монголии в ВТО. Рассмотрена динамика внешнеторгового оборота между Россией и Монголией, определены факторы, сдерживающие объем двусторонней торговли, дана оценка изменения направления и характерных черт торгово-экономических отношений между Россией и Монголией. Выявлены возможности и потенциал для выведения взаимодействия России и Монголии в совершенно новые сферы и структуры сотрудничества. Предложены новые варианты развития взаимоотношений двух стран с учетом тенденций мирового хозяйства и развития цифровой трансформации IV промышленной революции.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, Россия, Монголия, товарооборот, экспорт, импорт, цифровая трансформация.

A. Davaasuren
Institute of International Relations of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia

THE PRESENT SITUATION OF TRADE AND ECONOMIC RELATIONSHIPS OF RUSSIA AND MONGOLIA: PROBLEMS AND POSSIBILITIES

This article describes the development trend of the world economy in the era of globalization and digital transformation, an analysis of the positive (the world market became available to Mongolian exporters) and negative aspects (the use of non-tariff and tariff restrictions on foreign trade was stopped, all technical prohibitions were removed, the rate of import customs duties was significantly reduced) after Mongolia's accession to the WTO is done. The dynamics of foreign trade turnover between our countries, the trend of its development is considered. The factors restraining the volume of bilateral trade are identified, an assessment of the change of the direction and characteristic features of trade and economic relations between our countries is given. Opportunities and potential for bringing the interaction between Mongolia and Russia into completely new spheres and structures of cooperation are identified. New options for the development of relations between the two countries, taking into account the trend of the world economy and the development of digital transformation of the IV industrial revolution are proposed.

Keywords: World Trade Organization, Russia, Mongolia, foreign trade, export, import, digital transformation.

В эпоху глобализации и цифровой трансформации наряду с возрастанием торгово-экономических отношений между странами мира усиливается экономическая взаимозависимость тех или иных стран, за счет чего отдельная национальная экономика стран мира становится одной из составляющих частей мирового хозяйства. Сегодня нет стран, наций или народов, которые не участвовали бы во внешнеэкономическом сотрудничестве [Даваасурэн 2000].

С целью проведения политики либерализации внешней торговли для перехода на рыночную экономику правительство Монголии начало создавать благоприятные правовые условия для ведения внешней торговли, устанавливая уровень таможенных пошлин в соответствии с требованиями международных норм. Например, в соответствии с многосторонним регламентом и правилами ВТО, Монголия в 1998, 1999, 2000, 2001, 2004 и 2005 гг. вносила поправки в Закон «О таможенных тарифах», позволяющие ослабить таможенно-тарифную политику и установить наиболее благоприятные ставки для товаров и продукции стран-членов этой организации, что привело к

значительному снижению ставки ввозных таможенных пошлин на 15,5 %. В результате этого в Монголии прекращено использование нетарифных мер на импорт, включая меры количественных ограничений, таких как квотирование, лицензирование и технические запреты. Монголия не использует стандартизацию и технические правила для импортных товаров, а система лицензирования по защите людей, животных, растений и окружающей среды стала открытой для всех.

Положительным эффектом после вступления Монголии в ВТО в 1997 г. является то, что у экспортных компаний появляются большие возможности преобрести много зарубежных партнеров и получить необходимую информацию о состоянии мирового рынка, который стал доступен для монгольских экспортеров. Ныне они не подвергаются тарифным или нетарифным барьерам, направленным на дискриминацию по отношению их товаров и продукции.

К сожалению, задачи Монголии перед этой организацией были необоснованными и неоправданными, поскольку выходили за рамки реальных возможностей и потенциала экономики нашей страны, включая обрабатывающий сектор. Например, если в 1990 г. обрабатывающая отрасль занимала 36,5 % ВВП, то сейчас она составляет 9 %, что не позволяет отечественным перерабатывающим предприятиям конкурировать с дешевыми импортными товарами. Это ведет к росту безработицы и бедности по всей стране и усугубляет социальную уязвимость [Совершенствование... 2019].

В 2020 г. Монголия вела внешнюю торговлю со 149 странами мира, а общий внешнеторговый оборот достиг 12875,2 млн долларов США, по сравнению с 2019 годом он сократился на 871,9 млн долларов США, или 6,3 %. Экспорт превысил импорт на 2277,4 млн долларов США, сальдо внешней торговли сложилось положительным за счет экспорта медного концентрата из месторождения «Оюутолгой».

Торгово-экономические отношения между Россией и Монголией имеют богатые исторические традиции, Монголия традиционно поставляла в Россию такое сырье, как меха, шерсть, кашемировый пух, вместо них закупая продукты питания и товары широкого народного потребления. Монгольский народ привык к товарам и продукции из России. В условиях рыночного хозяйствования возникает объективная потребность развития торгово-экономических отношений между нашими странами на основе новых принципов, нового содержания и форм, основу чему положило «Соглашение о дружественных отношениях и сотрудничестве между Россией и Монголией», подписанное во время официального визита первого президента Монголии П. Очирбата в Россию 19–22 января 1993 г. [Нямдолжин 2018: 41].

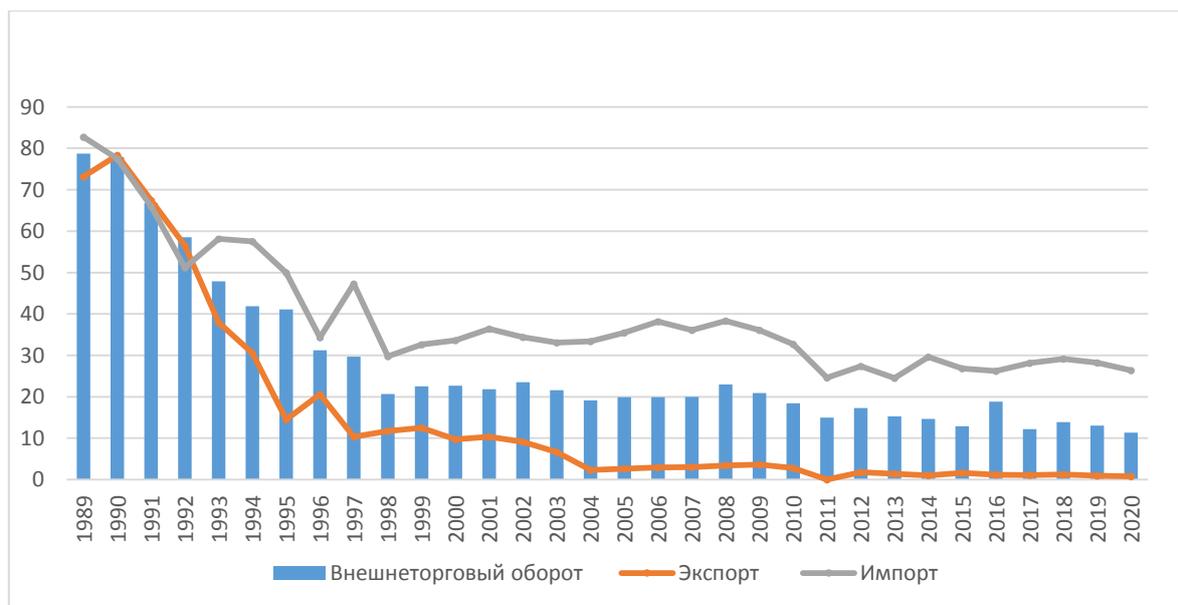
В 1990 г. товарооборот между Россией и Монголией составил 1233,7 млн долларов (экспорт 517,5 млн долларов, импорт 716,2 млн долларов), в 1995 г. 276,9 млн долларов (экспорт 68,9 млн долларов, импорт 208,0 млн долларов), в 2000 г. 251,3 млн долларов (экспорт 45,1 млн долларов, импорт 206,2 млн долларов), в 2005 г. 445,2 млн долларов (экспорт 27,2 млн долларов, импорт 417,9 млн долларов), в 2010 г. 1129,4 млн долларов (экспорт 82,7 млн долларов, импорт 1046,7 млн долларов), в 2015 г. 1097,9 млн долларов (экспорт 76,9 млн долларов, импорт 1021,0 млн долларов), в 2020 г. 1457,2 млн долларов (экспорт 57,2 млн долларов, импорт 1399,9 млн долларов) [Ежегодные сборники].

В 1990 г. на Россию приходилось 77,9 % от общего внешнеторгового оборота Монголии, в 1995 г. он резко упал до 41,1 %, в 2004 г. 19,1 %, в 2008 г. 23,0 %, в 2015 г. 12,9 %, в 2020 г. 11,3 % [Ежегодные сборники]. Спад торгового оборота между нашими странами был обусловлен следующими факторами:

1. Разрыв экономических интеграционных (производственные, технико-технологические, снабжение товаров, сырья и услуг) связей, сложившихся в рамках сотрудничества стран-членов Совета экономической взаимопомощи;
2. В начале 90-х гг. для обеспечения потребностей внутренних рынков товарами первой необходимости две страны начали вести внешнюю торговлю с остальным миром. Например, Россия начала вести внешнюю торговлю со странами Западной Европы, а Монголия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Северо-Восточную Азию;
3. В структуре монгольского экспорта наименьшая доля приходится на готовую продукцию, что обусловлено маленьким технико-технологическим потенциалом Монголии для организации крупномасштабного производства готовых товаров;

4. В рамки тарифных и нетарифных ограничений, введенных Евразийским экономическим союзом (ранее Таможенным союзом) России, Казахстана, Беларуси, Армении и Кыргызстана, попадают монгольские экспортные товары, что снижает объем взаимной торговли между двумя странами;
5. Переход двусторонней торговли на региональный уровень, Монголия стала вести торговлю с субъектами Сибирского Федеративного округа России;
6. Бюрократия и волокита, существующие в таможенных органах двух стран, проявляются при оформлении таможенных документов и декларировании товаров и продукции [Даваасурэн 2013].

Несмотря на ежегодный рост объема товарооборота между нашими странами, для Монголии двусторонняя торговля остается дефицитной, а для России профицитной.

Рисунок 1. Динамика долей РФ во внешнеторговом обороте в процентах

Источник: Данные ежегодных статистических сборников Национального статистического комитета Монголии. 2000–2020 гг., www.1212.mn

Если рассмотреть структуру экспорта из Монголии, то в 1990 г. на Россию приходилось 78,3 %, в 1995 г. 14,5 %, в 2000 г. 8,4 %, в 2005 г. 2,6 %, в 2010 г. 2,9 %, в 2015 г. 1,6 %, в 2020 г. 0,8 %. Как видно, наблюдается тенденция к постоянному снижению [Ежегодные статистические сборники...]. Следует сказать, что фактически прекратился экспорт Монголии в Россию из-за небольшого объема монгольского экспорта в российский рынок с ограниченным количеством и незначительным ассортиментом товаров. Монголия в основном экспортирует в Россию плавиковый шпат, мясо и мясопродукты, одежду и текстильные изделия (верблюжья и козья шерсть, одежда и изделия из кашемира).

Если рассмотреть структуру импорта Монголии из России, то в 1990 г. 77,5 % импорта Монголии приходилось на Россию, в 1995 г. 50 %, в 2000 г. 33,6 %, в 2005 г. 35,5 %, в 2010 г. 32,7 %, в 2015 г. 26,8 %, а в 2020 г. 26,4 % [Ежегодные статистические сборники...].

Таким образом, Монголия импортирует из России продукты питания (пшеница, мука, растительные масло), товары народного потребления, нефтепродукты, бензин, дизельное топливо, автомобили, транспортные средства, которые играют важную роль в обеспечении потребностей на монгольском рынке. В структуре импорта нефтепродуктов бензин занимает 40 %, дизельное топливо 60 % [Статистические данные...]. В связи с бурным развитием горнодобывающей отрасли в Монголии вырос объем геологоразведочных работ, разработок месторождений, что стало одним из факторов увеличения импорта Монголии из России.

Несмотря на большие достижения в двусторонней торговле, по-прежнему существует много недостатков, трудностей и нерешенных вопросов. В связи с тем, что с 1990 г. товарооборот между

нашими странами падает, изменилось направление двусторонней торговли, она стала основываться на рыночных принципах хозяйствования. Хотя у нас имеются большие возможности и потенциал для выведения взаимодействия России и Монголии в совершенно новые сферы и структуры сотрудничества. Поэтому нам необходимо следовать новейшим тенденциям, изучать формы развития международного бизнеса в условиях глобализации в цифровой среде и развивать двустороннее торгово-сотрудничество в сфере информационных коммуникаций, науки и техники. Учитывая новейшие тенденции международной торговли, нам необходимо перейти от традиционного понимания торговли и бизнеса к конкретным ориентированным рынкам, на которых представлены стандартизированные и сертифицированные товары, признанные на международном уровне в соответствии с цифровой экономикой IV промышленной революции.

В эпоху цифровой трансформации в XXI в., согласно «Соглашению о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и Монголией», заключенному в 2019 г., имеется большая надежда на возрождение двустороннего торгово-экономического сотрудничества наших стран, что найдет воплощение в инвестиционной составляющей.

Источники и литература

Даваасурэн А. Роль либерализации внешней торговли между Россией и Монголией // Внешнеэкономическая деятельность и социально-экономическое развитие Иркутской области: проблемы и пути их решения: сб. науч. трудов / под ред. Т. К. Петровой, Н. Г. Данилович. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000.

Даваасурэн А. Становление предпринимательства в регионах Монголии. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. 219 с.

Совершенствование внешнеторговой политики Монголии в рамках правил ВТО, отчет о научно-исследовательской работе по заказу Министерства образования и науки Монголии, осуществляемой в 2019–2021 гг. Институтом международных отношений Монгольской академии наук, № А / 86, от 25 февраля 2019 г., Улан-Батор.

Нямдолжин А. Отраслевое сотрудничество в образовании между Монголией и Россией и его перспективы // Олон улс судлал. 2018. № 1(108). С. 41–49.

Ежегодные статистические сборники Национального статистического комитета Монголии, 2000–2020 гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.1212.mn (дата обращения: 01.07.2021).

Статистические данные внешней торговли Генерального таможенного органа Монголии, 2000–2020 гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.customs.gov.mn> (дата обращения: 01.07.2021).

С. П. Будажапов
БРО «Общество друзей Монголии»
Улан-Удэ, Российская Федерация
bsp01@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ОПЫТ, ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье излагается взгляд на состояние и перспективы российско-монгольских отношений через призму отношений с Монголией приграничной Республики Бурятия, которая отличается от других регионов России тем, что населяющие ее народы имеют общую с Монголией историю, культуру, традиции. Бурятия первой среди регионов Российской Федерации открыла свое представительство в Улан-Баторе и уделяет отношениям с соседями особое значение.

Автор статьи имеет многолетний и разнообразный опыт сотрудничества с монгольскими коллегами, начиная от комсомольских и ревсомольских организаций до взаимодействия между парламентами России и Монголии. Этот опыт подкреплен также годами дипломатической деятельности в посольстве России и работой в качестве руководителя представительства республики в г. Улан-Батор. Излагается критический взгляд автора на состояние и предложения по активизации проводимой работы, важности приобщения молодежи к опыту старших поколений, воспитания в духе уважения многовековых традиций и взаимной дружбы между нашими народами.

Ключевые слова: Бурятия, представительство, традиции, сотрудничество, молодежь.

S. P. Budazhapov
BRS "Society of Friends of Mongolia"
Ulan-Ude, Russian Federation

ON SOME ISSUES OF THE BORDER COOPERATION: EXPERIENCE, PRACTICE AND PROSPECTS

The article presents a view on the state and prospects of Russian-Mongolian relations through the prism of relations between Mongolia and neighboring Republic of Buryatia, which differs from other Russian regions by having a common with Mongolia history, culture and traditions. Buryatia was the first among the regions of the Russian Federation to open its representative office in Ulaanbaatar and attaches special importance to relations with the neighboring country.

The author of the article has a long and varied experience of cooperation with Mongolian colleagues, ranging from the friendship of Komsomol and Revsomol organizations to the interaction between the Russian and Mongolian parliaments. This experience is also supported by years of diplomatic activity in the Russian Embassy and work as the head of the republic's representative office in Ulaanbaatar. The article also presents the author's critical view on the state of and proposals for the activation of the current work, the importance of introducing young people to the experience of older generations, fostering respect for centuries-old traditions and mutual friendship between our peoples.

Keywords: Buryatia, representative office, traditions, cooperation, youth.

Бурятия занимает особое место среди субъектов Российской Федерации, имеющих отношения с Монголией. Это объясняется общей историей, культурой, народными традициями бурят, являющихся одним из этносов монгольского мира. Однако необходимо взглянуть на состояние сотрудничества с точки зрения соответствия их современным требованиям и вызовам времени. Сотрудничество между странами во многом зависит от сложившихся исторических традиций, действенности заключенных соглашений и договоренностей, уровня торгово-экономических отношений, а также, в немалой степени, и личных отношений между руководителями государств.

На первый взгляд, кажется, с этим все в порядке. Россия, Советский Союз всегда строили свои отношения с граничащей Монголией как важным стратегическим партнером на своих восточных рубежах. Монголия стремилась следовать в фарватере внешней и внутренней политики СССР, была его верным партнером на протяжении многих десятилетий. На особом положении

Кремля считался многолетний руководитель государства Ю. Цэдэнбал, супруга которого Анастасия Ивановна Филатова-Цэдэнбал многое сделала по внедрению в стране советского опыта работы с детьми. Позднее, в постсоветский период, руководство Монголии было обвинено в отсутствии самостоятельности, стремлении в ущерб собственным интересам следовать за «старшим братом», что привело к отставанию страны в экономическом развитии.

К середине 2000 гг. пришло некоторое отрезвление от демократической эйфории, понимание сложностей и особенностей исторического развития монгольского государства. Символическим актом тому стало открытие в столице государства в 2015 г. памятника Ю. Цэдэнбалу, а на территории международного детского лагеря «Найрамдал» популярный монгольский борец Дагвадорж на свои средства установил бюст его супруге с надписью «От благодарных монгольских детей».

Надо отметить, что Улан-Баторская декларация, подписанная в 2000 г. Президентом России В. Путиным, дала толчок застоявшимся отношениям. В 2006 г. была принята Московская декларация, а в 2009 г. в Улан-Баторе – Декларация «О развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией». Однако принятие этих документов не в полной мере подкреплялось продуманными и конкретными действиями с обеих сторон. За этот период состоялись визиты председателей правительств России, премьеров Монголии, обмены парламентскими делегациями, немало было сказано слов о дружбе и сотрудничестве. Анализ содержания принятых документов, совершенных визитов и переговоров приводит к мысли о том, что многочисленные заявления о важности сотрудничества, к сожалению, не приводят к реальным сдвигам. Более того, российское влияние на монгольском пространстве за последние десятилетия серьезно ослабло, особенно после продажи принадлежавшего российской стороне пакета акций совместных горнорудных предприятий ГОК «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет». Сокращается число лиц, изучающих русский язык, прекратила свое вещание монгольская редакция Радио России. Лишь в последнее время начали говорить о том, что Монголия с первого дня Великой Отечественной войны встала вместе с советским народом на борьбу с фашизмом. О том, что монгольский народ воспринял борьбу советского народа с гитлеровскими захватчиками как свою собственную, оказывал ей бескорыстную и безвозмездную помощь продовольствием, теплыми вещами, собрал средства и построил авиационную эскадрилью и танковую колонну «Монгольский арат», должны знать не только монгольские юноши и девушки, но и современная молодежь России.

Внушает оптимизм, что военнослужащие Монголии приняли участие в юбилейном параде Победы 2020 г. в Москве, а в текущем году монгольские воины прошли по площади Советов в Улан-Удэ. Хотелось бы, чтобы это стало традицией, по крайней мере, в столице Бурятии.

Понимая важность развития всесторонних отношений республики с соседним братским государством, необходимость придания ему планомерного и последовательного характера, правительство Бурятии в 1996 г. приняло решение об образовании представительства в городе Улан-Батор. В результате поисков была найдена оптимальная правовая форма представительства как отдельного юридического лица, самостоятельного органа государственной власти. Правовой основой деятельности представительства, наряду с Конституциями Российской Федерации и Республики Бурятия, явились закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», некоторые другие законы и Указы президента России. Нет необходимости говорить, что жизнь гораздо богаче и разнообразнее. Следует отметить, что отношения приграничных регионов Российской Федерации, граничащих с разными странами, во многом отличаются друг от друга. Принятый в 2017 г. рамочный федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества» не может предусмотреть все многообразие отношений. Подписанное 3 сентября 2019 г. в Улан-Баторе Межправительственное соглашение о содействии межрегиональному и приграничному сотрудничеству вносит некоторую конкретику в отношениях с Монголией, но и оно не в силах отразить специфику и особенности сотрудничества Бурятии с соседней страной. Поэтому представляется необходимым рассмотреть возможность принятия регионального закона «О представительствах и представителях Республики Бурятия», первый вариант которого был подготовлен в 2015 г.

В сентябре 2017 г. при формировании новой структуры органов государственной власти республики, произошедшего после очередных выборов главы Бурятии, представительство республики в городе Улан-Батор было упразднено, его функции были переданы министерству экономики. Предполагалось, что вопросами сотрудничества будут заниматься два сотрудника министерства, прикомандированные к Торговому представительству России в Монголии. Ожидалось,

что оно поднимет статус представительства, повысит его эффективность.

К сожалению, эти надежды были основаны на незнании реальной ситуации, односторонней оценки деятельности и задач, стоящих перед представительством республики. Торгпредство России, открытое в 2015 г., до сих пор не имеет необходимых условий для полноценной организации своей деятельности. Главное, приоритеты в деятельности Торгпредства и представительства Бурятии не совпадают по многим позициям, прежде всего потому, что наряду с вопросами торгово-экономических отношений, значительную часть в деятельности представительства составляют вопросы, относящиеся к гуманитарной сфере.

В феврале 2021 г. Глава республики учредил в составе правительства должность министра по взаимодействию с Монголией. Предстоит решить ряд организационно-правовых вопросов по воссозданию представительства, которые позволят обеспечить его деятельность по всему широкому спектру вопросов сотрудничества, накопившихся за минувшие три с половиной года.

Особенностью взаимодействия республики является и то, что не только органы государственной власти, местного самоуправления, находящиеся в республике структуры федеральных органов, общественные объединения, а также конкретные учреждения и предприятия сотрудничают со своими коллегами. Подобные отношения сложились также на уровне трудовых коллективов. Примеров взаимовыгодного сотрудничества можно привести много.

Однако и решать совместно с монгольскими коллегами предстоит немало вопросов. После вступления в силу Межправительственного соглашения о взаимных безвизовых поездках возникла необходимость обеспечения безопасности граждан во время поездок. Стали происходить попытки ограблений граждан Монголии и даже угрозы их жизни, поэтому в октябре 2015 г. в Улан-Удэ представительством республики совместно с Генеральным консульством Монголии было инициировано проведение рабочего совещания руководителей правоохранительных органов, миграционной, таможенной служб, органов местного самоуправления Кяхтинского, Джидинского, Закаменского, Селенгинского, Иволгинского сельских районов и города Улан-Удэ. В результате были установлены прямые контакты между руководителями служб по обе стороны границы, что в последующем позволило существенно снизить число нарушений и обеспечить безопасность во время поездок.

Отмена виз обозначила еще одну проблему и для сотрудников представительств субъектов Российской Федерации в Монголии, на которых также распространяются предельные сроки нахождения на территории страны – при разовом въезде 30 суток, а в течение полугодия – не более 90. Думается, что это возможно решить в рамках Межправительственной российско-монгольской постоянной комиссии по сотрудничеству, причем инициатива должна принадлежать посольству России.

Нет сомнений в том, что потенциал межрегионального приграничного сотрудничества огромен. Далеко не в полной мере используются межпарламентские контакты и связи, причем, надо отметить, что в парламенте Монголии с середины 90-х гг. прошлого столетия, наряду с группой «Монголия – Россия», формируется группа по связям с Бурятией. Фактически монгольская сторона в одностороннем порядке подняла межпарламентские отношения с одним из субъектов России на уровень межгосударственных отношений.

Бурятию и Монголию исторически связывает многое. В городе Кяхта в 1921 г. проходил первый съезд Монгольской народно-революционной партии, в становлении монгольской системы образования, науки, литературы, искусства активное участие принимали бурятские деятели Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамсарано, Д. Сампилон, С. Жамбалон, Б. Ринчен, Н. Батуханов, Б. Барадин и др.

К сожалению, в Бурятии и Монголии имена бурятских и монгольских деятелей, внесших огромный вклад в развитие братской страны, в последнее время стали забываться. Слабо используются в воспитательной работе замечательные музеи, находящиеся в Алтанбулаге и Кяхте. Особое беспокойство вызывает то, что, по мнению автора, не ведется планомерной просветительской работы среди молодежи. Представляется крайне важным, чтобы современные монгольские и бурятские юноши и девушки чаще общались друг с другом, дружили между собой. В этой связи уместно обратиться к опыту Ленинского комсомола и Монгольского ревсомола, которые тесно сотрудничали, регулярно проводили совместные мероприятия, среди которых особое место занимали фестивали дружбы советской и монгольской молодежи.

Совместными усилиями сотрудников представительства и членов группы «Монголия – Бурятия» в ВГХ была предпринята попытка возродить фестиваль дружбы бурятской и монгольской

молодежи. Летом 2016 г. на Байкале прошла неделя дружбы молодежи Бурятии и Монголии, в которой приняли участие более 100 юношей и девушек республики и 50 посланцев городов Улан-Батора, Дархана и Сухэ-Батора. Однако по различным причинам эта идея не получила дальнейшего продолжения. Хотелось бы, чтобы эта форма общения юношей и девушек, прошедшая проверку в течение нескольких десятилетий и доказавшая эффективность, была возрождена в наши дни.

Одним словом, несмотря на сложности, можно многое сделать для развития взаимовыгодных отношений между нашими странами как инициативой федерального центра, так и стараниями регионов. Возможности для усиления этой работы имеются, и пример в деле развития дружеских отношений с братской Монголией может и должна показать Республика Бурятия.

К. Дэмбэрэл
Институт международных отношений Монгольской академии наук
 Улан-Батор, Монголия
 kdembee@gmail.com

МОНГОЛЬСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НАМ ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ С ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ОКРУГАМИ ИЛИ РЕГИОНАМИ?

Настоящий доклад направлен на разъяснение Концепции внешней политики Российской Федерации, опирающейся на идею о том, чтобы согласовать монгольско-российские отношения с политикой развития Сибири и Дальнего Востока. В целом под понятием «регион» мы привыкли иметь ввиду нечто расплывчатое, не имеющее «хозяина» или «владельца». Такое название используется политиками лишь для поддержки жителей «региона» и получения их голосов на выборах.

Ключевые слова: Монголия, субъекты РФ, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ, монгольско-российские отношения.

K. Demberel
*The Institute of International Relations of the Mongolian
 Academy of Sciences*
 Ulaanbaatar, Mongolia

MONGOLIAN-RUSSIAN RELATIONS: SHOULD WE INTERACT WITH FEDERAL DISTRICTS OR REGIONS?

This report aims to clarify the Concept of the Russian Federation's foreign policy, which is based on the idea of reconciling the Mongolian-Russian relations with the development policy of Siberia and the Far East. In general, under the concept of "region" we are used to mean something vague without a "master" or "owner". This name is used by politicians only to support the residents of "regions" and get their votes in elections.

Keywords: Mongolia, subjects of the Russian Federation, Siberian Federal District, Far Eastern Federal District, Mongolian-Russian relations.

Среди монгольских исследователей [Дамдинсүрэн 2004: 6] существует практика использования таких понятий, как приграничные, региональные и межсубъектные отношения в качестве объединенного термина. Кроме того, согласно решения IV заседания 1996 г. в состав межправительственной комиссии двух стран вошел «Подкомитет по региональному и приграничному сотрудничеству». Это свидетельствует о достижениях монгольско-российских отношений в период с начала 1990-х по начало 2000-х гг., когда во внешней политике РФ «евро-атлантизм» был сильным, а азиатская политика была оставлена без внимания. Другими словами, монгольско-российские отношения перестали выходить за рамки межсубъектного сотрудничества и трансграничных отношений, а межправительственная деятельность велась только в тех масштабах, чтобы регулировать данные вопросы.

Субъектом любых отношений и сотрудничества являются только определенные субъекты, а не регионы. Поэтому когда речь идет об отношениях, мы должны говорить об определенных субъектах. Иначе говоря, Республика Бурятия в отношениях с Монголией будет рассматриваться как федеральный субъект или как Дальневосточный регион? До сих пор отношения и сотрудничество у нас налажены с конкретными субъектами.

В работах географов термин «регион» используется для естественного зонирования в ландшафте (зоны, пояса), в экономической географии он близок по смыслу к экономическому району. К примеру, Уральский регион применяется в значении Уральской экономической зоны [Хрущев 1999]. Тем не менее, есть случаи, когда в целом субъекты привыкли использовать в качестве синонима слова «регион», например, Московский регион.

В российской социальной и экономической терминологии все, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, были названы «регионами». Отсюда возник термин «региональные отношения и сотрудничество». И чем дальше находится регион, тем конкретнее значение термина «регион». Это

говорит об отношении РФ к своим субъектам. Фактически термин «регион» применим ко всем административным единицам, т.е. субъектам в целом.

В России восемь федеральных округов, которые также называют «регионами». И хотя субъекты сгруппированы по географическому местоположению и они имеют административный характер, все же они являются неконституционными единицами. Это связано с тем, что статья 5 Конституции России гласит о том, что Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономных областей и автономных округов – равных субъектов Российской Федерации [Конституция Российской Федерации].

Оптимизация роли Сибирского федерального округа и Дальневосточного федерального округа в монгольско-российских отношениях и направления их сотрудничества является реальным шагом в расширении двусторонних отношений. Для этого необходимо разобраться в абстрактном понятии регионального и приграничного сотрудничества. Иными словами, одна из задач данного доклада состоит в том, чтобы дать четкий и конкретный ответ на вопрос: преобладают ли в монгольско-российских отношениях региональные отношения или отношения с федеральными округами или субъектами федерации?

Выступая в 2000 г. перед парламентом Монголии В. В. Путин отметил: «У регионального сотрудничества большое будущее» [Жамбалдорж, Ганзориг 2007: 60]. Здесь он имел в виду субъекты Сибири и Дальнего Востока в определении этого региона.

С момента своего основания (1991 г.) Россия впервые в 2016 г. внесла в статью 87 Концепции внешней политики положение о том, что она будет «стремиться укреплять традиционно дружественные отношения с Монголией» [Концепция внешней политики Российской Федерации]. Скрытый смысл этого в том, что она выступает за укрепление отношений с достаточно конкретной целью. В этом контексте мы, монголы, должны определить нашу позицию в отношении того, насколько эта цель соответствует нашим интересам, и сосредоточиться на развитии монгольско-российского сотрудничества.

В статье 78 Концепции внешней политики РФ конкретно указано, что сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе является частью социально-экономической политики развития Сибири и Дальнего Востока [Концепция внешней политики Российской Федерации]. Можно считать, что приоритетная поддержка развития сотрудничества между Монголией и субъектами Сибирского региона означает выражение в скрытом смысле поощрения взаимоотношений субъектов Дальнего Востока с Китаем.

С 2018 г. занимающая важное место в монгольско-российских отношениях Республика Бурятия, являющаяся субъектом Сибирского федерального округа, и Забайкальский край включены в состав Дальневосточного федерального округа. В некотором смысле граница Дальневосточного федерального округа расширена вглубь России, т.е. Дальневосточным федеральным округом можно считать более одной трети территории России. Таким образом, роль Сибирского федерального округа в монгольско-российских отношениях, отраженная в Концепции внешней политики России, ослабла, и Дальневосточный федеральный округ стал не менее важным. Иначе говоря, Монголия может развивать равноправные отношения с Новосибирском и Владивостоком. Таким образом, идеи, отраженные в Концепции внешней политики, вошли в определенное противоречие, и теперь созданы реальные условия того, что два федеральных субъекта будут участвовать в монгольско-российских отношениях, имея равные обязательства. И хотя не возникнет необходимость вносить изменения в Концепцию внешней политики России, в своем докладе я хотел бы отметить, что неизбежно возникнут определенные противоречия. И Новосибирск, и Владивосток принимали глав Монголии (Н. Энхбаяра и Х. Баттулгу) в рамках их официальных визитов.

Всесторонние отношения и сотрудничество между Монголией и РФ как субъектами международных отношений регулируются заключенным между ними Договором о стратегическом партнерстве. Дальнейшее расширение сотрудничества между Монголией и субъектами Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, являющимися реальной ареной экономического сотрудничества, в целом соответствует Концепции внешней политики Российской Федерации. Для Монголии же важно расширять свои отношения с максимально возможным количеством российских субъектов, независимо от округов, в которых они расположены.

По словам С. Лаврова [Лавров], от развития Сибири и Дальнего Востока зависит российская политика в Азии, и без экономического прогресса не может быть прочной основы для продвижения политики России в этом регионе. Правильно сформулированная политика социально-

экономического, энергетического, демографического, инфраструктурного и экологического развития в Сибири и на Дальнем Востоке может быть реализована только в реальном выражении «открытия выхода» в «Тихий океан» в согласовании с внешней политикой России. Отношения Монголии с федеральными округами будут регулироваться внешней государственной политикой России. Исторически сложилось так, что этот контекст продвигался больше, что означает сочетание экономических выгод с политическими. В контексте, когда политические интересы ставят превыше, в отношениях между субъектами международных отношений неуместно подчеркивать и обсуждать вопросы сотрудничества регионов и субъектов в межгосударственных отношениях.

Президент РФ В. В. Путин в интервью отмечает, что «только 3 % экспорта наших энергоресурсов приходится на страны Азии. Через 10–15 лет этот показатель достигнет 30 %. Мировое сообщество желает того, чтобы Россия была надежным партнером и стабильным поставщиком энергоресурсов» [Зууны мэдээ № 221], что определяет развитие на ближайшее будущее нефтегазовой отрасли в Сибири и на Дальнем Востоке. Выход России на энергетический рынок Восточной Азии по поставке энергоресурсов станет одним из факторов, который выведет монгольско-российские отношения на новый уровень. Много лет назад исследователи писали о том, что выдвинутое «Газпромом» предложение о прокладке газопровода протяженностью в 6000 км по маршруту Западная Сибирь – Восточная Сибирь – Монголия – Китай следует реализовать в «следующий раз». Утвержденный в 2002 г. Правительством РФ документ «Энергетическая стратегия России – 2020 год» предусматривает создание нового крупного центра по добыче газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Сибирский и Дальневосточный регионы играют две основные роли в монгольско-российских отношениях. Во-первых, это экономическое сотрудничество в Сибирском регионе, а во-вторых, развитие культурно-гуманитарного сотрудничества с монгольскими народами в этом регионе. Реализация масштабных проектов и программ в Сибирском и Дальневосточном округах положительно скажется на уровне жизни населения данных округов, что косвенно скажется и на создании потенциального рынка сбыта монгольской продукции. Кроме того, важно наличие взаимопонимания у двух стран относительно обеспечения определенного участия Монголии в этих проектах и программах.

На сибирские субъекты приходится основная часть торгово-экономического сотрудничества с Россией. Для Монголии стратегическим направлением отношений с Россией должны быть отношения с монгольским миром. И в центре внимания должны быть отношения с Алтайским краем, Республиками Тыва и Бурятия. А двусторонние торгово-экономические отношения с Иркутской областью, Красноярским краем, Новосибирской областью, Омской областью Сибирского округа, Алтайским и Забайкальским краями следует рассматривать как возможность для расширения внешних рынков Монголии.

Источники и литература

Дамдинсүрэн С. Монгол Улс ба ОХУ-ын хил орчим, бүс нутаг, субъектуудын хамтын ажиллагааны шинэ чиг хандлага //Олон улс судлал. 2004. № 4.

Жамбалдорж Д., Ганзориг Р. Монгол-Оросын харилцаа, хамтын ажиллагааны он жилүүд, хэтийн төлөв. Улаанбаатар: Адмонпринт, 2007. 110 с.

Зууны мэдээ. 2006.09.14. № 221.

Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения: 01.09.2020).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 01.12.2016).

Лавров С. Подъем Азии и восточный вектор внешней политики России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/podem-azii-i-vostochnyj-vektor-vneshnej-politiki-rossii/> (дата обращения: 06.05.2006).

Хрущев А. Т. Географические основы государственной региональной политики в России //Вестник Московского государственного университета. Сер. 5. География. 1999. № 4. С. 3–10.

Б. Г. Санеев¹, И. Ю. Иванова¹, В. А. Шакиров¹,
С. Батмөнх², Г. Пүрэвдорж², Ц. Өнөрмаа³

¹*Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН
Иркутск, Российская Федерация*

²*Монгольский университет науки и технологии
Улан-Батор, Монголия*

³*Национальный диспетчерский центр энергетики Монголии
Улан-Батор, Монголия*

saneev@isem.irk.ru

ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ НА ТРАНСГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ «БАЙКАЛ – ХУБСУГУЛ»: РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ¹

В статье дано краткое описание состояния электроснабжения трансграничной территории «Байкал – Хубсугул», охватывающей Тункинский район Республики Бурятия и Хубсугульский аймак Монголии. Учитывая географическое положение и наличие особо охраняемых природных территорий, предложено использование возобновляемых источников энергии для развития систем электроснабжения как одно из стратегических направлений российско-монгольского сотрудничества в энергетической сфере. Проведен анализ обеспеченности территории гелио- и ветроэнергетическими ресурсами с использованием баз данных NASA POWER, Global solar atlas, Global wind atlas. Оценена эффективность применения солнечных и ветровых электростанций для условий рассматриваемой территории. Выбраны пункты размещения и мощность солнечных электростанций в зоне централизованного электроснабжения. Для автономных потребителей оценены масштабы и эффективность перспективного использования солнечной энергии.

Ключевые слова: трансграничная территория, возобновляемые источники энергии, экономическая эффективность.

B. G. Saneev¹, I. Yu. Ivanova¹, V. A. Shakirov¹
S. Batmunkh², G. Purevdorj², Ts. Unurmaa³

¹*Melentiev Energy Systems Institute SB RAS
Irkutsk, Russian Federation*

²*Mongolian University of Science and Technology
Ulaanbaatar, Mongolia*

³*National Dispatching Center
Ulaanbaatar, Mongolia*

RENEWABLE ENERGY SOURCES IN THE TRANSBOUNDARY TERRITORY “BAIKAL – KHÖVSGÖL”: RESOURCE POTENTIAL AND EFFICIENCY OF ITS USE FOR POWER THE RUSSIAN AND MONGOLIAN CONSUMERS

The article provides a brief description of the state of power supply in the transboundary territory "Baikal-Khövsgöl", covering the Tunkinsky region of the Republic of Buryatia and the Khövsgöl aymag of Mongolia. Taking into account the geographical location and the presence of protected natural areas, it is proposed to use renewable energy sources for the development of power supply systems, as one of the strategic directions of Russian-Mongolian cooperation in the energy sector. The analysis of solar and wind energy resources using data from NASA POWER, Global solar atlas, Global wind atlas is presented. The effectiveness of the use of solar and wind power plants for the conditions of the territory under consideration is estimated. The locations and capacity of solar power plants for on-grid consumers are determined. For autonomous consumers, the scale and efficiency of solar energy prospective use are evaluated.

Keywords: transboundary territory, renewable energy sources, economic efficiency.

¹ Исследование выполнено за счет средств международного гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 18-510-94006) и Министерства ОКНиС Монголии (проект ШУГх /ОХУ/2018/26).

Для социально-экономического развития Монголии и России особое значение имеет разработка совместных механизмов реализации проектов сотрудничества в энергетической сфере. Ключевыми направлениями взаимодействия являются совместное развитие инфраструктуры трансграничных территорий, сотрудничество в сфере охраны окружающей среды, туризма и энергетики¹.

Центральную часть трансграничной территории России и Монголии занимает уникальное природное образование – Байкало-Хубсугульский бассейн, устойчивое развитие которого имеет не только национальное, но и международное значение. Для обеспечения безопасности уникальной экологической системы в границах Байкало-Хубсугульского бассейна созданы национальные парки Тункинский и Хубсугульский.

В настоящее время особо охраняемые природные территории (ООПТ) активно вовлекаются в экотуризм и интегрируются в сферу социально-экономического развития [Евстропьева 2014: 82]. Кроме того, Байкало-Хубсугульская трансграничная территория является перспективной для развития международного туризма.

Электроснабжение потребителей на российской части территории осуществляется по протяженной одноцепной линии электропередачи (ЛЭП) напряжением 110 кВ Култук – Кырен – Зун-Мурино – Монды – Самарта. Потребители, расположенные на территории Хубсугульского национального парка, обеспечиваются электроэнергией по межгосударственной ЛЭП 10 кВ Монды – Ханх протяженностью 35 км (рис. 1).

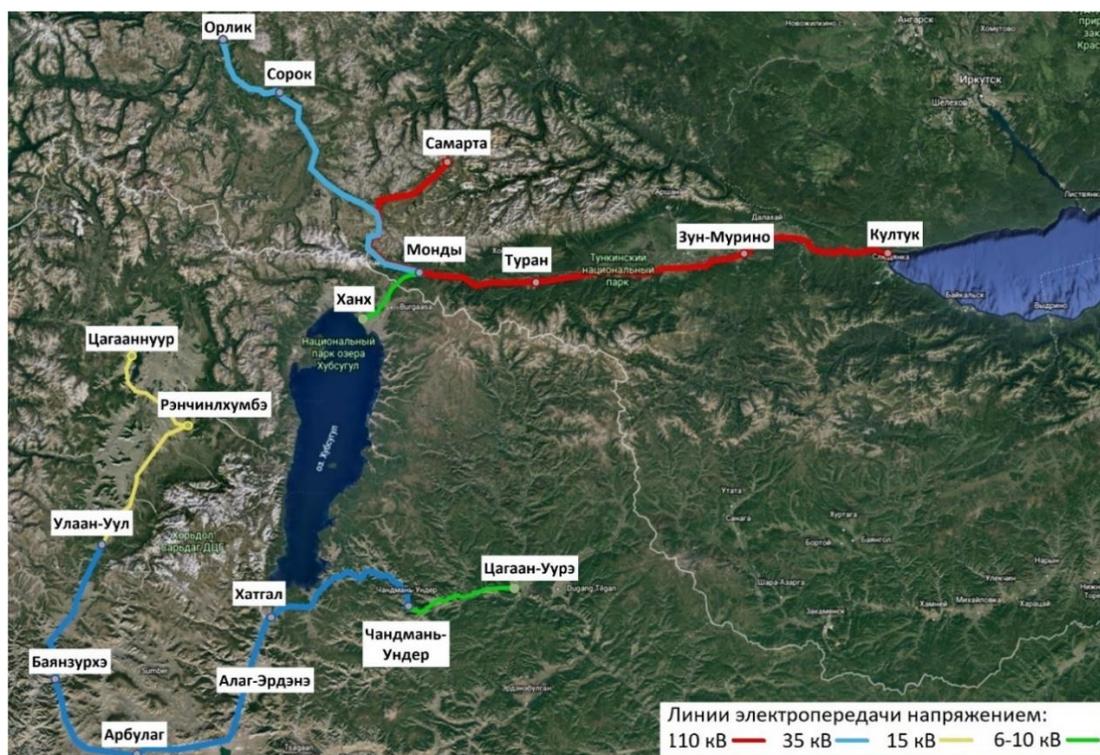

Рис. 1. Ситуационный план трансграничной территории «Байкал-Хубсугул»

Электроснабжение потребителей на территориях, примыкающих к озеру Хубсугул с восточной, западной и южной сторон, осуществляется от центральной энергосистемы Монголии по ЛЭП Булган – Мурэн – Хатгал напряжением 110/35 кВ протяженностью 298 км и далее по распределительным сетям напряжением 6, 10 и 15 кВ.

Большая протяженность ЛЭП обуславливает проблемы низкой надежности и низкого уровня напряжения у потребителей [Ivanova 2020: 1].

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о содействии межрегиональному и приграничному сотрудничеству от 03.09.2019, Улан-Батор.

В границах рассматриваемой территории расположены также удаленные труднодоступные потребители, в основном туристические объекты и стоянки скотоводов, которые снабжаются электроэнергией от дизельных электростанций (ДЭС).

Учитывая рекреационный статус территории и наличие ООПТ, развитие системы энергоснабжения целесообразно осуществлять с использованием возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Для анализа потенциала ветровой и солнечной энергии региона использовались геоинформационные системы NASA POWER,¹ Global solar atlas,² Global wind atlas³.

Повышенные показатели гелиопотенциала наблюдаются в Тункинском национальном парке и на побережье озера Хубсугул (рис. 2, таблица 1).

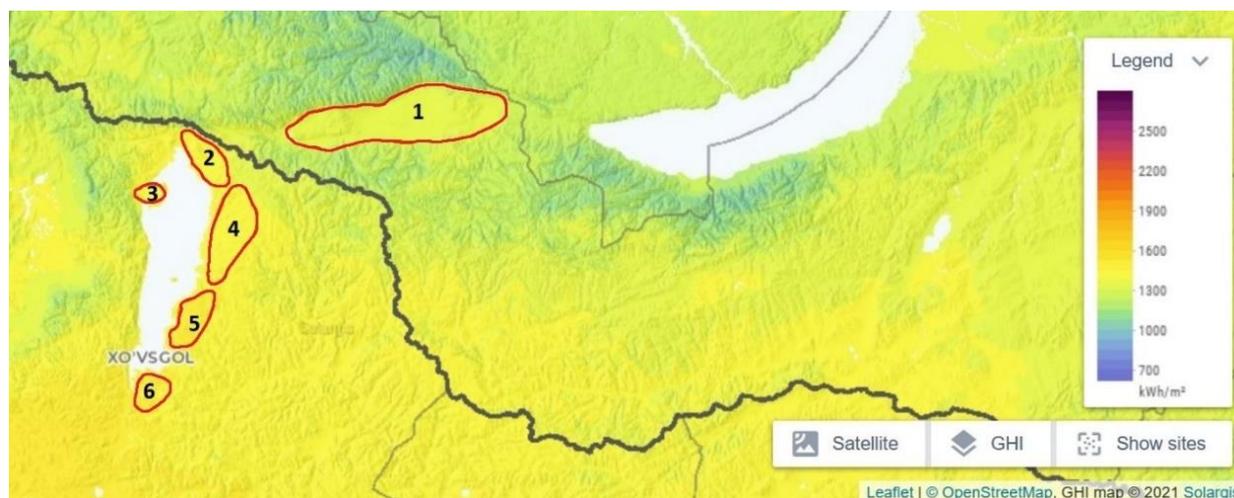

Рис. 2. Суммарная солнечная радиация, поступающая на горизонтальную поверхность

Таблица 1

Суммарная солнечная радиация в районах с повышенным гелиоэнергетическим потенциалом, кВт·ч/м²/год

Район (см. рис. 2)	Ориентации солнечных панелей:	
	горизонтальная	угол наклона равен широте местности
1	1241	1456
2	1285	1507
3	1285	1511
4	1285	1504
5	1365	1602
6	1365	1595

Ветроэнергетический потенциал территории характеризуется среднегодовой скоростью ветра 3,3-4 м/с на высоте 10 м (рис. 3, таблица 2).

Сравнительный анализ экономической эффективности использования ветровых (ВЭС) и солнечных электростанций (СЭС) представлен в таблице 3 [Санеев 2020: 272, Ivanova 2019: 17]. Ставка дисконтирования принята 10 %, расчетный срок – 25 лет.

Полученные оценки говорят о достаточном уровне гелиопотенциала для развития солнечной генерации на трансграничной территории «Байкал –Хубсугул». Наибольшую экономическую целесообразность имеют СЭС, особенно на территории Монголии, благодаря обеспеченному законом высокому тарифу на электроэнергию ВИЭ.

¹ NASA POWER – URL: <https://power.larc.nasa.gov/> (дата обращения: 29.05.2021).

² Global solar atlas. – URL: <https://globalsolaratlas.info> (дата обращения: 29.05.2021).

³ Global wind atlas. – URL: <https://globalwindatlas.info> (дата обращения: 29.05.2021).

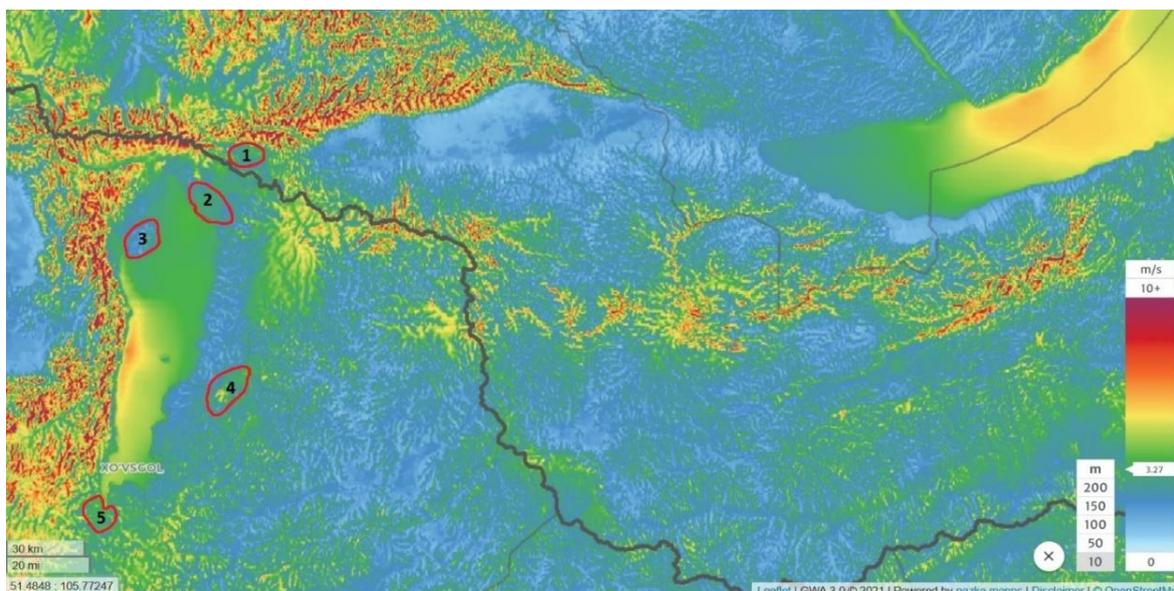

Рис. 3. Среднегодовая скорость ветра на высоте 10 м

Таблица 2

Скорость ветра в районах с повышенным ветроэнергетическим потенциалом, м/с

Район (см. рис. 3)	Высота над уровнем земли	
	10 м	50 м
1	3,3	4,4
2	3,4	4,5
3	3,6	4,7
4	4,0	5,5
5	3,9	5,4

Таблица 3

Сравнение экономической эффективности СЭС и ВЭС

Показатель	ВЭС	СЭС
Коэффициент использования установленной мощности, %	7,5–10,4	18,3–19,7
Нормированная стоимость производства электроэнергии, долл./кВт·ч	0,28–0,46	0,06–0,08

Авторами выполнена оценка масштабов целесообразного использования солнечной энергии в регионе. В зоне централизованного электроснабжения определены пункты размещения и установленная мощность СЭС, которые обеспечат с учетом перспективы развития допустимые отклонения напряжения у потребителей и высокую надежность электроснабжения: Хужир – 1,4 МВт, Орлик – 0,2 МВт, Сорок – 0,2 МВт, ГАИ – 0,1 МВт, Монды – 0,3 МВт, Ханх – 0,2 МВт [Ivanova 2020: б].

В зоне автономного электроснабжения оптимальная мощность СЭС составляет от 7 до 60 кВт в зависимости от нагрузки потребителя, а суммарная необходимая мощность для электроснабжения удаленных туристических объектов составляет 250–300 кВт [Ivanova 2021: 5].

Имеются исследования, подтверждающие эффективность использования солнечной энергии и на цели теплоснабжения [Батмунх 2014: 23].

Итак, одним из стратегических направлений энергетического сотрудничества России и Монголии является развитие трансграничной территории «Байкал – Хубсугул» с использованием солнечной энергии. Целесообразная величина установленной мощности СЭС составляет 2400 кВт в зоне централизованного электроснабжения и порядка 300 кВт в зоне автономного электроснабжения.

Источники и литература

Батмунх С., Халиунаа Б., Даваахуу Ш. Разработка технологии использования солнечной энергии для теплоснабжения автономных потребителей отдаленных сельских районов // Энергетика и экология / Институт теплотехники и промышленной экологии МГУНиТ. Улан-Батор: «Бэмби САН». 2014. С. 23–72.

Евстропьева О. В., Корытный Л. М. Как развивать трансграничный экологический туризм в бассейне озера Байкал // ЭКО. 2014. № 12. С. 76–85.

Санеев Б. Г., Иванова И. Ю., Халгаева Н. А., Батмунх С., Пурэвдорж Г., Онормаа Ц. Ресурсные и энерго-экономические предпосылки использования возобновляемых источников энергии на трансграничной территории «Байкал-Хубсугул» // Регион: Экономика и Социология. 2020. № 2 (106). С. 259–280.

Ivanova I., Shakirov V. Multi-criteria placement and capacity selection of solar power plants in the Baikal-Khövsgöl cross-border recreation area // E3S Web of Conferences. 2020. 209. 05004.

Ivanova I. Yu., Khalgaeva N. A. Validation of the efficiency of using solar energy resources for autonomous power supply of the trans-border area between Russia and Mongolia // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci., 2021. 629. 012020.

С. Н. Бажа¹, Ч. Дугаржав², А. В. Андреев¹, Е. В. Данжалова¹, М. Саандарь⁴,
Н. И. Дорофеев¹, Ю. И. Дробышев¹, Л. А. Иванов³, И. А. Петухов¹,
В. И. Убугунова⁵, С. Хадбаатар⁶, С. Энх-Амгалан⁷

*1 Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН
Москва, Российская Федерация
monexp@mail.ru*

*2 Ботанический сад-институт МАН
Улан-Батор, Монголия*

*3 Ботанический сад-институт УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
leonia.ivanov@botgard.uran.ru*

*4 Monmap Engineering Ltd.
Улан-Батор, Монголия*

*5 Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация*

*6 Монгольский государственный университет образования
Улан-Батор, Монголия
hadbaatar@mail.ru*

*7 Институт географии и геоэкологии МАН
Улан-Батор, Монголия*

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ЭКОСИСТЕМ БАСЕЙНА БАЙКАЛА КАК ПРИМЕР РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ

Статья посвящена современному состоянию экосистем в бассейне озера Байкал. Излагаются основные причины и следствия динамических процессов, ведущих к дестабилизации природных комплексов бассейна, которые были выявлены с помощью долгосрочного мониторинга сотрудниками Совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и МАН в последние годы. Основой мониторинга является сеть модельных полигонов и ключевых участков, заложенных авторами в зонах повышенной экологической напряженности в пределах байкальского бассейна на территории как России, там и Монголии, где осуществляется крупномасштабное картографирование и проводится комплекс ландшафтоведческих, почвоведческих, геоботанических, лесоведческих и других исследований. Оценена степень нарушенности природной среды региона, выявлены факторы деградации и установлен характер деградационных процессов в разных типах наземных экосистем бассейна Байкала. Данные работы являются частью исследований, выполняемых экспедицией непрерывно с 1970 г.

Ключевые слова: мониторинг, экосистемы, бассейн Байкала.

S. N. Bazha¹, A. V. Andreev¹, E. V. Danzhalova¹, N. I. Dorofeyuk¹,
Yu. I. Drobyshev¹, Ch. Dugarjav², L. A. Ivanov³, I. A. Petukhov¹, M. Saandar⁴,
V. I. Ubugunova⁵, S. Khadbaatar⁶, S. Enkh-Amgалан⁷

*¹ Severtsov Institute for Ecology and Evolution RAS
Moscow, Russian Federation*

*² Botanical Garden-Institute MAS
Ulaanbaatar, Mongolia*

*³ Botanical Garden-Institute, Ural Branch RAS
Yekaterinburg, Russian Federation*

*⁴ Monmap Engineering Ltd.
Ulaanbaatar, Mongolia*

*⁵ Institute of General and Experimental Biology, Siberian Branch RAS
Ulan-Ude, Russian Federation*

*⁶ Mongolian State University of Education
Ulaanbaatar, Mongolia*

*⁷ Institute of Geography and Geoecology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia*

ANALYSIS OF THE ECOSYSTEMS' STATE OF THE BAIKAL LAKE BASIN AS AN EXAMPLE OF RUSSIAN-MONGOLIAN COOPERATION IN THE FIELD OF ECOLOGY

The article is devoted to the current state of ecosystems in the Baikal Lake basin. The authors describe main causes and consequences of dynamic processes leading to the destabilization of natural complexes of the basin, which were identified by long-term monitoring by the staff of the Joint Russian-Mongolian Complex Biological Expedition of the Russian Academy of Sciences and the Mongolian Academy of Sciences in recent years. The monitoring is based on a network of model polygons and key sites laid down by the authors in areas of high environmental tension within the Baikal basin on the territory of both Russia and Mongolia, where large-scale mapping is carried out and a complex of landscape, soil, geobotanical, forestry and other studies is carried out. Degree of disturbance of natural environment of the region is estimated, factors of degradation are identified and nature of degradation processes in different types of terrestrial ecosystems of the Baikal Lake basin is established. These works are a part of the researches carried out by the expedition continuously since 1970.

Keywords: monitoring, ecosystems, Baikal basin.

Бассейн Байкала, расположенный на территории России и Монголии, обладает уникальным богатством флористико-фаунистического состава и разнообразием экосистем. Это динамично развивающийся регион. Трансформация природной среды вызвана здесь как постоянно возрастающей хозяйственной нагрузкой, так и аридизацией климата.

В российской и монгольской частях бассейна оз. Байкал для проведения мониторинговых работ были выбраны репрезентативные модельные полигоны (МП) и ключевые участки (КУ) в зонах повышенной экологической напряженности.

Цель исследований – определение степени развития и особенностей распространения деградиционных процессов в почвенно-растительном покрове экосистем в связи с воздействием главных факторов хозяйственной деятельности.

Сеть МП и КУ охватывает пять наиболее крупных физико-географических провинций бассейна оз. Байкал [Экологический, 2015] и представляет основные типы экосистем. Главными объектами изучения и оценки деградиционных процессов служат природно-территориальные комплексы, выделенные на основе крупномасштабного ландшафтно-экологического картографирования. Для каждой территории подбирались материалы дистанционного зондирования, на основе которых проводились полевые работы для определения структурной организации экосистем, включающие их инвентаризацию, оценку состояния и распространения деградиционных процессов.

Критериями оценки антропогенного воздействия на экосистемы являются различия почв и растительности. Использовались следующие параметры: состояние почвенного покрова (мощность гумусового горизонта, содержание гумуса, влажность), его нарушенность (эрозия, опесчаненность, зацебненность), фитоценотические показатели растительных сообществ (высота, проективное покрытие, продуктивность), его структура, изменения флористического состава, наличие индикаторных видов, жизненность, степень уничтожения или повреждения древостоя. Дифференциация проводилась по 5 группам нарушенности: незначительно, слабо, средне, сильно, очень сильно [Методология, 1993; Бажа и др., 2013].

Полевые работы включали комплекс геоботанических и почвенных исследований с отбором проб на определение продуктивности растительности, влажности почв, их гранулометрический и химический состав.

МП, имеющие типичный для своего природного региона набор экосистем, служили базовыми для проведения инвентаризации на основе крупномасштабного картографирования и выяснения характерных деградиционных процессов. Они имеют значительную площадь. КУ выбирались чаще всего в пределах полигонов с целью детального изучения факторов антропогенного воздействия и изучения наиболее опасных процессов деградации экосистем. Они имеют меньшую площадь, но более крупный масштаб картографирования.

В процессе разностороннего анализа литературных данных и обработки фактического материала были прослежены основные закономерности современного антропогенного воздействия на разные типы экосистем на территории российской и монгольской частей бассейна Байкала.

Среди видов хозяйственной деятельности, оказывающих влияние на структуру и

функционирование ландшафтов бассейна, ведущая роль принадлежит экстенсивным видам природопользования: животноводству, лесному хозяйству и земледелию, а также горнодобывающей отрасли.

Антропогенная динамика пастбищных экосистем на территории монгольской части бассейна отличается прогрессирующим развитием пастбищной дигрессии, охватывающей все большие площади. Здесь резко увеличилась доля полностью трансформированных пастбищ, на месте которых формируются монодоминантные растительные сообщества из инвазийных видов. На данный момент наиболее широко распространены средне- и сильнонарушенные пастбища, на которых коренная степная растительность уже заменена менее продуктивными сообществами с преобладанием сорных и непоедаемых видов.

В российской части бассейна Байкала снижение численности поголовья скота привело к замедлению процессов пастбищной дигрессии и к восстановлению растительного покрова пастбищ. С другой стороны, появление на значительных территориях бесхозных пастбищ после упразднения коллективных хозяйств приводит на отдельных площадях к их непрофильному использованию.

По всему бассейну Байкала происходит направленное сокращение общей площади лесов, вызванное необратимыми сменами растительного покрова на горях, вырубках и участках лесов, погибших от насекомых, которое ведет к формированию травяных и кустарниковых сообществ, и, следовательно, к закустариванию и остепнению лесопригодных экотопов. Особенно яркие и быстрые темпы деградации лесов были обнаружены нами на КУ «Налайх», «Шарын-гол», «Шамар» и КУ «Куйтун-1».

Распашка земель в обеих частях бассейна происходила крупными массивами, без учета ландшафтной структуры территории, литологического состава почв и положения относительно ветрового режима, поэтому деградация богарных почв сопровождается истощением плодородия почв, развитием эрозии и локально – опесчаниванием. При этом значительным деградационным процессам подвержены почвы легкого (супесчано-песчаного) гранулометрического состава. В настоящее время большая часть земель российской части бассейна переведена в залежи, находящиеся на разных стадиях восстановления.

За последние десятилетия увеличилась площадь техногенных экосистем, связанных с разработкой полезных ископаемых. Естественное восстановление таких экосистем растянато во времени, а рекультивационные работы на отвалах горнодобывающей промышленности часто проводятся с большим опозданием и в недостаточном объеме. В результате этого формируются значительные участки, не только непригодные для хозяйственной деятельности, но и создающие опасность для здоровья населения даже при невысоком классе опасности отходов угледобывающей отрасли.

Таким образом, проведенные исследования позволили нам выделить на территории бассейна Байкала следующие основные экологические проблемы, возникающие в результате интенсификации антропогенных воздействий:

- инвазии опасных видов растений (внедрение алкалоидных растений *Artemisia adamsii*, *Cannabis sativa*, *Ephedra sinica*);
- закустаривание пастбищных степных экосистем (замещение типичных доминантных видов трав кустарниками и полукустарничками *Artemisia adamsii*, *A. frigida*, *Caragana bungei*, *C. microphylla*, *C. stenophylla*, *Prunus pedunculata* и др.);
- обезлесивание (формирование на вырубках и горях бореальных лесов кустарниковых сообществ из *Betula ovalifolia*, *Caragana bungei*, *C. microphylla*, *C. spinosa*, *Dasiphora fruticosa*, *Prunus pedunculata*, *P. sibirica*, *Spiraea hypericifolia*, *S. media*);
- опустынивание экосистем с песчано-щебнистыми почвами (разрушение дернового горизонта и формирование эолового рельефа с пустынно-степными псаммофитами: *Agriophyllum squarrosum*, *Allium polyrhizum*, *Corispermum mongolicum*, *Peganum nigellastrum*, *Psammochloa villosa*);
- обеднение пастбищных сообществ гидроморфных экосистем и разрастание малопоедаемых и непоедаемых видов: *Artemisia adamsii*, *A. commutata*, *A. laciniata*, *Carex duriuscula*, *Iris lactea*, *Potentilla acaulis* и др. в деградированных экосистемах;
- формирование «бедлендов» на территориях горнодобывающей отрасли и локальных зон с неблагоприятной экологической обстановкой.

Проведенные исследования по крупномасштабному ландшафтно-экологическому

картографированию модельных полигонов и ключевых участков бассейна Байкала позволили охватить основные типы наземных экосистем и составить не только их инвентаризационный перечень, но и определить пространственное распределение факторов и процессов их дестабилизации, дифференцировать участки экосистем, находящиеся на разных стадиях дестабилизации, а также провести детализацию механизмов развития этих процессов.

Для целей развития сети станций фоновго мониторинга в Байкальском регионе подготовлена детальная цифровая картографическая база, которая может служить в настоящий период «нулевой точкой отсчета» для последующей оценки состояния экосистем.

Источники и литература

Бажа С. Н., Востокова Е. А., Гунин П. Д., Дугаржав Ч., Данжалова Е. В., Воробьев К. А., Прищеп А. В., Петухов И. А. Геоинформационное картографирование наземных экосистем бассейна Селенги на примере модельных участков. Методические рекомендации. М: Россельхозакадемия, 2013. 109 с.

Бажа С. Н., Данжалова Е. В., Дробышев Ю. И., Хадбаатар С. Трансформация наземных экосистем южной части бассейна Байкала. М.: КМК, 2018. 402 с.

Методология оценки состояния и картографирования экосистем в экстремальных условиях. Пущино: Изд-во ПНЦ РАН, 1993. 203 с.

Экологический атлас бассейна оз. Байкал. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2015. 140 с.

БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН КАК ОБЪЕКТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ, МОНГОЛИИ И КИТАЯ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ОТ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ

В Байкальском регионе широкое развитие получили активные современные геодинамические процессы, которые формируют морфологический облик территории. При хозяйственном освоении Байкальского региона эти процессы активно воздействуют на производственную инфраструктуру и человека, создавая конкретные угрозы и обуславливая риск природопользования, для снижения которого приходится проводить как специальные защитные мероприятия превентивного характера, так и дорогостоящие реабилитационные работы. Поэтому вопросы трансграничного сотрудничества находятся в поле пристального внимания руководства РФ, Монголии и КНР при разработке геополитических стратегий пространственного развития. В этой связи большую актуальность приобретают карты геоэкологического районирования различность целевой направленности. Районирование в этом случае выступает в качестве основы для поиска оптимального режима функционирования природных и техногенных систем, уменьшения риска вызвать в них необратимые негативные изменения. Одним из видов геоэкологического районирования является предлагаемый нами подход к созданию карт, на которых выделяются районы с различным уровнем развития и составом опасных геодинамических процессов и хозяйственной специализацией. Исследования направлены на совершенствование государственной и трансграничной систем борьбы с чрезвычайными ситуациями природного и природно-техногенного характера, оптимизацию межгосударственных контактов в области модернизации и разработки новых методов профилактики и ликвидации последствий стихийных бедствий в РФ, Монголии и КНР.

Ключевые слова: опасные геодинамические процессы, стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации, безопасность, трансграничное сотрудничество, Байкальский регион.

S. B. Kuzmin
*Sotchava Institute of Geography SB RAS
Irkutsk, Russian Federation*

BAIKAL REGION AS AN OBJECT OF STRATEGIC CROSS-BORDER COOPERATION OF RUSSIA, MONGOLIA AND CHINA IN THE FIELD OF DISASTER PROTECTION

In Baikal region active modern geodynamic processes have been widely developed, which form the morphological appearance of the territory. During the economic development of the Baikal Region, these processes actively affect the industrial infrastructure and humans, creating specific threats and causing the risk of environmental management, to reduce which it is necessary to carry out both special protective measures of a preventive nature and expensive rehabilitation work. Therefore, the issues of cross-border cooperation are in the field of close attention of the leadership of the Russia, Mongolia and China when developing geopolitical strategies for spatial development. In this regard, maps of geoecological zoning, the difference in target orientation, acquire great relevance. In this case, zoning acts as a basis for finding the optimal mode of functioning of natural and man-made systems, reducing the risk of causing irreversible negative changes in them. One of the types of geoecological zoning is our proposed approach to the creation of maps, which highlight areas with different levels of development and composition of dangerous geodynamic processes and economic specialization. Research is aimed at improving the state and cross-border systems for dealing with natural and natural-man-made emergencies, optimizing interstate contacts in the field of modernization and developing new methods for preventing and eliminating the consequences of natural disasters in the Russia, Mongolia and China.

Key words: dangerous geodynamic processes, natural disasters, emergencies, security, transboundary cooperation, Baikal Region.

Байкальский регион (БР) является сегодня объектом стратегического планирования в РФ, Монголии и КНР. Территориально в его состав входят три субъекта РФ: Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край, а также территория Монголии в пределах водосборного бассейна оз. Байкал по границам аймаков. В юго-восточной части Забайкальского края граница БР на протяжении более 500 км идет в соприкосновении с КНР в пределах округа Хулун-Буир. В плане сотрудничества РФ, Монголии и КНР главными направлениями являются поиск путей сохранения уникальной природы оз. Байкал и окружающих ландшафтов, разработка схем устойчивого развития БР, снижения риска природопользования в условиях стихийных бедствий, которые обеспечили бы взаимовыгодную экономическую интеграцию стран, повысили благосостояние населения.

РФ, Монголия и КНР в своем трансграничном сотрудничестве руководствуются международными соглашениями. В 1992 г. в Рио-де-Жанейро они подписали Конвенцию о биологическом разнообразии: Монголия ратифицировала ее в 1993 г., КНР – в 1994 г., РФ – в 1995 г. В 1996 г. оз. Байкал получило статус объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, а в 2000 г. такой же статус получили ландшафты долины р. Орхон в Монголии. В соответствии с подписанием Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО РФ, Монголия и КНР подтвердили, что эти ценности принадлежат всему человечеству и для их сохранения обязаны взаимодействовать все заинтересованные страны, особенно непосредственно в регионе.

Сотрудничество по вопросам экологической безопасности и охраны окружающей среды между Монголией и РФ (ранее – СССР) началось с подписания в 1974 г. Соглашения о рациональном использовании и охране вод бассейна р. Селенга. В 1988 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области водного хозяйства на пограничных водах. В 1995 г. страны подписали двустороннее Соглашение по охране и использованию трансграничных вод, которое заменило два предшествующих и является правоустанавливающим документом в трансграничном сотрудничестве РФ и Монголии.

В 1994 г. Госсовет КНР опубликовал «Стратегию развития Китая в XXI в.». В ней отражена государственная политика поступательного развития страны. В 1996 г. принят «9-й пятилетний план развития народного хозяйства и социальной сферы КНР» и «Перспективно-целевая программа до 2010 г.», где вновь определена политика Китая по осуществлению стратегии поступательного развития. По мнению китайского правительства, сбалансированное использование природных ресурсов с учетом опасных природных процессов и риска стихийных бедствий, благоприятная экологическая ситуация являются главными предпосылками для осуществления стратегии поступательного развития.

Основные положения государственной политики РФ по развитию БР отражены в Распоряжении Правительства РФ от 05.07.2010 г. «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г.». Суровые природно-климатические условия Сибири обуславливают масштабную активизацию опасных природных процессов при ее хозяйственном освоении. Это требует надежных знаний о характере этих процессов для предотвращения стратегических просчетов в эколого-экономической политике. Эти функции прописаны в Постановлении Правительства РФ от 15.04.2014 г., № 300 «О реализации государственной программы МЧС «Защита населения и территорий от ЧС до 2020 г.».

В 2019 г. МЧС России и Государственное агентство по чрезвычайным ситуациям (ГАЧС) Монголии подписали очередной план совместных действий по вопросам предупреждения и ликвидации ЧС. Такая практика совместных трансграничных действий применяется по сей день уже 12 лет, а вопросы международного сотрудничества РФ и Монголии приобретают все большее значение в современных условиях, способствуя консолидации усилий двух государств в деле предупреждения и защиты населения и территорий обеих стран от ЧС природного и природно-техногенного характера.

РФ и КНР взаимодействуют в области защиты от стихийных бедствий и природных катастроф в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). После визита министра МЧС РФ В. А. Пучкова в КНР в 2014 г. страны констатировали расширение регионального и трансграничного сотрудничества в области предотвращения и ликвидации последствий ЧС природного и природно-техногенного характера, что отвечает коренным интересам обоих государств в сфере глобальной безопасности. Эти положения были внесены в многосторонние долгосрочные документы: «Стратегия развития ШОС до 2025 г.» и «Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг.»

Защита от опасных природных процессов в БР осуществляется территориальными органами МЧС РФ и ГАЧС Монголии. Их основные задачи: 1) реализация государственной политики в области гражданской обороны (ГО), защиты населения и территорий от ЧС; 2) управление в области ГО и ЧС; 3) надзорные и контрольные функции в области ГО и ЧС; 4) осуществление деятельности по ГО, экстренному реагированию на ЧС, в том числе по чрезвычайному гуманитарному реагированию, защите населения и территорий от ЧС. Решение этих задач невозможно без полноценного и качественного геоинформационного сопровождения, обеспечивающего пространственную привязку мероприятий в области ГО и ЧС. Большое значение в этом смысле имеют уже составленные карты, оценивающие на разных уровнях степень опасности стихийных бедствий и катастроф, основанные на научных рекомендациях и методиках. Их вовлечение в государственную политику предупреждения и ликвидации ЧС представляется актуальным и своевременным.

Но многие вопросы все еще остаются вне поля зрения управляющих структур, и большое значение приобретает разработка новых унифицированных методик создания карт геоэкологической направленности, в частности, опасных природных процессов, которые позволили бы сопоставлять угрозы в области природопользования для отдельных отраслей экономики, территорий и субъектов РФ, Монголии и КНР. Эти тематические и интегральные карты должны служить основой для разработки трансграничных (международных), федеральных и региональных нормативных документов, с учетом которых органы власти всех стран принимают решения по использованию территорий, по предупреждению и ликвидации ЧС, по управлению риском природопользования.

В границах БР широкое развитие получили активные геодинамические процессы, формирующие морфологический облик территории. При ее хозяйственном освоении они активно воздействуют на экономику и человека, создавая конкретные угрозы и обуславливая риск природопользования, для снижения которого приходится проводить как специальные защитные мероприятия превентивного характера, так и дорогостоящие восстановительные и реабилитационные работы. В связи с этим предпринято районирование БР по опасным геодинамическим процессам. Карта служит рекомендательным документом для региональных структур при ведении ими хозяйственной деятельности.

Базой для районирования БР по опасным геодинамическим процессам послужила их классификация. Наши методические наставления и объем исходной фактической информации легли в основу районирования (Рисунок 1). Для выделенных районов определены основные виды хозяйственной деятельности, региональные особенности их размещения и функционирования (Таблица). Эти нечисловые вербальные показатели (параметры) могут быть интерпретированы в русле конкретных эколого-экономических задач.

Трансграничный аспект в деле защиты от стихийных бедствий определяется опытом многолетнего сотрудничества РФ, Монголии и КНР, протяженной государственной границей между странами. Последнее обстоятельство особенно важно при пространственном географическом анализе и картографировании опасных геодинамических процессов. Часть БР не входит в состав бассейна оз. Байкал, а принадлежит бассейну р. Амур. И здесь граница БР на протяжении более 500 км проходит между РФ и КНР. Трансграничная полоса расположена в автономном районе Внутренняя Монголия, значительна по площади – 264 270 км² и густо населена – более 5 млн. человек. В городе Эрен находится самый крупный пропускной пункт на китайско-монгольской границе. В 2000 г. Госсовет КНР включил Внутреннюю Монголию в «Программу освоения западных регионов», а в 2007 г. – в «Стратегию возрождения северо-восточных старопромышленных баз».

Территория БР региона является транзитной не только между РФ, Монголией и КНР, но другими странами юго-восточной Азии и всего Азиатско-Тихоокеанского сектора. Через нее проходят мощные международные финансовые, материальные и информационные потоки. Экономика региона активно развивается в последние 15–20 лет, что неминуемо влечет за собой постановку и решение острых задач обеспечения безопасности хозяйства, населения и окружающей природной среды. Поэтому районирование БР отвечает нуждам внутри- и межгосударственной политики РФ, Монголии и КНР, их важным трансграничным и геополитическим интересам. Выделенные на карте районы не являются изолированными от всего народно-хозяйственного комплекса стран, а представляют собой органичную его часть, тесно связанную с другими ТПК. Границы районов законодательно не закреплены, и, тем не менее, они сосредоточивают в себе значительную часть информации по геоэкологическим проблемам всего БР, играют важную роль в

регулировании и координации трансграничного развития и совершенствования производительных сил и производственных отношений в РФ, Монголии и КНР.

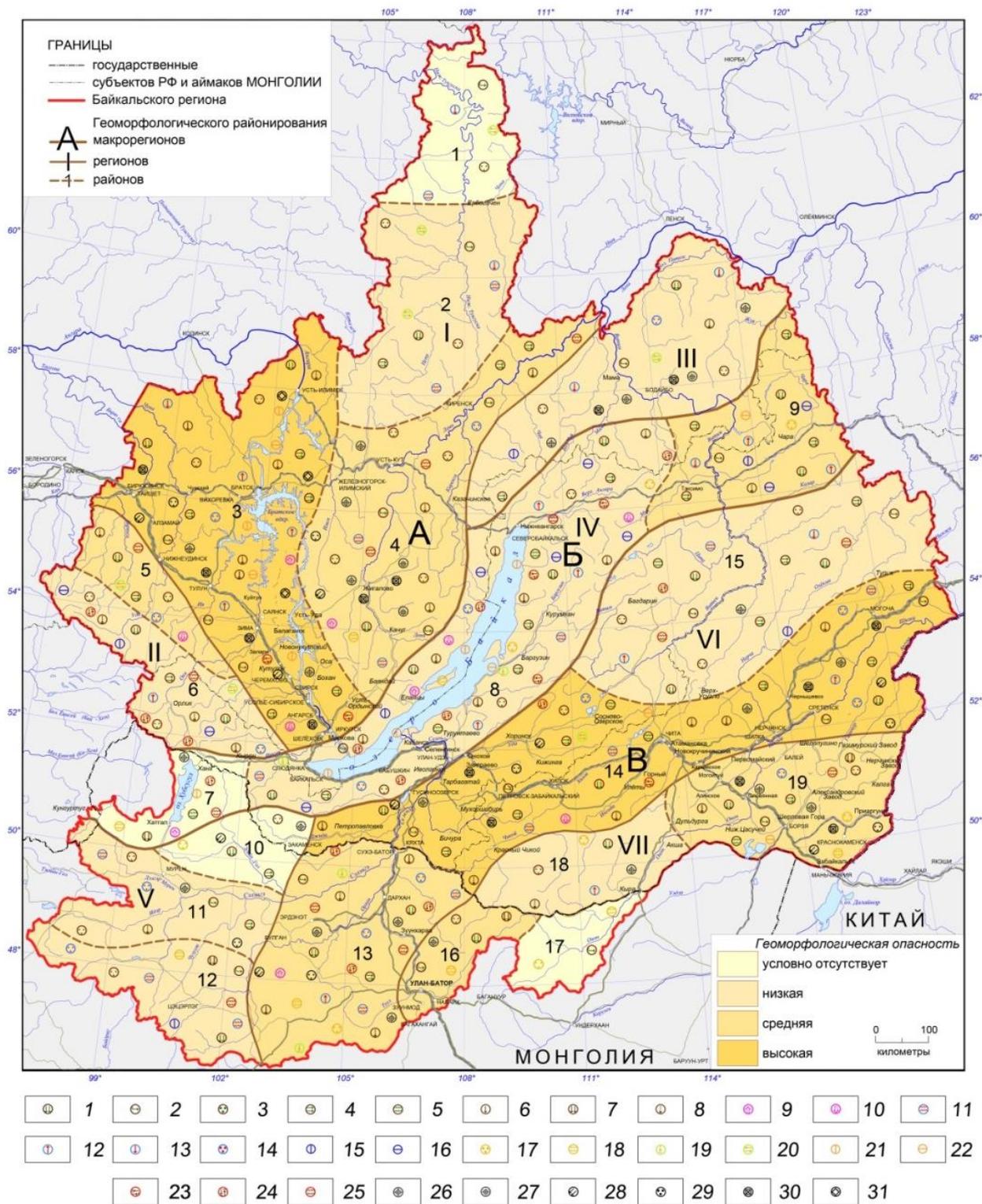

Рис. 1. Карта районирования БР по опасным геодинамическим процессам. Номера макрорегионов, регионов и районов см. в Таблице.

ОПАСНЫЕ ГЕОДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ЭКЗОГЕННЫЕ

Флювиальные и комплексные денудационные

1 – эрозионно-гравитационные: эрозия на склонах, формирование ложбин стока и деллей, обвалы, осыпи; 2 – линейная эрозия: донная и боковая эрозия рек, оврагообразование; 3 – площадная эрозия: плоскостной смыв, струйчатая эрозия в сочетании с морозным выветриванием, дефляцией, курумообразованием; 4 – аллювиальные и пролювиальные: формирование террас в речных долинах и конусов выноса в предгорных частях склонов; 5 – озерно-аллювиальные: формирование озерных террас, заболачивание озер с формированием сапропелевых толщ.

Гравитационные

6 – гравитационные: обвалы, осыпи, осывы; 7 – гидрогенно-гравитационные: оползни, сели, лавинообразование; 8 – гравитационно-дефляционные: формирование обвалов и осыпей при активном влиянии выветривания и дефляции.

Инфильтрационные

9 – карстовые: карстообразование поверхностное и подземное; 10 – суффозионные: формирование суффозионных полостей и воронок.

Криогенные

11 – поверхностного течения: солифлюкция, формирование оплывин и солифлюкционных террас, криогенный крип, десерпция; 12 – термоэрозионные: термоэрозия, морозное пучение и формирование гидролаколлитов, мерзлотная трещиноватость; 13 – термокарстовые: термокарст, режелация, формирование полигональных грунтов, аласов; 14 – термогравитационные: курумообразование в сочетании с солифлюкцией, криогенным крипом, обвалами, осыпями, селями, лавинами.

Нивально-гляциальные

15 – нивальные: нивальные в сочетании с солифлюкцией, селями, оползнями, осыпями; 16 – гляциальные: формирование экзарационных и аккумулятивных форм, кары, цирки, трог, морены и др.

Эоловые

17 – аккумулятивные: формирование дюн, барханов, перевеянных песков, опустынивание; 18 – дефляционные: ветровая эрозия, формирование останцов обтачивания, котловин выдувания, бедлендов.

Биогенно-хемогенные

19 – элювиальные: засоление, формирование травертинов, гейзеритов и т.п.; 20 – болотообразование: заболачивание, торфообразование.

Береговые

21 – абразионные: абразия; 22 – аккумулятивные: формирование дельт, кос, баров, береговых валов и т.п.

ЭНДОГЕННЫЕ

Быстрые

23 – сейсмогенные: формирование линейных деформаций грунтов, разрывы, валы, уступы, просадки и т.п. в результате землетрясений; 24 – тектонические: формирование линейных форм рельефа в зонах активных разломов, уступы, эскарпы, предгорные прогибы, цепочки котловин и т.п.

Медленные

25 – пликативные: тектонический крип.

АНТРОПОГЕННЫЕ

Деструкция рельефа при добыче полезных ископаемых

26 – экспонированные: карьеры, искусственные котловины, штольни, терриконы, россыпи и отвалы, хвостохранилища и т.п.; 27 – глубинные: шахты, штреки, буровые скважины, разрывы горных пород при закачке отходов в глубокие горизонты земной коры, просадочно-декомпрессионные полости и т.п.

Деструкция рельефа при распашке земель

28 – поверхностно-эрозионные: плоскостной смыв и дефляция, оврагообразование, формирование бедлендов; 29 – поверхностно-аккумулятивные: эоловая аккумуляция.

Прочие техномобилизационные

30 – эрозионно-аккумулятивные: планировка и преобразование рельефа при строительстве площадных и линейных объектов; 31 – релаксационно-компенсационные: наведенная сейсмичность.

Таблица 1

Главные виды хозяйственной деятельности БР

Единицы районирования			Виды хозяйственной деятельности		
Макро регион	Регион	Район	Существующие	Планируемые	
А. Предбайкальский	I. Среднесибирский	1. Нижнетунгусский	Охотничий и рыбный промысел, лесозаготовка, традиционные промыслы, туризм	Лесозаготовка, транспорт, туризм и рекреация	
		2. Непатунгусский	Охотничий и рыбный промысел, лесное хозяйство, традиционные промыслы, оленеводство	Лесопереработка, газонефтедобыча, туризм и рекреация	
		3. Ангарский	Лесозаготовка, гидроэнергетика, деревообработка, цветная металлургия, химическая, машиностроение, нефтеперерабатывающая, горнорудная, угольная, скотоводство, земледелие, транспорт	Разработка месторождений нефти и газа, гидроэнергетика, нефтегазоперерабатывающая, трубопроводный транспорт	
		4. Ленский	Геологоразведка, горнорудная, газонефтепромысловая, воднотранспортная, животноводство, охотничий и рыбный промысел, оленеводство	Высокоперспективная нефтегазодобывающая, горнорудная, горнохимическая, транспорт	
	II. Саянский	5. Предсаянский	Молочно-мясное скотоводство, овцеводство, земледелие, приусадебное хозяйство	Горнодобывающая, сельское хозяйство, туризм	
		6. Горно-Саянский	Горнодобывающая и горноперерабатывающая, животноводство, туристско-рекреационная	Горно-перерабатывающая, сельское хозяйство	
	Б. Центрально-Байкальский	IV. Прибайкальский	7. Прихубсугулский	Мясо-молочное скотоводство, овцеводство, пищевая, строительные материалы, энергетика	Туризм, рекреация, пищевая, сельское хозяйство, энергетика
			8. Байкальский	Охото-рыбо-промысловая, рекреация, туризм, лесное хозяйство, скотоводство, земледелие	Рекреация, туризм, сельское хозяйство, транспорт
			9. Становой	Лесные и традиционные промыслы, оленеводство, небольшие очаги горнодобывающей промышленности	Горнорудная, ж/д и автомобильный транспорт
В. Забайкальский	V. Западно-Монгольский	10. Джидинский	Овцеводство, кожевенная, лесозаготовительная, оленеводство, горнодобывающая (вольфрам)	Лесоперерабатывающая, легкая, транспорт	
		11. Верхне-Селенгинский	Скотоводство, горнодобывающая (уголь, уран, свинец), легкая, лесозаготовка, деревообрабатывающая, черная металлургия, металлообработка	Лесозаготовка и лесопереработка, горнодобывающая, металлообработка, транспорт	
		12. Северо-	Животноводство, легкая, пищевая,	Пищевая, транспорт,	

		Хангайский	лесозаготовка, строительных материалов, энергетика	лесоперерабатывающая, энергетика
VI. Центрально-Забайкальский		13. Орхонский	Мясо-молочное скотоводство, овцеводство, земледелие, горнодобывающая (уголь, уран, медь, железо, золото), лесная, деревообработка, легкая, топливная, цветная металлургия	Животноводство, лесохимическая, энергетическая, горноперерабатывающая, туризм, транспорт, нефтегазовая
		14. Хилок-Шилкинский	Лесное и сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, машиностроение, горнорудная, пригородное хозяйство, рекреация	Горнодобывающая, лесоперерабатывающая, лесохимическая, рекреация
		15. Витимский	Лесные промыслы, очаги горнорудной и деревообрабатывающей промышленности	Долинное земледелие, животноводство
VII. Восточно-Забайкальский		16. Улан-Баторский	Легкая, пищевая, животноводство, энергетическая, горнодобывающая (бурый уголь, стройматериалы), перерабатывающая, машиностроение	Легкая, пищевая, транспорт, лесоперерабатывающая, энергетическая, горнодобывающая
		17. Верхне-Ононский	Животноводство, лесная, пищевая, горнорудная, топливная, традиционные промыслы	Туризм и рекреация, транспорт, энергетика
		18. Чикой-Ингодинский	Туризм, земледелие, традиционные промыслы, скотоводство, лесное хозяйство	Туризм, рекреация, лесное хозяйство
		19. Онон-Аргунский	Овцеводство, мясо-молочное скотоводство, очаги горнодобывающей промышленности	Сельское хозяйство, горноперерабатывающая

Сегодня РФ в законодательном плане по вопросам трансграничного сотрудничества с Монголией и КНР руководствуется Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 г. «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и БР на период до 2025 г». В Монголии в плане защиты от стихийных бедствий и оценки риска хозяйственной деятельности основополагающими являются закон «О национальной безопасности» от 27 декабря 2001 г. и закон о «О защите от бедствий» от 20 июня 2003 г., которые устанавливают базовые параметры национальной системы обеспечения безопасности страны, основные функции различных служб защиты от ЧС. В Концепции национальной безопасности Монголии, утвержденной Постановлением Великого государственного Хурала Монголии № 48 от 15 июля 2010 г. отмечается, что в стране проводится систематическая оценка по каждому типу стихийного бедствия, принимаются меры по минимизации рисков их возникновения. В национальном масштабе организована работа по совершенствованию системы менеджмента по предотвращению и ликвидации стихийных бедствий и снижению уязвимости от них, созданы условия и укрепляется участие центральных и местных органов власти, специализированных организаций, частного сектора и граждан в ликвидации последствий стихийных бедствий. В КНР защита от стихийных бедствий осуществляется в соответствии с Законом «О реагировании на ЧС», принятом на 29-м заседании Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва в 2007 г. и утвержденном Указом Председателя КНР № 69 от 30 августа 2007 г. В целях сокращения числа ЧС и сведения к минимуму их последствий в КНР согласно этому Закону создана система оценки рисков. Управление ЧС зависит от их масштаба и осуществляется правительствами административно-территориальных единиц – уездов, округов, провинций, вплоть до Госсовета КНР в особых случаях. 22 марта 2018 г. Госсовет КНР опубликовал Уведомление «Об организационной структуре» на основании «Проекта углубления реформы партийных и государственных органов», ранее одобренного Всекитайским собранием народных представителей. Согласно этому документу, впервые в стране создано Министерство по управлению в чрезвычайных ситуациях (МУЧС) КНР, которое взяло на себя обязанности по подготовке государственных планов предупреждения и организации действий в ЧС, руководство по реагированию и ликвидации последствий ЧС, создание механизмов оповещения и информирования.

В РФ, Монголии и КНР имеются разветвленная и надежная законодательная база, и государственные структуры в сфере борьбы со стихийными бедствиями. Районирование БР по опасным геодинамическим процессам будет способствовать внедрению особой политики этих стран по прогнозу, предупреждению, смягчению последствий и ликвидации ЧС природного и природно-техногенного характера. В устойчивом административно-государственном механизме защита от опасных природных происходит упорядоченно и обоснованно, на строгой законодательной основе, поэтому структурам управления РФ, Монголии и КНР разного уровня необходимо будет решать целый ряд многокритериальных задач. В условиях рыночных отношений и высокой конкуренции на мировом рынке, усиления децентрализации и многополярности мировой экономики новые черты приобретает территориальная комплексность хозяйства трансграничных регионов. Главным ее показателем становится четкое соответствие хозяйства региона его природным и социально-экономическим условиям, рациональное сочетание хозяйственных отраслей на базе ведущих специализированных производств и их территориальной концентрации, сходство отраслевой структуры входящих в регион отдельных экономических районов. Важным требованием является также эффективно функционирующая система защиты населения и хозяйства от стихийных бедствий и природных катастроф, профилактика ЧС.

Карта районирования БР и подобные ей картографические произведения могут стать пространственным базисом проведения специализированных мероприятий в рамках предупреждения и ликвидации стихийных бедствий. В территориальных подразделениях РФ, Монголии и КНР, которые в своей деятельности руководствуются государственными и международными нормативами, такие карты могут быть адаптированы под существующую номенклатурную основу, позволят эффективно использовать геоинформационный анализ в вопросах мониторинга опасных природных процессов, совершенствовать государственную систему прогноза стихийных бедствий и природных катастроф.

РАЗДЕЛ 7. РОЛЬ КЯХТЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.53954/9785604607886_216

Л. В. Курас
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
kuraslv@yandex.ru

Б. Д. Цыбенков
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
bazar75@mail.ru

ТРОИЦКОСАВСК КАК «КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА» МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 Г.¹

В докладе красной линией проводится мысль о том, что создание на территории Дальневосточной Республики Монгольской народно-революционной партии дает все основания считать ДВР «колыбелью» Монгольской революции. Авторы освещают предысторию республики, отмечают большую роль Политцентра, учрежденного в Иркутске в ноябре 1919 г. меньшевиками и эсерами. ДВР, несмотря на свое краткое существование, все же оставила заметный след в истории. Под влиянием ДВР и Советской России кардинальные изменения произошли в соседней Внешней Монголии. Авторы особенно подчеркивают значение пограничного Троицкосавска в организации Монгольской революции 1921 г., также выделяют роль первого советского уполномоченного Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР в Монголии О. И. Макстенка, осуществившего всю черновую работу по подготовке исторической встречи монгольской «семерки» сначала с руководством ДВР, а затем и Советской России.

Ключевые слова: Советская Россия, ДВР, Троицкосавск, Монгольская революция, О. И. Макстенек.

L. V. Kuras
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

B. D. Tsybenov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

TROITSKOSAVSK AS A «CONSPIRATIVE APARTMENT» OF THE MONGOLIAN REVOLUTION OF 1921

The paper analyzes the formation and the evolution of the Far Eastern Republic as a basic entity, mediator and a peculiar “safe house” for Mongolian revolutionaries in their relations with Soviet Russia. The creation of the Mongolian People’s Revolutionary Party on the territory of the “buffer state” makes it possible to consider the Far Eastern Republic the “cradle” of the Mongolian revolution. The authors point out a significant role of the Political Centre which was founded by the Mensheviks and the socialist-revolutionaries in November 1919. The authors emphasize the role of Troitskosavsk in the organization of the Mongolian Revolution of 1921 and the first Soviet Representative of the People’s Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek, who organized a historic meeting of the Mongolian “group of seven” with the authorities of the Far Eastern Republic and Soviet Russia.

Keywords: Soviet Russia, Far Eastern Republic, Troitskosavsk, Mongol revolution, O. I. Makstenek.

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ – Министерства образования, культуры и науки Монголии, № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) (номер госрегистрации АААА-А20-120021490062-5).

Учреждению ДВР предшествовала «революция в колчакии», в результате чего в Иркутске активизировалась «демократическая контрреволюция» – меньшевики и эсеры. По этому поводу профессор В. Т. Агалаков писал: «12 ноября 1919 г. в Иркутске на Всесибирском совещании земств и городов они вместе с близкими им группами образовали так называемый “политический центр”, межпартийный антисоветский орган» [Агалаков 1985: 36]. Зимой 1919–1920 гг. Политцентр вступил в переговоры с Советской Россией, мотивируя это сложной международной обстановкой и военным положением Советской России на Дальнем Востоке. В середине января 1920 г. Политцентр направил навстречу наступающей 5-й армии делегацию во главе с И. Ахматовым. Переговоры состоялись 19 января 1920 г. в Томске. На переговорах делегация Политцентра высказала опасение, что наступление Красной армии вызовет активизацию военных действий со стороны Японии и столкновения с чехословаками. И. Ахматов предложил «...здесь образовать буферное государство и демократическое правительство...» [Волынец]. Таким образом, идея «буфера» и само понятие «буферное государство» принадлежали Ивану Ивановичу Ахматову, борцу с колчаковским режимом, а в последующем – функционеру ДВР.

В Монголии 1920 г. также был ключевым. В июне 1920 г. две подпольные антикитайские группы «Консульский холм» (Д. Бодоо и Х. Чойбалсан) и «Восточное хурэ» (С. Данзан, Д. Догсом, Д. Сухэ-Батор) объединились в Монгольскую народную партию (МНП). Лидеры партии решили обратиться за помощью к Советской России. РСФСР также проявляла интерес к установлению связей с Монголией. Причины были следующие: во-первых, советские руководители осознавали стратегическое значение Монголии; во-вторых, в деле распространения коммунистических идей ей отводилась роль плацдарма революции в Азии; в-третьих, интерес к этой стране подогревался стремлением к возмещению огромных потерь в Гражданской войне за счет монгольских ресурсов.

В июне 1920 г. начал свою деятельность уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии Отто Иванович Макстенок. Он не был пропущен китайскими оккупационными властями в Ургу и остановился на границе, в Троицкосавске. Обустроившись в городе, он стал налаживать связи с монгольскими революционерами для оказания им всемерной помощи, включая взаимодействие с представителями власти Советов. Архивные документы, историческая и мемуарная литература свидетельствуют о том, что О. И. Макстенок был первым официальным лицом, принимавшим монгольских делегатов. О его работе с монголами можно узнать из доклада «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенок за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.» [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020: 305–317]. В этой связи ДВР приобретала статус не только «буфера», но и «конспиративной квартиры», Троицкосавск становился форпостом будущей монгольской революции, а О. И. Макстенку отводилась особая роль. Уполномоченный НКВД РСФСР был осведомлен о делах монголов, знал о цели приехавших и собирался отправить их в столицу ДВР Верхнеудинск. Макстенок вплотную занимался вопросами отправки С. Данзана и Х. Чойбалсана, находясь в прямой связи с председателем Совета министров ДВР Б. З. Шумяцким.

Вторая группа делегатов – Д. Бодоо и Д. Чагдаржав – прибыла в Троицкосавск в начале августа. Вместе с ними ехали С. С. Борисов и Ц.-И. Дашепылов. При встрече с О. И. Макстеном Д. Бодоо и Д. Чагдаржав вручили ему «Обращение от представителей монгольского народа и Народно-революционной партии Внешней Монголии». В документе, датированном 2 августа 1920 г., говорилось: «...в результате соглашения в Советскую Россию отправляется правомочная делегация от всего монгольского народа с целью установления прочной связи между революционным народом Российской Республики и Монголией, выяснения отношения Советской власти к Монголии в ее борьбе за освобождение».

Третья группа монгольских делегатов – Д. Сухэ-Батор, Д. Догсом и Д. Лосол – прибыла в Троицкосавск 8 августа 1920 г. Их встретили О. И. Макстенок и представитель Дальневосточного секретариата Коминтерна И. А. Сороковиков. Делегация привезла «Письмо князей и лам Внешней Монголии». С этим документом Д. Сухэ-Батор, Д. Догсом и Д. Лосол, прибыв в Иркутск, обратились к Сибирской миссии ЦК РКП(б) и Советскому правительству.

Таким образом, с 4 июля по 10 августа 1920 г. Троицкосавск был местом приема трех групп монгольских делегатов, где они отработывали все организационные вопросы с Уполномоченным НКВД РСФСР О. И. Макстеном, а затем с его помощью направлялись в Верхнеудинск для встречи с руководством ДВР. Дальневосточная республика становилась участницей большой политической игры.

Осенью 1920 г., после возвращения из Москвы, Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан длительное время находились на полулегальном положении на территории Джидинской долины (Джидинский район Республики Бурятия), а зимой 1921 г. скрывались в Гэгэтуйском и Дырестуйском дацанах. Они выезжали в Желтуру и другие пограничные населенные пункты для встречи с соратниками, занимались формированием партизанских отрядов. Все это время для передачи оперативной информации о положении дел в Монголии в Троицкосавске оставался Д. Лосол. В конце февраля 1921 г. монгольские революционеры перебрались в Троицкосавск.

1–3 марта 1921 г. в Троицкосавске состоялся первый съезд Монгольской народной партии, работа которого проходила на квартире О. И. Макстенека. Причем он не был сторонним наблюдателем, а принимал активное участие в его работе, выступал в прениях. Съезд избрал ЦК партии, принял политическую платформу и поставил задачи предстоящей революции: ликвидация империалистического гнета, завоевание национальной независимости, установление народной власти, демократизация общественной жизни страны. Вскоре МНП вошла в Коминтерн в качестве сочувствующей партии. Тогда же начали формироваться первые четыре полка, положившие начало созданию вооруженных сил Монголии. Приближалось лето 1921 г., а вместе с ним и победоносная Монгольская народная революция.

Таким образом, ДВР (Троицкосавск) сыграли важную роль в осуществлении Монгольской революции 1921 г.

Источники и литература

Агалаков В. Т. Рабочие Иркутска в борьбе с колчаковщиной (восстание в Иркутске в конце 1919 – начале 1920 г.) // Рабочие Восточной Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1922). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. С. 34–58.

Вольнец И. А. ДВР: «Довольно веселая республика» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://dv.land/history/dvr> (дата обращения: 05.03.2020).

Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенека: у истоков монгольской революции 1921 года // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317.

ВОСПОМИНАНИЯ И. Г. СТАРЧАКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье анализируется рукопись участника гражданской войны в Забайкалье И. Г. Старчака, принимавшего активное участие в разгроме войск барона Унгерна и подготовке штурма Маймачена в составе кавалерийского эскадрона разведшколы 5-й Красной армии. Также анализируется открытое письмо И. Г. Старчака в честь 60-летия ВЛКСМ, в котором описывается роль кяхтинских комсомольцев в революционных событиях на начальном этапе монгольской революции. Автор вносит ряд новых моментов в освещение роли Кяхты и кяхтинцев в монгольской революции, в период подготовки и штурма Маймачена.

Ключевые слова: Кяхта, Маймачен, разведшкола, И. Г. Старчак, Сухэ-Батор, артиллерийская батарея, революция в Монголии.

N. G. Filshin
Newspaper "Kyakhta Almanac"
Kyakhta, Russian Federation

MEMORIES OF I.G. STARCHAK AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE MONGOLIAN REVOLUTION

The article analyzes the manuscript of the participant of the civil war in Transbaikalia, I. G. Starchak, who took an active part in the defeat of the troops of Baron Ungern and the preparation of the assault on Maimachen as part of the cavalry squadron of the intelligence school of the 5th Red Army. The article also analyzes the open letter of I. G. Starchak in honor of the 60th anniversary of the Komsomol, which describes the role of the Kyakhta Komsomol members in the revolutionary events at the initial stage of the Mongolian revolution. The author introduces a number of new points in the coverage of the role of the Kyakhta and the Kyakhta people, in the Mongolian revolution, during the preparation and storming of Maimachen.

Keywords: Kyakhta, Maimachen, intelligence school, I. G. Starchak, Sukhbaatar, artillery battery, revolution in Mongolia.

Характерной чертой мемуаров является тот факт, что мемуарист является участником или свидетелем описываемых событий. Воспоминания позволяют восстановить множество фактов, которые не отразились в других источниках. При этом мемуарные частности могут иметь решающее значение для реконструкции того или иного события [Источниковедение... 2018: 146]. Именно к такого рода источнику можно отнести документы, хранящиеся в фонде И. Г. Старчака в Кяхтинском краеведческом музее им. академика В. А. Обручева. В составе фонда находятся неопубликованная рукопись воспоминаний «Время выбрало нас», открытое письмо комсомольцам-кяхтинцам в связи с 60-летием ВЛКСМ и 58-й годовщиной Кяхтинской комсомольской организации, автобиографическая справка, статьи в российской, республиканской, районной печати, большое количество фотографий. В этой связи к очевидцам Монгольской революции можно с полным правом отнести Ивана Георгиевича Старчака, почетного гражданина г. Кяхта, кавалера 5 наград МНР, который начал свою военную биографию в составе кавалерийского эскадрона разведшколы V-й Красной армии.

Так, в статье «Братство», опубликованной в газете «Лесная промышленность» к 50-летию победы Народной революции в Монголии, он пишет: «Во время одной из встреч с трудящимися Монголии в 1966 г. я сказал: "Дорогие мои братья..." Действительно я был среди тех братьев, с которыми породнился в годы борьбы монгольских аратов за власть, за право на счастливую жизнь» [Лесная промышленность 1971: 4].

Если многие кяхтинцы, принимавшие непосредственное участие в монгольской революции, оставили только упоминания о встречах с Сухэ-Батором, то И. Г. Старчак в своих воспоминаниях дает историческую картину событий, пытается провести их анализ, упоминает редкие факты.

Как пишет И. Г. Старчак в неопубликованной рукописи, «тогда в нашем городе в так называемых Белых казармах стояли конно-вьючная кавалерийская батарея, кавбригада и отдельный кавалерийский эскадрон армейской школы конной разведки» [ККМ инв. № 2258-28: 8]. Именно тогда зародилась у Ивана Георгиевича мечта стать военным, которая скоро сбылась. Как он пишет, *«начальником школы был кяхтинец Федоров, брат которого был моим одноклассником. К моему восторгу меня приняли без всяких проверок. Вот такой был в то время “блат”»* [ККМ инв. № 2258-28: 112].

Кяхта в истории Монгольской народной революции занимает особое место. Через Кяхту в Монголию направлялись политические и военные работники, шло вооружение, везли боеприпасы для готовящегося народного восстания. Тогда же через границу переправлялась газета «Монголын үнэн», которая призывала аратов к борьбе за национальную независимость страны.

С декабря 1920 г. И. Г. Старчак наряду с занятиями в разведшколе начинает принимать участие в операциях по сопровождению командиров Красной армии и оружия в монгольские партизанские отряды. Но более всего ему запомнилась последняя поездка за кордон, когда он принял участие в многодневной операции по закупке оружия у китайских военных в Маймачене. Здесь ему и его командиру, начальнику госполитохраны Томину очень помог Иван Соковиков, его товарищ по школе, который вместе с матерью жил на постоялом дворе на окраине города Маймачена. Ваня свободно владел монгольским и китайским языками и мечтал учиться в коммерческом торговом училище.

Двум Иванам было поручено проверить: когда сменяется караул, когда выезжают конные и выходят пешие караулы, их количество, состав, сколько и какого груза перевозится через ворота. Так начиналась карьера профессионального разведчика. В результате спецоперации китайский «интендант» продал четырнадцать ящиков по шесть винтовок в каждом и восемь ящиков с патронами. «Интендант» со своими людьми вывезли мусор и навоз и свалили за забором на свалке, там и спрятали ящики. Чтобы собаки в поисках пищи не разграбили эти кучи, Ефросинья Ивановна Соковицова, мать Ивана, облила кучи керосином. По возвращению из «командировки» их встречал уже не пограничный наряд, а конная разведка Сретенской кавалерийской бригады [ККМ инв. № 2258-28: 122].

Как пишет Иван Георгиевич, он много лет спустя узнал от своего друга П. Н. Эдинга, что *«Сухэ-Батор часто бывал в нашем доме, останавливался ночевать, скрываясь от преследования. Через наш дом нелегально отправлялись через границу в Монголию наши соотечественники для оказания помощи в организации и подготовке монгольских повстанческих сил. Среди них были командиры Красной Армии: Пензин, Шейн, Семенов, Давыдов, Иванов-Римский и многие другие. А Ульяна Александровна Эдинг и ее дети – мои друзья, комсомольцы 20-х годов Маруся, Валя и Петя – конкретно помогали монгольским революционерам»* [ККМ инв. № 2258-28: 123]. Так как этот дом по улице Шилкина сохранился, я считаю, что на этом доме в честь 100-летия Монгольской революции нужно установить мемориальную доску.

Читая в студенческие годы монографию монгольского академика Б. Ширендыба «История монгольской народной революции», я никак не мог понять, как 400 монгольских цуриков победили 10-тысячное войско китайцев при их явном превосходстве в вооружении. И непосредственный свидетель и участник тех событий И. Г. Старчак внес необходимую ясность. Как он пишет в своих воспоминаниях (орфография и стилистика автора сохранены), *«когда же настала пора восстания монгол, кяхтинские комсомольцы и коммунисты были все на границе и лежали в снегу у высоких глинобитных стен Маймачена, занятого китайскими оккупационными войсками. Наш коммунистический батальон был готов в любую минуту оказать помощь восставшим»*.

В первый день восстания Маймачен монголами освобожден не был. Нам скажут у монгол не хватило для развития успеха восстания боеприпасов. В эту ночь озверели китайские наемные солдаты, устроили резню местных жителей, русских и монгол. Их истошные крики были слышны на многие километры. А затем, чтобы скрыть следы преступления в Маймачене, они подожгли город.

Успех восстания был решен на следующий день. Как на учебно-боевом смотре, под звуки сигнальных труб, роты солдат, развернувшиеся в открытые цепи, пойдут в наступление на монгол. Их задача – «смять» боевые порядки монгол и прорваться в лесной массив Гужин или на старый Ургинский тракт.

Наступил решающий момент в судьбе монгольского вооруженного восстания. Волна за волной накатываются гамины на редкую цепь смешанных монгольских цуриков. Нам, готовым к

конной атаке, были хорошо видны эти наступающие китайские цепи. Казалось, еще мгновение, и белокитайцы прорвутся ...

И в этот самый решающий момент из-за нашей спины, из укрытия, на полном галопе, вырывается конная батарея. Скачущий командир батареи лихо осаживает лошадь. Следует команда «Батарея, к бою!», эхом отзываются в мерзлом редколесье повторяемые одна за одной команды, и наконец наступил такой момент, когда командиры орудий докладывают о готовности.

Командир батареи приказывает; «Первое, двумя снарядами, огонь!..», а затем «Беглым, пятью снарядами, батарея огонь!..»

Нервной дрожью вместе с лошадьми под всадниками, после каждого орудийного выстрела вздрагивает земля.

...Цепи атакующих ломаются и сбиваются, темно-серые фигуры китайцев в куче. Китайские солдаты, выйдя из подчинения своих офицеров, бросаются бежать назад... А вслед за гаминами, развернутым фронтом эскадроны монгольской конницы, с диким криком, поднимая облако снежной пыли, рванулись вперед. Среди криков атакующих прослушивалось наше русское «Ура!». В бой повстанцев вел сам главком Д. Сухэ-Батор.

Первым, кто в ту ночь был послан в разведку, в горящий Маймачен были наши комсомольцы Петя Эдинг, Леня Пенигин, Алеша Смоленский...» [ККМ инв. № 2258-28: 122]. Так подробно цитируя очевидца взятия Маймачена И. Г. Старчака, я хочу напомнить о вкладе в нашу общую победу русских артиллеристов, кяхтинских комсомольцев-разведчиков [ККМ инв. № 2258-28: 123].

Поэтому, как пишет в своем открытом письме к комсомольцам-кяхтинцам Иван Георгиевич Старчак, «Кяхта в истории народной революционной Монголии занимает особое место, она как любящая мать в большой семье была щедра для монгольских революционеров» [ККМ, инв. № 5332: 6].

Источники и литература

Кяхтинский краеведческий музей (ККМ). Фонд И. Г. Старчака. Неопубликованная рукопись воспоминаний «Время выбрало нас». Инв. № 2258–28, НВ.

Кяхтинский краеведческий музей. Фонд И. Г. Старчака. Открытое письмо к комсомольцам-кяхтинцам в связи с 60-летием ВЛКСМ и 58-й годовщиной кяхтинской комсомольской организации. Инв. 5332.

Источниковедение истории Бурятии: учебник для обучающихся по направлению подготовки 46.03.01 История [составители Н. С. Байкалов и др.]. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. 218 с.

Лесная промышленность. 1971. 10 июля.

М. М. Чагдурова
Кяхтинский краеведческий музей им. акад. В. А. Обручева
Кяхта, Российская Федерация

РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ СЛОВАРИ А. В. ИГУМНОВА И Р. Б. БИМБАЕВА

Представленные книжные комплексы являются ценными документами. Изучение монгольско-русских словарей давало возможность пользователям не только получить сведения о лексике другого языка, но и через систему понятий приобщиться к другой культуре, иному видению мира.

Ключевые слова: словарь, отношения, культура.

М. М. Chagdurova
V. A. Obruchev Kyakhta Museum of Local Lore
Kyakhta, Russian Federation

RUSSIAN-MONGOLIAN DICTIONARIES OF A. V. IGUMNOV AND R. B. BIMBAYEV

The presented book complexes are valuable documents. The study of Mongolian-Russian dictionaries made it possible for users not only to obtain information about the vocabulary of another language, but also through a system of concepts to join another culture, a different vision of the world.

Keywords: vocabulary, relationships, culture.

Главная основа к изучению какого-либо народа с его письменными памятниками и к сближению с народом состоит в знании языка этого народа, а пособием к изучению языка является словарь.
[Голстунский 1893: I]

Как мы знаем, различают словари двух типов: энциклопедические и филологические. В свою очередь лингвистические словари подразделяются на два типа: двуязычные, т.е. переводные, которыми мы пользуемся при изучении иностранного языка, и одноязычные [Морковников 1990: 72]. В Фонде редких книг Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В. А. Обручева имеется большое количество языковых словарей, среди которых есть и монгольско-русские словари: «Монгольско-немецко-российский словарь» Я. И. Шмидта (1835), трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» О. М. Ковалевского (1844–1849), «Монгольско-русский словарь» К. Ф. Голстунского (1893–1895) в трех томах (с дополнениями к трем основным томам) и др.

Наиболее ценным является рукописный «Монгольский словарь, составленный по азбучному алфавиту» 1832 г. Это был первый в России большой монгольско-русский словарь. Автором данного словаря является Александр Васильевич Игумнов (1761 – 24 октября 1834 г.) – коллежский секретарь, востоковед, служивший толмачом (переводчиком) в Кяхтинской приграничной канцелярии [История и культура бурятского народа 1999].

Монгольский словарь А. В. Игумнова состоит из трех томов, к сожалению, четвертый том сгорел во время пожара 1845 г., на уцелевших томах видны следы пожара. В I томе словаря – 796, во втором – 912, и в третьем – 758 страниц рукописного текста. Бумага верже, на которой имеются фабричные оттиски водяными знаками «1818 АО» и герб в виде льва на фоне меча в овале с короной, следовательно, словарь составлен не ранее 1818 г. Текст записан коричневыми чернилами на русском и старомонгольском языках. В 2020 г. Министерство культуры Республики Бурятия выделило средства для реставрации книжного памятника, отражающего значимый пласт в истории российско-монгольских отношений. Прекрасная реставрация с сохранением кусочков кожи и тиснения старого переплета и восстановлением угасающих чернил была проведена Российской государственной библиотекой г. Москва.

Словарь состоит из слов в основной форме, словосочетаний и даже предложений. Словарь имеет четкое построение: озаглавленные тематические группы слов. Тематический принцип распределения материала свидетельствует о поиске автором способа их описания по понятийным категориям. Например, слова «хорошо, хороший, счастливый» написаны на одной строке, а ниже

идут слова: хороший друг; счастливый хороший день; свечусь; поощряющий к добру; мудрец, благородный человек; вельможи; вельможа. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона к слову «вельможа» дается такое толкование: «слово, составленное из наречия, вело, вельми, т.е. очень, и глагола мочь, следовательно, тот, кто много может, а значит “счастливый человек”». Второй том словаря начинается текстом: «Словарь уйгуро-русский снова переписан на русской земле, где размечался торговый рынок Кяхта. Так переименован на все прошедших годах в руках историков... в 1832 году». Таким образом, известна точная дата составления словаря – 1832 год.

Словарь А. В. Игумнова предназначался для учащихся русско-монгольской школы, созданной по «высочайшему повелению» 18 июня 1832 г.: «Учредить в Троицкосавске войсковую школу на 24 мальчика для обучения российской и монгольской грамоте казачьих и старшинских детей четырех полков бурятских (шестисотенных), составляющих пограничную стражу на китайской линии в Иркутской губернии, с предоставлением права участвовать в сей школе и детям ясачных монгольских старшин» [Новый памятник законов империи Российской 1832: 425].

Выпускниками этой школы были известные люди края: Доржи Банзаров – первый бурятский ученый-востоковед; Будажап Кутухтуев – переводчик при новой духовной миссии в Пекине, монголист; Яков Парфентьевич Шишмарев – переводчик, дипломат, монголовед, способствовавший успешному проведению многих научных экспедиций [Чимитдоржиев 2001].

Таким образом, монгольский словарь А. В. Игумнова – это первое учебное пособие, послужившее изучению русского языка как иностранного. Более того, словарь стал выступать связующим звеном в деле становления и развития русско-монгольских отношений.

Другим значимым словарем является «Русско-монгольский словарь разговорного языка на халхасском наречии с приложением кратких грамматических правил и русско-монгольского договора 1812 г. с протоколом к нему. Составил Р. Бимбаев, старший класный переводчик китайского языка при пограничном комиссарстве в сл. Кяхте. Издание 1-е, г. Троицкосавск, 1913 г. Типография А. А. Лушникова».

«В виду создавшихся в настоящее время для нас исключительных интересов в Монголии и более оживленных и близких отношений, пробуждается среди наших соотечественников, имеющих те или иные отношения и дела в Монголии, огромный интерес к знанию и изучению монгольского языка», – пишет Раднажаб Бимбаев в предисловии к своему словарю. Отличие словаря Р. Б. Бимбаева от предшествующих русско-монгольских словарей на старомонгольской вертикальной письменности в том, что монгольские слова записаны на кириллице, что придает ему большое значение в наши дни и является доступным всем владеющим русским языком.

Корпус словаря содержит свыше 10000 слов, размещенных на 415 страницах, об этом заявляет сам автор в предисловии. В словарь включены диалектные слова, нашедшие широкое распространение в годы составления. Слова расположены в строго алфавитном порядке, есть слова, которые образуют разветвленные смысловые гнезда: *землевладелец, земледел, землемер, землетрясение, земля, земляк, землянка, земляной, землеводное животное, земной, земнородный*. Словник словаря сгруппирован по нескольким лексико-семантическим группам: деятельность, действия человека, человек, о человеке (знаток, барин, избавитель, изменник, император); профессии, должности (казначей, каменщик) и др. В словаре преобладают прилагательные: например, из 29 слов на странице прилагательных – 27, только по одному существительному и глаголу; в другом случае из 32 слов прилагательных – 24, наречий – 8. Переводные словари всегда представляют большую трудность, так как объем значений слова в разных языках часто не совпадает с переносным значением: поднимать – *ургуху, худулгэху, олхо, нымэху, дэлгэху*: руку – *гар ургуху*; вещь (находить) – *юм олхо*; цену – *унэ нымэху*; пыль – *тос худулгэху*; флаг – *тог дэлгэху*.

Р. Б. Бимбаев подчеркивал важность знаний. Сохранилось его обращение, в котором говорится: «Дорогой друг! Неграмотному человеку жить будет в дальнейшем трудно... Один грамотный человек стоит десяти неграмотных. Первое богатство – наука, среднее богатство – дети и последнее богатство – скот. Украшайте себя знаниями, но не красивым одеянием...»

Представленные словари являются ценными документами. Изучение русско-монгольских словарей давало возможность пользователям не только получить сведения о лексике другого языка, но и через систему понятий приобщиться к другой культуре, иному видению мира. В истории рассмотренных книжных комплексов отражены широкие исторические, культурные связи России и Монголии, которые продолжаются до сих пор. Именно в Кяхте 25 мая 1915 г. было заключено

соглашение, провозглашавшее автономию Монголии. Позже, в 1921 г. подписано установление российско-монгольских дипломатических отношений. В этом деле пограничная Кяхта занимает особое место, что находит отражение в книжном собрании Кяхтинского краеведческого музея.

Источники и литература

- Бимбаев Р. Б. Русско-монгольский словарь разговорного языка на халхасском наречии. Издательство А. А. Лушникова. Троицкосавск. 1913. 418 с.
- Вомперский В. П. Словари XVIII века. М.: Наука. 1986. 137 с.
- Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. Литография. Т. 1. СПб. 1895. 268 с.
- История и культура бурятского народа / под ред. Т. М. Михайлова. Улан-Удэ: Бэлиг, 1999. 248 с.
- Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Казань: Типография Казанского университета. 1844. 594 с.
- Кузьмин Ю. С. Российско-монгольские отношения накануне и в период установления национальной независимости Монголии и вклад переводчика и монголиста Р. Б. Бимбаева. Улаанбаатар, 2019. 124 с.
- Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии: автореф. ... дис. доктора филол. наук: 10.02.01 / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 1990. 72 с.
- Новый памятник законов империи Российской. Отделение 2. Ч. 10. Т. 3. Ст. 425. СПб. 1832. СХХVII, 11, 444 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Ринчиннима Ванчиков // Выдающиеся бурятские деятели XVIII – нач. XX в. Ч. 2. Вып. V. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 103 с.
- Шмидт Я. И. Монгольско-немецко-русский словарь. СПб. 1835.
- Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Том Va. Вальтер–Венути. СПб. 1892. С. 469–938.

Н. И. Атанов
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
ni.atanov@yandex.ru

В. Ж. Цыремпилов
Народный Хурал Республики Бурятия
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
Citrus.64@mail.ru

ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КЯХТИНСКОГО ФРОНТИРА

Проанализированы место и роль фронта в развитии сухопутной торговли России и Китая в XVIII–XIX вв. на примере Кяхты. Определены необходимые и достаточные условия, стимулирующие и «токсичные» институты, условия и факторы, сопровождавшие Кяхтинский 75-летний торговый цикл от момента зарождения, становления, расцвета до увядания. На этой основе сформулированы базовые условия и необходимые действия для встраивания экономики и бизнеса Кяхтинского района, транслируемые на все муниципальные районы Республики Бурятия, в торгово-экономические цепочки создаваемого экономического коридора Китай – Монголия – Россия и симметричного сотрудничества с потенциальными партнерами формирующегося Евразийского общего рынка. Центральное место отведено профессиональной подготовке кадров, созданию зоны свободной торговли, инфраструктуре.

Ключевые слова: торговля, фронт, институты, инфраструктура, образование.

N. I. Atanov
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

V. Zh. Tsyrempilov
People's Khural of the Republic of Buryatia,
Ulan-Ude, Russian Federation

HISTORY, MODERN TIMES, AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF KYAKHTA FRONTIER

The place and the role of the frontier in development of land trade between Russia and China in the 18th–19th centuries are analyzed using the example of Kyakhta. Then necessary and sufficient condition, stimulating and “toxic” institutions, conditions and factors that accompanied the Kyakhta 75-year trade cycle from the moment of inception, formation, prosperity to withering, have been determined. Thereupon, basic condition and necessary actions have been formulated for embedding the economy and business of the Kyakhta region, broadcast to all municipal districts of the Republic of Buryatia, in the trade and economic chains of China – Mongolia – Russia economic corridor being created and symmetric cooperation with potential partners emerging from the Eurasian common market. The central place is given to professional training of personnel, the creation of a free trade zone, and infrastructure.

Keywords: trade, frontier, institutions, infrastructure, education.

Смещение мирового центра накопления капитала с американского континента на азиатский вызвал активизацию глобальных торгово-экономических связей по оси «Восток – Запад – Восток». По существу, грядет ренессанс древнего «Шелкового пути» в современных реалиях. Хотя его мейнстрим пройдет по южной стороне морским и сухопутным маршрутами, определенная доля товарного потока придется на экономический коридор «Чайного пути», то есть Транссибирскую магистраль из Монголии и северных провинций Китая. На этом маршруте Кяхтинский район выступает в роли стартовой и отправной точки России, выполняя контактные, барьерные и торгово-логистические функции. Следовательно, встраивание отечественных бизнесов в торгово-экономические цепочки формируемого Евразийского общего рынка начнется в том числе и с

Кяхтинского района Республики Бурятия, что предполагает основательную подготовительную работу.

В активе кяхтинцев бесценный капитал – исторический опыт и пример-образец предков-купцов, которые в XVIII–XIX вв. сумели с «чистого листа», на диком не освоенном пространстве организовать центр российско-китайской торговли и развить его до таких масштабов, что о Кяхте знало все мировое купечество.

Ретроспективный анализ российско-китайской сухопутной торговли, получившей название «Великий чайный путь», полезен для современных участников строительства экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» в качестве путеводителя – справочника с «зелеными» и «красными» разметками.

История кяхтинского феномена имеет обширную библиографию. Наша задача заключается в извлечении из этих источников крупиц не только полезных практик, но ошибочных решений и действий, их систематизация и обобщение на службу нового ренессанса Кяхтинского фронта¹. Считаем, что необходимым условием быстрого роста торговли являлся взаимный частный интерес российского и китайского купечества, вызванный растущим спросом на российском рынке китайского чая, тканей, фарфоровых изделий, сахара, табака и др., а на китайском рынке – на российскую пушнину, изделия из золота и серебра, на сукно, юфть и т.д. Достаточным же условием стало адекватное зарождение формальных (государственных) и неформальных (серых, теневых) институтов, рушащих на пути к обогащению все барьеры и ловушки.

В основе основ – два документа, рожденные благодаря профессиональной прозорливости, государственной мудрости, дипломатической терпеливости и настойчивости Саввы Лукича Владиславич-Рагузинского, направленного императрицей Екатериной II в 1725 г. послом России в Китай. Первый – это Буринский договор от 20 августа 1727 г., которым определена южная граница России с Китаем. Второй – это так называемый Кяхтинский трактат от 14 июня 1728 г., в котором среди прочих определены условия русско-китайской торговли, с переносом русского частного торгового дела из Урги (ныне город Улан-Батор, столица Монголии) и Цицикара в Кяхту и Цурухайту (ныне Приаргунский район Забайкальского края).

Хотя официальный статус «торговой слободы» Кяхтинский форпост получил по указу Сената лишь в 1743 г., фактически первый торг с участием десяти российских и четырех китайских купцов состоялся 25 августа 1728 г. С тех пор Кяхтинский фронт стал стремительно осваиваться предприимчивыми людьми из Архангелогородской, Казанской, Костромской, Московской, Нижегородской, Симбирской, Ярославской, Томской, Иркутской и других губерний.

На китайском порубежье всего в четверти километра от Кяхтинской слободы выходцы из провинции Шаньси в 1730 г. построили торговый город Маймачен. С этого момента начался 75-летний Кяхтинский цикл Российско-китайской торговли.

К институциональным инновациям того периода, не потерявшим своей актуальности и в XXI в., следует отнести, во-первых, проектный подход, примененный к строительству торговой слободы на основе генерального плана, включающего в себя гостинный двор с идеальной логистикой для гужевого транспорта, с оптимальной емкостью складских и торговых площадей, жилищно-коммунального сектора в компактной застройке. Создание строительной базы обеспечило быстрое и качественное завершение строительства, несмотря на отсутствие строительной техники.

«Токсичным» институтом на этапе становления торговли, спровоцировавшим уход ее в тень, в контрабанду, являлась узаконенная меновая торговля и госмонополия на меха, изделия из золота и серебра, а усиление контроля за исполнением законной торговли обуславливала увеличение штата таможенной и пограничной служб, бюрократической волокиты самих торговцев, так как до мелочей, сантиметров, грамма и копейки нужно было заносить торги в расчетные книги, отмечая, что на что обменивалось и все это сводить в стоимостной баланс. Выход из законодательной ловушки,

---

¹ Этимологически понятие «фронт» (англ. *frontier*) означает «рубеж, граница» [Тернер 2009]. Но в отличие от границы с ее разделяющей функцией, фронт несет еще контактную функцию, т.е. пространство, в которое входит граница двух территорий или переходная зона взаимодействия двух и более культур и/или политико-экономических структур. Если в русской интерпретации «граница» означает «рубеж», то «фронт» – «порубежье». Три функциональных значения фронта – подвижность порубежья путем освоения новых земель; смешение и взаимодействие двух и более народов; формирование новой общности под влиянием эндогенных факторов: природно-климатических, экономико-политических; конфессионально-идеологических.

найденной кяхтинцами, емко изложил писатель В. Распутин: «Кяхта – дитя торгового брака России с Китаем: между Слободой и китайским городом Маймачен, никаких ограничений и никакого контроля в движении туда и обратно не существовало... Но по дороге из Троицкосавска в Слободу, из одного российского пункта в другой... стояла таможня, обыскивающая пешего и конного, его величество и его нижайшество. Искать логику в российских законах и всегда-то представляло немалые затруднения, а в середине прошлого века законами по отношению к Кяхте управляло одно упрямство. Торговлю обязывали быть только меновой: вы нам чай и «китайку» (бумажное полотно), мы вам меха, мануфактуру и кожи... Что оставалось кяхтинцам делать? От мала до велика, они объединялись в контрабанде. Это было великое надувательство не расположенных к ним установлений, о котором все знали, все участвовали и все закрывали глаза, делая вид, что ничего противозаконного не происходит... И так продолжалось десятки лет, в которые Кяхта не только пострадала, а, наоборот, расцвела...» [Распутин 1985: 9].

Отмена меновой торговли в 1860 г. в России и наделение Кяхтинской слободы статусом зоны беспошлинной торговли дало торговле экспоненциальный рост, и Кяхту стали величать «Вольным городом», «Золотыми воротами России», «Песчаной Венецией» и т.д.

Еще одним важным инструментом, давшим ускорение социальному развитию города Троицкосавска и Кяхтинской слободы, подъему культурно-цивилизационного уровня их жителей, являлось становление реального местного самоуправления с широким диапазоном степеней свободы. Применение института муниципально-частного/купеческого партнерства воздвигло Кяхту в образовательно-культурный центр России на всем зауральском пространстве. В подтверждение приведем несколько примеров.

Местное самоуправление и общественность в приоритеты выдвинуло образование подрастающего поколения и просветительскую работу среди взрослого населения. В течение XIX в. было создано 14 учебных заведений, многие из которых были частными.

Первая общественная библиотека с читальным залом открылась в 1887 г., где взрослое население организовывало различные просветительские кружки, диспуты, семинары, публичные лекции. Развивались любительский театр и публичное музицирование. Большим событием стало открытие кинотеатра (1910–1911 гг.).

Научному развитию Кяхты способствовали исследовательские экспедиции в Центральную Азию, последствием пребывания их в Кяхте стало открытие краеведческого музея (1890 г.), Отделения Русского географического общества (1894 г.). По инициативе Отделения в Кяхте была создана первая метеостанция.

Параллельное развитие получило здравоохранение. В 1820-х гг. построена гражданская больница, в 1860–1870-х гг. – лечебница им. Александра II, в которых трудился персонал из 51 врача, фельдшера и акушера.

На средства купечества и жителей построены соборы: Троицкий и Воскресенский, церкви: Успенская, Никольская, Покровская, Михайловская с богатым и пышным убранством.

Культурно-цивилизационный бум Кяхты начал замедляться вслед за торговлей. Основная причина упадка и свертывания сухопутной российско-китайской торговли через Кяхтинский фронтير известна – это технический прогресс первой промышленной революции. А именно создание парового двигателя, установленного на морские суда и железнодорожные локомотивы. Ясно, что гужевого транспорт никак не мог конкурировать с транспортными средствами на паровой тяге ни по грузоподъемности, ни по скорости, ни по стоимости перевозок. Открытие Суэцкого канала лишь послужило триггером, ускорившим перезагрузку транспортных маршрутов. «Та же судьба, которая постигла красавицу Адриатики – Венецию, обрученную с морем, судьба мгновенного величия и могущества, а затем падения, тяготела над степной сибирской Венецией» [Ядринцев 1894: 110].

В советский период развитие Кяхтинского фронта осуществлялось на другой парадигме по иным сценариям. Главенствующими приоритетами были индустриализация промышленности и развитие сельского хозяйства на государственной и кооперативной форме собственности. Роль фронта отошла на второстепенные позиции. Приграничное сотрудничество ограничивалось сельским хозяйством на принципах меновой торговли. К положительным практикам следует отнести функционирование сезонных/временных пунктов перехода государственной границы. Безвизовый режим перехода границы гражданами фронта способствовал наполнению практическим содержанием потенциала «народной дипломатии». Безуспешная попытка кяхтинских купцов

проложить железную дорогу на Кяхту от ст. Мысовая была осуществлена в 1948 г. по маршруту ст. Заудинск – Наушки.

Кяхтинский гостиный двор купеческой слободы в 1958 г. был перестроен под прядильно-трикотажную фабрику, работающую на хлопке-сырце из Узбекистана. В начале 80-х гг. фабрика расширила свои мощности путем создания филиала в соседней Монголии в городе Дархан. С распадом СССР поставки хлопка прекратились, и фабрика с 1200 рабочими местами перестала работать.

Тридцатилетняя новейшая история постсоветской России характеризуется следующими изменениями и новшествами в развитии Кяхтинского фронта. Произошла фрагментизация хозяйствующих субъектов вследствие разгосударствления и приватизации активов совхозов, колхозов, промышленных и инфраструктурных объектов. В результате распалась сетка кооперационных взаимосвязей между предметно- и технологически сопряженными субъектами вновь формируемого рынка, что обернулось чередой банкротств. Законы рынка неумолимо сработали в направлении очистки его от несостоятельных акторов. В итоге сумма результатов фрагментированного частного перманентного оказывается меньше общего целого. Другими словами, благая цель достижения рыночного благополучия привела к противоположным результатам. Экономике личных подворий и считанных единых крестьянских (фермерских) хозяйств, конечно, не корректно сравнивать с экономикой 12 колхозов и совхозов. Состояние промышленных объектов как нельзя лучше характеризует сравнение с XIX в. «Главная причина неразвитости фабрично-заводской промышленности было отсутствие дешевых рабочих рук и дороговизна получения необходимых машин и материалов из европейской части России. Среди промышленных предприятий можно выделить кожевенный завод на реке Чикой..., три винокуренных завода, десять мелких заводов в Усть-Кяхте, три мельницы крупчатого помола, несколько мыловаренных и свечных заводов. В окрестностях Кяхты действовал стеариновый завод... Ремесленное дело получило слабое развитие по причине того, что в сравнении с чайным бизнесом оно проигрывало по доходности» [Необычайная Кяхта 2013: 31].

На 1 января 2021 г. в районе нет действующих промышленных предприятий. В единственном числе Кударинский маслосырзавод уже второй год не может запуститься из-за организационных неурядиц и финансовых затруднений.

При сохранении тенденций настоящего времени рассчитывать на быстрый перелом стагнации в экономике Кяхтинского фронта не приходится. Особенно с учетом ухудшающегося демографического положения. «Встряску» может дать только внешний раздражитель – стимулятор, коей является программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия, утвержденная лидерами трех стран в 2016 г. Запаздывание по срокам исполнения программы пока играет на руку местному бизнесу, поскольку степень его готовности к встраиванию в торгово-экономические цепочки будущего экономического коридора близка к нулю.

По нашему мнению, подготовительная работа состоит в решении следующих фундаментальных вопросов и проблем:

1. На каких языках придется вести деловые диалоги с потенциальными иностранными партнерами: русском, китайском, корейском, монгольском, английском, японском?

2. Каков уровень профессиональной компетенции местного и регионального бизнеса в сфере международного делового сотрудничества, включая знания правовой и нормативной базы ВТО и соседних стран?

3. Какова величина и структура экспортного и конкурентного потенциала муниципальной и региональной экономики?

4. Какова степень готовности муниципального и регионального правового, нормативного, институционального, инфраструктурного и информационного обеспечения для создания зоны свободной торговли в Кяхтинском фронте?

Ответ на первые два вопроса находится в сфере профессионального образования. В Стратегии социально-экономического развития Кяхтинского района-2030 предусмотрено открытие в г. Кяхта коммерческого колледжа. Лучшее решение мыслится в кооперации с монгольскими коллегами и создании филиала колледжа в соседнем г. Алтанбулаг. Ответ на третий вопрос следует искать в двух направлениях. Первое – создание в Республике Бурятия исследовательско-аналитического маркетингового центра для изучения рынков стран на Новом Шелковом пути и экономик соседних регионов России на предмет кооперации для суммирования экспортных и конкурентных

потенциалов. Второе направление – определение экспортной специализации каждого муниципального образования и принятие мер по наращиванию его потенциала. Решение четвертого вопроса видится в союзе город Кяхта – Кяхтинский район – Республика Бурятия – федеральный центр – бизнес. При этом следует апеллировать на исторический факт – наделение Кяхтинской торговой слободы статусом «зоны беспошлинной торговли».

Модернизация инфраструктурной базы не ограничивается автомобильным и железнодорожным транспортом. Увеличивается актуальность создания водного трансграничного транспортного коридора по реке Селенга, а также воздушного сообщения. Необходимо строительство аэродромного комплекса для открытия местных и региональных воздушных сообщений, в том числе с Монголией, Китаем, Южной Кореей и др. Развертка каждого пункта и подготовка ответов – это отдельная программная проработка не только для Кяхтинского района, а всех муниципальных субъектов в Республике Бурятия.

Источники и литература

- Тернер Ф. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А.И. Петренко. М.: Весь мир. 2009. 340 с.
Голомолзин А. Н. Познать истину. М.: Букстар, 2016. 864 с.
Необычайная Кяхта / автор-сост. Л. Б. Цыденова. Улан-Удэ: НоваПринт, 2013. 200 с.
Распутин В. Кяхта // Огонек. № 22. 1985. С. 9.
Ядринцев М. Н. На границах Китая (Из путевых очерков) // Книжки недели. 1984. № 7. С. 110–129.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МОНГОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1921 Г.: ИТОГИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	3
Хишигт Н. Монгольская революция 1921 г. и участие в ней представителей монгольского мира.....	3
Курас Л. В. У истоков монгольской народной революции 1921 г.....	8
Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Кяхта на заре монгольской революции 1921 года (о деятельности уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека).....	15
Жабаева Л. Б. «Монгольские трудовые массы ... в значительной мере подготовлены к восприятию революционно-систематических идей» (о поездке новых общественных сил Монголии в Москву в 1920 г.).....	18
Будбаяр И. К вопросу о независимости Монголии и позиции России в 1911–1946 гг.....	21
Кургузов П. В. Троицкосавск – Кяхта – Маймачен: исторические события весны 1921 г.....	24
РАЗДЕЛ 2. РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. МОНГОЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	27
Базаров Б. В., Базаров В. Б. Основные этапы монгольско-российских отношений (к 100-летию установления дипломатических отношений).....	27
Батбаяр Ц. Монгольский вопрос в ООН в 1955–1961 гг.: эволюция советских и американских подходов к членству МНР в ООН.....	33
Родионов В. А. Политика «мягкой силы» России в Монголии.....	37
Цэрэндорж Ц. Монгольско-российские отношения в СМИ Республики Корея (1921–1941).....	41
Абаева Л. Л. «Азиатская буддийская конференция за мир» в истории дипломатических взаимоотношений буддийского духовенства России (Бурятия) и Монголии.....	50
Бадмацыренов Т. Б. Российско-монгольские отношения и историческая память.....	53
РАЗДЕЛ 3. СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ	56
Бычков И. В., Парамонов В. В., Ружников Г. М., Михайлов А. А., Федоров Р. К., Ключевский А. В., Демьянович В. М., Дэмбэрэл С. Инфраструктура и технология разработки информационно-аналитических систем с функциями пространственного анализа для оценки сейсмической опасности больших литосферных блоков Прибайкалья и Монголии.....	56
Кулешов В. В., Ягольницер М. А. Научное сотрудничество СССР и Монголии 1980-х гг. в сфере стратегических разработок: уроки прошлого и задачи на будущее.....	59
Гладкочуб Д. П., Перепелов А. Б. Научное сотрудничество иркутских институтов СО РАН и Академии наук Монголии в области наук о Земле.....	62
Полянская О. Н. Монголия в политике России начала XX в.: взгляд ученых-монголоведов.....	64
Юсупова Т. И. Российско-монгольское научное сотрудничество (1920–1960-е гг.): контексты, мотивации, персоналии.....	67
Балдано М. Н., Кириченко С. В. Совершенствование системы образования Монголии в 1940–1960 гг.....	70
Зайцева Л. А., Даваажав Б. Вклад СССР в развитие и становление высших учебных заведений Монголии.....	73
Номогоева В. В., Шойдонова А. М. Обучение монгольских студентов в советской России в 1920–1940-е гг.: опыт БМАССР.....	76
Актамов И. Г. Образовательное сотрудничество России и Монголии в последнее десятилетие XX в.....	79
Донгак А. С. Научное сотрудничество Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований с Академией наук Монголии: результаты и перспективы (1990–2020).....	82

Выркин В. Б., Владимиров И. Н., Кобылкин Д. В. Основные научные результаты работы и перспективы географических исследований на трансграничной территории России и Монголии в начале XXI в.....	85
Кузьмин Ю. В. Отечественные и зарубежные исследователи Монголии XIX–XX вв.: материалы для биобиблиографического словаря.....	88
Валеев Р. М., Кульганек И. В., Валеева Р. З. Наследие О. М. Ковалевского в истории российско-монгольских научных и общественных связей: к 220-летию со дня рождения.....	91
Боронова М. М. Революционер, организатор, ученый: жизнь и деятельность М. И. Амагаева.....	94
Носов Д. А. Языковая стажировка студента Л. С. Пучковского (1927–1930): от Кяхты до хребта Гурван Сайхан.....	96
Семушев И. Н. А. В. Бурдуков о Монголии 1910–1920-х гг.....	99
Отгонмандах М. Развитие сферы здравоохранения в МНР (1961–1981).....	102

РАЗДЕЛ 4. РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ.....

Дугаров В. Д., Гомбоев А.О. Взаимоотношения России с Цинской Монголией в конце XIX – начале XX вв. в отечественной историографии.....	104
Карпенко Е. В. Российско-монгольская торговля в зеркале русско-китайских отношений периода Цинской империи.....	107
Ванчикова Ц. П. Кяхтинский маймачен в XVIII–XIX вв.....	110
Кальмина Л. В. Монгольский мотив в донесениях российских военных агентов на рубеже XIX–XX вв.....	113
Батунаев Э. В. Российско-монгольские отношения в начале XX в.: основные формы и этапы торговой-экономической деятельности.....	116
Рынков В. М. Экспедиция по закупке скота в Монголии 1915–1918 гг.....	119
Ширапов А. А. История деятельности Русско-Китайского банка в Монголии (1900–1910 гг.): скромные успехи и огромные убытки.....	122
Гомбожапов А. Д. Кочевое скотоводческое хозяйство в трансграничье: исторические параллели.....	125
Кокоулин В. Г. Битва на Халхин-Голе в исторической памяти советской и постсоветской России.....	128
Очиров Ц. С. Меры центрального правительства Китая в отношении Внутренней Монголии после вооруженного конфликта на острове Даманский в 1969 г.....	131
Шапошников Г. М. Монголия и Хакасия: история взаимоотношений.....	134

РАЗДЕЛ 5. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ.....

Цыденова Л. Б. Музей российско-монгольской дружбы: история и опыт сотрудничества.....	136
Бильдуева С. В., Цыремпилова И. С. К вопросу о состоянии и перспективах российско-монгольского сотрудничества в области культуры (из опыта работы Этнографического музея народов Забайкалья).....	139
Васильев В. М. «Халхин-Гол»: передвижная выставка как форма сохранения и презентации истории.....	142
Сүхбаатар Д. К вопросу о развитии музеев в Монголии.....	145
Бумаа Д. Роль советских специалистов в музейном строительстве в Монголии.....	148
Леонтьев Э. П. Реализация гуманитарно-просветительского проекта «русский учитель за рубежом» в Монголии (на примере Увурхангайского аймака, Арвайхээр).....	151
Дырхеева Г. А., Жалсанова В. Г. Русский язык сквозь призму нарративов монголов.....	154
Жамбалова С. Г. Модернизация монгольского нomaдизма в 1930-е гг.....	157
Чебодаева М. П. Монгольское влияние на традиционную одежду хакасов (XVIII – начало XX вв.).....	160

Иванов А. В., Артамонова Т. А. «Осевые» территории Алтая и Западной Монголии: современная научная и религиозная значимость.....	163
Ушницкий В. В. Киян и Нукус (Нохой): хождение на Крайний Север (к проблеме этногенеза монголов).....	166

РАЗДЕЛ 6. ТРАНСГРАНИЧНОЕ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ.....169

Тулохонов А. К., Михеева А. С., Батомункуев В. С., Болданов Т. А. Международные транспортные коридоры: риски и перспективы.....	169
Селиверстов В. Е. Россия, Сибирь и Монголия в системе трансазиатской интеграции 2.0.....	177
Дорж Т., Даваасурэн Б. К вопросу экономического сотрудничества России и Монголии: история и перспективы.....	181
Даваасурэн А. Современное состояние торгово-экономического взаимодействия России и Монголии: проблемы и возможности.....	188
Будажанов С. П. О некоторых вопросах приграничного сотрудничества: опыт, практика, перспективы.....	192
Дэмбэрэл К. Монгольско-российские отношения: нам взаимодействовать с федеральными округами или регионами?.....	196
Сансеев Б. Г., Иванова И. Ю., Шакиров В. А., Батмөнх С., Пүрэвдорж Г., Өнөрмаа Ц. Возобновляемые источники энергии на трансграничной территории «Байкал – Хубсугул»: ресурсный потенциал и эффективность его использования для энергоснабжения российских и монгольских потребителей.....	199
Бажа С. Н., Дугаржав Ч., Андреев А. В., Данжалова Е. В., Саандарь М., Дорофеюк Н. И., Дробышев Ю. И., Иванов Л. А., Петухов И. А., Убугунова В. И., Хадбаатар С., Энх-Амгалан С. Анализ состояния экосистем бассейна Байкала как пример российско-монгольского сотрудничества в сфере экологии.....	204
Кузьмин С. Б. Байкальский регион как объект стратегического трансграничного сотрудничества России, Монголии и Китая в области защиты от стихийных бедствий.....	208

РАЗДЕЛ 7. РОЛЬ КЯХТЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....216

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Троицкосавск как «конспиративная квартира» монгольской революции 1921 г.....	216
Фильшин Н. Г. Воспоминания И. Г. Старчака как источник по истории монгольской революции.....	219
Чагдурова М. М. Русско-монгольские словари А. В. Игумнова и Р. Б. Бимбаева.....	222
Атанов Н. И., Цыремпилов В. Ж. История, современность и перспективы развития кяхтинского фронта.....	225

Научное издание

**РОССИЯ И МОНГОЛИЯ В XX–XXI ВВ.:
К 100-ЛЕТИЮ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И
УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Утверждено к печати Ученым советом ИМБТ СО РАН

Оригинал-макет подготовлен ИМБТ СО РАН

Подписано в печать 24.08.2021. Формат 60x90 1/8
Усл. печ. л. 29. Тираж 150 экз. Заказ 21

Сибирское отделение Российской академии наук
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении Российской академии наук
630090, г. Новосибирск, Морской просп. 2
Тел. 330-84-66 E-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru